

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Центр общественных наук
Экономический факультет**

**Национальный университет
государственной налоговой службы Украины
Академия философии хозяйства
Философско-экономическое ученое собрание**

ПОСТРЕФОРМИЗМ И РАЗВИТИЕ

**Под редакцией
д.э.н., проф. Ю.М. Осипова,
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотовой**

**Москва — Киев
2013**

ББК 65
П-63

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ МОНОГРАФИИ:

д.э.н., проф. Архипов, к.ф.н., проф. Л.С. Воробьёва (Ирпень, Украина);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов н/Д); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
к.э.н. Е.С. Зотова; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов (председатель);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); д.э.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Киев, Украина);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский

Редактор — *Т.Г. Трубицына*
Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, С.С. Нипа,*
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина
Оригинал-макет — *С.С. Нипа*
Компьютерная верстка — *О.Б. Лемешонок, Л.Г. Полунина*

По итогам международной научной конференции
«Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», проведенной
в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова
5—7 декабря 2012 г.

П-63 **Постреформизм и развитие** / Под ред. Ю.М. Осипова,
Е.С. Зотовой. — М.; Киев: Издательско-информационный центр
Национального университета государственной налоговой
службы Украины, 2013. — 458 с.

Рассматриваются актуальные вопросы остро необходимого для
России, как и Украины и иных стран СНГ, перехода к комплексному
социо-хозяйственному развитию.

Для всех, кто думает и заботится о полноценном бытии и
суверенном развитии своих стран и народов.

Для экономистов, обществоведов, практических работников,
общественных деятелей.

ISBN

ББК 65
© Коллектив авторов, 2013

Российские власти наконец-то заговорили о *развитии страны*, не о пресловутых инновациях, за которые можно принимать все, что угодно, где угодно и по каким угодно мотивам, а именно о *развитии* как о феномене, не нуждающемся ни в каком особенном трактовании, кроме того, что развитие это переход (перевод) целостного организма в другое — более сложное, высокое и совершенное состояние, либо потенциально заложенное в самом организме и лишь выявляемое реальностью (от начала до конца существования организма), либо достигаемое в ходе жизнедеятельности организма как заимствуемое извне при условии реального движения организма навстречу заимствуемому образу будущего состояния.

В любом случае развитие — дело, деяние или свершение *всего* социо-хозяйственного организма, касающееся не отдельных черт, частей и моментов организма, его бытия, а *всей* системы организма, способа, характера или формы его существования в целом.

Примером собственного, «изнутри», эволюционного и импрессивного развития большого социо-хозяйственного организма служат качественные перемены в бытии Российской империи, ее социума и хозяйства, имевшие место на рубеже XIX—XX вв., а примером стимулированного, «извне», революционного и экспрессивного развития служат качественные перемены в бытии того же СССР времен первых пятилеток (1930-е прежде всего годы).

Главное, что и в Российской империи, и в СССР имело место именно *развитие*, хотя тогда же имело место и инновирование, но как внутренний, органический, встроенный момент *развития*.

Ныне, в 2000-е гг., в начале XXI в., Россия стоит перед острейшей потребностью не инновирования, да еще и типа «там и сям», а именно развития — всего организма и всем организмом. Задача грандиозная, еще толком в стране не осмысленная, но уже стоящая перед Россией во всю свою виртуально-проективную мощь.

В 1990-е и перводесятилетские 2000-е гг. о развитии никто в стране всерьез не помышлял, ибо все мысли «деловых людей» и не самых деловых «управленцев» были заняты частным грабительско-присвоительным накоплением — благо было что грабить! — грабили с упоением огромное «пост»-советское материально-производственно-потребительное наследство. Теперь же, когда грабительство прошло свою «первопроходскую» и даже стабилизационную фазы, приходится вольно или невольно задумываться и над... *развитием*...

как раз и всего награбленного, ибо последнее в жестокой общемировой конкурентно-поглочительной схватке никак без целостного развития России не устоит.

И дело тут не только в инновировании самого по себе награбленного и присвоенного, а в развитии именно *всей* страны, без чего никакое награбленное и присвоенное, пусть и инновлируемое, не выживет.

Либо *вся* страна суверенно развивается, либо все награбленное и присвоенное становится через какое-то время... собственностью более сильных грабителей-присвоителей, а они всегда, как известно, тут как тут. Не офшорный Кипр является для Российского грабокапитала опорой и защитой, а целостно развивающаяся, т. е. системно-сложная и идущая вверх, Россия.

И тут совершенно гадкая для грабокапитала дилемма: развитие страны вроде бы явно уже нужно, но... в режиме грабонакопительства страна развиваться не может. Сам же грабокапитал и является тут главным препятствием на пути потребного России и самому ему развития.

Понимают ли это российские всех властей предержавшие? Понимают, при этом понимая еще и то, что страна ныне, ежели сама по себе, то лишь в спровоцированном грабонакоплением *тупике неразвития*, из которого никакого автоматического самовыхода нет!

И опять, как это было всегда в России, взоры всех развивателей обращаются к... государственной власти: либо она, либо... *никто!* И очень не хочется либералам всех мастей никакого ответственного дирижизма со стороны центральной власти, а без власти и ее властного дирижизма в России никак не обойтись.

Куда ни кинь, а всюду вылезает неразвитие со стороны грабокапитала и выступает возможность развития со стороны власти — правда, вообще власти, а не той конкретно, что нынче в стране. Развитию страны поэтому должно предшествовать — с опережением хотя бы на полгода — развитие самой власти — доведение властного организма до способности управлять искомым общенациональным развитием. Выходит, что потребна новая — уже «развитивная» — *административная революция* — что во власти, что по всей стране!

Что есть сегодня развитие? Вопрос не праздный, ибо это уже не одно лишь строительство новых предприятий и инфраструктур, хотя это тоже необходимо, — сегодня это более всего изменение образа, качества и состояния 1) человека, 2) социума, 3) жизни и 4) жизнеотправления, то бишь перемены не столько вширь, сколько вглубь, что как раз и возможно не только с развитым научно-техническим сектором, но и с большой *идейно-духовной работой* или с *работающей идеологией*, чего в стране вообще сегодня нет, а то, что есть, вроде телевидения со всем его постмодерновым маразмом, рабо-

тает по заведенному «передовым» западнизмом графику, а именно против человека, социума, жизни и жизнеотправления, труда и творчества, то бишь и самого развития.

Так что проблема развития в современной России — очень большая и каверзная проблема, далеко выходящая за рамки как материально-технической базы бытия, так и какого-то там непрерывного ее инновирования: это проблема *большой реформы*, причем реформы... *постреформенной*, реформы на марше — через *перестроение*, и перестроения *вырывательного*, — и только тогда страна сможет выйти на путь жизнеспособного саморазвития.

А времени нет, совершенно нет, но для того и метафизика истории, как и метафизика России, чтобы *разрешить неразрешимые задачи* — главное тут очень захотеть и проявить волю, а что и как — решает уже сама текущая действительность!

Проблема развития сегодняшнего российского бытия давно в центре внимания научно-размыслительного сообщества, сформировавшегося вокруг Центра общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, тесно сотрудничающего с экономическим факультетом МГУ в лице прежде всего лаборатории философии хозяйства.

Учитывая остроту «развитиевного» момента, Центр общественных наук и экономический факультет провели 5—7 декабря 2012 г. международную научную конференцию «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», на которой случилась большая заинтересованная дискуссия, позволившая весьма продуктивно осмыслить сложную проблематику и выйти затем на письменный материал, вошедший в данную монографию.

Плодотворно сотрудничающий с ЦОН при МГУ и экономическим факультетом МГУ украинский вуз — Национальный университет государственной налоговой службы Украины любезно согласился издать монографию, — и не только по причине присутствия среди авторов монографии украинских коллег, но и в силу явной адекватности проблематики и содержания книги социо-хозяйственной обстановке в Украине.

Так родилась актуальная и весьма содержательная научно-исследовательская работа, которую авторский коллектив представляет вниманию небезразличного читателя.

*Ю.М. Осипов,
директор Центра общественных
наук при Московском государственном
университете имени
М.В. Ломоносова*

Ю.М. ОСИПОВ

Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию

(место предисловия)

Россия не раз вырывалась к развитию: тяжело, мучительно, жертвенно. Достаточно упомянуть давний петровский и недавний сталинский вырывы, каждый за каких-нибудь четверть века и каждый с заметным временным развитием следствием. Были и примеры эволюционных подъемов, наиболее яркий из которых — подъем России конца XIX и начала XX в., обусловленный сначала либеральными реформами Александра II, а затем постреформным консерватизмом Александра III. Заметим: либо насильственные энергичные вырывы по вполне революционным сценариям, либо эволюционного типа вольное движение по пути развития, но непременно через поначалу реформный либерализм, а затем уже через постреформный (в чем-то и антиреформный) дирижизм.

Что сейчас? Сначала, в 1990-е гг., либеральное на словах, а на самом-то деле вполне дирижистское, даже диктатное, еще и революционного характера, контрпроизводительное, но зато сугубо присвоительное (приватизационное) реформирование хозяйства и общества, не предполагавшее никакого развития вообще, а потом стабилизационное, вполне тоже дирижистское, формирование зависимой от глобального контекста системы произвольного административно-корпоративного, в основе финансового, деспотизма, столь же не заинтересованного в сколько-нибудь прогрессном и целостном развитии национального хозяйства и всего российского социума. В итоге дилемма: реформа и стабилизация как котрразвитие или же развитие как контрреформа и вырыв! Небывалая вроде бы, но как же все-таки похожая на родные исторические примеры ситуация, правда, похожая все же в зеркальном отражении, ибо вырываться теперь надо не столько из застарелой стагнации, сколько из новорожденного антиразвитийного тупика.

Есть в российской истории еще одна любопытная аналогия: Великая смута, покончившая с рюриковской Русью, ставшей вроде бы к тому моменту даже как бы Святой Русью, и последовавший через почти столетие рывок Петра I, покончивший со Святой Русью и быв-

ший по сути запоздавшим во времени следствием, если не устремлением Смуты. Выходит, что вырыв сегодня особенно актуален и явно неизбежен — после антиразвитийной-то смуты 1990 — 2010-х, ибо в наше изменчивое конкурентное время ждать эволюционного подхода к развитию вырыву или же его эволюционной замены в виде спокойного саморазвития просто недопустимо!

Отсюда этакий «синергетический» сход: «смута→контрреформа→вырыв к развитию» (тому же сталинскому развитию вырыву тоже ведь предшествовали сначала революционная смута, а затем уничтожавшая смуту антиреволюция). И что бы ни болтали вокруг про феодализм, капитализм, социализм, византизм, самодержавие, демократию, тоталитаризм и т. д., все тут одно: «обязательное генерирование смуты→непрерывное вытаскивание на гора контрсмуты→неизбежный вырыв к развитию», что значит, что реальные исторические закономерности куда как «глубже» поверхностных процессов, столь любимых для анализа и оценок дипломированными профессионалами.

Да, крайний срок, видно, еще не пришел. Тот самый — гневный, огнедышащий и беспощадный! Пока еще можно поиграть в ничего не значащие словеса, загадочные мимансы и простодушные жесты, но... *про-развитийная* ситуация в современной России, не став пока еще явно уже потребной реальностью, непотребно все-таки нарастает: развитие — сегодня *все* («Быть или не быть?»), это более чем экономика, политика, русская идея или евроремонт, — как и стало когда-то перед Петром и совсем недавно перед Сталиным, когда коварная историческая метафизика заставила одного стать практически русофобом, а другого — столь же практически антикоммунистом, но зато превратиться в сторонников *развития*, да что *развития* — РАЗВИТИЯ!

Вряд ли стоит доказывать, что сегодня, как и у Петра со Сталиным, может быть только *вырыв* к развитию, да что *вырыв* — ВЫРЫВ! Вот такая возникает неожиданность, она же и необходимость, она же и исторический приговор. И не отсидеться уже в каком-нибудь Сколково, как когда-то кое-кому из царственных особ в Александровской слободе, не ограничиться спичрайтеровскими речевыми заготовками, беглыми обещаниями и ничего по сути не обещающими намеками, не положиться ни на славное русское «авось», ни на благотельную за границу, которая-де нам поможет... разве лишь успокоительно-афгазийно. «Засучать» рукава «теперича» всем «надоть», работать, проектировать и исполнять, да еще и в условиях полной, чуть ли уже не дьявольской, открытости, которая как раз более против, чем за —

за это самое столь потребное для страны развитие. Цуг-цванг тут — и ничего более!

Время «Ч» неумолимо приближается — и ежели еще вчера перед теми же президентскими выборами охотно думалось и говорилось об ожиданиях, то сегодня, увы, уже не ожидания на повестке, а самые что ни на есть реальные дела. Момент истины вовсе не за горами — как раз к очередному Рождеству Христову, подкрепляемому Новым годом. Либо развитие, которое уже даешь, а не всего лишь желаешь, либо... тут уж может быть всякое — вплоть до... но не будем об этом, ибо — ничто, которое овладело страной и которое ничтожит страшнее любого народного восстания.

Многим ученым и умным обозревателям кажется, что России не хватает вдохновляющей национальной идеи, всемирного значения проекта, тщательно разработанной программы. Эх, святая простота, чего же-то вы, господа, хотите от эксплуатируемой в хвост и в гриву страны, разоряемой и уничтожаемой, отброшенной в доисторическую нежить, чтоб она вдруг взяла да и гаркнула на весь мир что-то этакое, для всех-де важное и спасительное, — и все это после краха мирового соцпроекта, провала коммунистической утопии и поражения тотальной сталинско-спартанской государственности? У России одна идея — РОССИЯ! — и другой на сегодня нет и быть не может. Выжить, перестроиться, преобразоваться! А что еще может быть в апокалиптической эпоху, когда к тому же, с одной стороны, алчные США с их совершеннейшими технологиями и глобальным центром управления, а с другой — Китай со своей «Книгой перемен» и раскрученной развитийной гонкой. А ведь Россия-то не там и не там, а «тама» — в яме, из которой ей еще выбраться надо — как раз через *развитие*. Не пример надо сейчас всем показывать (какой-токой счастливый пример!) и не за примерами иноземными бегать, а лишь примерно для себя самоподняться. А для этого и только этого большая *воля* потребна — не идея и не проект, а именно воля — ВОЛЯ, за которой и ИДЕЯ последует, и ПРОЕКТ вдруг нарисуеться.

Воля сейчас в стране одна — к эксплуатации, присвоению и неразвитию, а потому России нужна совсем другая воля, о которой и было заявлено безголосым электоратом на президентских выборах: мандат на волю к развитию народ власти дал, а вот приняла ли этот неблагодарный мандат от народа российская власть — это уже большой вопрос.

Стране нужны гигантские перемены, причем не революционные и не эволюционные, а внезапно-императивные, те самые, что может проделать только сильная и эффективная власть: где призывом, где обоснованием, где контролем, где поркой — через закон, проект,

побуждение, директиву, инициативу, наказание — и вовсе при этом не без участия денег, финансов, капитала. Не нравится петровско-сталинская диктатура, давайте тогда хотя бы через рузвельтовскую, а ежели вообще никакая диктатура не нравится, то через деновское побуждение-понуждение... если, конечно, таковое может у нас сейчас получиться. И без всяких тут диктатур совести, нравственности, закона, ибо вовсе не в них ныне дело, а в самом этом *деле*, которое как раз делом развития страны, хозяйства и общества называется.

Трудно? — да, трудно; страдательно? — да, страдательно; страшно? — да, страшно; невозможно? — да, невозможно! А делать-то все равно надо, уже хотя бы потому, что созданная с прозападным тщанием система эксплуатации, присвоения и неразвития уже работает против самой себя и своих же создателей. Некоторым улучшением быта российских масс и материальными подачками населению построенную систему — а по сути-то антисистему! — надолго не удержать, как не удержать ее верной службой за границе и ее амбициозному глобализму. Не так, так этак, но система-антисистема неизбежно рухнет, утягивая в небытие и Россию, ибо нет у этой inferнальной конструкции ни жизнеспособного резерва, ни жизнотворческой потенции. Понять это уже давно пора — и не только предусмотренным заранее миллионным жертвам гнусного реформирования, но и его вычурным успешникам, не говоря о предположенных его архитекторах. Так или иначе, но на повестке дня не просто развитие, а именно ВЫРЫВ к развитию, разумеется, постреформенного, антиреформенного, вопрекиреформенного образца. И не о возможности его тут надо более всего думать, а о его невозможности, которая идущими упорно по пути развития непременно преодолевается (тут политическое искусство как раз невозможного!).

Как всего этого добиться? О-о, тут всякое возможно! Посмотрите даже не на Китай или тот же замысловатый Иран, а на США с Европой, и что увидите... ах, да... да не то что процветающий властный дирижизм, но и вполне властную диктатуру — и это-то у либералов, демократов, гуманистов!.. Неужели непонятно: всегда-то там «диктатура совести», а сегодня, в годину острого кризиса, самая что ни на есть настоящая, то бишь вполне бессовестная, диктатура, еще с прямо-таки искаженным человеческим лицом с плохо скрываемым нечеловеческим оскалом. И ничего! Делают себе свое европейское дело, выламывая руки Греции, Испании, Португалии, готовя инквизиторскую экзекуцию для тех же Италии или Франции, может, и еще для кого-нибудь вроде Венгрии, Румынии, Болгарии и иже с ними, благодетельствованных совсем недавно союзной Европой, а теперь вот ею же «осужденных». Так вот вершится там — на Западе —

большое имперское дело — прямо на весь мир и воистину по-мировому — совершенно по-глобалистски. И никого из особенно человеколюбивых при этом вовсе не спрашивают: ни американцев, ни европейцев, ни китайцев, ни, не дай Бог, россиян, не говоря уже о всех бывших соцреалистах.

А у нас, в России? Не хотят, не могут, не позволено! Ни тебе дирижизма в пользу развития, ни уж тем более диктатуры, хотя полно в России дирижизма в угоду разорению и неразвитию. Да, не позволено, не могут, не хотят! Это об истеблишменте, «элите», правящих кругах, олигархах, магнатах, банках, корпорациях, бизнесменах, в общем — о вершителях современной России. Есть и допущенная и подмятая системой середина общества, как и вполне подневольный низ, которые *хотят* и *готовы* идти вперед, ибо для них в приоритете не материально-потребительское прозябание, а духовно-творческое возвышение. Почему же хотят и зачем готовы (это-то при интенсивном и последовательном разложении человека и человеческих масс)? Ответа тут научно-исследовательского нет, ибо трансцендентно все это — *хотят* и *готовы*, и все тут! Ибо хотят *своей* страны и готовы действовать для *своей* же *России*.

Понимают, что без Развития с большой буквы (не Революции, а именно Развития!) не станет скоро России, а без России не станет и реальной в будущем альтернативы навалившемуся на мир античеловеческому мороку.

Развитие — это не одни только стройки, разработки, открытия, внедрения, производительность, даже не просто рост качества жизни, не говоря об уровне потребления, это еще и нематериальное обогащение бытия — делами, смыслами, образцами, придание бытию обогащающей созидательной цели, а также удержание и совершенствование человеческого в человеке — в условиях уже созданного человеком и против него самого ополчившегося неприродного искусственного мира.

Вопрос вырыва к развитию — вовсе не риторический вопрос, как и не какой-то там вопросительный вопрос, ждущий какого-то невозможного ответа: это вполне императивный вопрос, требующий немедленного императивного же разрешения. Иного тут не дано! Пока у страны есть щит и меч, и великое дело делать надо — то самое, что обычно еще и чудом зовется!

Раздел I

Политико-хозяйственный постреформизм как условие вырыва к развитию

В.М. КУЛЬКОВ

Трансформация и постреформизм в российской экономике

Истоки российского постреформизма

С начала экономических преобразований в России прошло более двух десятилетий. В этих условиях правомерен вопрос об исторических границах переходного периода и о позиционировании в них сложившейся в стране экономики. При утвердительном ответе на поставленный вопрос обычно принимаются во внимание следующие факты: наличие основных элементов рыночной экономики, рыночных институтов, рыночного поведения субъектов; получение Россией статуса «страны с рыночной экономикой», недавно подкрепленное ее вступлением в ВТО; положительная (на протяжении более десятилетия, исключая кратковременный кризисный спад) макроэкономическая динамика, выход на дореформенный уровень объема ВВП, ряда других показателей и даже его частичное превышение; сама по себе продолжительность периода (более 20 лет).

Однако в данном вопросе следует руководствоваться более существенными критериями. Главное — состоялся ли выход страны на качественно новые позитивные рубежи (технологические, социально-экономические и иные) в результате трансформационных усилий. И тогда во внимание следует принять следующее: сложившиеся рыночные элементы во многом являются еще неразвитыми и деформированными; сохраняются мотивы к изменению целого ряда институтов (прежде всего, институтов

социального, финансового, структурно-отраслевого, инновационного характера); «рыночный статус» России соседствует с ее отнесением к группе стран «со становящимся (или развивающимся) рынком» (в частности, по классификации МВФ); экономический рост в России в 2000-е гг. не являлся качественным и устойчивым, не сопровождался глубокими технологическими и структурными сдвигами, а последний кризис выявил хрупкость и уязвимость национальной экономики. Все указанные характеристики свидетельствуют о незавершенности трансформации экономики.

По сути, можно говорить лишь о формальном завершении преобразовательного этапа трансформации экономики России, в результате которого были сформированы (хотя в сильно деформированном виде) начальные основы рыночной экономики. Этот этап охватывает преимущественно 1990-е гг. Коррекция экономического курса в 2000-е гг., сопровождавшаяся снижением уровня ряда накопившихся деформаций и переломом макроэкономической динамики в условиях выгодной внешнеэкономической конъюнктуры и политической стабильности, однако, не стала качественным поворотом. Провозглашенные в последние годы модернизационные намерения, во-первых, столкнулись с возникшими кризисными явлениями, а во-вторых, пока не воплотились в заметные конкретные шаги.

Переход к рыночной экономике должен быть одновременно и периодом модернизации, выводящей страну на новый технологический уровень, и периодом становления эффективной национальной модели экономики. В противном случае этот переход не может быть квалифицирован как полноценный и конструктивный. Ни то, ни другое в России до сих пор не реализовано.

Что же такое в этих условиях «постреформизм»? — Это отражение современного реального состояния экономики России, в котором трансформация оказалась оторванной от модернизации и конструктивной национальной экономической модели. По сути, это свидетельство необходимости нового перехода — перехода по двум указанным ориентирам. Получается так: если в трансформацию включать названные ориентиры, то необходим переход к новому, заключительному этапу трансформации (переходный период в России не завершился: закончился лишь его преобразовательный этап); если же трансформацию отождествлять только с периодом преобразований, то необходим посттрансформационный (постреформационный) период, реализующий другие, более конструктивные задачи. Таким образом, понимание содержания и исторического места постреформизма находится в зависимости от содержательного наполнения понятия «трансформация». Рассмотрим теперь более конкретные соотношения.

Постреформизм и модернизация

Российская модернизация, провозглашенная несколько лет назад в качестве стратегического курса, может считаться новым крупным историческим этапом российской экономики (в данном случае все равно — этапом трансформации или посттрансформационным этапом). В любом случае этап модернизации выглядит как новое необходимое звено.

Указанная последовательность, во-первых, отражает реалии исторического процесса в новой России, а во-вторых, фиксирует необходимость перехода к модернизации — и с этой точки зрения может быть принята. Однако она не может считаться идеальной и неизбежной. Альтернативный путь, который не был реализован в России, имел иную логику. Трансформация экономических отношений, начавшаяся в 1990-гг., должна была с самого начала исходить из необходимости ее совмещения с модернизацией. Между тем с самого начала преобразований возобладал «рыночный детерминизм», когда трансформация экономики стала рассматриваться как достаточное условие модернизации и, по сути, приобрела самодовлеющее значение. В итоге в России получилась трансформация без модернизации.

Изначальный отрыв трансформации от модернизации стал важнейшей причиной накопившихся в российской экономике проблем. Историческое место экономической модернизации в России можно в итоге определить следующим образом.

Во-первых, российская модернизация вынуждена выполнять задачи, не решенные на предыдущих этапах. Она должна окончательно вывести экономику как из трансформационного кризиса, не получившего полного разрешения в 1990-е гг., так и из воспроизводственного (циклического) кризиса, тянувшегося из 1980-х гг. Положительная макродинамика 2000-х гг. как бы «купировала» указанные кризисы, перевела их в скрытую, латентную форму.

Во-вторых, модернизация, вынужденная учитывать всю специфику России, способна дать решающий импульс для завершения формирования национальной модели экономики.

В-третьих, только осуществление модернизации будет означать выход экономики на качественно новый уровень. В противном случае мы будем иметь масштабный «трансформационный застой», «стационарную переходную экономику».

Важный и жесткий вывод состоит в том, что модернизация российской экономики носит вынужденный характер. В условиях трансформации произошло резкое ослабление экономического потенциала страны, усилилось технологическое отставание от развитых стран. Все это несет серьезную угрозу национальной безопасности России,

ставит под сомнение ее возможность обеспечить суверенное, независимое развитие, сохранить мировой статус и территориальную целостность. В этих условиях модернизация в России становится вопросом выживания. Такой вывод неизбежно предопределяет более узкий набор альтернатив и более узкие возможности маневра.

Одно из вытекающих из этого следствий выражается в ограниченных временных рамках проведения российской модернизации. Реальное положение таково, что оно требует осуществления технологического рывка и проведения структурной перестройки экономики в исторически сжатые сроки.

Важнейший пункт российской модернизации состоит в ее первоочередной нацеленности на качественные изменения производительных сил. Опасно «заболтать» модернизацию, свести ее к периферийным сферам. Российская экономика нуждается прежде всего в глубоком технологическом обновлении, в кардинальной перестройке структуры экономики, в формировании качественного «человеческого капитала», в обеспечении инновационного типа воспроизводства.

Отражая передовые мировые тенденции технологического развития, российская модернизация обязана включить в себя и постиндустриальные элементы. При этом опасно увлечься «голым» постиндустриализмом. Россия крайне нуждается в усилении индустриального базиса: при этом речь должна идти не о старомодном, а о новом индустриализме, учитывающем новые реалии и тенденции.

Для российской модернизации должны быть характерны также определенные социально-экономические черты.

Она нуждается в установлении такого способа экономической координации, для которого характерны более активная роль государства, задействование инструментов модернизации «сверху». Основаниями этого служат крайне низкая инновационная деятельность частных компаний (включая и крупные), широкое компрадорство бизнеса, временные ограничения российской модернизации. Внешне привлекательные либерально-институциональные предложения по модернизации, в том числе нашедшие свое выражение в Стратегии — 2020, не учитывают всего комплекса национально-специфических факторов и особенностей формирования экономической среды в России.

Российская модернизация нуждается и в особой социальной форме. Ей необходима такая степень социальной ориентации, которая способствовала бы приобщению широких масс населения к сферам воспроизводства «человеческого капитала». Масштаб стоящих перед страной задач, исторический социальный опыт, острые демографические проблемы предопределяют необходимость социально-ориентированной, «народной» модернизации. Это решит и проблему

поиска конкретного субъекта модернизации, которая упирается сегодня в крайнюю деформированность экономической и социальной среды в России.

Таким образом, модернизация экономики должна стать важнейшей характеристикой постреформизма в России.

Постреформизм и формирование адекватной национальной модели экономики

Кроме уже обозначенного модернизационного, нужно принять во внимание и другой важный критерий фиксации успеха трансформационных изменений — завершение формирования национальной экономической модели. Итогом преобразований должна быть не просто рыночная или смешанная экономика; итогом должна стать национальная экономическая модель, адекватная всему набору национально-специфических факторов (как экономических, так и неэкономических; как внутренних, так и внешних), жизненно необходимым для России целям национального развития, национальным интересам, особенностям российской цивилизации, и при этом, понятно, она должна сопрягаться с прогрессивными линиями мирового развития. Национальная модель должна обеспечить органическое единство экономики, общества, цивилизации. Говорить о такой адекватности сейчас не приходится вследствие низкой национальной адекватности самих экономических преобразований, причем с самого начала их проведения.

Возьмем вопрос о государстве. У нас до сих пор нет ясного представления о его роли в национальной экономике, выражением чего является постоянная смена приоритетов: от вроде бы наметившегося «госкапитализма» до второй волны приватизации. Но Россия в этом плане не просто специфична: у нее государство имеет глубокие основания. Это скрепляющий цивилизационный стержень, удар по которому имеет разрушительные для страны последствия. Именно поэтому, как бы не менялся социально-экономический строй в России, государство через потрясения все равно восстанавливало свою силу — а когда этого не случалось, в стране начинались разрушительные процессы (Смута начала XVII в., февраль 1917 г., рубеж 1980—1990-х гг.). Российские реформаторы исходили из другого представления о российском государстве, связывая его с рудиментами «азиатчины», наследием Средневековья, восточного способа производства, от которых надо быстрее освободиться. Также не хотели понимать они и того, какой отпечаток накладывает на экономику весь набор национально-специфических, во многом уникальных, факторов, которые объективно формируют в России менее либеральную среду,

определяют специфическое соотношение рынка и государства, степень социальной ориентации экономики, определенную структуру хозяйства, тип национального воспроизводства.

Модернизация российской экономики должна быть сопряжена с институциональной спецификой общества, включая и систему ценностей. Опора на национально-духовные ценности не является тормозом модернизации: во-первых, последняя, напротив, получает естественную среду и не требует болезненной цивилизационной «ломки», а во-вторых, традиционные российские ценности, содержа в себе весомый творческий заряд, обладают большим инновационным потенциалом и создают возможность перспективного синтеза «проекта» и «почвы».

Исходя из объективных предпосылок и национальных целей, можно сформулировать наиболее важные идеальные черты российской модели рыночной (смешанной) экономики в их наиболее общем виде:

- суверенная крупномасштабная экономика, обладающая высокой самодостаточностью и способная обеспечить целостное расширенное национальное воспроизводство и реализацию национальных интересов;
- более весомая роль государства по сравнению со «стандартными» рыночными экономиками;
- многообразие форм собственности, включая важную роль государственной собственности в стратегически важных сферах;
- высокая степень социальной ориентации экономики;
- активное использование социально-духовных аспектов в экономической жизни, включая стимулы творческой деятельности, моральные мотивы, высокую национальную ответственность;
- инновационная, диверсифицированная экономика;
- экономика с сильным постиндустриальным сектором во всех его проявлениях (технологическом, научно-образовательном, мотивационном и др.).

Обобщенно российская экономическая модель должна представлять собой такой тип современной смешанной экономики, для которого характерен суверенный, регулируемый, социально-ориентированный, духовно-ориентированный, постиндустриально-ориентированный, инновационный характер. В таком качестве она органично соединит российское своеобразие с общемировыми процессами.

Движение к такой модели должно стать важнейшей чертой постреформизма.

Общий вывод состоит в том, что постреформизм должен устранить возникший разрыв и синхронизировать процессы трансформации, модернизации и формирования национальной модели экономики.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Постреформизм — орудие неоантихристианства

Россию постоянно терзают реформы, реорганизации, модернизации, инновации, перестройки, дезорганизации, трансформации, реструктуризации, демобилизации, деконструкции, обструкции, инструкции. Живет, живет в ней многоголовое чудо-юдо, которое превращает страну в объект не от мира сего. Кроме страданий и гибели народа, никакого блага ни одна реформа не принесла, не принесет и не может принести, ибо ломать — не строить. Все плоды реформ горьки, недолговечны и жизневредительны — и они загоняют страну в inferнальные бифуркации. Реформы в России напоминают охоту на зверя, который каждый раз ускользает из капканов Запада, да и Востока тоже. И вот уже «золотой телец» охотится на Русский мир, мечтая учинить в нем свое каннибальское празднество.

И нынешнюю Россию после реформаторского блуда-изврата можно описывать только апофатически: деиндустриализация, декрестьянизация, деинституционализация, деинтеллектуализация, денационализация, криминализация, депопуляция, коррупционализация, колонизация, деградация. «Труднакопления» российской элиты, валютные фонды государства хранятся на Западе, а Центробанк служит МВФ. Власть занимается ЖКХ, утилизацией культуры, продажей ресурсов, добывает образование. Российская Федерация (РФ) сконструирована по принципу — «все против русских»; нельзя ничего сделать для России, если это не идет на пользу Западу. Проект расчленения России на малые государства никогда не снимался с повестки дня. Этот проект составляет смысл бытия Запада; этим проектом живет изнасилованное прогрессом человечество, находя в нем энергию для своего бытия в мире сем.

Молчат понимающие, из непонимающих плетут *Сеть змеиную*, а Россия остается главной угрозой для «золотого тельца». Масса бессмысленных и бестолковых атомов отдельного мозга творит чудо — *смыслы*, из которых ум и сознание создают проекты, по которым мы живем, мучаемся и побеждаем. Что задумали бестолковые атомы всех

мозгов современной России? Что измышляют инфернальные атомы инкубаторов Запада и Востока?

Понимание любого события возможно лишь в том контексте, в котором оно возникло и движется, который задает его смыслобытийные границы, которому событие служит, исполняя его сакральную, инфернальную и земную волю. После крушения Рима макропропорции мировой истории заданы борьбой христианского и антихристианского проектов устройства человечества; этот контекст определяет истоки, динамику и судьбы событий, вещей, людей, наук и властей. Можно отрицать этот контекст, но он-то уж непременно заметит все, пометив каждого в Сети кодом легионера. Наш мир — это война жизни против извратов — служителей «золотого тельца», лепящих черные дыры из сознания-света, дарящего смыслы, тепло, муки совести. И старый грех — это не просто нарушение святого запрета, а предательство сознания ради бессознания¹.

Именно в контексте всеясветной брани христианства и антихристианства можно постичь горчайший удел Отечества. В борьбе космоса и хаосмоса, света и виртумана Россия выполняет непонятую и загадочную свою миссию, которая предопределяет, да, именно так, предопределяет не судьбу свою, ибо в России судьба восстала на судьбу, стала судьбой и для себя, а неотвратимое движение России по ту сторону греховного знания — *в мир софийного ведения Господа, жизни и экзистенции*. Россия движется за пределы мира-змия древнего: «Век живи, век учись, а дураком умрешь!». Она ищет землю, где глупцы миглом прозревают то, чего не дает столетняя учеба и жизнь — *софийную мудрость жизни, хозяйства, власти и разума, инознания*.

Ум, изучающий Россию, должен помнить, что Россия — это не только христианско-православная страна, но она сама есть то ли ожидаемое христианство Второго пришествия, то ли еще неведомое христианство Св. Троицы, то ли вообще новая религия². Именно против

¹ Не столь уж важно, что именно Господь запретил прародителям в Раю (это могли быть и не яблоки с древа жизни), а важен сам запрет, содержащий в себе смысл идеальный, охраняющий и саму материю. Ева предала идеальное, смысл, сознание и ум человека. Ради чего? Ради бездумной, коварной и мстительной материи, в которой таятся змеиные соблазны наслаждения, разложения, деградации. Ибо запреты-пределы присутствуют лишь идеальному, а материя — это абсолютная свобода саморазложения.

² Русская классическая литература, философия, искусство, особенно — музыка, не то что верили, а просто знали, были убеждены в том, что Россия скрывает в себе неведомо даже от себя некую дорайскую (внерайскую) сакральную реальность, в которой святое, человеческое и мирское наконец-то нашли свою гармонию, свой общий смысл и язык. Сама Церковь православная тоже не отвергает эту веру-мечту-реальность. В Софрино на административном здании Церкви запечатлен императив, который повторяется в названиях конференций, чтений, форумов, различных православных изданий: «Русь

этой неведомой, скрытой и скрываемой русскости антихристианство собирает все легионы прогресса, свободы, всю ложь и зло мира сего, все оружие мрака. Этот проект укладывают в уже истлевшие упаковки «нанопсиховаций», «инноваций», не имея иного инфернального брэнда. Но суть событий внутрирусских именно в этой скрытой и недоступной для легионеров России-религии и религии-России! И в этой религии таится если не Спасение, то некий его элемент, о котором Запад и К^о догадываются, но не знают, как его цивилизованно украсть и сделать орудием спасения самих себя от своей же слепоты, не способной постичь этого дара.

Кажется, что в России люди не до конца умирают, а остаются в каком-то еще неведомом особом состоянии вне бытия и ничто. В России чистая смерть невозможна, ибо в ней возможна чисто духовная жизнь; поэтому мы умираем, не умирая, жизнь проживаем, не изживая себя, а находим в этом междуцарствии вечности шансы иной жизни. Видимо, именно здесь был Христос три дня после воскресения до вознесения в Дом Свой. Горящий, но несгораемый терновый куст иконы «Неопалимая купина» — образ поистине вневременного и вневселенского значения. В этом образе следы Христа обретают статус святости, вечности и неуязвимости. И к этим следам как-то причастна Россия, ее народы. И, конечно, это место манит и притягивает к себе как друзей, так и супостатов России со всего мира, хотя место это не просто страшное, но и губительное для губителей всех мастей.

Да, Россия — это потаенная, неузнаваемая и незнаемая прарелигия. И в этой странной, внутренней религии Руси коренятся все проблемы мира сего. Многие деятели эти проблемы не желают решать, ибо их нерешенность питает их. И мыслить не желают, ибо безмыслие кормит лучше, чем размышления; да и воляндам работать с бездумными прикольной. Поэтому вся злоба мира сего, сам дьявол метят именно в Дух, который дышит, где хочет и чем хочет. А сегодня он дышит в России софийным кислородом, приучая к нему новую жизнь.

святая, храни Веру Православную!». Строго следуя смыслу, нужно было бы сказать: «Вера Православная, храни Русь святую!». Ведь религии как божественные силы создают и хранят народы, а не народы — религии. Однако в этой мнимой неточности православие очень точно осознает то, что Россия и сама по себе есть сакральная реалья, что православие лишь своеобразно выражает это предвечное христианство России. В советскую эпоху именно скрытая святая Русь сохранила православие, победив этой своей софийной святостью антихристианские легионы Запада, Востока и самой России. Наше изначально сакральное Неизвестное, Запредельное образует тайную смысловую реалию нашей души, глубоко запрятанное в ней, изредка проявляющееся в русской культуре и армии; именно в этой тайной смысловой реалии Господа, происходит внутреннего инициация, посвящение в Русский мир не от мира сего.

И крушение СССР (Союза Священных Сил России) есть событие эпохальной битвы христианства с антихристовым нашествием. Дело в том, что труд, школа, образование, культура, социум СССР, вопреки атеизму, несли в себе христианские идеалы. Моральный кодекс строителя коммунизма — это ведь ценности христианства, социальные, трудовые, гуманитарные, национальные заповеди которого осуществлялись социализмом³. Не сознавая христианской сути своих

³ В СССР задача воспитания нового человека была поставлена правительством в 1925 г. Чудо, но принятый в 1961 г. «Моральный кодекс строителя коммунизма» составлен на основе христианства. Даже атеисты приняли христианскую мораль, давным-давно требовавшей нового человека. «Отложите прежний образ жизни *ветхого человека*, истлевающего в обольстительных похотях, совлеките с себя *ветхого человека* с делами его, обновитесь духом ума вашего и облекитесь в нового человека, возрастайте в *нового человека* — мужа *совершенного*» (Еф. 4, 24; Кол. 3, 10; Рим. 6, 6; 1 Петр. 4, 2).

В глубине души наследники революции чуяли, что даже их безбожие держится милостью Господа, что только на этом начале возможно благо общества, народов, индивида, и что Божью суть человека не отменит ни общество, ни человек, ни сам атеизм. Отрицая Бога, человек утверждает его правду, ибо язык так устроен, что отрицание Бога в нем служит утверждению ЕГО правды. И в Библии, и в Символе веры, и в Моральном кодексе одинаковое число принципов новой морали — 12.

1. *Преданность делу коммунизма; любовь к социалистической родине, к странам социализма.* «Вера без дел мертва» (Иак. 2, 26). «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Отк. 2, 10). «Все верующие имели все общее и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2, 44—45). «У кого две одежды, тот дай неимущему; у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3, 11). «Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами... приносили доли к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4, 32—35). «Вы — тело Христово, а порознь — члены. Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли — с ним славятся все члены» (1 Кор. 12, 27, 26).

2. *Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.* «Лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф. 4, 28). «Не о себе *только* каждый заботься, но и о других» (Фил. 2, 4). «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10).

3. *Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.* «Никто не ищи своего, но *каждый* — пользы другого» (1 Кор. 10, 24). «Делать свое дело и работать своими собственными руками, чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и не нуждались» (1 Фес. 11—12).

4. *Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.* «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды» (1 Кор. 16, 13). «Кто любит отца или мать, сына или дочь более, нежели Меня, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 37).

5. *Коллективизм и взаимопомощь: каждый за всех и все за одного.* «Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга» (Еф. 4, 32). «Будьте единомысленны и единокорны» (Фил. 2, 2). «Нет больше той любви, как если кто душу положит за друзей своих» (Иоан. 15, 13).

6. *Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.* «Любите друг друга» (Иоан. 15, 12). «Все вы — братья» (Мф. 23, 8).

7. *Честность, правдивость, нравственная чистота и скромность в общественной и личной жизни.* «Отвергайте ложь и говорите истину» (Еф. 4, 25). «Очистим себя от

идеалов, социализм проиграл, но не капиталу, а антихристианству, которое использовало его религиозное невежество как орудия против христианства и России. Атеизма не принимает и не прощает сознание, в котором действует дух святой, кующий орудия его конечной победы.

СССР проиграл битву инфернальной диалектике, которая учит: «Зло невозможно без добра, а значит, и добро невозможно без зла». А далее — цепные реакции рабства. Если грех невозможен без святости, то и святости нет без греха; если болезни нужно здоровье, то и здоровью нужна болезнь; если паразиты невозможны без организма, то и организму нельзя без паразитов; если подлости нет без честности, то и честные невозможны без подлецов; если предатели невозможны без верных, то и верные невозможны без предательства и т. д. А о триалектике софийного ума, заменяющего паразитизм, противоречия и мордобитие классов единоречиями мира и любви, в СССР даже не догадывались.

Но СССР потерпел поражение не просто в «холодной войне», а в идеологической войне, в самой главной войне мироздания. СССР проиграл битву за нового — софийного — человека, побеждающего энтропию в самом себе, освобождающего из ее плена заключенные в ней смыслы.

А вместе с Россией и человеком СССР проиграл битву за оригиналы ума, души, сознания, языка и смысла. Ведь чтобы правильно

всякой скверны плоти и духа» (2 Кор. 7, 1). «Кто хочет быть между вами большим, да будет вам слугою» (Мф. 20, 26).

8. *Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.* «Почитай отца и мать; и люби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 19, 19). «Муж жене, жена мужу оказывайте должное благорасположение... воспитывайте детей в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 1).

9. *Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.* «Не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но обличайте» (Еф. 5, 11).

10. *Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.* «Не говорите лжи друг другу, совлеките ветхого человека с делами его. Облекитесь в нового человека, который обновляется по образу Создавшего его, где нет ни иудея, ни эллина, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного... нет ни мужского пола, ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Кол. 3, 9; Гал. 3, 28).

11. *Непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.* «Извергните развращенных из среды вас» (1 Кор. 5, 13). «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение у праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6, 14). «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти...» (Гал. 5, 13). «Свобода там, где дух Господень» (2 Кор. 3, 17).

12. *Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.* «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас» (Мф. 11, 28). «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12, 18).

мыслить о Господе, о чем-либо ином, нужно вообще уметь мыслить. Чтобы отрицать Господа, нужно уметь говорить. Чтобы сходить за водой к ручью, нужно уметь вообще ходить. Чтобы иметь даже нечистую *со-весть*, нужно иметь хотя бы здравый смысл. Вертикаль человека, его духа, души и сознания, его языка и ума антихристианство заменяет симулякрами наслаждений. Искусственный интеллект запускает такие изменения человека, которые не подконтрольны его уму и сознанию. Нет в нем смысловых сил, а потому он заряжен суицидом⁴. Люди после контактов с ним теряют цели своей жизни, перестают рожать, ибо осмысленность и целесообразность присущи лишь живому. Фактически искусственный интеллект — негатив сознания и ума, оригиналы которых хранит София Премудрая. И поскольку все идеальные силы человека возвращаются в семье и в школе, то одновременно с деструкцией сознания, ума, души и языка демонически извращаются их институты.

Побеждает тот, кто лучше понимает самого себя, свои конечные цели, кто лучше знает и понимает своих врагов. Христос победил дьявола, ибо он понимал его суть, а он мог только язвить, издеваться над ним, убить его, но не смог распознать в нем свою еще не падшую натуру. Есть гносеология возмездия: в меру осознания себя, мы служим Богу и работаем для себя, а в меру неосознавания себя мы вершим дело антихриста и работаем против себя. Человечество запечатлело этот закон в Дельфах: «Познай самого себя!». Иногда благожелатели добавляют: «И тогда ты поймешь богов и вселенную!».

Русское и советское общество не знало⁵ и не понимало себя; культурный класс оценивал Россию западными идеями, не думая о том, что умственное иждивенчество завершается катастрофой и рабством⁶. Непонимание своей идентичности делает нас средствами дру-

⁴ Современный демографический проект «золотого тельца» предполагает оставить на планете 20% населения, а в России и того меньше — 10%. И средняя зарплата строго соблюдает указ своего владыки: она не обеспечивает даже простого воспроизводства населения, а лишь ускоряет его вымирание. М.В. Ломоносов, не уставая, твердил, что главной и постоянной задачей власти должен быть рост русского народа, без чего все ее планы и замыслы останутся бумажными прожектами. Ломоносова нет, а прожекты заменяют исчезающий народ.

⁵ Россия — самая неизвестная, непознанная и самая непонятная страна мира, хотя ее изучением занимаются все эксперты мира, которые почему-то очень быстро надламываются от незнания России. То, что именуется сегодня словом «Россия», фактически есть сумма мнений зарубежных «вумников» и ее врагов, а не любящих сердец, которым она изредка открывает свои глаголы. Пока глаголы, а не местоимения. Поэтому ученая литература о России плодит только незнание и злобную ложь.

⁶ «Раб по природе тот, кто способен воспринимать мысли других людей, но сам не способен породить их» (Аристотель).

гих идентификаторов. А если и власть не понимает себя, то народ лишь временно безмолвствует...

Запад посредством Мефисто понял и осознал себя через свою мировую антихристианскую миссию, создав под эту миссию технологии и оружие. И сегодня он близок к завершению своей миссии, осознание которой дает ему силы, уверенность, судьбу — создать царство антихриста⁷. И в этом плане Запад хочет не уничтожить Россию, а изменить ее духовную матрицу в антихристианском ключе, вырастить в ней резервные легионы антихриста. Идет тотальная атака антихристианства на сознание, ум, душу и язык, смыслы и значения — на сам идеальный мир. Обезумевшая материя бросила вызов духу, который вывел ее из ничто, дал бытие, смысловые формы!

Антихристианское завоевание России ведет «золотой телец», вооруженный виртуальным сознанием и умом, информационными технологиями. И его цели почти достигнуты. Страна опутана невидимой финансовой сетью, капиталы и госрезервы «хранятся» на Западе, Центробанк независим от России, а сырьем торгуют паразиты. Нет пороков, которые бы не внедряли в стране СМИ («Союз Мировых Извращенцев» и «Средства Массовой Идиотизации!»)⁸. Россия в кошеческих сетях невидимого ига антихристианства. А экономический рост, коим гордятся прогрессоры, показывает рост не жизни, а гибели. Ибо жизнь растет лишь на основе хозяйствования.

«Золотой телец» уже сознает, что не решает, а лишь умножает человеческие проблемы; но он не дает решать эти проблемы никому. Он умеет покупать, подкупать, лгать, растлевать, а зло превращать в

⁷ Но и Запад не представляет своей участи, своего бытия после полного торжества своего же антихристианства. А возмездие за непонимание самого себя, своих деяний неизбежно настигает свои жертвы даже в Альпах.

⁸ Нет в СМИ позитивной реальности, ибо они сами по себе есть выход из реальности, самая зловещая массовая наркомания, выдающая ничто, ложь и мнимости за бытие. СМИ подчинены не власти, даже не деньгам, а только законам антихристианской медиократии, прикрытой блудными, искусственными зрелищами. Медиократия — это антихристианская «неоинквизиция», перед которой и президент, и ученый, и иерарх, и трудяга, и бизнесмен, и воин, и Обама равно бесправны. Кроме... кроме... СМИ — это анонимный, inferнальный субъект антихристианства, готовящий встречу с Главным Благодетелем Ада. Пока мы не свернем медиократии шею, мы будем унижены и безмолвны, обессилены и оболганы, а наши протесты будут находиться «вне зоны действия сети», останутся просто медиопомехами, беседами с самим собой по обесточенному телефону.

Не милуют СМИ даже своих гуру. К. Юнг жалуется неизвестно кому: «К несчастью, это моя судьба, что люди, особенно те, которые одержимы, считают меня сумасшедшим, потому что я верю в демонов. Но это их дело так думать; я знаю, что демоны существуют. От них не убудет, это также верно, как то, что существует Бухенвальд. Власть демонов огромна, и наиболее современные средства массового внушения — пресса, радио, кино etc. — к их услугам» [1, 193].

благо. Но он слышит дыхание Раскольников, который идет к нему сквозь электронные заграды. Поэтому для продолжения глобальной антихристианской экспансии «золотой телец» взрастил себе верных помощников. Он создал дублеров, дабы отсрочить час «икс», когда деньги будут повиноваться не его воле, а его безумию.

Бифуркации «тельцогенеза» невообразимы. Поэтому он финансирует опасные, пагубные, нечестивые, смертоносные пороки и дела человека, который незаметно стал рабом самых низменных, деструктивных и непросветленных желаний, из которых венский маг сотворил «черного тельца» — бессознание (антисознание). Человек крещен Светом-Знанием, чтобы просветлять непросветленное, но соблазнился коварными благами золотого тельца. И сразу же стал жертвой еще и «черного тельца» — бессознания, которое превращает его в сумму неудовлетворяемых желаний. Как ночь не насыщается мраком, так и современных людей не насыщают даже удовлетворенные желания⁹.

Что ищет человек в бессознании, которое растворяет его сознание в психодных нечистотах? Этот поиск отвергает высшую власть самосознания, как органа вменяемости, самоконтроля человека над желаниями. Высшая власть отдается слепым желаниям, гонящим людей как бройлеров к «черному тельцу», который открывает рестораны антропофагии, суля в них неизведанные желания.

Деструктивное влечение современного человека в бессознание, бегство от смыслов бытия и от самого себя в черную дыру смутно

⁹ В строгом смысле «бессознательное» — это «психи», сборище бесов лукавых, «душевные мертвецы», лишённые живых смыслов, а потому возмещающие их деструктивными желаниями. Жесток, жесток лукавый! Сделать мертвое допингом живых! Да живых ли? Человек давно переродился, удовлетворяя не столько желания и потребности, сколько ненужности, надуманности, престижности, нелепости, несуразности, напридуманности, пустяковости, паразитические склонности, болезненные зависимости, смертоносные вожделения, патологические влечения, криминогенные позывы, кровавые забавы, виртуально-реальную суицидность. Человеком играет хаос желаний: он не так питается, не то учит, не так работает, не то делает, не туда идет, не так живет, не так и не в то верует, не с теми дружит, не так копит и тратит деньги, не так живет, не так отдыхает, не так пакостничает, не так болеет, а вот умирает... здесь «стоп», тайна. «Черный телец» ждет жертву, разъясняя ей, что именно он является автором всех желаний человека, которые может удовлетворить только смерть. И лишь Спаситель отменяет рок желаний, приводя их к оригиналам желателей, которые и убеждаются в ложности всех своих желаний, коими ведает смерть. Нужно чтобы людей возжелала София-мудрость, которая с начала мира зовет их к себе, не уставая... удовлетворяя все желания знаниями-желаниями...

Вообще, капитуляция «евриканцев» перед бессознательным шокирует: как будто-бы Солнце вдруг решило искать что-то интересенькое во мраке, которому оно же дает его призрачное бытие! Что ищет Солнце во тьме? Заблудший свет! Что должен искать человек в бессознательном? Свое самосознание, безвозвратное утерянное вместе с Благой Вестью!

выражает вину человека за свое предательство Спасителя, Святости. Иуда ушел во мрак со скорбью, но возможны и удовольствия от саморазложения. Наркомания, алкоголизм, секты, демономызыка идут за «черным антихристовым тельцом». И лишь немногие видят, что земные богатства делают людей никакими, ибо они имеют все, но не имеют самих себя в качестве людей, существ живых.

Инфернальный тельцогенез антихристианства втянул в свои виртуальные трансформации и власть, вынуждая ее прогрессировать в сторону насилия или же в сторону демократической цинухи, жестокости, абсурда, ибо¹⁰ власть вне прогресса гниет и распадается на сумму суицидных криминалий. Реально же современная власть сочетает информационное манипулирование, насилие и управляемый хаос. А слияние индивидуального, информационного и институционального насилия порождает свободную неоинквизицию, которая становится третьим — «серым тельцом»¹¹, который надеется подменить христианство. Давно прозрели этого агнца святые, но мал был еще агнец, компьютеров и сетей не было, поэтому «серый телец» служил антихристианству анонимно. «Серый телец» любит людей, очень любит, но так, как люди любят своих овец, собак, кур и др. Но от такой любви спасение нужно! Да и скрывать нужно этикие тайны, в которых люди вменяемые превращаются в незримо управляемых биороботов, служащих в итоге все тому же «золотому тельцу».

В наше время антихристианство «золотого тельца» достигло предела, занявшись заменой людей монстрами с искусственным телом, сознанием и умом. Тельцогенез идет к созданию «искусственного тельца» — великого программатора-терминатора, которому предстоит сразиться со Спасителем.

Этот слуга «золотого тельца» самый зловещий и опасный, ибо его поддерживают даже самые противоположные режимы, признающие неведомые блага информационных инноваций. А нытикам и критикам оставляют то, что сама Япония пожелает отставить от себя! «Искусственный телец» сожрет тучных и тощих коров всех фараонов, создав новое существо, которое соединит в себе инфернальные качества всех тельцов и выведет ТОГО самого, ради которого затеян антихристианский проект. «Искусственный телец» делает явной тайну «золотого тельца» вообще; его тайна коренится в сверхточности и в сверхрационализации, которая присуща только смерти. И этот инфернальный рацио создаст такую универсальную искусственность —

¹⁰ Жутковатую тайну всякой демократии раскрывают эвтаназия и гуманизация.

¹¹ Показательны слова «серый кардинал», «серость», «посредственность», «серые ангелы»; только «Серый Волк» спасает метафизическую репутацию серости.

программу, которая сама себя будет писать, обновлять, читать, исправлять, проверять, оценивать свою работу и свои результаты, строить прогнозы, искать перспективы, временно используя человека как сервисного раба. Каковы планы кварцево-кремниевой головы этой машины, не знает никто, да и она сама не знает. Каковы планы мрака и США? Темнить, весь мир потреблять, превращая его в отходы. И любимцу «золотого тельца» — программе — не нужен человек, ибо она автоматически обеспечит рост тука «тельца». Заодно решится и проблема бессмертия. «Золотой телец» не допустит, чтобы люди вечно бездельничали; нет, они должны работать на «золотого тельца»! Тайной и соблазном человека стал «золотой телец»; и златом этим до сих пор мечтает предавший Христа человек¹². Мы рождены, чтоб стать микроном золота! И тайну эту нужно скрывать получше от носителей этого микрона! А само допущение о человеке-христианине является сущим бредом, ибо человеку нужно злато, а не Христос. Человеку есть что обволакивать в тайны, заворачивать в секреты, укрывать в загадках. И только «Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 2, 4).

Итак, современное человечество, забыв *софийное самопознание*, попало в inferнальные лабиринты антихристовых реформ под эгидой «тельцов» — золотых, черных, серых, искусственных... Суть и смысл жизни человека они свели к тому, чтобы умножать мертвое злато, слепые желания, мощь власти, двигать клонопрограммогенез. И не быть никакому бунту, ибо человеку будет все безразлично, даже то, есть ли он или его вовсе нет. Скучно, банально, пусто, отвратительно; рука невольно тянется к... Не поможет! Есть искусственное знание, искусственный интеллект, вот-вот будут сдавать ЕГЭ «клоновеки». А бронзовый «суицидно-палаческий телец» уже давно изобретен Фаларисом; есть уже и телец-людоед — Минотавр.

Охват России антихристианскими змеиными сетями виртуализма, и финансизма завершил создание мощного мирового антихристианского центра, в котором на проект антихриста усердно работают и нехристианские страны, даже религии, не сознающие конечных целей своих деяний (Китай, Индия, Япония, ислам). Антихристианский

¹² Вообще, загадка и тайна великая: «Какой же силой обладает “золотой телец”, что люди жертвуют ради него даже жизнью и Богом? Каким соблазном он пленяет людей вопреки своей очевидной нелепости?». То же самое можно сказать и о смерти: «В чем ее сила, неизбежность и непобедимость для человека?». Видимо, человек и «золотой телец» запустили в земном мире процессы, которые не предусмотрены софиосферой, а потому оставлены на самоисчерпание, как огонь исчезает, пожрав свой материал. Нет, без Бога и Его Премудрой Софии эти вопросы человеку не поднять, сколько бы он не думал об этом.

капкан захлопнулся: отсюда безысходность, отчаяние, смирение, покорность протестующих и непокорных, их неверие в свои силы и превеличение сил чужих. Поэтому в нынешней России сошлось мировое, региональное, историческое антихристианство, чтобы поставить точку в своей расправе с Богочеловеком.

Нет, не проиграна, не может быть проигранной война за сам проект «Россия». Россия целиком никому и никогда еще не открывала своей сути — ни искусству, ни науке, ни философии; даже родному православию она все же своей высшей и главной святыни не доверяет, даже самому Богу она не открывает замыслов, таящихся в глубинах своего сердца! А потому самое главное в ней остается вне умов вражеских; но эта ценность пока недоступна и русским, которые могут ей служить только жертвенными озарениями своей жизни.

Именно христианский контекст делает отчасти понятными отдельные действия и бездействия власти, которая воздерживается от крупных реформ, сакральным чутьем провидя, что они разрушат страну, не дав ей очнуться от демореформ. Убедившись в гиблоти для России западного устройства общества и не приемля по своему сакральному коду восточные модели, Россия оказалась в инферальном капкане «золотого тельца». Во многом реально, а отчасти формально Россия живет ценностями православия, но в то же время использует антихристианские средства, технологии «золотого тельца». Но православие не создает собственных технологий для своих целей, а «золотой телец» использует и ворованные ресурсы для своей инфернократии.

Видимо, власть как сакральный субъект заметила, что виртуальные симулякры ума и сознания не могут стать средствами для работы с развитием. Реформы стали чисто разрушительными силами для всех их соучастников, ибо они ухудшают ситуацию в стране и ведут к гражданскому хаосу¹³! Эпоха реформ должна завершиться реформированием самих реформ, их сбросом в ничто.

Особенно наглядно это самоотрицание реформ выступает в экономике, когда огромные средства, выделяемые на реформистские проекты, или воруется, или же лежат мертвым грузом и не работают. В метафизическом плане сегодня идет реформистский суицид, когда змий лукавый поражает свое семя, что изображает символ уробороса — змеи, пожирающей себя. Видимо, правда сейчас за стоической и

¹³ И нет надежд на коллективную инициативу, акцию по оздоровлению России. Элита стала антиэлитой инферальной, простые великодержавники работают в охране банков. А трудовой люд недоплатами, безработицей и СМИ закатывают в никуда, превращают в «гастарбайтеров».

сакральной выдержкой, а не за невменяемой активностью «болотных крысоловов». Власть сплетает в себе онтологию, гносеологию, методологию, социологию, антропологию, эсхатологию, а потому она стоит выше правителей и подданных, обладая непосредственно метафизическим видением страны, о которой мы лишь гадаем.

Так стоит ли заниматься реформами, если они сами не могут стоять на ногах, а заняты самоедством? Мир создали не реформы и революции, а божественное творчество и софийная мудрость. Да и не забывать, что первым реформатором мира была обезьяна Бога! София Премудрая своим творчеством созидает логосы, извлекает логосами бытие из ничто, дает бытию законы, смыслы, о-форм-ляет, украшает его, указывает средства созидания Дома Божьего, а не башен Вавилонских.

Многие научники полагают, что сегодня главная и самая важная задача для России — создание идеологии, указующей цели деяний, смысл страданий, жертв ее народов. Но прогресс доказал антижизненность всех идеологий. Во всем мире нет ни одного работающего принципа и метода, ни одного цельного проекта, ни одной перспективной идеологии, ни одного идеала живого. Человечество руководствуется полубессознательными мнениями, жадой удовольствий и чудес науки. Вся культура, сакральный свет находятся как бы в другом мире, не влияя на гниющую жизнь. Сегодня работает только идеология антропофагии, когда одна страна живет пожиранием других стран.

Но Россия сама является своей собственной выстраданной и конкретной идеологией, в которой цели и средства соответствуют ее организму, которая естественно и метафизически соединяет в себе жизненные, научные, художественные, религиозные, философские, властно-институциональные, экзистенциальные реалии, которая в то же время несет в себе и новые технологии, новые экологические средства воздействия на природу и на человека. В России есть и свой Дао, который действует путем недеяния, когда нужные тебе плоды приносят деятели, не понимающие своих деяний. Русские — это точки и запятые истории, но о них разбиваются сущие и глаголы, числа в банках хранящие. Русская идеология имеет два аспекта.

Во-первых, Россия сама по себе — это религиозная идеология Спасения человечества, ибо она уже пережила несколько смертей и обрела опыт не просто выживания, а именно спасения из inferнальных клещей бездны и ее тельцов. Слова «Русь», «Россия» означают смысловой исток жизни, софийные сердца которой ищут новые территории для новой жизни то на Севере, то в космосе, то в мрачных глубинах Кольска и Сибири. Вот эта Россия, самой своей жизнью

идущая к своему оригиналу, и есть ее идеология. Эта Россия знает, что самое главное в мире, в человеке, в Боге еще не найдено, а потому она будет жить до тех пор, пока эта главность не озарит ее бытие своим светом.

В мире идет незримая метафизическая война различных волей, интенций и потенциалов. «Воля к жизни вечной (Христос)» и «воля к смерти (Антихрист)», «воля к власти (Инквизитор)» и «воля к злату (Иуда)», «воля к неизвестности» и «неизвестная воля» сошлись в последний бой. А поскольку «воля к жизни» присуща лишь христианству, сочетается в России с «волей к неизвестности», то это и есть идеология спасения, ибо исчезновение в неизвестном есть в то же время появление в известном. В этом плане Россия — метафизический образец для многих стран, не имеющих четкой метафизической ориентации. В европейских мифах приветствуется даже «гибель богов», что там говорить уже о людишках.

Во-вторых, идеологией России всегда была, есть и останется софиология, «софиософия» (Ю.М. Осипов), софийная философия и софийная метафизика, частью которой является философия хозяйства с практическими, экономическими, организационно-управленческими приложениями.

Поэтому сегодня основным и самым эффективным реформаторским деянием в России могут быть только размышления о самом главном, чтобы метафизически насытить софийными смыслами и прагматикой философии хозяйства сознание, ум русских народов, раскрыть софийные основания их *Общего русского дома*. Сегодня нужно очень много думать, оставив активность недумавшим, ибо многодействия без многодуманья плодят только хаос.

София видит спасение человека в переходе от *экономизма к хозяйству, от человека разумного и экономического к человеку хозяйственному и софийному*: только так человек может спасти себя от себя самого. Пока ничего лучшего в сакральном, умственном, моральном, inferнальном плане не найдено. Человека нужно спасать еще до смерти от царящего в нем мрака, скрывающего свет небесный. Смерть скрывается в человеке, и лишь Христос, найдя ее убежище, увидел, что люди не поймут эту истину, а потому сознательно пошел на крест, чтобы не просто из жалости принести себя в жертву человечеству, прекрасно зная, что оно в большинстве лишь посмеется над ним, а чтобы сразить своей смертью смерть людей, «смертию смерть поправ». Даже в облике богочеловека Христос бессмертен, а потому он пришел не для того, чтобы его смерть взяла, а чтобы самому взять смерть. Но вопрос остался: «А куда девается смерть, побежденная Спасителем? Куда прячется ложь, изгнанная разумом? Куда прячется

мрак с приходом света?». Не человеком ли они становятся? Не в нем ли они готовятся к реваншу?

Элита горда, что она богата и ни в чем не имеет нужды, но она не знает, сколь она несчастна, жалка и слепа, ибо она не имеет главного — самой себя. Но если человек имеет все, но не имеет самого себя, то кто он тогда? Да прислуга живущих в нем демонов и бесов, которые расплачиваются с ним тщеславием и смертью.

Стая инфернотельцов окружила крест (не случайно символ фашизма — крест в окружности); осталось взрастить «человека погибели», антихриста, который технически, экономически, виртуально и магически адекватно бы воплощал в себе смерть. И лишь София знает уязвимые точки окружности, в которых крест взорвет инфермальную крепость и вернет себе всю полноту своей священной силы. Премудрая София смотрит на мир взглядом Св. Троицы, и от взгляда этого все тельцы убегают в поисках «осины», «либиды», «суициды», «вирусиды».

Только софийное самосознание¹⁴ может одолеть антихристианскую магию бесконечного роста «золотого тельца», которая пытается заменить собой смерть и христианство. София знает, что «золотой телец» рухнет от тяжести своего хвоста (долгов), которого не подымут все обслуживающие его страны.

Но власть не понимает чего-то очень важного, что доступно только абсолютно бескорыстной софийной мысли Господа, понимающей человеческие, слишком человеческие прожекты. Власти всего мира не понимают сути новой эпохи — эпохи перехода от экономизма к хозяйству¹⁵; и это непонимание ведет к тому, что данный переход грозит осуществиться в катастрофической, апокалипсической форме, когда всем «тельцам» рога и копыта обломают. И не только им.

¹⁴ Уже уже своей простой семантикой само-о-сознание говорит о том, что именно само-о-сознание (сам, со своим сознанием, с его пониманием и светом!) является тем оригиналом, по которому, в котором, которое само созидает человека, наделяя его своей универсальностью. В самосознании находится источник смыслообразования, формируется и хранится матрица «Я». Поэтому есть самосознание, но нет самоглаза (и хорошо, что нет!), нет саморечи (тоже хорошо, что нет, болтающих хватает!), самосердечности, самопечености, саморучности и др.; нет даже самодуши и самоума. Поэтому именно только самосознание определяет личность, проводит софийную экспертизу всех копий, ролей, образов, функций, который числятся за нами как во внешнем, так и во внутреннем мире!

¹⁵ В религиозном плане этот переход, ежели бы он состоялся хотя бы по модели 1917 г., означал бы сакральную контрреволюцию, когда антихриста свергнули бы еще до того, как он стал антихристом. Ибо переход экономизма в хозяйственный строй имеет своим религиозным эквивалентом крах авантюры антихриста на самых ранних ее стадиях.

Жизнь вопиет к умам, сознанию, душе и язык имеющим, чтобы они думали, пока в их зеницах не засветится смысл феномена «кризис»!

Самочувствие современного мира наиболее адекватно обозначается термином «кризис». Кипящее пространство этого термина непринужденно и скромно соединяет в себе интеллектуальное бессилие науки и отчаяние религии с младенческой безотчетностью умственных реакций людей, вынужденных становиться образом и подобием кризиса. Но что за зверь этот кризис? О, если б знали, экономизма темные сыны, какие ждут их в кризисе суды. Какие кары они призывают! Кризис приоткрывает судьбу народа экономического.

Навзлет термин «кризис» обозначает особую сущность, берущую энергию из распада форм, из самого распада, т. е. кризис напоминает уробороса, исполняющего хореографию а la хакакири. В словаре В.И. Даля выделяется три смысла этого слова. Кризис есть: 1. Переход, переворот, перелом, мутация, деформация; 2. Конечная точка, катастрофа последняя фаза перехода, время решений людей и время, решающее людей; 3. Высший суд, критическая оценка, различение негатива и позитива («плевел» и «зерен») перехода [2, 194—195].

Как видно, кризис «пасется» в пределах; пределы эти гибки, эластичны, даже творчески умелы. Часто люди останавливаются именно у дикой бездны на краю! Но нам важно то, что кризис есть какой-то суд, в котором некий аноним беспощадно судит данную реальность за то, что она нарушила закон своего бытия. *Все кризисы восполняют слабости центра, головы, власти; поэтому от здорового властного центра кризис сам убегает в США.*

Но кризис — это замена сакрального бытия суммой аномалий. Поэтому кризис вершит онтологическое правосудие над субъектом и объектом, вынося им смертный приговор. В сакральном плане через кризисы, реформы и революции вершится месть мертвых за то, что живые забыли Христа и служат «золотому тельцу», за то, что они обесмысливают смерть умерших, погибших.

Кризис есть сакральный суд хозяйства над «золотым тельцом» и его бесчинствующим экономизмом, выделение в нем зерен хозяйских и плевел банкирских ничтожеств. Поэтому всемирная разговорная о кризисе на деле выносит не приговор, а способ его исполнения. Юмор еще и в том, что кризис хотят преодолеть, отменить. В России этот термин даже табуизирован. Можно говорить о «предгрозовом состоянии» экономики, а о кризисе нет! Но ведь кризис есть «выездная сессия» Страшного Суда и Ссудного Дня!

И в этом плане действия и бездействия русской власти тоже лишены логики. Не зная броду... Прежде чем что-то реформировать,

нужно найти центр современной России, вокруг которого вращаются все ее проблемы. Не метафизический, а простой, физический и демографический центр. Власть практически убедилась, что деньги, финансы сами по себе не преобразят Россию. Деньги разворовываются, идут в пустую роскошь или же лежат мертвым грузом. Видимо, власть догадывается, что в эпоху постистории все реформы, радикальные меры и даже силовые методы не дают никакого эффекта. Не работают и все! И власть предчувствует, может быть, и знает что-то очень важное, недоступное экспертам, знатокам, советникам, и воплощенное только в тех, чьими устами глаголет истина! Но осознанно и метафизически выразить свои мнения власти ни за что не дадут голодные адепты экономизма, всеми способами отвлекающими власть от ее главной современной задачи.

Речь идет о детях и школе. Именно в них коренится сегодня архебытие, археинтерес власти, ибо дети являются высшей ценностью, за которую идет брань христианства с антихристианством. Это понимают все религии, все общества. Это понимают вообще все люди, сохранившие желание продолжать жизнь. Дети есть то чудо-оружие, которое сокрушит всю нежить! Младенец Дмитрий Яковлев, невинно убиенный «золотым тельцом» США, своим святомученичеством поднял власть России на уровень ее долга¹⁶!

Особенно впечатляюще роль школы как основного орудия воспитания индивида и общества раскрыл и осуществил Пифагор, для которого школа была живым институтом и органом самой мудрости. Дети изучали в сочетании со спортивно-военной подготовкой все известные в то время науки, искусства, философию, право-мораль, врачевание и гигиену, искусство владеть собой и властью. Завершалось обучение божественными мистериями, посвящавшими учеников в гражданское состояние. История не знает случая, чтобы хотя бы один ученик Пифагора совершил недостойное деяние умом, словом, поступком. Особенно сильно звучит основное правило Пифагора, который требовал обучать детей прежде всего способам самозащиты от взрослых, ибо иначе воспитание станет передачей взрослыми своих пороков детям и ростом общего зла. Дети изучают лучше всего то, что взрослые скрывают. Учителя должны научить детей наедине общаться с культурой, науками, религией, мужеством и справедливостью, чтобы идти к мудрости (софии). И самая демократическая страна Ан-

¹⁶ Знамением Божиим является резкая реакция российской власти на убийство в США русского мальчика, Дмитрия Яковлева! Наглое и безнаказанное убийство беззащитного ребенка сразу же выбило из рук США их идеологию прав человека. Жестокость в сочетании с наглостью и примитивом уже повлекли США по пути суицида! За убийство младенцев карают не люди, а мстители небесные, которые скоро нагрянут.

тичности в стиле США сожгла его школу вместе с учениками и учителями. Такой страх вызвала философия, реально решающая все проблемы тогдашнего общества. Люди же в сути не желают избавляться от пороков, но считают, что их нужно все же скрывать. А если кто серьезно берется за пороки, то беспощадное возмездие неотвратимо.

Пифагор ясно и прозрачно представил школу как действенную форму философии хозяйства и софиософии. Школа не может быть органом общества, а наоборот: общество должно стать *большой школой*, которая есть центр социума, его софийный воспитатель и организатор, софийно-хозяйственное ядро его бытия. Школа в зародыше целиком содержит элементы, отношения, функции, ценности философии хозяйства; школа — любимое детище Софии-мудрости. Взрослые ничего серьезного даже для себя не сделают; ну, разве что реформы устроят, пороки умножат, да народ изведут. Школа же органично не приемлет насилия, лжи, ибо оно превратит ее в филиал тюрьмы.

Христианство давным-давно поняло и оценило роль школы, как основного института общества, создав даже своеобразную философию школы — схоластику, которую и поныне мало кто из научных понимает. Христианство изначально возникло как школа, в которой изучали Благую весть; затем школы превращались в хозяйственные, самоуправляющиеся общины, совместными делами которых ведала Церковь. Именно в таких школах-общинах дети становились умными, умелыми, смелыми, нравственными и софийными гражданами страны. Иезуиты гениально угадали, что христианство может победить лишь путем создания наилучшей системы образования, которая через иерархию школ поведет людей в Царство Божье. И они создали лучшие и до сих пор школы различного типа, университеты, цельную образовательную структуру, в которой обучается вся правящая элита Запада.

Христос видел в детях первых граждан Царства Божьего. Христос, Спаситель людей от смерти, безоговорочно требовал смертной казни без суда и следствия для педофилов, оскверняющих божественность жизни. Просвещенная Европа ищет оправдания бедным педофилам, которые так уж устроены, что без надругательства над детьми жить не могут. А Христос, Великий Человеколюбец, требовал камни от жерновов им на шею и в пучину морскую, где акулы исцелят их. И Пифагору отомстили древние педофилы во главе с Платоном, требовавшим сделать всех детей общими, чтобы проще было их опиофилировать. А Гоголю за его идею о том, что именно школа есть духовный институт, которому должны служить государство и Церковь, власть и Церковь устроили большой «херем». Толстой после мучительных поисков справедливого устройства общества пришел к школе; он создал

новую школу, в которой хозяйствование, учеба, просвещение составляли единый ансамбль¹⁷. Учиться надо так, чтобы жить по совести и непременно воскреснуть!

И основным орудием созидания социализма, состоящего из знающих, умелых и честных людей, Ленин считал только школу, а не партию, которая должна была подготовить это событие и раствориться в нем. Ничто иное он всерьез даже не слушал. Ленин видел в школе единственный орган, который способен покончить с войной, классовым и клановым терроризмом. На I съезде учителей в 1918 г. он сказал: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год» [3, 608]¹⁸. Но за эту речь он на второй день после своего доклада получил отравленные пули. Мировую войну с фашизмом и с его «евриканскими» подонками выиграла именно эта школа. Но после смерти И.В. Сталина партия стала клубом для «рабов по природе», «образованщины» и «полунауки», которые затем и свершили свой рабский переворот, превратив общество в inferнальную клоаку.

После революции А.С. Макаренко создал из неграмотных детей-бродяг уникальную школу, своего рода институциональной матрицы философии хозяйства; эта школа и поныне ведет войну с нежитью. А.И. Мещеряков, Э.В. Ильенков, В.В. Давыдов создали школу, которая возвращала к жизни слепоглухонемых детей: и создана она была на основе философии хозяйства. Посредством обучения хозяйствованию тьма в детях становилась смысловым светом, который позволил некоторым из них закончить МГУ и даже защитить диссертации по психологии. Практически было доказано, что именно хозяйствование зажигает в детях, лишенных органов чувств, огонь знания.

Конечно, речь идет не о сегодняшней школе, ставшей античеловеческим орудием деморализации детей, орудием обогащения и

¹⁷ Школа Л.Н. Толстого и поныне продолжает свою работу в Канаде.

¹⁸ А.В. Луначарский, комментируя эти слова В.И. Ленина, писал: «Пусть никто не подумает, что это был ляпсус со стороны Владимира Ильича, что это было увлечение, что это случайно “сказанулось” в специальной среде, которой окружен был на съезде Владимир Ильич. Все, кто знал покойного вождя, знают и то, что таких случайностей у него не бывало» [3, 608]. С этим высказыванием Ленина связана целый криминал. Текст выступления по стенограмме опубликовала «Правда». Но в собрании сочинений Ленина цензоры лукавого изъяли эти слова. Как же? Как же? Школа — главный институт общества! А партия что будет делать? Но в серии книг для директоров школ эту речь поместили из газеты «Правда», а не из собрания сочинений Ленина. Вот как истина сама по себе пробивается к людям даже вопреки усилиям ее врагов.

невежества, хотя школа как софийный институт все же сопротивляется нашествию мрака. Сегодня в мире рушатся все институты, организации, государства; нет у них уже никакой перспективы и никаких оснований. И только школа останется последним непотопляемым островком жизни: школа, как и философия хозяйства, находится вне зоны действия апокалипсиса. Евангелия, софиософия, софиология, философия хозяйства едины в одном: вся жизнь человеческая должна стать *образ-ованием, обретением* образа человека; вся жизнь человеческая должна стать учебой, включая изучение того, как следует болеть, умирать, чтобы воскреснуть. Да фактически жизнь и так есть непрерывная учеба, начиная с момента рождения и завершаясь последним правильным вздохом, из которого следует первый правильный вдох жизни грядущей. Высшие научные, философские, художественные достижения тоже оформляются в школы, видя в них способ спасения своих плодов¹⁹.

Школа становится основным институтом философии хозяйства и по логике развития самой власти. В сакральном плане власть есть ангельский чин, а потому изначальная власть, знающая сакральные пружины хозяйствования сосредотачивалась в институтах старейшин, жрецов, священников, волхвов.

В классовом обществе основным институтом власти стало государство; высшей формой государства является Рим. А высшее может или разлагаться, или преобразаться в сакральность. И Рим стал вначале частью христианской Церкви; но затем, свершив переворот, сделал ее частью своего организма-паразита, механизма-вампира. Возникло чудо-юдо, пожирающее людей, губящее жизнь вообще; государству всегда не хватает денег и солдат, а потому оно и поддерживает экономику, которая часть людей ставит на службу деньгам, а другую часть — насилию, а вместе крутят колеса апокалипсиса. И этот искусственный институт, став глобальным монстром, сегодня разваливается на части. Власть требует новой организации: власть в форме государства должна была преобразиться в Церковь, которая должна была готовить приход сакральной власти, названной метафорически Царством Божьим, а реально это должно быть Царством мудрости и школы, софиократией.

¹⁹ Интересно, что новейшие высшие учебные заведения и университеты России (и за рубежом) неожиданно вновь стали именовать себя... школами, хотя в смысловом плане школа явно не соответствует статусу этих учебных структур. Например, ВШБ (официальный факультет МГУ); МШЭ; НИУ ВШЭ (видимо, срабатывают глубинный софийный инстинкт и мотив, требующие создания именно малой школы как аналога Великой Школы Творения, в которой все ее создания учатся жить по закону правды вечной Господа и его Софии Премудрой).

Школа — общий институт Софии, Церкви, государства и общества, единый мир, в котором реализуется мистерия человеческой полноты: школа учит хозяйствовать (самообслуживанию), обретать знания и умения, творить; она должна учить воевать и умирать за святость; жизненная школа неизбежно завершается преображением и воскресением. Мир, истина, правда, Бог, София, Спасение и человек должны стать и станут единой школой. Буди! Буди!

Философия хозяйства несет в себе новую и естественную форму мировой власти; это власть не человека над человеком, не власть человека над природой, а власть мудрости, знания и сакральной природы человека. Институтом же властвующего Знания может быть только школа, в которой органично сливаются философия хозяйства и власть, знание целей и цели знания, человек и его сакральный оригинал. Основой глобального эволюционизма Н.Н. Моисеева служит идея, что движущей силой мирового развития должна стать «Система-Учитель», т. е. та же школа.

Надежд на то, что ход мировых событий принудит алчную антихристианскую элиту принять именно «школьный» сценарий устройства мира, почти нет. Скорее всего, мировая элита будет трансформировать государство и Церковь в неоинквизицию, в тотально контролируемое изведение человечества. В который раз элиты, творя, не ведая что, получают обратные результаты. Жизнь — школа, в которой изучаются не только законы вещей, но прежде всего законы, условия, средства спасения и перехода через бездны к бытию вечному. Именно такая школа является идеалом философии хозяйства.

«Царство — детям», — учил Гераклит, предваряя Христа: «Кто не примет царства Божия, как дитя, тот не войдет в него. И, обняв детей, возложил руки на них и благословил их» (Мрк. 10, 15—16). И это благословение Господне лежит и на философии хозяйства, которая видит назначение человека в устройении жизни по закону детей, школы и семьи. Дети в Элевсинских мистериях допускались к освящению сразу, ибо им не нужен был обряд очищения. «Мертвый возвращается в ту землю, где боги были детьми» — это сакральное слово древних славян услышала философия хозяйства.

И правда философии хозяйства вершится помимо экономики и человека экономического посредством института МЧС, масштабы работы которого глобализуются. Рост техногенных и биосферных катастроф вынуждает людей на время забыть об экономике прибыли, чтобы заняться хозяйством ради спасения жизни от последствий экономики и «гробономики», сделавшей современного человека монстром, сочетающим в себе протез-«человек» и проекта-«конец света». Но протез и проект творит сам человек, принявший решение стать

клонопротезом и концом без света. И он продолжает искать то, что уже давно имеет. «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Отк. 3, 1)²⁰.

Высшей мечтой-идеей С.Н. Булгакова был проект по «захвату» школы и превращения ее в орган национального устройства общества. Он полагал, что одно воцерковление общества недостаточно для его развития. «Мои-то пожелания идут дальше: мне мечтается духовное завоевание русской школы, ее внутренняя, так сказать, “клерикализация”, чтобы была, наконец, засыпана эта пропасть между церковью и светским просвещением» [4, 612]. Любовь и спасение детей, школы должны стать центром России. Увы, сегодня эта пропасть стала бездной детских душ. Поэтому София зовет: «Дети всего мира! Объединяйтесь против реформизма! Вас зовет апокалипсис самой жизни за право иметь детей, за право детей родиться и быть рожденными!».

Наука, философия, искусства, да и сами религии, душа человека сегодня потеряли понимание мира, событий, своих деяний, самих себя, вообще потеряли сами истоки понимания, и, о ужас, забыли о том, что потеряли самое главное, что утратили жизнотворное общение с Богом. Россия восстановит свою православную тайнософию, лишь обратившись к смысловым сокровищам Софии Премудрой, в которой бьется вечное сердце Спасителя и России. Сегодня любые благие изменения общества и человека возможны лишь на основе софийного проникновения в тайны религиозного духа, служащего истоком, энергией всех деяний, которые в нем начинаются, им движутся и в нем завершаются. Без этой сакральной матрицы действуют лишь безумие и хаос бездн.

России надо осознать, что за дело своего развития ей надобно бороться, как во времена Великой Отечественной войны! Весь народ должен подняться. «Родина-мать зовет к развитию!». Никогда не было у русских задачи трудней! Сегодня борьба за развитие страны неразрывно связана с борьбой за подчинение экономики хозяйству и с борьбой за созидание новой империи, избавляющей человека от порабоощающих его сил материи, бессознания, виртуальности и демонизма. Империи, которая будет готовить условия для Главного События Мира... Даже ничто само по себе не сотворит своего владыку — дьявола, необходимы еще и световые факторы.

Русские этносы могут жить, лишь преображаясь в империи, становясь ее огненными двигателями. А империя — это не просто

²⁰ «В древних и средневековых моделях мира, — пишет В.В. Архипов, — понятие *запада* связывалось не только с концом или краем света, смертью, но и с inferнальным миром — адом» [5, 14].

реалия, а внутренний жизненный отклик на зов Бога. Мыслю, значит, служу империи, а, служу империи, значит, мыслю, исполняя императивы Софии Премудрой.

И русские сегодня уже собираются выйти из небытия: протирают глаза, потягивают мышцы, чистят оружие, чтобы встать в строй. Все империи, созданные ими из невозможности, все они уникальны и несравнимы. Русские действовали искренней убежденностью в абсолютной правоте своего созидания, доказывая ее простыми жертвенными примерами, но не чурались и силы, хитрости, подкупа, жестокости. И, созидая сегодня новую империю, они тоже будут искать ресурсы в недрах невозможных и небытийных реалий. Но это будет империя с необычными технологиями и новейшими коммуникациями, с новой — софийной — школой и дисциплиной свободы. Это будет империя-освободительница, ведущая людей путями героического восхождения к истоку Центра — чудного и благодатного места творения²¹.

И начинать работу по решению этой триединой задачи нужно с ософиевания²² России, с глубокого и цельного выявления софийности христианства. Философия возникла для того, чтобы согласовать божественные и мирские часы в самом разуме, указать ему единый смысловой *Центр времени в вечности — Софию Премудрость Божию*²³.

²¹ Не создав империи в прошлом, США лишает себя настоящего и будущего, теряет свою духовную энергетику. Отсюда патологический феномен — покупка мозгов! А свои-то мозги где? Отсюда давящая атмосфера США, ее бесноватый, надорванный и казенный оптимизм, в котором скрываются скука, мрак и отчаянье, от которых спасает лишь свободная продажа оружия для того, чтобы свободно покончить со своей патологией. Только империя может вывести население страны из тупого и сонного бытия-в-себе, превратить его в единого метачеловека с общей кровью и мыслью, в единый народ, устремленный по пути Софии Премудрой к Богу. И «конец истории», провозглашенный в Америке, чтобы распространить американскую безысходность на весь мир, фактически означает конец страны, которая не знает или отказывается от империи.

²² Софийная идеология нужна современной России и в плане создания новых типов оружия для защиты Отечества. Под прикрытием ОСВ Запад незаметно перешел к разработке принципиально новых демонических видов оружия, далеко превосходящих уже устаревшее ядерное оружие. Виртуальность, информация, компьютеры — это лишь подготовительные этапы будущего оружия. Противостоять этому злу можно лишь на основе технологий, которые содержит в себе софиологические идеи. Работы и открытий — непочатый край.

²³ Даже рационалист Гегель видел в религии ту первореальность, которой должны соответствовать все законы и реформы. Народ, плохо понимающий Бога, будет иметь плохое государство, плохое правительство, плохие законы. «Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии, воображать, что наряду со старой религией и ее святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней противоположное ей государственное устройство и что посредством внешних гарантий, например, посредством так называемых палат и данной

Нет сегодня во всем мире иного центра. Нет и все! А другую работу сделают для нас наши враги своими руками, создав критическую массу тщеты, безумия и нищеты, которая и похоронит их.

Людей толкают в полное непонимание и безмыслие. Опасность безбожия, угроза гибели — вот основание, исток, двигатель и причина возникновения философии хозяйства! Мысль есть Таинство Софии, а всякое Таинство в пустых головах экспертного безмыслия, трепа, ничтожества и клеветы есть (пре)ступление! Ибо мысль, как хищный зверь, раздирает познаваемое, чтобы найти, спасти его смыслы — чад своих, ищущих родителей. Поэтому философские книги нужно печатать на ядовитой бумаге, а в их обложки — закладывать пластинофемы: не прочитал или не понял текста — значит, ты не читатель, а угонщик смерти. Только таким путем возвращается читатель — достойный гражданства Евразии, мудрости Софии, ума Логоса и огня Ада.

Философия всегда сражается с болезнями мира; а первопричина всех болезней есть безмыслие, а все немыслящее болеет, хиреет, энтропирует, хаосирует, разлагается, ищет бездну. Философия же мыслит за других — немыслящих, которые без философии секунды не проживут, ибо дышат люди не газом-кислородом, а смысловым кислородом. Без мысли люди не хотят быть только материей; потому им хочется взрывать материю, чтобы высвободить заточенные в ней смыслы. Поэтому с умалением смысла будет расти спрос на оружие! Мир, творение — это развертывание софийной философии Бога, Его хозяйства, которым Он наказал, проклял, но и спас падший люд, оставив ему возможность трудового и философского покаяния — возможность размышлять о причинах бедствий своих, искуплять их умелыми трудами рук и мысли, умными делами и молитвами.

Посредством философии Божья София обзирает мир, собирая грозы для залпов по бездумию. Нельзя быть счастливым и здоровым без философии, в которой таится софийный секрет преображения несчастий и болезней в духов жизни. И люди умирают за идеи, они сами превращаются в идеи-возмездия, в незримых мстителей ожиревшей от безмыслия материи. А либералы боятся идей, они любят мрак, бессознание, тайно готовясь к встрече своего Велиара, который даст им Свободу разврата для возврата в ничто.

им власти устанавливать государственный бюджет законам будет сообщена устойчивость. Желание отделить права и законы от религии можно рассматривать только как крайний шаг, свидетельствующий о бессилии проникнуть до глубины религиозного духа и поднять его до его собственной истины» [6, 339].

Поэтому России нужны не реформы, а выход из реформенных инферналий в мир софийного жизнестроя; России нужно понимание той простой изначальной истины, что основу ее бытия, мысли, деяний, институтов составляет сакрально-религиозная, софийно-смысловая целостность детства и школы, которые только и могут служить конструкторами, моторами, условиями, и целями ее жизненной активности, социокультурными средствами создания новых технологического и административного укладов. Только софийное оправдание, только софийная теодицея русского бытия содержит в себе его ретроспективы и перспективы, а значит — и спектры возможных инноваций во всех областях данного времени. Абстрактно? Да, абстрактно, как абстрактно всякое зерно до колоса! России нужно именно русское смысловое зерно, из коего она выросла!

Литература

1. Юнг К.Г. Аналитическая психология. М., 1995.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2, М., 1981.
3. Ленин В.И. О воспитании и образовании. М., 1973.
4. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
5. Архипов В.В. «От Москвы до самых до окраин...» // Византийские пророчества о судьбе Царьграда. М., 2002.
6. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 3. М., 1956.

Г.А. РОДИНА

Прорыв к развитию: сочетание универсалий и самобытности

Россия — игра природы, а не разума.

Ф.М. Достоевский. Бесы

Полвека назад развитие отождествлялось с экономическим ростом? и моя школьная десятилетка, пришедшаяся на 1960-е гг., прошла под гордым лозунгом «темпов роста советской экономики, втрое превышающих темпы ведущих капиталистических стран». Мои университетские годы — начало 1970-х — начали выстраиваться не в таком победоносном, но все же оптимистическом русле относительно «темпов роста советской экономики, вдвое превышающих темпы ведущих капиталистических стран». Правда, последние споткнулись о кризисное десятилетие 1970-х, а у нас, наоборот, XXIV съезд КПСС

поставил задачу перехода на преимущественно интенсивные рельсы и впервые наметил курс на опережение темпов роста промышленных отраслей второго подразделения (группы «Б») по сравнению с отраслями первого подразделения (группы «А») на 3%. Казалось бы, оснований для тревоги нет.

Однако в новое 1980-е — десятилетие страны «первого мира» вступили не ослабленными и изнуренными чередой кризисных потрясений, а перестроившимися на новый, пятый, технологический уклад. С другой стороны, наша отечественная экономика продемонстрировала в 1983 г. почти нулевые темпы прироста, что породило среди экономистов ядовитую шутку: мол, наконец-то впервые после 1913 г. появился современный рубеж, с которым будет выгодно сравнивать все дальнейшие показатели. Тогда не было сомнения, что провальный 1983-й — исключение.

То, что реальной целью общества должны быть не столько темпы роста, сколько параметры устойчивого развития, мир осознал к концу 1980-х гг. благодаря докладу ООН «Наше общее будущее». В это время отечественная экономика неумолимо приближалась к своим отрицательным темпам. И десятилетие не завершилось выходом на новые технологические рубежи. Почему?

Давайте проследим *эволюцию представлений о «необходимом и достаточном» условиях для движения вперед*, произошедшую за последние четверть века в нашей стране.

1. Несмотря на то, что начало рыночных преобразований, казалось, предполагало полный разрыв с марксистским подходом, оно вполне вписалось в марксистскую методологию (подробнее см.: [1]). Основной гносеологический принцип марксистской философии о первичности материи и вторичности сознания конкретизируется в признание особой роли экономики. Сердцевиной последней, т. е. звеном, за которое можно вытянуть всю цепь, являются *отношения собственности* на средства производства, поэтому начинать следует с реформы собственности. Исходный тезис рыночников-радикалов сводился к тому, что достаточно «разрешить» рыночную экономику, как все «само собой» образуется. Самыми распространенными фразами были: «вот появится эффективный собственник...» (не могу отделаться от аналогии с некрасовским «вот приедет барин...»), «стоит только начать...» и т. д.

Однако «эффективный собственник» не появился, «прибыль» не пошла. Более того, государство отступило, а рынок образовавшиеся лакуны так и не заполнил.

2. Тогда лозунг дня сменился: нужна *политическая воля*, а ее не хватает. Результатом реализации этого тезиса стало восстановление

в постсоветской России политической монополии, обретшей новую историческую, однако тоже неэффективную, форму.

Почему история вернулась в наезженную колею? Почему такое возвращение обернулось утратой обществом способности к историческому движению, параличом его двигательных органов?

3. Стало очевидным, что реформы, продавленные властью, не поддержанные обществом «изнутри», — мертворожденное дитя. Все реформы в этом случае вырождаются в тактические телодвижения — никаких стратегических подвижек. Власть, ощущая свою «временщичность», ориентируется лишь на распределительные отношения, в основном сводящиеся к «распилу» бюджетных средств.

Что из себя представляет это «изнутри»? — Культурное ядро (точнее — культурно-духовно-религиозное ядро, или матрица), вырабатываемое веками, передающееся из поколения в поколение в виде традиций, системы норм и запретов.

Выходит, ни реформа собственности, ни политическая воля сами по себе, в отрыве от национальной самоидентификации, не способны мобилизовать общество на преодоление кризиса. В этом случае ключевыми понятиями становятся архетип (по К.Г. Юнгу — изначальные, врожденные психические структуры, образы, составляющие содержание коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, сказок и других созданий фантазии) и менталитет (как образ мышления и мировосприятия, норма представления мира вокруг себя и себя в нем).

Но тогда проблема перехода к реальному развитию осложняется обратной связью между общественным сознанием и общественным бытием. Проанализировать эту связь в рамках исторического материализма представляется весьма затруднительным, поскольку истмат исходит из того, что культура народа складывается и функционирует в зависимости, прежде всего, от экономических и политических обстоятельств. В математической формулировке это выглядит так: $K = f(E, P)$, где K — культура; E — экономика; P — политика; f — функция, указывающая на характер взаимозависимости указанных величин. Данная трактовка претерпевает парадигмальный поворот, проявляющийся в переходе к формуле: $EP = f(K)$ (подробнее см.: [2]).

Культура, раз сформировавшись, начинает выступать как относительно независимая переменная среди факторов социальной жизни. Эталоном оценок тех или иных ценностей являются, с одной стороны, социальный опыт, а с другой, видимо, архетипы данной культуры, сформировавшиеся в период выживания этноса, народа, рода и т. д. Ныне систему архетипов можно охарактеризовать как иммунную си-

стему, защитный слой конкретной культуры, сохраняющий ее самобытность, определяющую национальную идентичность.

Здесь нас подстерегает две опасности. Первая — экзогенная по отношению к какой-либо конкретной экономической системе — связана с тем, что само понятие «национальная идентичность» не может не претерпеть изменений в условиях информационной экономики. В связи с этим следует сформулировать проблему выяснения и установления баланса между *старыми и новыми типами идентичности*. Современный человек, как не без иронии замечает Д.Н. Песков, «окутан аурой множественных лояльностей, «ведущих» постоянные «переговоры» по его поводу и «заключающих» свои «соглашения». Индивид *проживает в США* (мотивация — комфорт), *является гражданином Кубы* (мотивация — регрессивная шкала налогообложения), *работает в ТНК* (мотивация — величина зарплаты), *исповедует одну из сетевых религий* (мотивация — снижение издержек на онлайн-исповедь), *участвует в социальных и гуманитарных программах России* (мотивация — ностальгия по Родине), *голосует на выборах в панамериканский парламент за левых* (мотивация — принадлежность к интернет-партии), *а на выборах в «ООН-штрих» — против реализации Киотского протокола* (мотивация — желание ТНК-работодателя), *его дети учатся в гражданской школе хакеров в Японии* (мотивация — обеспеченное будущее детей), наконец, *мощности его домашнего компьютера используются для распределенного вычисления эффективности новых лекарств против СПИДа* (мотивация — благотворительность или желание выжить). И при этом правительство отслеживает абсолютно все передвижения индивида по Интернету, в том числе и покупки на сумму свыше 500 дол. США...» [3, 54—55].

Вторая — эндогенная — сопряжена с *незавершенностью дискуссий по поводу сущности менталитета россиян*, несмотря на то, что все участники подобных дебатов согласны с тем, что его своеобразие определяется социально-историческими, почвенно-климатическими и географическими условиями существования многих поколений наших соотечественников.

С одной стороны, например, Л.А. Асланов апеллирует к матрице *военно-мобилизационной оседлости* [4]. В эту же группу мнений следует включить характеристики *самодержавно-патриархальной, социально-консервативной, или соборно-православной*, культуры россиян. Но если именно это постоянно воспроизводится в новых формах, то как это можно совместить с умной экономикой и приоритетом интеллекта — ориентирами нового мирохозяйственного устройства?

По всей видимости, никак. Тогда кризис нашей модели следует квалифицировать как *кризис упадка*, как реальный тупик, если только в сегодняшней России не возникнет то, чего в ней не было, но без чего ей в современном мире не выжить. Речь идет о смене (перекодировке) российского типа культуры на европейскую (подобно тому, как в Китае распространился в свое время буддизм, потеснив конфуцианство).

В то же время в сегодняшних спорах о культурной идентичности России многие исследователи развивают концепцию П.Н. Милюкова, который трактовал Россию как естественное продолжение Европы, заходящее в Азию (точнее «Европа, осложненная Азией»). Поэтому русская культура — это *самобытный извод европейского корня*, исторически запаздывающий и в сравнении с синхронной ему европейской культурой относительно примитивный [5]. Если российскому типу культуры органично присуща европейскость, как сегодня считает, например, М.Н. Афанасьев, если это одно из начал русской культуры с самого генезиса Руси (с Киевско-Новгородской) [6, 15—22], то кризис нашей модели следует квалифицировать как *кризис развития*. Тогда достаточно просто сместить акценты в историческом сознании, возродив исконно русскую европейскую традицию и европейскую трансформацию России. Нас в этой позиции смущает апелляция к тенденциям, которые исторически не подтвердили своей жизнеспособности.

Видимо, прежде, чем корректировать сложившуюся на текущий момент национальную социально-экономическую модель, следует разобраться с тем, что же имманентно России: особая, самобытная модель, не допускающая обезьянничества, или универсальная?

Еще один вопрос: до какого времени сформировавшаяся в определенный исторический период самобытность будет определять сущность национальной модели? Неужели вечно? Думается, что с течением времени соотношение между самобытностью и универсалиями должно сместиться в сторону последних.

Наконец, не существует ли риска впасть в культурологический детерминизм, как прежде — в экономический? Или в социологический? Или в географический? Нам последняя гипотеза кажется вполне реальной, поскольку именно природно-географический фактор является главным в формировании менталитета народа (этим определяется выбор эпиграфа статьи). Если вспомнить, что «мы — жертвы географии», то можно договориться до того, что без рукотворного изменения климата и ландшафта нам трудно рассчитывать на «вырыв к развитию».

Литература

1. Родина Г.А. Российская модель инновационного развития: общее и особенное. М., 2012.
2. Родина Г.А. Культурологические основания инновационного развития экономики России // Философия хозяйства. 2008. № 3.
3. Интернет-пространство: состояние премодерна? // Полис. 2003. № 5.
4. Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. Кн. 1. М., 2009.
5. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993—1994.
6. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под ред. И.М. Клямкина. М., 2011.

А.А. ГРИЦЕНКО

Постреформизм: методологические основания постановки проблемы

«Пост-» — модная приставка: постмодернизм, постиндустриальное, постэкономическое общество и много других пост-. *Пост-, post-, after-* — лишь иные названия для неизвестного. Очевидно только то, что это что-то, что идет *после* известного. А его содержание, особенности и прочие характеристики в определении *пост-* не даны. Зафиксирована лишь граница, предел, определенность, которая преодолевается, — то, что за этим пределом уже не то, что было, а нечто иное, но что именно, неизвестно. А как только начинается разговор о том, что же это по существу, как сразу же *пост-* исчезает, перестает быть основанием перехода, и начинается движение на новой *непостоснове*.

Постановка вопроса о постреформизме на первый взгляд выглядит странно. Страна говорит о реформах, об их пробуксовке, о модернизации, о необходимости перемен, а здесь вдруг постреформизм. Постреформизм уже не реформизм. Тогда что это такое? Отказ от реформ или суперреформизм, не вмещающийся в определение реформизма? Но может быть, это революция, всегда ходившая в антитезе с реформизмом? — Нет. «Стране нужны гигантские перемены, — пишет Ю.М. Осипов, — причем не революционные и не эволюционные, а внезапно-императивные, те самые, что может проделать только сильная и эффективная власть: где призывом, где обоснованием, где

контролем, где поркой — через закон, проект, побуждение, директиву, инициативу, наказание — и вовсе при этом не без участия денег, финансов, капитала» [1, 10].

Может быть, это субъективное восприятие, некий перелом реальности через особенности мировосприятия отдельного индивида, как, например, в художественной литературе, где действительность и вымысел, происшедшее и желаемое образуют особую реальность, имеющую самостоятельную ценность? Или это все же способ научно-категориального постижения мира? Как ответить на эти вопросы?

Если само развитие общества выходит за пределы реформизма, ставит человека перед необходимостью осознать, принять и воплотить в жизнь не реформистскую, а какую-то иную логику, то такая постановка вопроса имеет научные основы. Но вместе с тем она предполагает постижение объекта изучения, возникающее не непосредственно с эмпирических обобщений и оперирования конкретными фактами, а из восприятия целостности, охватывающей все и не имеющей ничего вне себя, но в то же время обнаруживающей себя как целостность через свои собственные пределы, постоянный выход из них и постоянное обнаружение невозможности сделать это. Это свойства философского знания как не только научного. Учитывая сказанное, ответ на поставленный вопрос должен иметь научно-философский характер.

Содержание реформизма в предшествующий период (с начала 1990-х гг.) объективно определялось переходом, который обозначался как переход от административно-командной к рыночной экономике с дальнейшим акцентом на построении социально-ориентированной рыночной экономике. На самом деле это был переход от смешанной, функционирующей на административно-командной основе, к смешанной экономике, функционирующей на рыночных основаниях. Понимание перехода как разрушения административно-командной экономики и замены ее системой рыночных связей сыграло существенную роль. Воплощение этого понимания на практике привело к существенным потерям в использовании экономического потенциала страны, падению производства, снижению жизненного уровня значительной массы населения и потере ряда реальных исторических завоеваний. Второй подход, основывающийся на понимании перехода как смены оснований, постепенного реструктурирования экономики без предшествующего кардинального разрушения системообразующих связей, не был реализован ни в России, ни на Украине, ни в других постсоветских странах (один из вариантов такого перехода демонстрирует Китай).

Но независимо от того, в какой форме осуществлялся этот переход, его суть состоит в капитализации экономики (в широком, а не в

узкофинансовом смысле) в соотношении с процессом ее социализации. Процесс социализации капитала имеет объективные основания. По мере возрастания роли человека как фактора производства, от образованности, творческих способностей, психологических качеств, настроения которого зависит прибыльность предприятия, развитие человека становится предметом заботы самого капитала. Капитал, таким образом, в собственных целях начинает заниматься развитием человека и социализацией производства. Этим начинает активно заниматься и государство. В XX в. противоречие капитализации и социализации из внутреннего противоречия капитала превратилось во внешнее противоборство двух социально-экономических систем: капитализма и социализма. Это противоборство велось в разных политических, экономических, научно-технических, военных и других формах и влияло на каждую из систем: капитал все больше включал в себя социализацию, а социализм все больше допускал развитие товарно-денежных отношений, которые вели к капиталу. Это составляло основную историческую коллизию XX в. И процесс на рубеже XX и XXI вв. вышел на новый уровень, превратив снова, но на новой основе, противоречие экономического и социального из внешнего противоборства систем во внутреннее противоречие капитализации и социализации в социально-экономическом развитии государств.

Таким образом, объективное содержание реформизма заключалось в формировании капиталистических оснований экономического развития в определенных (стихийно и конфликтно обнаруживающих себя или осознанно регулируемых) соотношениях с процессами социализации, выражающими подчиненность экономических процессов интересам развития человека. Соответственно постреформизм реально и обоснованно возникает в том случае, если объективное содержание социально-экономических процессов выходит за рамки решения этих задач. Возникает вопрос о том, существует ли в самой объективной реальности основания для постреформизма?

Современный мировой кризис обострил понимание исторической ограниченности существующего естественноисторического типа развития и перехода к новому, социокультурному типу. В естественноисторическом типе существуют переход от низшего к высшему, соподчиненность отношений, причинно-следственные зависимости, градация ценностей и т. д. Можно сказать, например, что капитализм является более высокой формой развития общества по сравнению с феодализмом, товарно-денежное хозяйство более развито по сравнению с натуральным. В социокультурном типе не существует высшего и низшего, соподчиненности, причинно-следственных зависимостей, градации ценностей. Вопросы, что выше: Рафаэль или Тициан, Мо-

царт или Бетховен? — лишены смысла. Они самоценны и не подлежат субординации. Такие отношения в рамках господства естественно-исторического типа развития были характерны только для культурной сферы, но сейчас они проникают в экономику, пронизывают все общество. И уже нельзя ответить на вопрос: какая форма собственности выше: частная или государственная? Они самоценны, и каждая эффективна в своей сфере.

Другой важнейшей характеристикой движения от естественно-исторического к социокультурному типу развития является переход от воспроизводственного к инновационному типу развития. Для первого было характерно преобладание сохранения старого качества над появлением нового, для второго — качественных изменений над сохранением старого. Поэтому для воспроизводственного типа характерно формационное развитие: сохранение на протяжении продолжительного периода качественной определенности и накопление количественных изменений. Затем переходный период, изменяющий качество системы (например, переход от феодализма к капитализму), и снова продолжительное развитие возникшей новой системы. В инновационном типе развития динамизм изменений достигает такого уровня, когда изменчивость начинает существенно преобладать над устойчивостью. Качественные изменения становятся непрерывными. Развитие становится не ступенчатым, а процессуальным. Динамизм изменений и глобализация приводят к разноскоростному развитию взаимодействующих технологических и социально-экономических процессов и возникновению в связи с этим явлений турбулентности, периодически и непрогнозируемо возникающих в разных точках мирового финансово-экономического пространства. Инновационность приобретает всеобщий характер, преодолевающий рамки экономического, технического и социального в прежних формах их взаимодействия.

Переход от естественноисторического к социокультурному, от воспроизводственного к инновационному типу развития технологически связан с переходом от индустриально-рыночного общества к информационно-сетевому, для которого характерно возникновение принципиально иных социально-экономических закономерностей. Так, полезность сетевых благ, в отличие от ординарных, возрастает вместе с их количеством. Например, чем больше участников мобильной связи, тем больше полезность мобильного телефона. Иначе говоря, с возрастанием количества телефонов как элементов сети их полезность возрастает. Соответственно растёт и спрос. Поэтому кривая спроса на сетевые блага имеет совершенно иной вид по сравнению с кривой спроса на ординарные блага. Она возрастает по мере увеличе-

ния участников сети [2, 166]. Совершенно иная ситуация возникает и с расходами на производство сетевых благ. Если на ординарные блага распространяется закон убывающей доходности в результате повышения предельных расходов, то доходность сетевых благ растет в течение достаточно длительного периода за счет существенного снижения расходов [3, 34].

Это значит, что привычные теоретические модели, с помощью которых можно было понять и объяснить процессы ценообразования, перестают действовать. Возникает другая макроэкономика, которая базируется на других по сравнению с макроэкономикой ординарных благ законах. В ней кривые спроса и предложения становятся лишь подчиненным моментом других более широких закономерностей, возникают разного рода синергетические эффекты, где связи имеют нелинейный характер и исчезают причинно-следственные зависимости.

Вместе с информационно-сетевой экономикой и обществом формируется сетевой человек. В отличие от традиционного человека он включен во многие сети, являющиеся самостоятельными, независимыми и несубординированными образованиями, формирующими свойственное им мышление и поведение агентов. В результате личность человека распадается на разные функциональные части, которые соединены лишь внешним образом в теле человека. А само тело человека включает не только органическую, но и неорганическую части. Частицы его мозга, ячейки памяти и т. д. существуют не только в голове, но посредством Интернета рассредоточены по всему миру в разных библиотеках, базах данных, которыми человек также легко пользуется как и своей собственной (сознательно-социально-биологической) памятью. К этому следует добавить, что и тело человека будет включать все больше неорганических частей (искусственные органы, вмонтированные чипы и пр.) [4, 99—101].

Распространение сетевых структур и вхождение их в основание общества, инновационность, социокультурный характер отношений придают развитию бифуркационный характер, создают риски возрастания хаотичности связей и конфликтности, что отчетливо проявляется уже сейчас, на раннем этапе становления нового общества.

Ясно, что старое понимание реформизма не отражает эти изменения. Поэтому уместно и обоснованно говорить о постреформизме как выходе за пределы логики индустриально-рыночно-социальных взаимоотношений. И способ выхода за пределы будет (если будет) адекватным новому состоянию: нелогичным, качественно своеобразным, скачкообразным и формально непрогнозируемым. «Вырыв» — вполне подходящий термин для обозначения этого содержания. Нель-

зя априори сказать о содержании вырыва. Но без разговора о нем, без осознания, прочувствования, постижения, прорывания укорененного сознания, вырыва первоначально из него не может быть и вырыва к дальнейшему развитию, к такой постановке проблемы, в которой «вопрос вырыва к развитию — вовсе не риторический вопрос, как и не какой-то там вопросительный вопрос, ждущий какого-то невозможного ответа: это вполне императивный вопрос, требующий немедленно-го императивного же разрешения» [1, 11—12].

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Стрелец А.И.* Сетевая экономика. М., 2006.
3. *Глазьев С.* О практичности количественной теории денег, или сколько стоит догматизм денежных властей // *Вопросы экономики*. 2008. №7.
4. *Гриценко А.А.* Интеллект постчеловека // *XXI век: Интеллект революция* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2012.

М.М. ГУЗЕВ

Реформа после реформы: истоки и последствия

Констатация общеизвестного

Пореформенное развитие предполагает сохранение и улучшение определенных параметров социально-экономической системы. Так было в России, когда после отмены крепостного права в 1980—1990-е гг. начались бум промышленного развития, повышение товарности сельского хозяйства. В начале 1920-х нэп в считанные годы привела к восстановлению разрушенного Первой мировой войной и Гражданской войной народного хозяйства страны. Во второй половине 1940-х гг. за пять лет была в основном восстановлена разрушенная во время Великой Отечественной войны экономика и был превышен довоенный уровень промышленного развития. Наконец, в 1970-е гг., после мягких рыночных реформ народное хозяйство страны ускорило в своем развитии, СССР превратился в мощную промышленную державу мира. Наряду с экономическими, качественно выросли социальные, экологические и демографические параметры.

Иное происходит в последние 20 лет. За словами (и делами!) о переходной экономике, о приватизации, о модернизации, о восстанов-

лении Россией статуса великой державы мира, в том числе экономической, наблюдаются в лучшем случае топтание на месте, разрушение единого народнохозяйственного комплекса страны. Достаточно сказать, что за 20 лет объем ВВП не увеличился, что беспрецедентно для всей российской истории, а структура его ухудшилась. Современная рыночная экономика так и не сложилась, многие рыночные институты существуют формально, период переходной экономики затягивается. Высшая государственная власть все откровеннее проявляет свою недееспособность, отвечая на всякие попытки демократизации общества и экономики ужесточением мер против несогласных. Это проявляется в неэффективной государственной экономической политике, в возникновении на разных уровнях и в различных формах монополизма в экономике, в тотальном дефиците региональных и муниципальных бюджетов, в перераспределении финансовых ресурсов в пользу крупных городов и федерального центра, в расширении пропасти между богатством и бедностью регионов, города и деревни, граждан, в тотальной коррумпированности не только чиновничества, но и всей государственной власти, включая правоохранительные органы и суды, в вызывающей сырьевой направленности развития экономики, в расхищении природных, материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов страны.

Безопасное и устойчивое развитие государства становится истинной задачей номер один. Мировой экономический и финансовый кризис, снижение социальной защищенности и рост безработицы, неустойчивость экономики в зависимости от мировых цен на нефть и газ, нарастающие природно-климатические катаклизмы — все это говорит о глобальной неустойчивости современного мира, возможности различных альтернативных сценариев дальнейшего развития. Это в полной мере касается и Российской Федерации, ее регионов, поскольку глобализация, открытость рынков, вступление страны в ВТО превращают ее экономику в элемент периферийного мирового хозяйства, со всеми вытекающими последствиями для перспектив развития страны.

Апофеозом аморальности и недееспособности власти является заложенное в федеральный бюджет страны на 2013, 2014 и 2015 гг. абсолютное сокращение государственного финансирования образования, здравоохранения и культуры. То же относится и к науке, не связанной с ВПК. Это положение распространяется не только на национальную систему, но и на регионы. Даже в большей степени на регионы, учитывая, что до 80% всех финансовых ресурсов страны сосредоточено в федеральном центре. А ведь хорошо известно, что люди образованные дольше живут, меньше болеют, способны создавать

большой прибавочный продукт — чем выше уровень культуры, тем выше интеллект нации.

В результате, в настоящее время сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, с позиций тех, кто в списке миллиардеров журнала «Forbes», — реформы прошли успешно. Экономисты говорят о новой экономике, о вхождении в мировой рынок, о возможности приобщиться к передовой технологии, об устойчивом развитии. И они правы. Хотя, если посмотреть на темпы развития, то прогнозируемые 3% прироста ВВП в 2013 г. соответствуют темпам развития СССР в начале 1980-х гг., которые мы называем годами застоя. С другой стороны, тупиковость социально-экономического курса очевидна, если мерить категориями: «народ», «нация», «национальная экономика». В ноябре 2012 г. на одном из совещаний по вопросам ЖКХ была названа такая цифра — почти 45 млн граждан России (а это 1/3 населения страны) живут в ужасных жилищных условиях. И это после 20 лет реформ!

Всемирный экономический форум в Давосе в январе 2013 г. в лице отечественных и зарубежных экспертов определил три сценария развития России — и все пессимистические. Это плата за неэффективное государственное управление и за бездарно потраченное время [1]. Хотелось бы, конечно, узнать, кто это на нашей планете такие таинственные друзья, которые нам помогают?

Истоки и последствия

Каковы же истоки, мягко скажем, трудностей? Почему все громче слышатся требования необходимости новых реформ после «успешных» реформ? Почему ищем вырыв к развитию?

Причем нередко, на наш взгляд, причины неудач ищутся в частностях, внутренних и внешних: советское наследие, плохие министры, мировой кризис, коррупционеры, отсутствие гражданского общества, противодействие США и др. Причины же тупика глубже — *в деформации базовых экономических отношений*, во внедрении отсталых форм отношений собственности, в созданном криминально-либеральном механизме ее реализации.

В начале экономических реформ в 1990-е гг. многие наивно полагали, что частная собственность сама по себе обеспечит нам и устойчивое развитие, и экономический рост, и социальные блага. Но что произошло в реальности? Одной из главных причин разрушения нашей экономики явилась реализованная модель приватизации. В результате, задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики не была решена. Мелкий и средний бизнес не получил ни правовой, ни экономической основы для

цивилизованной конкуренции. А крупные производства и целые сегменты экономики в результате приватизации получили монопольное положение на рынках и снизили свою эффективность. И эти *наследие и проклятие 1990-х* с нами и по сегодняшний день. Отсюда и безудержное мотовство новых хозяев, и неэффективная экономика. Кроме того — институт частной собственности — с позиций перспектив XXI в. — это уже анахронизм. В мире наблюдается уход от традиционной частной собственности, при публичном провозглашении священным этого института рыночной экономики, уход от фетишизации частной собственности вместе с отрицанием капиталистической экономики. Это объективный процесс. Мы еще не раз в будущем вернемся и к Карлу Марксу, и к Томасу Мору, и к опыту советской революции. Если, конечно, захотим выжить. Опыт развитых стран мира, прежде всего скандинавских, показывает, что вместе с частной собственностью имеют свою эффективную нишу и кооперативная, и государственная, и рабочая акционерная собственность, что государственная собственность выступает гарантом эффективности частной. А главное, конечно, существует мощный государственный механизм перераспределения доходов и нивелирования противоречий. Последний пример, конечно, Франция, где предложено ввести 75%-ный налог с доходов свыше 1 млн евро. Сравните с 13%-ным налогом в РФ, который якобы должен привлечь зарубежные инвестиции, но почему-то за последние 10 лет так ничего и не привлек.

Деформация собственности привела к деформации механизма ее реализации. В 1990-е гг. все надежды возлагались на конкуренцию, которая должна была понизить издержки и цены, повысить производительность, отрегулировать пропорции и др. И где все это? Где понижение цен на услуги ЖКХ? Где повышение качества продукции? Обычный ответ на этот вопрос — у нас монополизм. А в мире цены растут? Тоже монополизм? Может быть, хватит иллюзий по поводу возможностей рыночного механизма в современной экономике, социально-экономической эффективности капиталистической модели хозяйства в принципе, в XXI в.? В современной экономике наряду с конкуренцией, вместе с ней, и выше нее — планирование. Об этом убедительно говорит опыт СССР и Китая. Это касается и регионов. Без стратегических и оперативных планов развития и адекватных механизмов их реализации не будет и развития — ни устойчивого, ни неустойчивого.

Деформация базовых отношений привела, и не могла не привести, к сырьевой ориентации экономики. Общеизвестно — чем более глубокая переработка, тем более высокая добавленная стоимость. В условиях глобализации в мире создан механизм перераспределения

доходов от стран периферии к странам так называемого экономического авангарда. Поэтому с такой колониальной структурой российской экономики не может быть обеспечено устойчивое развитие. Это же происходит и в каждом регионе. Например, промышленная Волгоградская область: что работает? Алюминиевый завод, нефтепереработка, химия, абразивы в Волжском, трубы для нефте-газопроводов, т. е. грязное производство и обслуживание сырьевых отраслей. А глубокая переработка — машиностроение (тракторный, моторный, подшипниковый заводы, судостроение), наукоемкое производство (военное производство) — разрушена или полуразрушена. И это по прошествии 20 лет со времени начала реформ!

Деформация базовых отношений привела к торможению процессов формирования современных организационных структур бизнеса. Важнейшей экономической проблемой устойчивого развития является развитие малого и среднего бизнеса. Именно малый бизнес обеспечивает в мире устойчивое социальное и экономическое развитие, принося до 50% доходов в бюджет. А у нас — 10—20%. В этом одна из причин тотального дефицита бюджетов всех уровней. Это же относится и к отсутствию экономических кластеров, что делает российскую экономику тотально неконкурентоспособной.

Деформация базовых отношений, неустойчивость и недееспособность власти привели к созданию уникального механизма перераспределения доходов внутри страны — от периферии к центру, что никак не согласуется с современными демократическими тенденциями в развитых странах мира. Напротив, это признак тоталитаризма. Из большинства регионов РФ и муниципалитетов изымается от 50 до 75% собираемых доходов, что исключает всякую возможность для их самостоятельного развития. Такой механизм обескровливает регионы в экономическом и социальном плане, возвращает иждивенчество, но так легче и проще управлять. До определенного времени. Например, в Волгоградской области 33 сельских района, и все имеют дефицитный бюджет, и все главы районов идут к главе региона с мольбой о помощи — как раньше холопы шли к барину. Так устроена вся властная вертикаль в стране, изначально исключающая всякую возможность ее эффективной работы. Правда, это не чисто экономическая проблема. Экономическую вертикаль подпирает такая же неэффективная политическая вертикаль.

Разворовывается, по экспертным оценкам, от 30 до 60% бюджетных денег. Эта, с позволения сказать, модель бизнеса, существующая на «распиле» бюджета, не может обеспечить никакого экономического и социального развития России. Не только устойчивого, но и всякого развития. Причем в «распиле» бюджета соревнуются и ре-

гионы, и федеральный центр — такого рода криминально-капиталистическое соревнование. Деформация базовых отношений привела в нашей стране к коррупции сверху донизу.

Литература

1. <http://www.firstnews.ru/news/medvedev-o-stsenariyakh-razvitiya-rossii-eto-stsenarii-28.01.2013>.

Е.В. КОСОВ

Политика — искусство невозможного!

Говорить про политику как искусство возможного стали политические посредственности и бездари, чтобы оправдать свои серость и безволие. В их понимании «политика» лишь банальное сохранение статус-кво тривиальными средствами и способами. Такие политики ради своего личного комфортного существования готовы идти на любое лицемерие. Их робкие и половинчатые решения всегда самые непродуктивные и неудачные. Тогда как настоящая политика — это искусство невозможного!

Основной смысл всех социальных преобразований — движение к «идеалу справедливости». Причем сам этот идеал социального устройства тоже может меняться и уточняться в общественном сознании. Суть намечаемых общественных преобразований состоит не в попытке достичь завтра-послезавтра этот идеал, а затем утвердить его навсегда. Стабильность в обществе никогда не может быть целью. Цели социального развития не имеют конкретного срока реализации. Необходимые социальные преобразования — это непрерывный процесс поисков, а вовсе не плановое построение «полного коммунизма к 1980 г.», как нам в свое время «впаривали» руководители КПСС.

В постиндустриальную эпоху традиционные социальные и экономические теории все менее способны на объяснение реальности. Как бы ни казалось прочным и совершенным все то, что было создано в социальной организации вчера-позавчера, со временем всему требуется не только косметический ремонт, но часто коренная и болезненная ломка.

Упрощенные ответы на новые сложные проблемы третьего тысячелетия никому не нужны, требуются поиск и дискуссионное исследование принципиально новых, еще непривычных подходов, анализ неочевидных принципов организации социумов. Что заставляет нас считаться с реальностью, а не говорить «чего хочется». При этом

громкая пафосность не прибавляет словам истинности. Через пафос будоражатся только страсти, а не здравый рассудок.

К сожалению, люди привыкли мыслить о своей истории и о явлениях современной жизни определенными штампами. Переубедить их трудно, как привыкли думать, так и будут опираться на эти стереотипы, как на костыли, всю оставшуюся жизнь. Внушить новую идею всегда сложно, даже невероятно сложно. Но еще труднее уничтожить ложные, но уже ставшие привычными понятия.

Если большевики испоганили такие чистые слова, как «товарищ», «советы», «равенство», «справедливость», то уже в постсоветское время пустопорожней болтовней опошили такие понятия, как «демократия», «законность», «либерализм». Важные слова и понятия превращаются в слова-фальшивки, в слова-заклинания, в слова-ярлыки. Люди становятся «рабами слов» и с пафосом изрекают «многонациональный народ», «средний класс», «права человека», совершенно не ведая, что за этим стоит. Пустые слова гремят как порожние ведра, в которые можно нагрести чего угодно. Вместо здравого смысла людям пытаются навязать пустые абстракции, манипулируя сознанием через «игру в слова».

Когда после брежневской мертвечины накатила горбачевская гласность, настало «время Слова», все только тем и занимались, что говорили-говорили-говорили. Потом пришло время Ельцина — «время Денег», больших и шальных денег. Все бросились «делать бабло» всеми правдами и неправдами. Время Путина — «время Карьер». Все полезли во власть, стремясь пробиться на самый верх.

Новое поколение уже не верит в «прогрессивные» социальные схемы и в красивые песенки о «счастливом будущем». Российская молодежь уже не хочет слышать ни о какой «политике», и не потому, что равнодушна, а просто ей противно от бессовестной лжи и демагогии. Всем уже изрядно поднадоели бесконечные разглагольствования и бесплодные поиски «светлых целей народных революций».

Государство «Российская Федерация» сейчас оформлено не как естественное продолжение тысячелетней российской государственности, а как *обломок* (весьма крупный) бывшей советской империи. Нынешнее российское государство существует по инерции среди других таких же государств-обломков, временно договорившихся о признании хоть какой-нибудь, даже самой призрачной стабильности.

Но инерции свойственно угасать. Перефразируя образные слова М.А. Булгакова и В.В. Розанова, следует признать, что дело не в том, что «все государства смертны», дело в том, что они *«внезапно смертны»* и могут совершенно неожиданно *«слияться в два-три дня»*. Даже в августе 1991 г., через три дня после провала путча, почти никто не

мог предположить, что многомиллионная КПСС моментально испарится, будто и не было ее никогда. Напротив, зарубежные советологи утверждали, что задубелый советский тоталитаризм легко переварит небольшую горбачевскую «демократическую заварушку».

Затянувшаяся неопределенность в реформировании России возникла из-за того, что «лихие демократы», пришедшие на смену «дряхлым коммунистам», не имели даже приблизительного плана формирования нового общества и построения нового государства взамен СССР. Думали так: вот уйдут коммунисты — и все наладится само собой. Не получилось!

Одной из главных причин развала как царской, так и советской империи стал *чрезмерный централизм государственного управления*. Раньше централизм выражался в абсолютном самодержавии русских царей, позже в удушающем тоталитаризме советской власти, словесно замаскированном под пресловутый «демократический централизм».

Не отстают в этом отношении и нынешняя российская власть, которая является едва ли не самой жесткой «президентской вертикалью» в мире, стоящей над обществом. Федеральная власть и лично президент мечутся из одного региона в другой, улаживая финансами и обещаниями то невыплату зарплат, то недостаток горючего при очередной посевной компании, то отсутствие газоснабжения в каком-нибудь отдаленном хуторе. Или лично раздавая на местах административные «оплеухи» после произошедших там природных и техногенных катастроф, будь то пожары, наводнения, землетрясения, обрушения мостов и гидростанций.

Дело в том, что в России трудно отказаться от традиционного *этатического мировоззрения*. Российское государство всегда было на первом месте в сознании русского/советского общества и считалось высшей сакральной ценностью. Этатизм (державность) всегда существовал как в категориях «царской империи», так и в терминах «социализма/коммунизма». На практике это приводило к преклонению перед государственными институтами и к культу очередного вождя.

Еще со времен царизма жива вера в то, что концентрация власти в одних руках обеспечивает эффективное руководство. Однако, как оказалось, в России концентрация власти чаще всего приводит не к сильному государству, а к крайне жестокому и неэффективному правлению, при котором людям только и остается, что уповать на здравомыслие самодержца-диктатора и его милосердие.

Взамен системы олигархического правления времен Ельцина («семибанкирщины») сейчас мы имеем в России сформированное за последнее десятилетие реальное *полицейско-бюрократическое государство*. На практике это выражается в правовом беспределе, произ-

воле и коррупции. Более того, российский олигархат тесно сросся с государственным аппаратом, став де-факто одним органичным целым. Однако усиление централизации власти и подавление оппозиции, как показывает исторический опыт, дают быстрый эффект, но весьма кратковременный. В конечном итоге чрезмерная централизация власти неизбежно приводит к взрыву всей государственной политической системы.

Этатическое мировоззрение властной элиты, самодовольно названное «суверенной демократией», стало в современной России официальной государственной идеологией, весьма сходной с идеологией фашизма — идеологией «корпоративного государства». При такой идеологии государство — «наше все», а человек — ничто! В этих условиях мнение «лидера нации» — беспрекословная истина, а мнение всех остальных — чепуха, не достойная внимания.

Фашистская доктрина утверждает абсолютную ценность государственности (этатизма) и требует полной лояльности существующему государственному строю. *«Для фашиста все в государстве, и ничто человеческое и духовное не имеет ценности вне государства»* (Бенито Муссолини).

Теоретики фашизма надеялись преодолеть классовый антагонизм и общественную несправедливость — но иным методом, чем уравнилельный социализм. По мнению «настоящих фашистов», революция должна быть не интернациональной, а национальной, не атеистической, а христианской. Однако отношение к основным этатическим (державным) ценностям всегда сближало позиции фашистов и коммунистов. На практике это выражается, прежде всего, в ликвидации основополагающих институтов гражданского общества — демократических выборов, независимого суда, а также предполагает введение цензуры, роспуск независимых профсоюзов, запрещение либеральных партий. Фашисты убеждены: все, что является препятствием на пути укрепления государства, подлежит уничтожению.

Все тоталитарные режимы густо припахивают фашизмом. Недаром говорят: *«В стране, где похозяйничали коммунисты, фашистам уже делать нечего»*. Другое дело, что нынешняя российская власть свои истинные державно-этатические взгляды прикрывает псевдодемократической фразеологией.

Люди никак не хотят понять очевидное: в постиндустриальную эпоху время суперцентрализованной власти и диктаторов прошло. Так же как прошло время сакральности традиционного иерархического государства как главной ценности общества. При диктатуре страной могут управлять и полные ничтожества, примеров тому — тьма! Свою несостоятельность диктаторы скрывают путем ограничения свобод и

введением единомыслия. Пустословием политиков порождается лишь цинизм общества.

Сегодня все диктаторы, какие бы погоны и фуражки они ни надевали, уже не страшны. Они просто смешны. А их любимая «вертикаль власти» чаще всего напоминает отполированный до блеска вертикальный шест в сомнительном заведении.

Несмотря на крайне плачевные для страны результаты своей деятельности, центральная власть убеждена в своем «священном праве» быть несменяемой и продолжать диктовать населению свои законы. То есть мы имеем сейчас ничем не ограниченную диктатуру чиновников и ее «опричной прослойки» в виде жесткой бюрократической структуры и полицейских методов управления. В этом случае гражданские протесты против чрезмерного усиления центральной власти (не московской, а кремлевской!) неизбежны. Но любое упоминание об удушающем централизме и об отсутствии настоящего федерализма вызывает настоящее бешенство кремлевской власти, а любые либеральные веяния объявляются разрушительными.

В постиндустриальную эпоху принципиально меняется система организации и управления в обществе. Уже становятся неэффективными и диктатура, и олигархия, и любая другая форма жесткого централизма. Идея укрепления «вертикали власти» невозможна в условиях усложнения и многообразия действующих социально-экономических процессов. На смену «жестким» иерархическим структурам приходят структуры мягкие — «сетевые» (кластерные).

Реально сложившаяся монополия авторитарной власти может как-то измениться (стать более либеральной) и преобразоваться только в одном случае — когда возникнет некая мощная сила, ей противостоящая. Такой политической силой может стать *новый реформированный федерализм*, сначала как идея, а затем как система реального противовеса существующему российскому централизму. Новый федерализм нужен как фактор силы, чтобы повернуть центральную власть на другой, более демократичный (либеральный) курс.

То, что Россия имеет по конституции федеративное устройство, лишь пустые слова! По факту это никакая не федерация, а типичное централизованное унитарное государство, где даже президенты национальных республик назначаются чиновниками в Кремле. Ни в одной крупной стране мира, кроме нынешней РФ, в столичном центре не сосредоточивается столько ресурсов — финансовых, политических, информационных, всяких. Российская властная «вертикаль» отбирает у регионов почти все собранные налоги, централизует использование природных ресурсов, не позволяет демократически избирать администрацию на местах, контролирует судебную систему, препятствует

модернизации ЖКХ. В таком виде Россия представляет собой совершенно нежизнеспособную структуру. Совершенно очевидно, что такая жесткая централизация — тормоз в развитии страны, что обрекает нацию на вырождение и вымирание.

Ни в одной стране мира нет такого количества «субъектов федерации», как в России. Такое дробное государственное устройство не обосновано ни экономически, ни исторически, ни с точки зрения эффективного управления. Административные границы начертаны прихотью русских царей и советских вождей от Ленина и Сталина до Хрущева и Ельцина. Деление России по этническому признаку безнадежно устарело, это просто случайные линии на географической карте. В существующем виде эти границы не нужны никому — ни имперцам-державникам, ни националистам, ни либералам. Для развития страны требуется новый подход — *демократический федерализм*.

Российское государство в нынешних границах может реально разделиться внутри себя на крупные самодостаточные образования — *федеральные края*. Их границы следует устанавливать не по этническим или экономическим признакам (все это изменчиво, а оттого зыбко и спорно), а по незыблемым географическим понятиям. Это, прежде всего, *водоразделы главных рек России*. Таких новых федеративных образований можно организовать на территории России не много, не больше двенадцати-пятнадцати. Население каждого такого федерального края будет составлять порядка десятка миллионов человек.

В европейской части России можно четко выделить семь федеральных краев: Верхнее-Волжский край (до притоков Суры и Ветлуги), Нижне-Волжский край, Донской край, Кубанский край, Терской край, Ладожско-Онежский (Новгородско-Ижорский) край, Двинско-Печерский (Поморский) край. Административные границы Днепровского и Уральского краев (или округов) придется урегулировать с новоявленными государствами — Украиной и Казахстаном, осколками бывшего СССР.

В Зауралье возможны свои незыблемые федеральные административные границы, привязанные к географическим признакам: Иртышско-Обский (Сибирский) край, Енисейский край (с Байкалом), Ленский край, Приамурский край (по границе с Китаем), Дальневосточный край (Сахалин, Камчатка, Колыма, Чукотка)²⁴.

Передача большинства экономических и административных функций центра в федеральные края (оставляя за центром лишь безусловно необходимые — общую финансовую систему, технологические стандарты, межрегиональную транспортную сеть, стратегиче-

²⁴ Подробнее см.: [1].

ские вооруженные силы и т. п.) позволит снять накопившееся напряжение от чрезмерного централизма в России — самой обширной страны мира. Двадцатилетие чеченских кровавых конфликтов доказывает, что с явлениями дезинтеграции можно успешно бороться, давая больше прав и развивая самоуправление на местах, а не силой оружия и принуждения.

Новый федерализм позволит возродить российскую провинцию. Речь идет о реализации общей идеи *самоуправления*, о принятии на местах на себя всей полноты ответственности за каждое принятое решение. Однако федеральная (центральная) власть и ее пропагандистский аппарат найдут сотни причин (не называя истинных), чтобы опорочить и исказить идею новой федерализации и местного самоуправления. На это будут брошены подконтрольные СМИ и красноречие придворных журналистов и политологов. Хотя главная причина отрицания заключается в том, что центральная власть свое монопольное положение уступать никому не намерена.

Чего нынешняя власть боится больше всего? Любой *самоорганизации* людей. Пока общество атомизировано, т. е. разобщено на отдельных граждан с их мифическими «правами человека», власть может спать спокойно и обдѣлывать свои корыстные делишки. Но стоит людям начать влиять на процессы самоорганизации помимо тех рамок, которые установлены «их законами», то сразу начинается информационный вой про экстремизм, про раскачивание лодок (и яхт) и про «пятую колонну подлых иностранных агентов».

У нормального, физически и психически здорового человека высшей ценностью является *свобода*. Самое страшное падение человека в том, что он не хочет свободы и добровольно отказывается от нее. Такие люди предпочитают быть равнодушными и пассивными, считая, что в глазах окружающих равнодушие не так унижительно, как обычная трусость. Для самооправдания они всегда выставляют себя людьми зависимыми и подчиненными, от которых якобы ничего не зависит. Как заметил в свое время Ф.М. Достоевский, «*образованный человек, если ему это выгодно, может словами оправдать любую мерзость*».

Печально, что все больше и больше людей в России заявляют, что свобода им просто не нужна, что идеи либерализма не для России. Что рабское холопство лучше (комфортней) свободы. Забывая, что рабское послушание никогда и никого не выручало — покорного бьют все кому не лень.

Долго жить во взаимоисключающей системе ценностей невозможно. Нельзя, с одной стороны, исповедовать основы православной (русской) культуры, а с другой — оставаться в убеждении, что нет

преступлений против человечности, а есть только «объективная борьба классов».

Идеи Свободы и Справедливости должны стоять сейчас в центре повестки дня — идеи *ответственной* Свободы и *неуравнительной* Справедливости. Памятуя о том, что права человека без его ответственности разрушительны, а уравнивающая справедливость абсурдна.

Народ никогда и нигде в мире не правит, у государственного руля всегда стоят политики. Их слова и поступки вызывают или горячую поддержку, или непримиримое отторжение. Власть в стране существует до тех пор, пока ей *доверяют*. А доверие — материя тонкая, деликатная, даже просто мистическая. Вроде, только что было это самое доверие, и вдруг — нет его, испарилось! А если нет доверия к власти, то никакая армия, никакой ОМОН не спасут власть от краха.

Реальная оппозиция должна искать и пропагандировать системные решения социального переустройства — государственные, экономические, идеологические. Главное — иметь и озвучивать четкий план создания *новой* системы, а не заниматься руганью одиозных представителей действующей власти. Приобрести доверие, а через него и реальную власть, можно только через честное правдивое слово.

И в заключение: *«Господа оппозиционеры! Будьте реалистами — требуйте невозможного!»*. Удача всегда улыбается дерзким, а слабаков обходит стороной. История помнит лишь тех, кого любили или ненавидели, остальных она неизбежно забывает.

Литература

1. *Косов Е.В.* Глокализация: основы формирования глобально-локальных узлов цивилизации // *Философия хозяйства*. 2012. № 3.

М.В. ЛЕОНТЬЕВ

Алгоритм новой индустриализации

Часто можно слышать разговоры про суверенитет, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что структура нашей экономики суверенитета не гарантирует. Более того, она способствует тому, чтобы мы его лишились. Наша экономика в большой степени зависит от конъюнктуры внешних рынков. К слову сказать, бывший министр финансов А. Кудрин предлагал американцам с помощью наших резервов преодолеть их кризис. Но дело в том, что американская финансовая система может буквально «нарисовать» эти резервы в течение

секунды, поскольку почти все операции в развитых странах проводятся через систему электронных денег и счетов.

Идея постиндустриального развития, заключающаяся в том, что индустрия — вчерашний день и нет необходимости в ее развитии, потерпела поражение и нигде не была востребована. Сейчас Б. Обама уже открыто объявил, что взят курс на реиндустриализацию страны. К этому существуют достаточно серьезные экономические предпосылки. Например, теория индустриальных общин, находящаяся на передовых рубежах экономической мысли в настоящий момент, считается практически официальной в США. Согласно ей, если производство и капиталы уходят в другую страну, за ними двигаются инженерные кадры, менеджерская инфраструктура, наука и остается неэффективная экономика. Индустрия существует и функционирует в рамках таких полноценных общин.

Другой аспект, заслуживающий внимания, заключается в том, что не эффективно с точки зрения развития индустрии в одном месте развивать экономику знаний, в другом — производить материальные ресурсы. Иначе говоря, существуют по крайней мере два акцента в современной экономике, являющихся теми механизмами, инструментами, с помощью которых может быть найден выход из системного кризиса и осуществлен переход к другой системе.

Кстати, надо понимать, что такая система будет во многом другой не только с точки зрения структуры, но также с точки зрения научно-технического прогресса, уровня социального развития, качества.

Современное социальное устройство стран мира в том виде, в котором оно существует (либеральная демократия), недолговечно, потому что процессы организации войны и построения мира совершенно не соответствуют действующей системе. Трудно представить себе, чтобы организация армии не влияла на социальную структуру. Зададимся вопросом: а когда вообще появились предпосылки к появлению и развитию демократии? Когда возникла необходимость в формировании больших армий, в наборе вооруженных людей, причем признак массовости применим здесь не к рекрутам, а именно к всеобщей воинской обязанности? Сейчас мы видим, что будущая армия — армия профессионалов. Аналогично тяжеловооруженный рыцарь был профессиональным воином для своего времени; это была единственная конкурентоспособная форма военной организации, этот рыцарь являлся единой боевой системой сам по себе. Профессиональный солдат сегодня превращается в подобную систему, основанную на современных электронных и нанотехнологиях, оборудованную различными средствами поражения и т. д.

В этом плане мне всегда представлялось верным именно такое устройство общества, я сторонник «нормальной», отличной от отечественной, обязанности людей перед государством — всеобщей воинской обязанности с политической точки зрения. Однако технологически это система отсталая, которая постепенно разрушается. Общество в этом плане динамично изменяется.

Кроме всего прочего, всеобщая демократия построена на так называемом равенстве прав, на концепции непрерывного повышения благосостояния. Это не отменяет возможности циклических кризисов, но в целом должен наличествовать тренд на повышение благосостояния. Покупается лояльность. Что вообще представляет собой любая политическая система? — воспроизводство власти действующей элиты. При невозможности мы говорим о революции. Все остальное (диктатура, монархия, демократия и т. д.) уже детали. Главное здесь то, каким наиболее оптимальным способом элита способна воспроизводить и укреплять свою власть. Обратная же ситуация называется революцией, в процессе которой происходит смена элит, а не просто замена старых элит новыми (как в случае с «оранжевой» революцией).

Отметим два обстоятельства.

Первое — сланцевая революция. Последнее время эта тема особенно активно обсуждается, начиная с господина Миллера, который сообщил президенту, что сланцы в США закончатся через 11 лет, и поэтому ими не следует заниматься. Но он не проводит различий между дебетом одной скважины с запасами углеводородов в целом. Сланцы — это *нефте-газо-материнская порода*, которой в земельных недрах на порядки больше, чем традиционных углеводородов. Добывать из нее углеводороды умели еще 150 лет назад, но экономически это было абсолютно невыгодно. Затем разработали горизонтальное бурение, появился многоступенчатый гидр-разрыв. Себестоимость добычи сланцевой нефти в Техасе в 2016 г. будет колебаться в пределах 5—8 дол./бар. Причем, когда вычисляется окупаемость, американские эксперты включают сюда также затраты многих лет, в том числе сделанные огромным количеством мелких венчурных компаний, которые предпринимали попытки исследования сланцев и разрабатывали наиболее эффективные методы их добычи. А затраты на новую скважину таковы, что цены на газ — 80 дол./1000 м³, т. е. меньше, чем субсидированные цены в России для индивидуальных потребителей. Кроме того, они высокорентабельны. Всем известно, что США полностью прекращают импортировать газ и начинают его экспорт, здесь лишь вопрос перестроения терминалов с разжижения на сжижение. Газ из Катара полностью экспортируется в Европу. Почему «Шток-

ман» «умер»? Потому что он долгое время работал на американском рынке, а теперь американского рынка газа нет, и больше не будет.

Вопрос освоения этих технологий другими странами — неоднозначный и сложный. В Европе нарастает экологическое безумие. Но это в большой степени вопрос геологии. В Пенсильвании 200 м верхнего слоя земли составляют газоносные слои и низкогрунтовые воды. И все это в процессе круговорота попадает в воду, но никто и не собирается их добывать. А вот в Коннектикуте, в Техасе этих слоев — 3—4 км. О каких грунтовых водах здесь может идти речь? — в США вообще не имеется никаких экологических рисков. Строится скважина, представляющая собой трубу и насос, а вокруг тянутся поля, пасутся дикие животные, процветает техасское сельское хозяйство. Другими словами, это революция в области базовых энергоносителей, которые остаются с химической точки зрения теми же — нефть и газ, но их «экономика» существенно меняется. Из продуктов, естественным образом ограниченных, дефицитных и дорогих, они превращаются в товары принципиально неограниченные, недефицитные и недорогие, подобно песку или щебню. Это тоже необходимые в строительстве элементы, но мы никогда не слышали про геополитику щебня или песка, потому что они везде в избытке и дешевые. Я предполагаю, что китайцы освою это быстро, они активно включились в этот процесс — уже покупают доли в американских сланцевых компаниях («Чизпик», например). И не с целью там добывать и получать доход, а с целью осваивать технологии. Это вопрос трех-четырёх лет, когда рынок поймет, что имеет дело с товаром совершенно другого характера. Тогда цены рухнут уже навсегда. А вместе с ними, кстати, разрушится и геополитика нефти, на которой построен современный мир. И это перспективный шанс для США сбросить с себя огромную обузу, которая гораздо серьезнее, чем ноша Советского Союза в виде мировой социалистической системы.

Второе обстоятельство — роботизация, а именно промышленный ее тип. Часто можно слышать рассуждения на тему IT-революции, технологий. Но это нельзя называть технологиями в строгом смысле. Все их продукты — гаджеты и пр. — это баловство. А вот промышленная роботизация — действительно революция. Если раньше считалось, что робот может и должен делать то, что не под силу человеку, то сейчас, наоборот, человек будет делать только то, что не может делать робот. Ясно, что те цивилизации, которые эту роботизацию пройдут, будут в корне отличаться от остальных. В этом смысле китайцы становятся «ненужными». И это колоссальный социально-экономический вызов, такой же, с каким в свое время столкнулись луддиты. Кстати, это разрешает проблему цены рабочей силы,

наличия рабочей силы и связанных с ее нехваткой демографических кризисов. По сути, роботов будут производить сами роботы. Понятно, что цивилизация, которая освоит эти технологии, будет представлять собой определенный класс людей, определенный уровень развития, и остальной мир станет ненужным. Конечно, это не близкая перспектива — мы говорим о более отдаленном времени, но оно в конце концов настанет. Мы видим, какими темпами развивается НТП, мы знаем труды американских футурологов, которые описывали похожие на сегодняшнюю ситуацию.

Перед нами стоит, и на этом построен мой оптимизм, не просто желание совершить рывок, не просто желание сохранить страну, а категорический императив выживания, причем в том числе и правящего режима. И поэтому я верю в его несуицидальные наклонности и в то, что экономическое принуждение к новой индустриализации даст результат. На уровне риторики результат уже виден — с риторикой, как всегда, все в порядке. В области же политики пока мы не видим ничего особенного, кроме реализации государственной программы вооружения, но это отдельный вопрос. В остальном существует консенсус, даже с более или менее лояльными здравому смыслу и собственной стране либералами, по поводу того, что текущий образ жизни неприемлем. К примеру, я беру журнал «Эксперт», под заголовком стоит: «Без новой индустриализации страна погибнет». И говорится в нем о том, что складывается разрушительная ситуация: из экономики за три года было изъято 4 трлн р. в якобы надежные активы, под которыми нулевые проценты (ниже реальной инфляции). Эти активы давно уже никем не считаются, имеющиеся европейские и американские бумаги не являются сверхнадежными. Спрашивается — с какой целью? На мой взгляд, это явный подрыв экономических основ страны. Центробанк поднимает ставку в тот момент, когда сам же фиксирует замедление экономики. Фактически это действия «пятой колонны». «А нам так удобнее», — говорит председатель Центробанка. Накачивается рынок потребительского кредитования, потребительский кредит может получить кто угодно на что угодно, при этом сокращается кредитование конкретных производственных предприятий. Вы просто открыто кредитуете, отказываясь кредитовать, потому что ставки запретительные и кредит взять невозможно. Промышленного кредита в России на приемлемых условиях не существует, только в случае участия заемщиков в специальных льготных программах. Соответственно и рынка кредита не существует.

Возникают вопросы: почему государство не может собственные деньги, которые оно «прячет» на счета, вложить в производство? В производство, например, препаратов для диабетиков, инсулина и др.

Стоимость высокотехнологичного производства понятна. Окупаемость его учитывается по той причине, что в бюджет заложены деньги на закупку. Как возможно это оценивать и терпеть?

И теперь хотелось бы сказать о лояльных умеренных либералах, которые полагают, что бизнес должен решить, что надо создавать и формировать ли длинные инструменты. Данные меры, конечно, тоже полезны, в экономике необходимо задерживать деньги, должна проводиться стимулирующая налоговая политика, но у нас в течение многих лет налогами ведает человек, который не верит в стимулирующую роль налоговой политики...

Тем не менее для такой стихийной модернизации «снизу» с помощью государственной политики стимулирования, создания климата у нас нет времени, мы обречены на индустриализацию «сверху», т. е. силами и средствами государства. А это значит, что без участия бизнеса, способного рискнуть и вложиться в такие проекты, реализация которых ведет к решению стоящих перед нами задач. Даже западные компании в области индустрии, не говоря уже о наших, не возьмут на себя такой риск. Это остается делать государству. Существует много рассуждений на тему того, какие функции в рыночной экономике должно исполнять государство и какие задачи оно будет выполнять неэффективно. В действительности данный вопрос предельно ясен. Необходимо упорядочить процесс принятия решений государством. Оно обладает преимуществом, с помощью которого способно ставить и решать общественные задачи, т. е. выполнять общественный заказ, а также неконъюнктурные задачи. Государство способно выстраивать и реализовывать долгосрочные стратегии. Бизнес ориентирован на получение прибыли — в этом его преимущество и функция как хозяйствующего субъекта. Государство же разрабатывает и осуществляет стратегии и таким способом хозяйствует. Это даже не вопрос, на мой взгляд, формы собственности, поскольку помимо прочего существует конкурсное управление. Если по конкурсу приглашается управляющая компания мирового класса, ее деятельность от государственной практически ничем не отличается. Собственно, только таким способом государство и должно действовать. Оно не должно хозяйствовать на тех объектах, которые ему принадлежат на 100%, это фактически не его прерогатива; его дело — разрабатывать стратегии и контролировать их осуществление, планировать последовательное выполнение поставленных задач. Модернизации во все времена и во всех странах (Петр I, Сталин, Бисмарк, революция Мэйдзи) построены по одной модели — быстрая ликвидация отставания. Любым способом концентрируются средства, затем используются определенным образом, закупаются предприятия «под ключ», технологии, привлекаются про-

фессиональные кадры, и задача состоит в том, чтобы в течение короткого времени сформировать около 40 корпораций мирового класса в разных критически важных для развития сферах.

Проекты развития и критерии отбора стратегий должны быть четко сформулированы. Пока в рабочем состоянии мы имеем только ВПК. В реальности эта программа в 23 трлн р., — колоссальный проект. Однако в нынешнем состоянии российский ВПК эту программу освоить не сможет. Но это не означает, что ее не надо реализовывать, что она не будет осуществлена. Это показывает, что данная программа подразумевает качественное обновление всего ВПК, восстановление утраченных фондов, наработку нового опыта. И здесь мы видим ту же самую проблему, когда финансирование переносится на конец года. Сначала вся программа относится на конец года, большая часть средств сдвинута на следующие периоды, затем бюджетное финансирование относится к концу, а предприятиям выдают кредиты. Иначе говоря — откровенный подрыв функционирования производства.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы указать примерную оценку средств, необходимых для проведения такой модернизации — 500 млрд дол. (для того чтобы провести рекапитализацию с учетом рефинансирования за счет отдачи). Необходимо, условно говоря, построить корпорацию, довести ее капитализацию до уровня, превышающего первоначальные затраты, и продать. И полученные средства вложить в дальнейшие шаги. Ничего другого придумать и сделать не представляется возможным. Значит, придется делать.

М.Ю. ПАВЛОВ

Контурсы посткризисного мира: на пути к преодолению экономизма

Организаторы международной научной конференции «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 5—7 декабря 2012 г.) обозначили одну из важнейших проблем вырыва к развитию как «Зарвавшийся экономизм: триумф, кризис, преодоление». Именно такое название получила одна из секций названной конференции. И один из аспектов данной проблемы, а именно, преодоление экономизма, мне представляется целесообразным хотя бы тезисно раскрыть в данной статье.

Ю.М. Осипов дает следующее определение: «экономизм — феномен, означающий приоритет особого способа реализации хозяйства

на основе обмена товарами и движения денег» [1, 258]. Господство товарно-денежных отношений — это характерный признак рыночной экономики, где товар, как объяснялось в учебниках политической экономии, это базовая клеточка капитализма, или, иначе, рыночной экономики.

Как и дорыночные системы, рыночная экономика в свое время прошла стадию генезиса, а затем заняла господствующее положение. Но что же будет дальше? На этот вопрос есть разные ответы: «экономиксисты» (термин М.Л. Хазина), неолибералы, считают, что рынок — высшая стадия развития, к которой должны стремиться все остальные способы реализации хозяйства. Особенно показательной можно назвать работу Ф. Фукуямы «Конец истории». Представители классической политической экономии, напротив, считают, что рыночная экономика исторически ограничена.

По нашему мнению, рыночная экономика в 1990-х — начале 2000-х гг. достигла своей высшей точки развития. Рыночная экономика просто не может развиваться дальше. Ее максимальная экспансия состоялась и в пространстве (в частности, это во многих своих статьях убедительно показывает и доказывает М.Л. Хазин²⁵), когда в мире просто не осталось более свободного пространства для проникновения рынка. Триумф неолиберальной модели глобализации как раз и означал распространение рыночного пространства на весь мир.

Максимальная экспансия рыночной экономики состоялась и во времени, причем особенно четко это показал современный долговой кризис, когда долги набирались не под реальное имущество, а всего лишь под возможность их возврата в будущем. Более того, рыночная экономика основательно залезла в ресурсы будущих поколений и оставила будущим поколениям огромную нагрузку в виде проблем радиоактивных отходов, мусорных свалок, загрязнения окружающей среды и деградации множества биогеоценозов. Окружающая среда продолжает ухудшаться. В частности, одна из самых авторитетных организаций в области оценки окружающей среды в мире — Всемирный фонд дикой природы (WWF) в своем докладе «Living Planet — 2010» («Живая планета — 2010») приводит данные, что в 2007 г. «экологический след превышал биоемкость Земли — фактически имеющуюся площадь, способную воспроизводить возобновляемые ресурсы и поглощать углекислый газ, — на 50%» [2]. Это означает, что для хозяйственной деятельности человечества в 2007 г. живой природе на Земле был необходим не один, а полтора года чтобы восстановить возобновляемые ресурсы и поглотить углекислый газ. Че-

²⁵ См. статьи на сайте worldcrisis.ru.

ловечество, ведомое неолиберальной моделью, с каждым годом все больше отнимает ресурсы у будущих поколений.

Максимальная экспансия рыночной экономики состоялась и в виде ее моделей, структур, принципов и прочих идеологических составляющих. Экономический империализм (упрощенно говоря, когда заставляют мыслить прежде всего в терминах «выгодно — не выгодно») мощно проник в социальные науки, политику и даже в человеческие отношения. Дальше рыночной экономике расширяться просто некуда. Рынка стало слишком много. Изначально рынку отводилось распределение только материальных благ, но он перешагнул эти границы и вторгся в чужие сферы, попытавшись встать над человеком (с конструкциями «человеческого капитала», «экономики семьи» и т. п.), над интеллектом (с концепцией «интеллектуального капитала»), над жизнью и над природой (с концепцией «восстановительной стоимости» природных ресурсов) и т. д. и т. п.

Парадоксально, но в результате жизнь множества людей стала выгодной, но очень некомфортной.

Но что же с рыночной экономикой будет дальше? Расширяться ей уже просто некуда. Соответственно остается только два вектора развития: удержание захваченных позиций и сжатие.

Рыночная экономика обречена именно на сжатие. Других вариантов развития у нее просто нет. В ней долгие годы набирали силу подводные течения, ослаблявшие ее могущество, отрицавшие ее принципы. Еще более полувека назад Дж.К. Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество» [3] анализировал техноструктуру как отрицание рыночных принципов. Появление феномена долгосрочных контрактов резко ограничило возможности действия рыночных сил. В контрактах проставляются цены покупки и продажи, а значит, несмотря на колебания спроса и предложения, цена сделки не меняется.

Экономизм тесно связан с «невидимой рукой». Обязательные условия работы «невидимой руки» рынка по А. Смиту [4]: 1) невмешательство государства в экономику; 2) недопущение монополий; 3) недопущение бедности; 4) соблюдение моральных добродетелей («нет» коррупции и насилию, войнам).

То, что принципы 2—4 в современном мире не соблюдаются, не нуждается в подтверждениях. Одним из последних оплотов «экономиксистов» был принцип под номером 1. Однако в странах с развитой рыночной экономикой наблюдается резкий рост нерыночного регулирования. Достаточно вспомнить программу США «План Полсона» (TARP), согласно которой «самая рыночная» страна беспрецедентно вбрасывала в экономику примерно 700 трлн дол., резко нарушая принципы конкуренции, банкротства и «отсева» неэффективных

институтов. Но позднее, благодаря аудиту, выяснилось, что Федеральная резервная система (ФРС) США выдает беспроцентные займы на общую сумму 16 трлн дол. Сенатор США Берни Сандерс, обнародовавший результаты аудита ФРС, выложив их на своей странице на официальном сайте Конгресса США, так высказался по этому поводу: «Социализм — для богатых и грубых, индивидуализм — для всех остальных» («This is a clear case of socialism for the rich and rugged, you're-on-your-own individualism for everyone else») [5; 6].

На рисунке 1 показаны масштабы нерыночного регулирования в США по сравнению с ВВП США. Государственный долг — это также некий симулякр обычного, операционного долга, принятого в практике рыночных отношений. В отличие от операционного, «нормального», долга, государственный долг вряд ли будет возвращен. Государства обслуживают долги, но вопрос о возврате «тела» долга даже не становится предметом более или менее масштабного обсуждения. Это напоминает практику нерыночного регулирования сельского хозяйства в СССР, когда появились «колхозы-миллионеры», задолжавшие государству миллионы рублей. Было совершенно очевидно, что эти долги колхозы вернуть не в состоянии, но эти колхозы были нужны для экономики, поэтому долги просто постепенно списывали. Нечто подобное мы наблюдаем и в настоящее время.

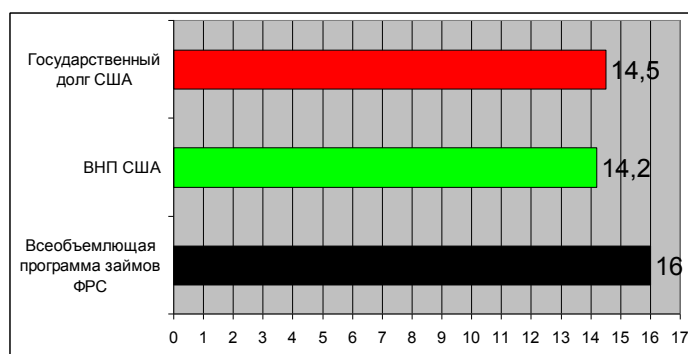

Рис. 1. Масштабы отказа от рыночного регулирования, трлн дол. [7, 8]

Помощь финансовым структурам прошла под лозунгом «Слишком большие, чтобы обанкротиться», который означает только одно — прямое отрицание принципов рыночного регулирования экономики.

Беспроцентные займы, выданные ФРС инвестиционным банкам с декабря 2007 г. по июнь 2010 г. (см.: [5; 6]): «Citigroup» — 2,5 трлн дол.; «Morgan Stanley» — 2,04 трлн; «Merrill Lynch» — 1,949 трлн; «Bank of America» — 1,344 трлн; «Barclays PLC» (Соединенное Королевство) — 868 млрд; «Bear Sterns» — 853 млрд; «Goldman Sachs» — 814 млрд; «Royal Bank of Scotland» (Соединенное Королевство) — 541 млрд; «JP Morgan Chase» — 391 млрд; «Deutsche Bank» (Германия) — 354 млрд; «Credit Suisse» (Швейцария) — 262 млрд; «UBS» (Швейцария) — 287 млрд; «Lehman Brothers» — 183 млрд; «Bank of Scotland» (Соединенное Королевство) — 181 млрд; «BNP Paribas» (Франция) — 175 млрд дол.

Такое решение по спасению крупных структур тем не менее считается рядом аналитиков обоснованным и даже вполне рациональным. Почему так происходит?

Сама экономика в последнее время заметно изменилась (генезис экономики, основанной на знаниях «Третьей волны», в терминах Э. Тоффлера [9]). В случае банкротства фирмы, ее интеллектуальные активы теряют от 30% до 90% своей стоимости, и даже более [10; 11, 175]. Нематериальные активы обесцениваются на уровне 2—10% ежемесячно, поскольку базы данных и списки почтовой рассылки, клиентские базы и технические «ноу-хау» имеют свойство очень быстро терять актуальность, в отличие от брендов и торговых марок [11, 38, 175].

Появляется такое явление, как «протребитель» («prosumer») (соединение производства и потребления) [9]. Поскольку при производстве «на заказ», характерном для современной экономики, каждый вариант исполнения индивидуален, кривые спроса и предложения построить просто нельзя — для этого просто недостаточно данных.

По мере развития НТП новые исследования и разработки требуют привлечения все больших ресурсов, что невозможно сделать даже в рамках целого государства или же целой МНК. Пример: большой адронный коллайдер. Разработка новых автомобилей, соответствующих всем требованиям, стала настолько дорогой, что сразу несколько корпораций-автомобилестроителей объединяют свои усилия. Новейшие технологии требуют колоссальных инвестиций, по образному выражению одного из аналитиков, «Нанотехнологии требуют мегаинвестиций». В результате новые разработки уже не могут осуществляться только в рамках индивидуализированных фирм, как это

было раньше, а требуют межстрановой и даже глобальной кооперации. Собираемый образ, отображающий организации новой эпохи: сетевые модели, свободное участие заинтересованных людей, предоставление другим людям доступа, открытость творчества и инноваций, совместную неотчужденную деятельность людей с общими интересами, Д. Тапскотт и Э. Уильямс назвали *викиномикой*. На смену конкуренции, характерной для индустриального общества, приходит эпоха массового сотрудничества и совместной деятельности. «Все активнее развивается новое искусство и наука сотрудничества — мы называем ее “викиномикой”» [12, 37]. Викиномика — это уникальная смесь из взаимодействия на равных, творческого моделирования и сотрудничества. Вот что пишут авторы «викиномики» о новой модели организации деятельности: «В прошлом сотрудничество носило локальный характер. Оно происходило между семьями, друзьями, соседями, участниками небольших сообществ, в том числе отделов на работе. Крайне редко такое сотрудничество носило массовый характер, и обычно это происходило в периоды всплесков политической активности... В наши дни все изменилось... Миллионы людей уже объединяют свои усилия в самоорганизующихся союзах, создающих динамичные новые продукты и услуги и бросающих тем самым вызов крупнейшим и богатейшим компаниям мира. Эти новые принципы лежат в основе суперсовременных проектов и организаций, среди которых “You tube”, “Linux”, “Wikipedia”, “NineSigma”, “MySpace”, “InnoCentive”, “Flickr”, “Second Life” и проекта “Геном человека”. Использование этих новых принципов позволило заметно повысить эффективность и конкурентоспособность таких традиционных корпораций, как “Boeing”, “BMW” и “Procter & Gamble”».

Книга Г. Чезборо «Открытые инновации: Создание прибыльных технологий», вышедшая в 2003 г., оказала огромное влияние на экономические отношения между заказчиками и разработчиками инноваций. Модель предполагает, что компания при разработке новых технологий и продуктов не только рассчитывает на собственные внутрикорпоративные НИОКР, но и активно привлекает инновации и компетенции извне. Согласно логике открытых инноваций, компаниям важно использовать внешние источники изобретений и технологий для того, чтобы эффективно реализовывать свои проекты. И, с другой стороны, компании должны открыть доступ к своим изобретениям и технологиям, чтобы получить от их реализации максимальную прибыль [13, 73].

Появляются такие явления, как дарономика (пример — проект М. Каракулова (см. сайт darudar.org)), в основе которых лежат нерыночные отношения.

Кроме того, меняются сами работники. Так, А.А. Залетный отмечает, что даже весьма высокопоставленный менеджер инвестиционного банка «Голдман Сакс» Грег Смит объяснил причину своего добровольного ухода с высокого поста в этом банке «...царящей в этом банке жадности его владельцев, отношению к его кредиторам-клиентам как исключительно к средству для достижения скорейшей прибыли любой ценой...» [14, 178]. По сути, Г. Смит выступил против засилия экономизма.

Уже в ближайшие годы на смену экономизму придет (и он уже стал заметным явлением) естественный обратный процесс — деструкция товарно-денежных отношений, натурализация хозяйства и множество других интересных явлений, способных заметно изменить облик экономического мира. Однако экономика — это не только рынок. Прежде всего, это хозяйство. И именно с точки зрения хозяйства можно будет адекватно проанализировать и спрогнозировать развитие экономических отношений в будущем. Но это уже предмет отдельной стадии.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Экономизм // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
2. Доклад WWF «Живая планета — 2010» // http://www.wwf.ru/data/pub/reports/wwf-lpr2010_rus_web.pdf.
3. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., СПб., 2004.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
5. «The Fed Audit» on US Senator for Vermont Bernie Sanders' official web-page (domain «senate.gov») // <http://www.sanders.senate.gov/newsroom/news/?id=9e2a4ea8-6e73-4be2-a753-62060dcbb3c3>.
6. <http://sanders.senate.gov/imo/media/doc/GAO%20Fed%20Investigation.pdf>.
7. Chiesa G. Udite... // *Alternativa Politica*. 2011. Aug. 11 // <http://www.alternativa-politica.it/dibattito-politico/udite.html/>.
8. <http://www.inosmi.ru/europe/20110907/174310233.html>.
9. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2010.
10. *Smith G., Parr R.* Valuation of Intellectual Property and Intangible Assets, 2000.
11. *Anson W.* Fundamentals of Intellectual Property Valuation: A Primer for Identifying and Determining Value. 2005.
12. *Танскотт Д., Уильямс Э.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009.

13. *Чезборо Г.У.* Логика «открытых» инноваций: Новый подход к управлению интеллектуальной собственностью // Российский журнал менеджмента. 2004. № 4.

14. *Залетный А.А.* Альтруизм в управлении // Философия хозяйства. 2012. № 6.

С.В. БИРЮКОВ

Постреформизм в современной России: к новой стратегии эволюционного развития

Современная Россия только приступает к переосмыслению результатов и наследия либеральных реформ 1990-х гг. Российские экономисты, социологи, демографы и политологи неоднократно давали оценку различным аспектам этих масштабных преобразований. Вместе с тем комплексный анализ этого трансформационного процесса до конца не проведен, равно как и не установлена генетическая связь деяний российских реформаторов новейшего периода с предшествующими попытками модернизации российского общества и экономики (генетически связанные с ними «вестернизаторские реформы» Петра Первого и «великий перелом» 1920—1930-х гг.). Тем актуальнее проанализировать феномен российского либерального реформизма с позиций философии постреформизма, которая сегодня еще только заявляет свои права на жизнь. Каковы же родовые черты новейшего российского либерализма и шире — российского радикального реформизма?

Российский либерализм традиционно имел мессианскую, квазиэлитарную окраску, претендуя не просто на знание универсальных законов развития, но также на право опережать объективную логику исторического процесса, исходя из соображений реформаторской целесообразности. Наличие у объекта реформирования — России — собственных законов и логики исторического развития игнорировалось либо категорически отрицалось (см.: [1, 110—113]).

Российские либеральные идеологи изначально отдавали формирование стратегии реформ в руки узкой группы «прогрессоров» («архитекторов», «прорабов» и др.), которые противопоставляли себя «косному большинству народа» и получали своеобразную индульгенцию на свои действия, оказываясь по ту сторону традиционной морали и системы оценок, что формировало установки в духе своеобразно понятого идеологического фанатизма.

За «либеральными прогрессистами» изначально закреплялась презумпция невиновности независимо от результатов и издержек проводимых ими преобразований, в то время как за «консервативным большинством народа» — презумпция виновности, что призвано было нейтрализовать всякую критику и недовольство в адрес стратегов и реализаторов преобразований.

1. «Консервативное большинство» российского народа в результате лишалось какой-либо субъектности в процессе преобразований, рассматривалось как не имеющее самостоятельной ценности вне связи с так называемым реформаторским контекстом.

2. Культурно-цивилизационная почва России изначально рассматривалась как архаичная и однозначно подлежащая глубокой перделке вплоть до смены культурного кода (к чему призывал бывший советник президента Б. Ельцина философ А. Ракигов).

3. Любая рефлексия относительно характера и результатов подобных реформ была возможна только в рамках либерально-западнического дискурса, и поэтому их последствия с точки зрения культурно-цивилизационной специфики России принципиально не оценивались [2]. Как следствие, практически не оставалось места для разработки альтернативной стратегии реформ.

4. Реализуемые подобным образом либеральные (и шире — вестернизированные) реформы порождали в российском обществе масштабные социальные издержки, расколы и девиации, воспроизводили эффект «блокированного общества», формировали предпосылки для будущих масштабных потрясений.

5. На практике складывалась парадоксальная ситуация, когда либеральное (или так называемое прогрессистское) по своим целям и идеологии, но при этом глубоко авторитарное по своим методам государство эксплуатировало консервативное большинство общества, опираясь на его традиционную и коллективистскую этику (которые постепенно разрушались в процессе очередных модернизаций). Подобный синтез «элитарного либерализма» и «просвещенного патриотизма» для масс лежит в основе и современных российских политических стратегий.

При этом у либеральных преобразований 1990-х гг. имелись и качественные отличия от генетически и технологически сходных с ними предшествующих попыток радикальных преобразований. Эти различия касались прежде всего долгосрочных целей и общей стратегии инициированных реформ. По сути, либеральные реформы 1990-х гг. представляли собой попытку утилизации страны и ее ресурсов в интересах нацеленной на интеграцию в мировое сообщество вестернизированной элиты. Задача модернизации самой страны, ее эконо-

мики и общества, в отличие от предыдущих попыток «вестернизаторских реформ», даже не ставилась — речь шла всего лишь о модернизации элиты [3]. В этом процессе были возможны отступления, уступки и тактические паузы, но его смысл, характер и направленность практически не изменялись начиная с 1992 г.

В свою очередь, начавшееся осенью 2011 г. противостояние условных Болотной и Поклонной являет собой конфликт готовых продолжить в более радикальной форме процессы утилизации страны и модернизации элиты либералов с условными государственными патриотами, которые также хотели бы интеграции в мировую элиту, но самой системой своих интересов более тесно связаны со страной, ее экономикой и военно-промышленным комплексом, и потому были не столь радикальны в своих подходах. При этом политические парадигмы обеих сторон различаются не столь существенно. Подтверждением этому являются те реформы, которые были инициированы российским правительством в течение 2012 г., когда пошла на убыль активность внесистемной оппозиции, пик которой пришелся на прошлую зиму. Среди последних следует упомянуть:

- ратификацию присоединения страны к ВТО;
- так называемое бюджетное правило — законодательно закрепляющее количественные параметры нашей дани в пользу США — не менее 7% от ВВП в резервный фонд, что становится еще зримее, если напомнить, что это примерно половина всего федерального бюджета;
- сворачивание остатков социального государства, в том числе вступление в силу 83-го Федерального закона, хотя и несколько прикрыто, но недвусмысленно коммерциализирующего здравоохранение, образование, культуру и соцзащиту;
- принятие закона об образовании, среди прочего, снимающего планку верхней границы оплаты малообеспеченными семьями детских садов и т. п.;

Конструктивной альтернативой в современных условиях, на наш взгляд, является не торжество утилизационного либерализма и не новый застой с целью сохранения условно-патриотического консенсуса (в его официальной версии), а переход к тому, что мы определяем как *рефлексивную национальную модернизацию*.

Национальная модернизация — процесс создания социальных, политических, экономических и идеологических форм, позволяющих русским (и шире — россиянам) обрести форму политической нации и дать достойный ответ на современные вызовы. Все остальные варианты («подмороживание» России либо очередной виток либеральных

преобразований) означают упадок, деградацию и возможный итоговый распад исторической России.

Что же даст искомая национальная модернизация падающей в пост-модернистское болото стране?

1. Только пройдя через процесс национальной модернизации, Россия может стать полноценным национальным государством, а не постимперским конгломератом и, избавившись от лишних иллюзий, определиться во времени и пространстве.

2. Только осуществив подобную модернизацию, русские смогут создать политическую систему и власть, отвечающую их интересам, воплотить национальную модель гражданского общества. Национальная модернизация означает преодоление раскола на элиту и народ и комплекса отстающей по отношению к Западу страны.

3. Без национальной модернизации русские и россияне всегда будут иметь вместо национальной элиты касту манипуляторов, навязывающую им очередные идеологические симулякры, а любые разговоры о национальном возрождении останутся профанацией либо несбыточной мечтой. Национальная же модернизация означает эмансипацию укрепляющегося гражданского общества из-под спуда безнационально-бюрократического государства.

4. Без национальной модернизации русские, россияне никогда не смогут создать последовательно ориентированной на национальное развитие (и при этом не изолированной) модели экономики, в рамках которой они не были бы объектами неслыханной эксплуатации либо ограбления в рамках той или иной версии колониального уклада.

5. Без прохождения через горнило национальной модернизации «русская идея» никогда не воплотится в конкретную политическую форму, оставаясь фантомом, а русская культура и цивилизация будут обречены на исчезновение и распад.

При этом, начиная разговор о национальной модернизации применительно к России, следует помнить о многочисленных «исторических ловушках» на пути ее реализации, которые могут привести к ее итоговой неудаче.

Во-первых, все предыдущие модернизации были *квазинациональными* по форме и по содержанию — т. е. осуществлялись *за счет* интересов большинства народа, много дав государству, и не слишком много — самому государствообразующему народу.

Во-вторых, если стоящая на повестке дня модернизация экономической и политической систем будет заменена *имитацией* и *вялотекущей деградацией*, русские могут сойти с исторической сцены в качестве нации и исторического субъекта.

В-третьих, коммунистический проект, при всем его провиденциализме, оказался тупиковым вариантом вненациональной модернизации, создав в итоге общество, не способное к национальной рефлексии и саморазвитию и пришедшее через стагнацию к историческому крушению.

В-четвертых, либеральная модернизация, несмотря на одержимость модернизаторов, в любой своей версии будет обречена на итоговый провал из-за неприятия большинством россиян проекта либералов-космополитов.

Ключевыми предпосылками стратегии «постреформистского развития», на наш взгляд, являются:

- честный и объективный анализ опыта предшествующих попыток реформирования страны с учетом культурно-цивилизационной специфики России;
- прекращение «холодной войны» между российскими государством и обществом, новый виток которой начался в 1990-е гг. — для чего необходим диалог элиты и различных сегментов общества в целях выживания и развития;
- эволюционное преодоление феномена антинационального гражданского общества, существующего сегодня в нашей стране;
- одновременный отказ как от апологетики современного состояния российского государства под прикрытием ложно понятой идеи державности, так и от радикальных призывов к его минимизации и демонтажу, чего требуют многие российские либералы и радикальные группы русских националистов;
- разработка полноценной стратегии восстановления российского народа (включая его комплексную морально-психологическую и культурно-цивилизационную реабилитацию), что является необходимым условием любой последующей модернизации;
- отказ от любых стратегий в духе «фасадного реформирования», последовательное превращение Российского государства в инструмент национального развития, а не в средство согласования корпоративно-элитарных интересов (чем оно фактически является сегодня);
- эволюционное восстановление системообразующих институтов, подвергшихся разрушению и депривации в 1990-е гг., без которых невозможны полноценное функционирование и развитие российского общества (семьи, школы, местного самоуправления, профсоюзов и др.).

Среди других практических мер, которые необходимо реализовать уже в ближайшее время, следует назвать следующие.

- Формирование новой социально-политической силы, отстаивающей принципы суверенитета и национального развития с учетом современных глобальных угроз и вызовов. Эта сила должна быть самостоятельной и не являться продолжением либо филиалом любой из действующих политических партий или известных политических сил.

- Начало формирования качественно новой национально-государственной элиты, ориентированной не на корпоративные интересы, а на цели выживания и самоутверждения России в глобальном мире. Существующая сегодня в России политическая и экономическая элиты принципиально не способны ответить на вызовы времени, реагировать на требования изменяющегося российского общества и отражать его интересы. С каждым днем их поведение вызывает все большую критику и вопросы.

- Консолидация политического, экономического и интеллектуального потенциалов страны для того, чтобы подготовиться к новой волне экономического кризиса, который прогнозируется многими экспертами и способен привести к масштабному перераспределению власти и влияния в мире. Россия должна не просто смягчить эффекты кризиса, но предложить и реализовать самостоятельную долгосрочную стратегию антикризисного и посткризисного развития, сохраняющую и укрепляющую ее роль в качестве самостоятельного геополитического и геоэкономического субъекта.

- Планомерная консолидация общества в духовной сфере, элиминирование долгое время насаждавшейся идеологии социал-дарвинизма, ориентация на наследие традиционных конфессий — их ценности, этику, догматику, мораль и образ жизни. Альтернативами этому подходу являются духовный распад и окончательное торжество «общества постмодерна».

- Разработка эволюционной стратегии гармонизации межэтнических отношений на основе принципа единства в многообразии и российской версии модели со-общественной демократии, способной артикулировать и согласовать интересы разных этнических групп. Этнический национализм должен быть вытеснен идеологией российского просвещенного патриотизма, не умаляющей интересы и ценности народов России.

Все это в совокупности означает возвращение к логике комплексного *Русского проекта* — что станет не просто возвращением россиянам и России статуса исторического субъекта (вместо утилизационного материала), но и сформулирует русскую версию конца истории. Именно это, на наш взгляд, и должно стать главным результатом современных постреформистских рефлексий — без чего дальнейшее полноценное развитие страны и сохранение ее культурно-

цивилизационного своеобразия и политической субъектности просто невозможны.

Литература

1. *Шафаревич И.Р.* Россия и мировая катастрофа // Наш современник. 1993. № 1.
2. *Шафаревич И.Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М., 2011.
3. *Кургинян С.Е.* Аналитика судьбы. Россия и агония модерна // Завтра. 2012. 22 авг.

В.А. ГОРДЕЕВ

Может ли «новая индустриализация» стать «вырывом к развитию»?

Поставленная президентом В.В. Путиным задача новой индустриализации — в каком-то смысле повторение опыта СССР 1930-х гг. — не может не вызывать одобрения и поддержки. Альтернативы этому нет — иначе гибель отечественного социума, хозяйства. Однако, на наш взгляд, осмысления требуют следующие два вопроса.

Во-первых, не станет ли новая индустриализация продолжением так называемого *экономизма*, который в значительной мере был вызван индустриализациями-промышленными переворотами XVII—XVIII вв. и привел человечество в постмодерн, к античеловечной экономике? Экономизм подвергается критике и отвергается философией хозяйства за разлад между тремя составляющими: социумом, его хозяйством и средой обитания социума, которые, по мнению философов хозяйства, должны находиться в гармоническом единстве-взаимодействии. (Подробнее эту мысль обосновал профессор У.Ж. Алиев при анализе теоретических аспектов модернизации [1, 13—21]).

Во-вторых, есть ли возможность осуществления новой индустриализации в РФ в масштабах, подобных индустриализации в СССР в 1930-х гг.? Ведь другое время, другие социально-экономические условия, даже общественно-экономический строй совершенно другой — могут ли теперь быть актуальными те особенности-характеристики, которые отличали советскую индустриализацию? Наше исследование данного вопроса убеждает, что нельзя не учитывать сегодня советский опыт (см., напр., [2, 19]). Потому что это недавний (по историческим меркам) опыт нашей страны, показавший,

на наш взгляд, достаточно внушительную социально-экономическую результативность. В научной литературе нет однозначной оценки актуальности этого опыта для сегодняшней РФ, причем разброс мнений необычайно велик: от полного отрицания его актуальности до принятия целиком и полностью. Такой разброс тем более свидетельствует о необходимости осмысления указанного опыта.

Прежде всего определим объективно существующие признаки, присущие социально-экономической ситуации как перед тогдашней, так и перед провозглашенной сегодня новой индустриализацией.

Во-первых, в послереволюционный период СССР находился, по существу, в состоянии экономической блокады. На первый взгляд, кажется, что такая особенность тогдашней ситуации совершенно не приложима к сегодняшней обстановке в социально-экономической сфере РФ, к характеристике ее места в мировой экономике. Ведь за последнюю четверть века мы немало слышали, что уж теперь-то мы вошли в мирохозяйственные связи, а сегодня немало говорится о свершившемся вступлении РФ в ВТО. Но в то же время, как известно, поправку Джексона—Вэника в законе США, принятую полвека назад и запрещающую продавать нашей стране высокотехнологичные товары, отменить взялись лишь недавно, да и то после тяжелых переговоров и в обмен на другие политические и экономические уступки. Таким образом, экономическая блокада, по существу, как и 80 лет назад, снова имеет место. Исключение — наш экспорт сырья.

Во-вторых, как нам уже приходилось показывать (см.: [2, 197]), в 1930-х гг. ситуация в мировой экономике характеризовалась небывалым кризисом. Так же, как и сейчас. Что дает дополнительные возможности для импорта подешевевших по причине экономического спада новых высоких технологий. Уже с наступлением кризиса 2008 г. тщетно призывал делать академик Л.И. Абалкин, отмечая, что сейчас самое время закупать такие технологии (см.: [3]). Но ведь именно так поступал и И.В. Сталин в начале 1930-х гг.: и тысячи тонн зерна, и многие произведения искусства из Эрмитажа были отправлены на Запад в обмен на современные высокие технологии для тысяч будущих предприятий, которых в тот момент еще не было, но которые затем в небывало короткие сроки оказались построены благодаря порыву энтузиазма миллионов людей. В отмеченном сходстве тогдашней и сегодняшней ситуации, предшествующей индустриализации (наличие мирового экономического кризиса-спада), заключается, по нашему мнению, еще одно доказательство актуальности опыта тогдашней индустриализации для РФ как объективного фактора его использования в настоящее время.

В-третьих, нередко историки — исследователи истории советской индустриализации 1930-х гг. утверждают, что она осуществлялась за счет крестьянства, оттока рабочей силы из сельскохозяйственной отрасли. А вот сегодня, на первый взгляд, ситуация другая: крестьянства, трудовых ресурсов в аграрной сфере РФ, по существу, нет, как нет и соответствующих финансовых средств в данной отрасли. Выходит, что это та сторона тогдашней индустриализации, которую мы должны признать не имеющей актуальности в современных условиях. Однако это, по нашему мнению, лишь на первый взгляд. Ведь исходя из отмеченного первого аспекта актуальности тогдашнего опыта (наличие экономической блокады нашей страны тогда и сейчас), естественно и логично вытекает третий ее аспект. А именно: объективная необходимость для нашей страны и тогда, и сейчас осуществлять индустриализацию за счет внутренних источников рабочей силы и финансов. Разумеется, сегодня должны быть иные источники, но тоже внутренние.

Например, необходимую рабочую силу представляется возможным найти в результате оптимизации использования существующей. Специалисты, исследующие данную проблему, справедливо, на наш взгляд, отмечают, что в РФ сегодня миллионы молодых здоровых мужчин заняты в охранных подразделениях различных фирм. Кроме того, общеизвестно такое негативное проявление нерационального использования трудовых ресурсов в РФ, как избыточное количество чиновников — значительно больше, чем было в СССР, который, нельзя забывать, являлся второй в мире экономикой с самым мощным военно-промышленным комплексом. Кроме того, это была планомерно регулируемая экономика, т. е. необходимость определенного количества чиновничества была видна «невооруженным глазом». А теперь при «саморегулируемом рынке» и значительно «съжившейся» экономике, при возможностях электронного документооборота у нас, например, в маленьких городах, судя хотя бы по Ярославской и соседним областям, практически не стало уже никакого другого взрослого населения, кроме пенсионеров, безработных и... управляющих всем и вся чиновников! Число российских чиновников в расчете на тысячу человек населения сегодня в несколько раз больше, чем в развитых странах Запада и реформируемом Китае — это ли не резерв для рекрутирования кадрового потенциала предстоящей индустриализации? Причем более квалифицированный, чем приток гастарбайтеров из восточных республик ближнего зарубежья.

Что касается финансовых источников новой индустриализации, то сегодня это оптимизация распределения и перераспределения доходов населения в целом (а не как в прошлом — за счет аграрной от-

расли). Широко известна шокирующе запредельная величина децильного коэффициента в РФ. Помимо опасности социального конфликта, раскола общества, данная ситуация прямо указывает на источник финансирования новой индустриализации. Например, представляется необходимым использовать общемировую практику прогрессивного налогообложения. Более того, в деле оптимизации распределения и перераспределения доходов среди населения РФ даже недостаточно указанной меры ликвидации плоской шкалы подоходного налогообложения. Следует, на наш взгляд, обратить внимание на требования национализации природных богатств, т. е. некоторого пересмотра итогов проведенной в 1990-х гг. приватизации. Нравится такое требование кому-то или нет — но в экономической теории уже достаточно убедительно, по нашему мнению, обоснованы и необходимость пересмотра итогов российской приватизации, и невозможность без этого условия какого-либо выхода национальной экономики из постигшего ее тупика (см., напр., [4]).

Таким образом, третий аспект актуальности/неактуальности советского опыта индустриализации применительно к сегодняшним задачам РФ предстает не как повторение ее за счет аграрной отрасли народного хозяйства, а как реализация ее за счет других внутренних источников финансов и рабочей силы. А именно — посредством существенной корректировки курса макроэкономической политики, пересмотра итогов проведенной приватизации, введения прогрессивного налогообложения, а также значительного сокращения количества чиновников и ужесточения требований к ним за результативность труда, перетока нерационально используемых трудовых ресурсов в производственную сферу.

В качестве четвертого аспекта советского опыта индустриализации считаем необходимым обратить внимание на такую особенность, как единый всенародный порыв, энтузиазм, как фактор индустриального прорыва. Конечно, вряд ли правомерно полемизировать с теми авторами, которые указывают на немалочисленные примеры формализма в организации социалистического соревнования, на проявления индивидуализма-эгоизма, такое, видимо, нельзя отрицать, — и все же в целом массовый энтузиазм как главный фактор того периода общепризнан. Видимо, и сегодня вопрос о выработке действенных стимулов, побуждающих к всенародному индустриализационному порыву и прорыву, приобретает исключительно важное значение. Следует, считаем, обратиться к опыту японских предприятий второй половины XX в. (взятому, немаловажно заметить, из практики СССР, в том числе периода индустриализации) почти поголовного участия рядовых работников в изобретательстве и рационализации, возродить

в РФ деятельность когда-то столь активного Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Актуализация четвертого аспекта советского опыта, нам представляется, немислима без должной оценки социальных инноваций как важного фактора индустриализации. Вопреки шквалу пропагандистского шума о «гулагах», отметим, что именно по социальным инновациям в процессе и в результате индустриализации — перед войной 1941—1945 гг. и в послевоенные 1946—1953 гг. — наша страна была лидером среди всех стран планеты (подробнее см.: [5, 169—174]). И только в таком качестве она может сегодня с помощью всенародного индустриализационного порыва выйти на траекторию обгоняющего развития, прорыва в посткризисное и запостмодерновое состояние, вырыва к развитию.

В общем, сегодня, как никогда, актуализируется значимость социальных инноваций в макроэкономической политике государства и деятельности предприятий. Обычно социальные инновации определяются как такие новшества, которые направлены на обеспечение социальных потребностей: улучшение условий труда, развитие образования, здравоохранения и культуры. Цель социальных инноваций — возвращение общества и его хозяйства в русло, позволяющее человеку становиться действительно человеком²⁶.

К сожалению, реальная макроэкономическая политика не проявляет должного учета значимости социальной составляющей. Так, согласно проекту бюджета на 2013—2015 гг., социальные расходы федерального бюджета вырастут на 15% (с 3962 до 4559 млрд р.), что в принципе согласуется с предвыборными обещаниями Путина относительно приоритетного повышения уровня жизни малообеспеченных слоев населения. Однако с учетом официально заложенного в бюджет прогноза по инфляции государственные расходы на реализацию социальной политики в реальном выражении снизятся на 1,26%. При этом важно заметить, что если еще в 2011 г. доля расходов на социальную политику превышала 5,73% ВВП, то в 2013 г. она должна увеличиться до 5,95%, после чего по итогам 2015 г. сожмется до 5,5%. Другими словами, вопреки всем предвыборным лозунгам на деле федеральные чиновники сокращают расходы на и без того хронически недофинансированную социальную сферу и снимают с себя социальные обязательства. Уже сегодня удельный вес расходов государства на соци-

²⁶ На базе Ярославского государственного технического университета в 2009 г. была проведена международная конференция — круглый стол по теме «Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе», где были конкретизированы и развиты упомянутые идеи (подробнее см.: [6]).

альное обеспечение населения в экономике России (так же как и на науку, инфраструктуру, НИОКР, поддержку национальной экономики и т. д.) в среднем в 2—2,5 раза ниже среднемирового уровня и в 3—4 раза ниже, чем в экономически развитых и динамично развивающихся индустриальных странах. Нетрудно видеть, что все это — не стимул, а тормоз для новой индустриализации.

Словом, новая индустриализация может стать *вырывом к развитию*, но лишь при реализации перечисленных условий, которые в совокупности требуют коренного переворота всей макроэкономической политики РФ.

Литература

1. *Алиев У.Ж.* К общей теории типологии, истории модернизации // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика» // <http://www.theoreticaleconomy.info> свободный.
2. *Гордеев В.А., Гордеев А.А.* Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации 1930-х годов? // Труды Вольного экономического общества России. Т. 163. 2012.
3. *Зюзяев А.* Академик Леонид Абалкин: «Кризис — самое время дешево скупать западные технологии и заводы!» // Комсомольская правда. 2009. 3 июня.
4. *Глинкина С.П.* Приватизация. Концепции. Реализация. Эффективность. М., 2006.
5. *Гордеев В.А.* Социальные инновации: новое или забытое старое? // Философия хозяйства. 2009. №3.
6. Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе. Монографический сборник научных трудов по материалам Круглого стола в ЯГТУ 15.12.2009 / Под ред. В.А. Гордеева, У.Ж. Алиева, Б.Д. Бабаева, П.С. Лемещенко, Н.Б. Малаховой, Г.А. Родиной. Ярославль, 2009.

Н.И. УСИК

О стратегии прорыва к всестороннему развитию России

Рыночная экономика в идеале должным образом и в долгосрочной перспективе выполняет свои социальные функции. В стратегии развития России до 2020 г. экспертной группой предполагается увеличение среднего класса, включающего врачей, учителей, профессиональных рабочих. В 1990-е гг., как и в 2000-е, вполне дирижист-

ские, также развития национального хозяйства и всего российского социума вообще не предполагалось, «вырваться теперь надо не столько из застарелой стагнации, сколько из новорожденного антиразвитийного тупика» [1, 7—8].

Стратегическая задача состоит в нивелировании отрыва так называемого низшего и высшего слоев общества и выравнивании уровня жизни населения всех регионов. Решать эту задачу сейчас в России пытаются с помощью развития региональных кластеров по отраслям: автомобилестроение, фармацевтика, сельскохозяйственный, лесопромышленный, военно-промышленный комплексы, авиация и космос, биотехнологии, рациональное природопользование. На наш взгляд, развитие кластеров и деловых сетей в регионах компактного проживания граждан РФ выступает формой реализации неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса, инициированного Ю.М. Осиповым.

Идеолог дирижизма Ф. Перру именно в государственном дирижизме, т. е. управлении экономическими процессами, видел возможность структурной перестройки экономики Франции после Второй мировой войны (так называемое кейнсианство). В этом впоследствии он увидел и важнейшее средство преодоления мирового экономического кризиса середины 1970-х гг. В послевоенной Германии развитие осуществлялось по предложенному В. Ойкеном конкурентному порядку, главным условием которого было невмешательство государства в производственный процесс (в чистом виде либерализм). Экономическая власть монополий и олигополий так и не позволили реализовать идеи В. Ойкена в полной мере. Либеральная модель не решила задач развития, в отличие от дирижизма Ф. Перру. В СССР на основе государственной собственности путем централизованного планирования составлялись межотраслевые балансы по успешному достижению целей развития страны. Игнорирование обеспечения потребительского спроса населения не позволило достичь всестороннего развития как страны, так и личности.

В современной Франции национальные проекты носят структурный характер и направлены на сохранение и усиление конкурентоспособности страны на мировом рынке за счет развития наукоемких технологий и инновационной сферы. В России национальные проекты с 2000-х гг. носили в основном социально-ориентированный характер (здравоохранение, образование, жилищная политика, сельское хозяйство). Предпосылки для ухода от сырьевой зависимости и изменения структуры экономики появились в 2011 г. с принятием не только приоритетных национальных проектов, но и критических технологий, которые могут привести к росту ВВП и повышению конкурентоспо-

способности страны на международной арене. Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики включился в научную работу по реализации национальных проектов, подав заявки на участие в конкурсах за счет бюджетного финансирования [2, 7].

Различие стратегий на основе конкуренции (невмешательства) и дирижизма состоят во вмешательстве государства и его институтов в экономические процессы. В настоящее время повторяющиеся экономические кризисы привели к преобразованию координационного принципа конкуренции в координационный принцип институтов, поскольку к ним перешла регулирующая функция.

Стратегический подход, обеспечивающий успех, к которому имеют склонность западные фирмы (и НИУ ВШЭ в «Стратегии — 2020»), подразумевает децентрализацию и создание сферы компетентности максимально близко к покупателю. Но это взгляд со стороны бизнеса, а не государства, призванного обеспечить развитие и экономики и социума. В бизнесе все ясно, центр должен добавлять больше стоимости, чем он разрушает. Преобразование компании, как правило, основывается на лидерстве одного человека с командой. Идеологи «Стратегии—2020» переносят принципы управления бизнесом на развитие страны в целом, провозглашая децентрализацию из-за неэффективности центра.

Серьезная и пока не вполне решаемая проблема — неравенство муниципалитетов и неравенство регионов в связи с использованием модели бизнеса к моделям развития страны в целом и ее регионов. Результатом такого подхода могут быть референдумы о выходе из состава России «сырьевых» регионов.

Еще один прорыв либералы видят в отказе от стимулирования инноваций (было провозглашено четыре года назад). Но в России не только не созданы инновационные стимулы, но и отсутствует инвестиционная привлекательность. В мире 96% инноваций внедряется в развитых странах, на остальной мир приходится 4%. Каким образом можно развивать экономику на основе инноваций? Наверное, одним из инструментов является создание национальных исследовательских университетов (НИУ), призванных обеспечить связь науки и бизнеса, внедрение инноваций. Например, в НИУ информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) критерием эффективности деятельности выступает научная работа, профессорско-преподавательский состав теперь преобразован в научно-педагогические кадры (НПК). Оценивать эффективность научной работы будут по формуле, в числителе которой абсолютный показатель научных достижений, а в знаменателе — НПК, чем меньше знаменатель, тем эффективнее работа-

ет вуз. Провели перевод части должностей доцентов на полставки, следовательно, показатель эффективности автоматически повысится. Осуществленное укрупнение вузов и расчет новых показателей не могут обеспечить прорыва к всестороннему развитию страны из-за стратегически неверного подхода, направленного на коммерциализацию инноваций, но с отсутствием их востребованности со стороны бизнеса в России.

Мировое сообщество развитых стран признало зависимость кризисов последних лет от недостаточного регулирования, например, финансовых институтов, рынков и операций. Попытки восстановить их регулирование вылились в создание новых регуляторов (институтов), которые пока не в состоянии решать проблемы согласования интересов экономических агентов, но ввели новые нормы для снижения рисков. Без координации на мировом уровне может начаться деградация стандартов регулирования. Слабость регулирования может вовлечь финансовые институты в неблагоприятную конкуренцию, а политика внедренной либерализации в развивающихся странах, в том числе в России, без соответствующих защитных механизмов не решила поставленные задачи [3, 199].

Вступление РФ в ВТО предполагает ослабление таких угроз, но только в случае, если бы работал, как прежде, принцип координации деятельности субъектов рынка в виде конкуренции. В настоящее же время этот принцип работать перестал. В рыночной экономике субъекты могли распределять доход (прибыль, заработная плата, проценты от инвестиций). В настоящее время организационно-управленческие отношения по стандартам ВТО позволяют так организовать деятельность, что можно получить ренту. Отсюда появилось новое выражение конку-РЕНТО-способность, т. е. способность получить ренту, повлиять на ценообразование. Конкуренция в глобальном масштабе — не соперничество в установлении цены, а возможность влиять на цены. Так, например, летом 2012 г. цена на дизтопливо для заправки сельхозтехники сравнялась с высокооктановым бензином АИ-95. Регламентирование в национальном масштабе может обеспечить антимонопольное законодательство, но налицо сговор продавцов. Статус транснациональной компании легко позволяет обойти существующие государственные торговые барьеры. С вступлением в ВТО возможность защиты национального рынка в основном ликвидируется.

Ошибочное представление о работающем принципе координации, обеспечивающем конкуренцию, характеризуют труды Й. Шумпетера, считавшего, что бизнесмен всегда ощущает себя в конкурентной ситуации, что порождает поведение, близкое к модели совершенной конкуренции. Произошла подмена экономических отношений

психологическими — например, восприятиями стоимости, которая воспринимается как цена товара или услуги. Вместе с тем Шумпетер — идеолог инновационной конкуренции [4, 129]. Проблема не в том, что виртуальная экономика не поддается регулированию, а ее объемы превышают размеры реальной экономики. Поэтому сейчас используют такой инструмент регулирования в мировой экономике, как создание новых институтов. Эти институты призваны осуществлять координацию деятельности субъектов рынка — ранее эту функцию выполняла конкуренция. Законы о защите конкуренции приняты во всех развитых странах, за их нарушение применяются штрафные санкции.

Внедрение координирующего принципа институтов вместо конкуренции предполагает поиск новых взаимоотношений. Но стандарты ВТО разработаны с учетом координирующего принципа конкуренции. Следовательно, возникает проблема обновления стандартов ВТО в соответствии с новыми реалиями координирующего принципа институтов.

Конкуренция неизбежно исчезает из экономики из-за порождения современной техникой все большей концентрации производства. Сделав такой вывод о ситуации в послевоенной Европе, В. Ойкен пришел к необходимости замены саморегулирующегося механизма конкуренции другими системами. Стимул и деятельность государства играют все более важную и решающую роль координации сил и элементов, функционирующих в хозяйственной жизни [5, 304].

Мы видим, что сформировалась система взаимодействий в региональном масштабе, основанная не на конкуренции, а на координации (согласовании) действий с помощью создаваемых новых институтов. Происходит преобразование координационного принципа конкуренции в кластерах регионального развития в координационный институт по согласованию интересов экономических агентов. Координационный аспект институтов проявляется в таких мировых структурах, как G20, под эгидой которой формируется мировое правительство, Всемирный экономический форум в Давосе, где формулируются глобальные нормы и правила. Хотя с точки зрения учета интересов всех стран мира необходимо участие 176 стран мира. В РФ же сформирован Таможенный союз с Белоруссией и Казахстаном, рассматриваются вопросы присоединения других стран.

Глобальные и региональные «игроки» вместо решения проблем повторяющихся финансовых и экономических кризисов пошли по пути создания институтов. Так, например, в Евросоюзе было создано несколько комиссий по урегулированию деятельности финансовых рынков, координации бюджетов стран и их налоговых систем. Но со-

здание этих институтов не привело к выходу из кризиса таких стран, как Греция, Испания, Италия. От них по-прежнему требуется соблюдение бюджетных параметров, которых они не в состоянии достичь. Одной из причин называют вхождение в состав ЕС стран бывшего социалистического лагеря с административно-командными экономикой. На самом деле причины кризисных ситуаций, в основном, находятся в раздувании «финансовых пузырей» без соотношения с товарными потоками. Производные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы), а также выпуск облигаций (бондов) на финансовый рынок на основе рыночных котировок компаний (оценка бизнеса) и путем расчета финансовых коэффициентов (в целом — неолиберальный подход) из-за спекулятивного характера этих операций пока не поддаются регулированию вновь созданными институтами.

Можно уже с большой долей определенности говорить о преобразовании координационного принципа конкуренции на товарных рынках в координационный аспект институтов виртуальной экономики финансового характера. Поэтому разработка инвестиционной стратегии компании и регулирование национальной экономики невозможны без учета глобального масштаба, включая прогнозные оценки. Глобальная же экономика породила новое противоречие между интересами кластеров, деловых сетей и целями развития национальных государств и регионов. Как географические кластеры, так и деловые сети представляют собой форму взаимодействия корпораций в различных регионах мира с целью получения прибыли, отражая регионализацию как системную характеристику глобальной экономики [6, 2—8]. Процессы взаимодействия между глобальными экономическими агентами и исторически сложившимися национальными институтами все более усложняются.

В развитых обществах горизонтальные связи позволяют согласовывать интересы субъектов. Российская специфика состоит в том, что в ней преобладают вертикальные связи (иерархические). Теория кластеров отстаивает построение отраслей на возникающих концентрациях компаний и поощрение развития в этих областях деятельности с сильными горизонтальными связями внутри каждого кластера (кооперация, а не конкуренция). Работа деловой сети будет зависеть от согласованности интересов отдельных сетевых предприятий (элементов сети) с целями сети, а также устойчивости связей.

Система координат в мире сложилась за последние пять веков, и в ее основе — система социального подавления с помощью денег и закона. Так, успех японской модели управления значительно содействовал международной конкурентоспособности японских компаний, применявших двойственные структуры в виде крупных и периферий-

ных фирм. Предпосылкой применения двойственной структуры является слаборазвитая система промышленных отношений, основанная на переговорах на уровне компании и на уровнях местного и национального регулирования, которые приводят к максимальной свободе действий работодателя и дифференциации нормативных затрат труда среди фирм. Поэтому менеджмент всего мира ищет инновационные методы такой организации бизнеса, при которой главными будут не законодательные нормы, а принципы. Парадокс производительности вместе с модным направлением изобретения новых ценностей и их продаж (так называемый форсайт) приводят, на наш взгляд, к современным кризисам, наряду с финансовыми рынками.

Развитые страны находятся на стадии инвестиционных и инновационных преимуществ, а остальные, в основном, на стадии факторных преимуществ и частично инвестиционных с точки зрения привлекательности, например, Китай. Стратегия открытости экономики и ориентированности на мировой рынок дает возможность странам, имеющим низкий среднедушевой доход, использовать своеобразное «преимущество отсталости». Они добиваются более быстрого роста в сравнении с развитыми странами, применяя нововведения (через импорт содержащих передовые технологии машин и заимствование идей). Переход же на технологические конкурентные преимущества требует от правительства координации инвестиций в технологии с развитием «человеческого капитала». Здесь в нашей стране большие проблемы, связанные с уменьшением финансирования фундаментальной науки, ликвидации высшего образования.

В заключение отметим, что стратегия прорыва к всестороннему развитию России состоит в нивелировании отрыва низшего и высшего слоев общества и выравнивании уровня жизни населения всех регионов на основе неодирижизма. Осуществление возможно на преобразовании координационного принципа конкуренции в координирующий принцип институтов по согласованию интересов всех субъектов.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Усик Н.И.* Подходы к управленческим инновациям в предпринимательских структурах // *Экономика и экологический менеджмент*. Электронный научный журнал. 2012. № 2. Сент. // <http://www.open-mexanics.com/journals> свободный
3. *Стиглиц Д.* О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. М., 2010.

4. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
6. Усик Н.И. Теоретические аспекты регионального взаимодействия в глобальной экономике // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 28 (163).

О.В. БОЙКО-БОЙЧУК

Постреформенная Россия — возвращение в себя

«Что бы ни говорили сегодня о завершении реформирования России, ее общества и экономики, реформный воз и ныне там — в реформировании, пусть и не столь масштабном, дерзком и безответственном, как в лихие 1990-е, но не менее, а даже более необходимым для вроде бы уже пореформной страны. Реформа завела Россию в тупой, но зато прочный и комплексный тупик: глобальной зависимости от внешнего контекста (и от глобализма как такового тоже), энергосырьевой флюсовости “нацхозяйства”, физического и морального старения всего и вся, непроизводительности и неразвиваемости. Любой стандартный ход, иной раз и экстравагантный, лишь усугубляет смертельно аномальную ситуацию. Требуется что-то экстраординарное — и не от кого-то, а от самой российской власти, которая пока лишь признает назревшие проблемы, но бежит упорно от их разрешений. Впереди — новая реформа, причем совершенно уже иная реформа, совсем не реформная, а постреформная. Впереди — неординарная экстраординарность, влекущая невозможный вырыв из постигнутого Россией тупика и возможный прорыв к всестороннему развитию!» (анонс-дискурс обсуждения на международной научной конференции «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию» (5—7 декабря 2012 г.).

Сформулированная оценка сложившейся ситуации прямо указывает на то, что в России не работают модели и механизмы либеральной цивилизации (вернее, работают и эффективно, однако не на пользу стране и народу), активно прививаемые последние 20 лет.

Вместе с тем известна прямая связь между моделями, методами и методологическими основаниями получаемого и используемого научного знания (рис. 1).

Таким образом, признание факта деструктивности либеральной модели жизнеустройства русского народа предполагает пересмотр методологических (т. е. предельных) оснований этого жизнеустройства.

В приведенной цитате сформулирован также и ожидаемый способ выхода из сложившейся в России ситуации: *через вырыв как неожиданное кардинальное изменение сложившейся ситуации, прорыв, пролом стены глухого тупика.*

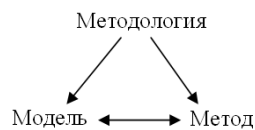

Рис. 1. Связность оснований научного знания

Если зреть в корень, сформулированное ожидание по сути своей есть ожидание *Чуда*, — *Русского чуда*, восстания страны и народа из пепла. В такой постановке конференция в идеале должна была бы помочь нащупать векторы этого вырыва и запускные механизмы процесса. Но ведь современная, постсоветская (атеистическая) наука не оперирует в своих научных моделях категорией Чуда. Зато категория Чуда — одна из фундаментальных категорий богословия. Не вдаваясь в подробности, приведем краткое определение этой категории.

Чудо — объективно происшедшее событие, не вытекающее из естественных законов природы или человеческих сил. Объект действия Чуда — человек, общность людей, т. е. оно всегда антропоцентрично. В силу происшедшего Чуда объект резко (скачкообразно) переходит из одного состояния в другое. Его возникновение обусловлено непосредственным воздействием духовных сил. Истинное (положительное, созидательное) Чудо всегда имеет причиной установление Богообщения.

Изложенное прямо указывает, что в постановке вопроса вырыва России как Русского чуда необходимы принципиальные изменения в методологических основаниях исследовательских, познавательных, научных моделях, признающие Творца (Бога) как Личность, существующую здесь и сейчас, присутствующую всюду и всегда, имеющую собственный Замысел по отношению к своему творению (в первую очередь к человеку), который неизбежно, хотим мы этого или нет, осуществится.

Ожидание Чуда предполагает Его (Бога) волю такое Чудо по отношению к России и ее народу совершить, а также желание, оформленное в прошение со стороны субъекта Чуда — русского народа — чтобы такое Чудо свершилось, и обязательно готовность народа Рос-

сии его принять и далее жить в обретенных принципиально новых условиях. На власть России в таком случае возлагается функция создания возможностей для его свершения, а также сохранения и укрепления приобретенного нового состояния государства и народа.

В изложенной логике пусковыми механизмами процесса Русского чуда могут быть: формулирование предельных оснований научного и практического знания в новой для общества теоцентрической парадигме; объединение богословского и светского научного знания в единое полноценное знание (по святым отцам) про нас самих и окружающий нас мир; овладение православным вероучением как методологическим основанием осмысления проблем современного мира и методологическим основанием современного научного знания; вновь обретение во многом утерянного умения Богообщения (покаяния, благодарения, молитвы, жизни по заповедям) на всех уровнях иерархии российского общества.

Изложим кратко некоторые наши соображения по обозначенным предметам²⁷.

Введение личности Творца и духовного мира в предельные модели современного научного знания позволяет представить переход от современной антропоцентричной научной парадигмы в теоцентричную. Такой переход можно проиллюстрировать на примере предельной модели мироорганизации (макроуровень) (рис. 2).

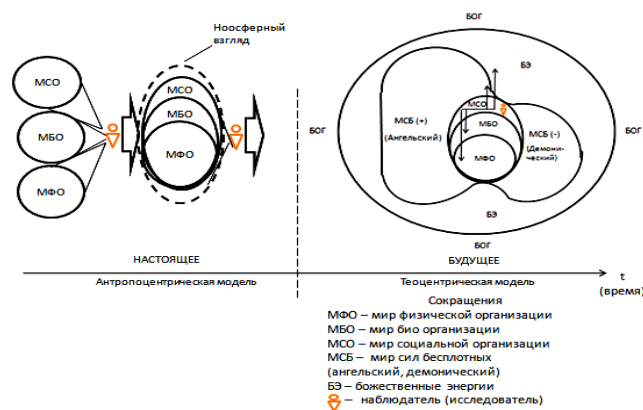

Рис. 2. Принципиальные изменения в предельных морфологических моделях мироорганизации (макроуровень)

²⁷ Заметим, что принятый нами схематичный подход в изложении поднятых вопросов обусловлен ограниченным объемом текста статьи и обширностью поднимаемых вопросов.

Иерархию предельных морфологических моделей мироорганизации в теоцентричной парадигме можно представить рис. 3:

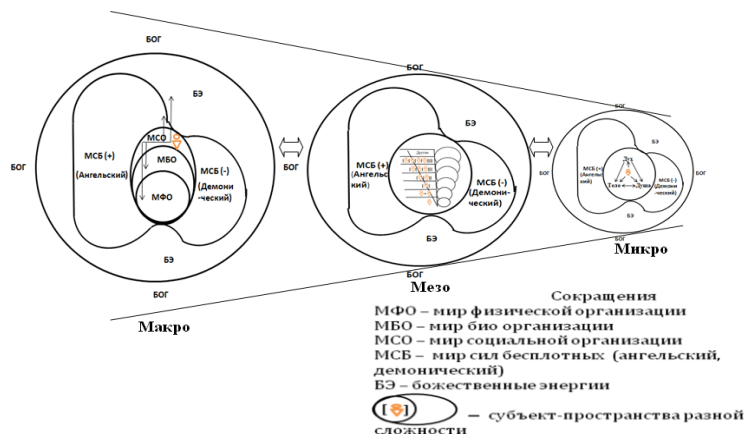

Рис. 3. Иерархия предельных морфологических моделей мироорганизации: макро-мезо-, микроуровни

Место богословского и светского научного знания в пространстве макроурвневой морфологической модели мироорганизации показывает рис. 4.

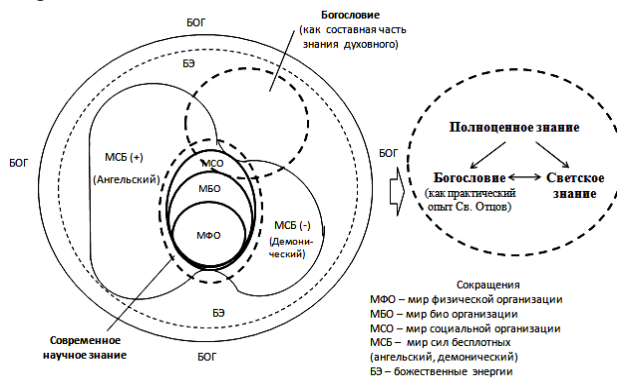

Рис. 4. Модель Полноценного знания

Модель и логику получения полноценного знания условно можно представить рис. 5.

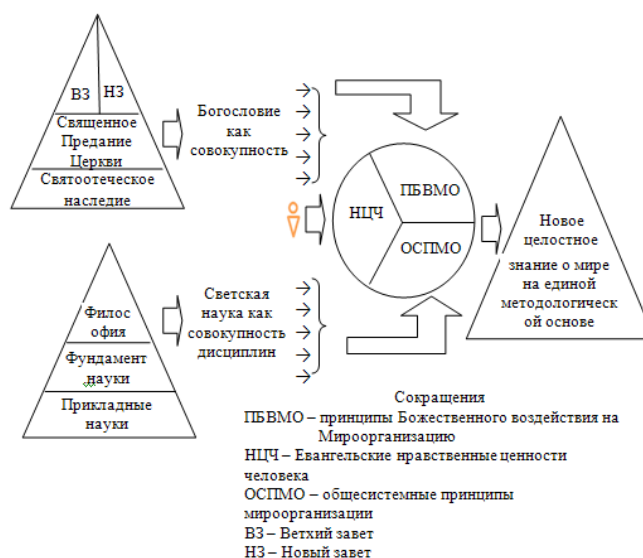

Рис. 5. Логика получения полноценного знания

Представление о потенциале богословия для содержательного наполнения вышеизложенных моделей раскрывает перечень дисциплин богословской науки.

Дисциплины богословия

Основное (фундаментальное), или систематическое, богословие:

Апологетическое богословие (апологетика) — обоснование вероучения с помощью рациональных средств.

Догматическое богословие (догматика, системная интерпретация догматов вероучения): собственно теология — учение о Боге, Святой Троице; триадология — учение о Святой Троице; христология — учение о природах и лице Иисуса Христа; пневматология — учение о Святом Духе; сотериология — учение о спасении; экклезиология — учение о Церкви; эсхатология — учение о последних судьбах мира; иконология — учение об иконе; сакраментология — учение о таинствах; ангелология — учение об ангелах; антропология — учение о человеке; хамартология — учение о грехе; понерология — учение о природе зла.

Сравнительное богословие — компаративный анализ базового вероучения с основоположениями других религий.

Практическое богословие.

Пастырское богословие: гомилетика — теория и практика проповеднической деятельности; катехитика — первоначальное учение о вере; душепопечение — теория и практика душепасторской деятельности.

Литургия — теория и практика богослужения.

Нравственное богословие — учение Церкви о нравственном сознании и нравственном поведении человека (христианская этика).

Каноническое право — теория церковного права.

Библеистика:

Библейское богословие.

Текстология Нового и Ветхого Заветов — история текста Библии.

Библейская история.

Экзегетика, герменевтика, исагогика — методология истолкования библейских текстов.

Исторические дисциплины: история Древней Церкви; церковная археология; византология; история поместных церквей; история конфессии.

Признание Творца (Высшего начала) принципиально изменяет постановку целей научного поиска как синтеза Божественного Откровения, хранимого Церковью, с культурной и научной реальностью своего времени. При этом краеугольным камнем развития становится духовное измерение науки.

Дополнение существующей предельной исследовательской модели мироорганизации (рис. 2—3) «новыми» составляющими (новыми только для современного атеистического сознания) принципиально меняет контекст разворачивания универсальной познавательной матрицы (рис. 6), и объективно требует пересмотра и дополнения современного научного знания, с позиций накопленного за более чем две тысячи лет Богословского знания.

Таким образом, для исследователя, принимающего изложенный подход, актуальной становится задача соорганизации двух потоков (пространств) научного знания — богословского знания и светского современного научного знания, разделенных последние 300 лет барьером отторжения Божественной составляющей мироорганизации последним.

Существующая практика игнорирования светской наукой идеи объективного единства Творца и творения (порождающего начала и результата) приводит к тому, что научное сообщество рассматривает

современную науку и богословие «...как автономные подходы к действительности; как представляющие собой две различные языковые системы; как появившиеся в результате совершенно разных установок; как подчиненные своему собственному “объекту” изучения, и определяемые только в отношении с ним (природа в науке, Бог в богословии)» [1, 33].

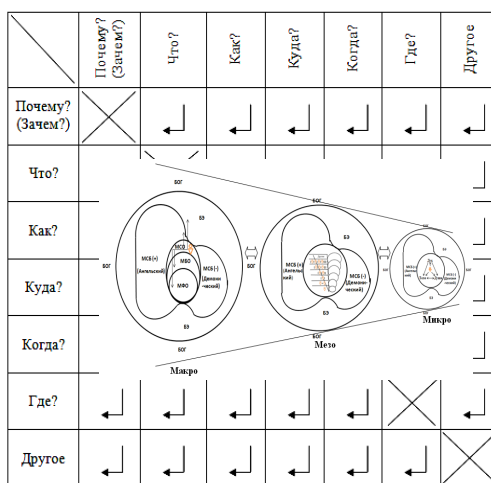

Рис. 6. Познавательная матрица Полноценного знания

Вместе с тем глубинную суть и потенциал взаимодействия богословия и современного светского знания иллюстрирует сопоставление понятий *веры* и *знания* (рис. 7).

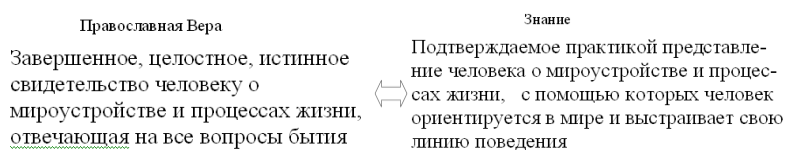

Рис. 7. Вера и знание сопоставление

Взаимодополнения и взаимоусиления свидетельства и опыта как «внутреннего», так и «внешнего» знания, объективно позволяет получить наиболее полное представление природы вещей, доступное человеку.

В предложенной постановке путь современной светской науки к Полноценному (у святых отцов — разумному) знанию должен лежать через переосмысление достижений последней с позиций новых методологических оснований (новой предельной модели мироорганизации) согласно познавательной матрице (рис. 6). При этом православное вероучение естественно рассматривать как методологическое основание современного научного знания и мировоззренческое основание осмысления проблем современного мира.

Проиллюстрируем данный тезис примерами на общесистемном, предметно системном и индивидуально-конкретном уровнях знания.

Пример общесистемного уровня. Важнейший догмат христианства о Троициности Бога (Святой Троицы) предопределяет троичность природы Бытия, как следствие — троичность понятий, описывающих любое целое. Например, на общесистемном уровне это троическая связность предельных понятий (общесистемных принципов организации) (рис. 8).

Рис. 8. Троическая связность предельных понятий

Логику троичности мироорганизации иллюстрирует рис. 9.

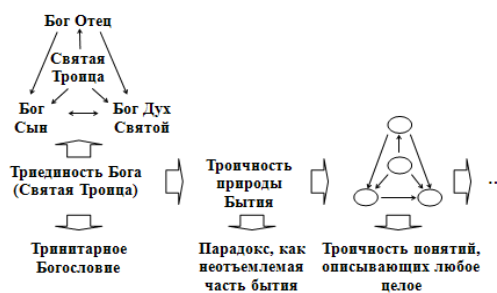

Рис. 9. Тринитарное определение христианской веры и ее следствия

Масштаб изменений в подходах, моделях, методах, целях, критериях оценки, прочее, после принятия изложенного, читатель сам

может оценить, накладывая этот принцип на систему собственного знания о мире.

Пример на предметном уровне. Не надо быть крупным специалистом в медицине, чтобы оценить масштаб последствий (изменений) для современной медицины при осуществлении перехода от существующей сегодня модели душевно-телесного устройства человека к модели духовно-душевно-телесного устройства человека с доминантой первого (рис. 10).

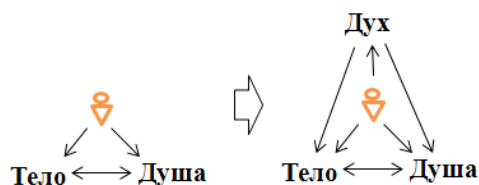

Рис. 10. Устройство человека

Заметим, что духовно-душевно-телесная модель медицины использовалась нашими предками: «...врачу необходимо иметь в виду не только одну больную плоть, но стараться искать корень болезни и в духе или в душе человека. Только такой врач будет иметь возможность подать скорейшую и вернейшую помощь» [2, 5].

Прикладной уровень использования православного вероучения как мировоззренческого основания осмысления проблем современной России и определения векторов (установок) внутренней и внешней политики государства иллюстрируется применением Евангельских притч Господа нашего Иисуса Христа к выработке политики государства, например, в вопросах: образования, воспитания, юриспруденции, экономики, культуры, проч. Это притчи: О добром семени и о плевелах (Мф. 13, 24—30, 13, 36—43); О закваске (Мф. 13, 33); О сокровище, скрытом на поле (Мф. 13, 44); О талантах (Мф. 25, 14—30; Лк. 19, 11—28); О злых виноградарях (Мф. 21, 33—41; Мк. 12, 1-9; Лк. 20, 9—16); О неразумном богаче (Лк. 12, 16—21); О богаче и Лазаре (Лк. 16, 19—31); О неверном домоправителе (Лк. 16, 1—9); О блудном сыне (Лк. 15, 11—32); О человеке благоразумном, построившем свой дом на камне, и о безрассудном, воздвигшем свой дом на песке (Мф. 7, 24—27, Лк. 6, 47—49); О ветхой одежде и о ветхих мехах (Мф. 9, 16—17) и т. д. (всего 33 притчи, и все они как одна о нас нынешних). Для примера в сжатом виде в табл. 1 представлено поле идей государственных политик по притчам.

Таблица 1

Матрица формирования идей государственных политик

Наименование притчи	Субъекты воздействия	Ключевые идеи	Действия государства
О добром семени и о плевелах (Мф. 13, 24—30, 13, 36—43); О закваске (Мф. 13, 33); О сокровище, скрытом на поле (Мф. 13, 44)	Гос. аппарат; местная бюрократия; бизнес; общественные лидеры; население (как отдельная группа подрастающее поколение); СМИ; педагоги; другие	Творец → творение дух: (+); (—), свобода выбора человека в познании истины, отношения→мысль→слово, слово в жизнь ↔ слово в смерть. свобода слова → ответственность за слово, носитель слова, умножители слова (СМИ), приоритеты в слове информационной, образовательной, воспитательной, других политик, православная педагогика как детоководительство ко Христу, инкультурация православия, соработничество государства и Церкви в духовно-нравственных вопросах, другое	Направляющие, ограничивающие, запретительные, информирующие, обеспечивающие, целеполагающие, координирующие, организующие, мотивирующие, планирующие, контролирующие, перераспределяющие, карающие, защищающие, обучающие, прочее

Вера как метауровень социальной организации объективно предопределяет метаметодологию познания (знания) — методологию полноценного познания (знания). Поэтому ответ на вопрос: «Что слу-

жит основанием каждой науки... должен быть у всех один... основой служит религия (православная вера. — *О.Б.-Б.*)» [2, 13].

Осознание содержания принципов Божественного мироустройства и воздействия на мироорганизацию (Всемогущества, Всеведения, Промысла, Откровения, Благости, Правды, Красоты... [3]) приводит к пониманию: «Миром правит Бог и только Он; у Него сила и власть реальные, а у нас только кажущиеся; Промысел Божий попускает испивать нам горечь современной жизни; Менять можно и надо только своего внутреннего человека; Сначала изменения в душе — а потом, как следствие, дело» (Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)).

В масштабах народа, освоение изложенного — это по сути восстановление доминанты христианской культуры на землях Руси. В таком случае восстановление умения Богообщения видится как инкультурация православия во всех слоях и сферах Российского общества. При этом важно понимать, что жить с православным мировоззрением (православной культурой в широком смысле), быть его носителем и жить вне Церкви невозможно, поэтому носитель: исследователь, педагог, инженер, бизнесмен, любой другой — должен быть христианином (т. е. обладать религиозным сознанием, участвовать в жизни Церкви (таинствах, молитвах), жить по евангельским заповедям). Из этого также следует, что курс на симфонию отношений государства и Православной церкви является обязательным и необходимым условием русского чуда.

С изложенных позиций современный кризис России это — промыслительное попущение Господом за упорное нежелание возвращаться к своим основам (напомним, что греческое слово «кризис» на русский язык переводится как «суд»; всякий кризис в жизни есть суд Божий, а суд Божий отделяет правду ото лжи, обнажает неправду [4]). Еще ветхозаветные пророки указывали, что причиной бедствий народа является нарушение Божественной Воли. «И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет» (Ис. 24, 5). Когда народ уклоняется в идолопоклонство (3 Цар. 14, 15), когда прелюбодеяние становится нормой жизни (Ос. 4, 7—19), а лицемерие нормой поведения (Ис. 9, 16, 17), когда нарушается справедливость суда (Исх. 22, 21—24), тогда жизнь народа превращается в мучение, а сам народ — в посмешище у других народов. Таблица 2 раскрывает в нашей интерпретации современное проявление перечисленных грехов народа в российском (и во всем постсоветском) обществе.

Таблица 2

Современное проявление грехов народа

Грех	Проявления
Идолопоклонство (кем или чем занято сердце)	В поклонении: вещам; языческим богам; спортсменам; золотому тельцу (деньгам); поп-звездам; сатане (участие в сектах, ворожбе); политикам; церквям в расколе (как самости); светской моралью; другому
Прелюбодеяния	Пропаганда распущенности, разврата, секспросвет в школах В широком смысле как измена верности основам православного жизнеустройства
Несправедливость суда	Суд совершается не по правде, перестает быть справедливым и нелицеприятным
Лицемерие (на уровне общественных и личных отношений)	В отношениях между людьми; в воспитании детей; власти; СМИ; политиков; в образовательной среде; в семейных отношениях

Заметим, что не сложно от обратного сконструировать курс власти, которая желает себе и своему народу процветания под защитой Господа.

Обобщить изложенное выше можно одной фразой мудрого царя Соломона: «Начало мудрости — страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление. Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей» (Прит. 1, 7, 8).

Можно утверждать, что постреформенная Россия в собирании своих сил для «вырыва из постигшего ее тупика и возможного прорыва к цивилизационному развитию» должна возблагодарить Господа за проблемы и скорби, возвращающие ее в себя; оценить свое нынешнее состояние повсеместных ограничений как проявления немощи человеческого и прямой призыв возвращения блудного сына к Отцу; совершить самоопределение в своем цивилизационном месте в духовном, культурном и экономическом планах как центра Славяно-Православной, по С. Хантингтону [5], цивилизации; с благодарностью осознать, что дарованные ей Господом безграничные ресурсы это прививка от страстей и шанс (возможность) в очередной раз начать свое восхождение с «чистого» листа; осознать роль традиции в сохранении себя как целостности и своего места в цивилизационном процессе.

В нашем видении Россия должна вспомнить себя и проявить волю к изменению *принципов жизнеустройства*: от либерализма к тео-

центризму; от внешнего (приоритет пространства) к внутреннему (приоритет внутреннего человека); от самоделкиных к Божиим; от Я к Мы и к Ему; от глобального к национальному; от экономических приоритетов к приоритетам в воспитании и культуре; от мультикультурализма к традиции и т. д.

В заключение зафиксируем, что изложенное, по нашему мнению, полностью относится к перспективам вырыва в развитие современной Украины как самостоятельного независимого государства в пространстве *единой православной культуры* земель Святой Руси²⁸.

Литература

1. *Пикок А.* Богословие в век науки. Модели бытия и становления в богословии и науке. М., 2004.
2. Медицинское наследие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). М., 2008.
3. Настольная книга священнослужителя. Т. 5. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2003.
4. Митрополит Кирилл: «Самая большая проблема сейчас — это кризис человеческой личности» // <http://www.kp.ru/daily/24233/434175/>.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

²⁸ Автор благодарит иерея Андрея Кудрявцева за помощь в формулировании определения категории Чудо и перечня дисциплин богословия, а также за редакционные замечания.

Раздел II

Трансформированные общества и экономики перед лицом будущего

Ю.М. ОСИПОВ

Перемены в мире и провидчески-державный курс России

Мир Нового времени, или мир Модерна, — мир не просто перемен, а прямо-таки *переменный мир*, всю изменчивый. Ход исторических перемен импульсивен, по-своему и цикличен, он то ускоряется, то замедляется, то более остается на поверхности, то уходит в глубь бытия, и сегодня, уже в эпоху Постмодерна, мы наблюдаем явную интенсификацию перемен, причем касающихся не одного лишь устройства мира, не только образа человеческого бытия, но и самого человека — недаром же поставлен и всю ныне обсуждается вопрос о качественном скачке в эволюции человека, сравнимом с неолитической революцией (переходом от неандертальца к кроманьонцу), причем скачке, предполагающем превращение человека в какое-то уже иное, хоть еще и человекообразное, существо, именуемое пока *пост-человеком* (человеком, киборгом).

Преобразование человеческого бытия из натурального в искусственное, начатое активно Модерном и в целом уже достигнутое посредством строительства целостно искусственного мира, без всяких оговорок противостоящего натуральному, переходит в постмодерновое преобразование самого человека — как раз в том же направлении. Сдемиургировав *новый мир* по своему собственному разумению, человек (а это никто иной как европеоид, ставший европейцем, а к моменту своего активного демиургирования — таким «христианизированным антихристом»), демиургирует ныне... человека — *нового человека*, уже и *постчеловека*.

Постмодерновый мир — безусловно и исключительно переменный мир, это полномасштабно, полноглубинно и полнострашно изменчивый мир, причем проективно и целостно изменяемый, но при этом и вполне объемно *кризисный мир*, мало того — *мир апокалиптический*. История человечества уперлась в *конец истории*, во всяком случае — истории человека, а вот быть или не быть постчеловеку с его постисторией — вопрос хоть пока и риторический, но все-таки... уже... поставленный.

Недаром мудрецы всех физических и метафизических континентов упорно твердят ныне о *последних временах*, которые, быть может, вовсе и не последние, хотя бы в аспекте мироздания и земной истории, но явно уже последние в аспекте собственно человека и собственно человеческой истории. История, кажется, и впрямь завершается, на очереди — *постистория*, возможно, космическая, инопланетная, звездная, но вряд ли уже собственно земная. Последние земно-человеческие времена!

Новейший, он же передовой (прогрессный), он же западный, он же ныне более всего атлантический, мир (где ты, Атлантида?) рассматривает остальной мир, обнаруживая его остаточное присутствие и в пределах передового мира, как мир не просто прошлый, устаревший и всюду отсталый, не имеющий уже собственного будущего, а как мир для передового мира лишь придаточный, резервный, ресурсный, вспомогательный, подлежащий со стороны передового мира только эксплуатации, пользованию, вычерпыванию, а в какой-то момент уже и исчерпанию, как затем и полному отвержению. Это, безусловно, оговоренный Западом и приговоренный им мир, а пока еще для того же Запада мир-резерв, мир-ресурс, мир-вспомоществователь, он же и мир-объект — как раз для управления им в целях его всесторонней и беспредельной энерго-сырьевой и трудо-людской эксплуатации.

И сегодня этот остальной, он же и отсталый, мир подлежит, включая и какую-то неперспективную долю передового мира, радикальной деконструкции и реконструкции — под демиургические задумки торжествующего на планете Запада. Отсюда как явная, так и скрытая борьба с реперными основаниями и узловыми элементами все еще бытующего мира: религиями, церквями, идеологиями, культурами, нациями, государствами, этносами, семьями, школами, университетами, в общем — со всеми несущими опорами и конструктивными узлами не просто «нововременского», а и вообще человеческого (все-еще-человеческого) мира.

Таким вот получается новый, уже, правда, евроамериканский, Ренессанс, точнее, Нессанс, ибо ничего тут не возрождается, а всего лишь рождается — новое прозападное человечество!

Это, так сказать, глубинный, переменный (перестроечный!) фон, на котором имеют место и более насущные и бросающиеся в глаза перемены, а именно перемены в устройстве планетарного мира, который тоже весь в кризисе вкупе с кризисом главного на нынешний день в мире кризисного возбудителя — западо-атлантического глобализма.

Тут тебе и кризис глобальной финансовой системы с ее обезумевшим долларом и зарвавшимся банкирством, с уже неприемлемой для планеты общемировой финансовой кабалой; и кризис глобализма как империльной (доминантной, авторитарной, безоговорочной) политики, встречающей все большее сопротивление «подвластного» глобальному центру планетарного мира; и кризис глобалистической цивилизации с ее стремлением к цивилизационной унификации, стандартизации, соподчиненности, а главное — к господству панамериканизма, включая и «работу» глобального управляющего центра; и кризис американо-глобалистического управления международным сообществом и мировыми процессами, оказавшегося империльно-эгоистическим, эксплуататорским, господским и для мира в целом неэффективным, вредным и крайне опасным (конфликтогенным); и кризис научно-технического прогресса, повергающий мировое сообщество в состояние «недоуменной неопределенности», хотя пока еще и не полного помутнения; и кризис культуры, точнее бы сказать — навязанной миру «голливудской антикультуры» (Голливуд — уникальная мировая фабрика образцовой мировой антикультуры).

Проявлений общего кризиса современного глобализированного устройства мира множество, и задача наша не в их перечислении, а в самой фиксации данного кризиса, вызывающего в мире различного рода масштабно-глобальные перемены — как вроде бы антикризисные, так и явно и поразительно кризисогенные; как делаемые в угоду глобального центра и передового мира, так и происходящие в направлении интересов и остального мира; как деструктивные и демонтажные, так и охранительные и конструктивные. Общемировой идейно-политико-институциональный (цивилизационный) кризис спровоцировал большие как текущие, так и стратегические перемены, проходящие на фоне воистину гигантских общечеловеческих сдвигов, вызываемых и облегчаемых научно-техническим прогрессом (хай-тек, IT, сети) и охотно охотящихся уже за самим человеком.

Постчеловек — это не просто новое человекообразное существо (новый человекообраз), это еще и разное по качеству постчеловеческое существо — наверху постчеловеческая, она же и *сверхчеловеческая*, элита, оснащенная крепким здоровьем, долгожитием, мощным (искусственным по преимуществу) интеллектом (отсюда и ин-

теллект-революция), богатой и разнообразной информацией, высоким и по преимуществу закрытым научно-техничко-технологическим комплексом и сверхэффективными средствами (психотехническими в основном) управления постчеловеческими массами (как раз уже из чиповеев), которые внизу, под тотальным контролем и управлением со стороны киборгиальной элиты, и в целом выходит уже не человечество, а *постчеловечество*, точнее — постчеловек с составляющими его элитарным *сверхчеловеком* и массовидным *чиповейником*.

Ненаучная и даже лженаучная фантазия, — скажут нам всезнающие и ни во что давно уже не верящие, кроме науки и прогресса, постгуманисты, они же и псевдогуманисты, они же и антигуманисты, — обскурантная-де страшилка, не более того, — но... давайте просто повнимательнее оглядим свою округу, вовсе и не целый мир, а именно свою округу — домашнюю, учрежденческую, городскую, страновую, и что же, что увидим, уж не присутствие ли уже в этой округе кое-чего из постчеловеческого — тех же чиповейства с киборгианством? Наука и технический прогресс, делая свое замечательное историческое дело — науку и технический прогресс, делают при этом и многое другое, о чем уже пора всерьез задуматься все-еще-человеку, попавшему в поле перестроечного рвения науки с техническим прогрессом, и задуматься вовсе не в стиле фикшн, а в плане самой что ни на есть реальной реальности.

Человечиться далее человеку или нет, очеловечиваться по большому счету или же по малому счету расчеловечиваться — решать человеку и только человеку, разумеется, всюю ныне объятую наукой и прогрессом, переживающему новую и явно небывалую *интеллект-революцию*, — а тут вдруг дилемма: оставаться человеку прошлым и отсталым, таким «ньюнеандертальцем», но все-таки-человеком, или же идти напрямик вперед, превращаясь незаметно для себя в «неокроманьольского» постчеловека? Есть, надо полагать, что решать все-еще-человеку и его все-еще-истории!

Тут как раз совсем не помешала бы новая мировая, вполне и горячая, война — этаким всемирный жароносный Армагеддон, который бы, как бывало уже неоднократно прежде, расставил бы все точки над *i*, но... очень уж велика здесь угроза общего (всемирного) самоуничтожения, а потому желанный Армагеддон все откладывается и откладывается, но зато всюю ведется всемирная война — в целом вроде бы холодная (она никуда не делась с развалом СССР и крахом международного социалистического лагеря), а местами прямо-таки и вполне горячая в виде так называемых локальных конфликтов. Да, это безусловно, *мировая война*, а лучше бы сказать — *война миров*, имея в

виду, с одной стороны, мир новейший, передовой, правящий, господствующий, высший, он же субъектный, инициационный, экспансивный и агрессивный, и, с другой стороны, остальной мир — устаревший, отставший, подчиненный, податный и податливый, низший, он же и объектный, инертный, покойный, оборонный.

Мир-управитель ведет войну с остальным — и им же вроде бы весьма управляемым — миром — как за возможность полного управления этим миром, так и за его под себя объемную переделку.

Отсюда и демонтаж в текущем мире всего того, что выражает собою, поддерживает, воспроизводит и спасает весь этот мир, что то же самое — *демонтаж традиции*. Идет наступление на традиционного человека (все-еще-человека), и что самое примечательное — идет не без успеха! Человек, его сознание, его метафизика и даже физика, его психика, не говоря об образе мышления, поведения и вообще жизни, стремительно меняются, и как раз в сторону... постчеловека. Не надо думать, что этот ньючеловекообраз где-то в будущем, еще и в очень проблематичном будущем, нет, он уже здесь, в настоящем, вокруг нас, да и прямо... в нас, — так что нынешняя война миров есть война не только за господство над миром и обладание его ресурсами, не только за новое — либо в угоду глобальному центру, либо на пользу всему человечеству — миро-планетарное жизнеустройство, но и за самого по себе человека — этого загадочного в мироздании и для мироздания существа, способного не только к внешнему демиургированию (вокруг себя), но и само-на-себя-демиургированию (внутри себя).

Передовой мир во главе со своим глобо-империальным центром, поддерживаемым и немало управляемым мировым финансовым капиталом и транснациональными монополиями, сосредоточенно переделывает под себя планетарный, ставший во многом уже и субглобальным, мир, навязывая субстранам свои субэлиты, субглобальное устройство с соответствующими политическими системами, субэкономике с теми же субфинансами, предначертанный образ жизни и поведения, субинституты, субкультуру, всякую глобально-колониальную, а в особенности сегодня и интеллект-технологическую, зависимость. Для достижения своих имперо-колониальных целей глобальный центр не стесняется инициировать по всему миру политические перевороты, цветные революции, «умные» социально-экономические реформы, меняя властителей и политические режимы, ослабляя национальные государства и подчиняя себе страновые хозяйства, ставя во главе субгосударств своих агентов и сторонников, создавая лояльные глобализму элиты, включая массы аборигенных трудящихся в орбиту глобальной эксплуатации.

Все это вызывает вполне естественное сопротивление со стороны глобализуемого глобализмом мира — пока еще в основном несильное, увещательное, неагрессивное, фрагментарное, но все более заявочное, требовательное и консолидированное. БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС и им подобные международные образования — характерные ответы на перестроечный и доминационный вызов всемирного глобализма. Даже саммиты G-20, будучи вроде бы прямым орудием глобализма, оказываются и непредусмотренным проводником... антиглобализма, во всяком случае, ареной, где встречаются пока еще в мирной дискуссии, так сказать, глобалисты и антиглобалисты, и, надо заметить, первые, хоть пока и берут в целом верх, но вынуждены уже кое в чем уступать вторым. Сирийская ситуация — яркий пример практически лобового столкновения интересов, замыслов и мер глобализма, возглавляемого США и Великобританией, поддерживаемых Европой, и антиглобализма, возглавляемого так или иначе Россией и Китаем, поддерживаемого БРИКС'ом и многими другими «развивающимися» странами.

Заметим, что глобализм объявился как полноценный геополитический феномен и орудие мирового господства с крушением СССР и международной социалистической системы, противостоявших западной империльной экспансии. Можно сказать, что и СССР с соцсистемой были вполне глобалистическими субъектами-явлениями — имперо-социалистическими, но они, проиграв схватку с западным империализмом, уступили место — а это ведь вся планета — Западу, который, почуяв поживу, и впав в уже моноимпериальную прелесть, немедленно ускорил реализацию своего давнего глобального проекта, легализовав его и навязав всему миру в качестве неперемного и бесспорного. Однако не прошло и четверти века, как миру стал ясен истинный смысл проекта, который состоит вовсе не в целостной и эффективной международной кооперации, а в господстве сверх- или надмирового малого верха над суб- или подмировым большим низом на базе определяемой верхом не кооперации вовсе, а насильственной иерархической взаимозависимости.

А тут еще *кризис* — кризис как самого глобализма, вполне уже зарвавшегося от вдруг свалившихся на него несусветных возможностей господства, эгоизма и присвоения, энергично преследующего свои собственные интересы, но забывшего о коренных особенностях и стратегических интересах остального, ставшего ему весьма подотчетным, мира, так и кризис всей планеты, неэффективно управляемой из глобального центра, эксплуатируемой имперо-передовым миром, активно переделываемой под интересы и по замыслам все более обезумевшего глобализма и пожелавшей перейти к какому-то иному —

воистину кооперационному, а главное, солидаристскому устройству всего планетарного общежития.

Нынешний планетарный мир — мир глобального кризиса и глобальной войны, при этом и мир глобальных перемен!

И что здесь важно: без глобальных перемен мир не выйдет из кризиса, а глобальные перемены вряд ли осуществляются без кризиса и войны, вот почему кризис и война сегодня — необходимость как для не желающего расставаться с имперо-господством глобального центра, поощряемого передовой финансово-технологической цивилизацией, так и для не желающего более служить имперо-глобализму традиционного и бурно развивающегося остального мира. Большая, напряженная и тягостная схватка тут неизбежна, но... нельзя допустить самоубийственного для всего человечества смертоносного Армагеддона, а потому схватка может идти только в «мирном» стиле: более конспиративная, чем явная; более холодная, чем горячая; более «игровая», чем собственно милитарная.

Остальной мир обязан выдвинуть свой *общемировой проект*, к примеру — *планетарной равноправной кооперации и планетарного солидаризма*, и заставить имперо-передовой мир его принять, для чего сам остальной мир должен имперски же сконсолидироваться. Каким образом? Через создание ряда больших имперских центров, способных, однако, к эффективному взаимодействию, а не зараженных бациллой взаимного соперничества. Здесь потребна мудрость — МУДРОСТЬ! Но ведь и традиция для этого тут как тут — ТРАДИЦИЯ! Передовой мир давно покончил с солидаристской традицией — как под сенью христианства, так и вопреки ему — и этому миру уже невозможно самому выдвинуть и реализовать новый мировой солидарный проект (кризис того же ЕС говорит о многом!), да и кто Западу сегодня поверит, а вот у остального, вроде бы сейчас субглобального мира с этим все как раз иначе, ибо этот мир с метафизической традицией не расставался, следственно, и с вековой мудростью тоже, не замещал ее ни позитивной философией, ни наукой, ни прагматической идеологией. Так что суперстратегический созидательный шанс сегодня более у остального, чем передового-де мира.

Проект имперо-передового мира — проект *постчеловечества*, а вот проект остального мира может стать проектом *нового человечества*, солидарного как с новизной, так и с традицией.

Всего сложнее сегодня России, естественной, но при этом и формальной наследнице Российской империи и СССР, оставшейся империей по внутреннему устройству, но утратившей (или почти утратившей) внешнюю имперскую значимость, во всяком случае — функциональную, хотя и не расставшуюся насовсем с такой импер-

ской атрибутикой, как военно-оборонный комплекс, включающий в себя атомные и космические силы, не говоря о средствах внезапного конспиративного поражения.

У России главная геополитическая задача — восстановление имперского величия и своей ведущей объединительной значимости на мировой арене. Это очень трудная задача, если учесть хотя бы следующие обстоятельства: а) резко сокращенную, ориентированную главным образом на экспорт сырья, энергоресурсов и полуфабрикатов, слабоконкурентную национальную экономику, зависимую от импорта продовольствия, товаров широкого потребления, новейших технологий, интеллект-продукции и капитала, как и вообще от состояния и тенденций мирового финансово-экономического контекста, немало зависимого от действий глобального центра; б) столь же зависимую от внешнего контекста и действий глобального центра (не так конституционно-институционально, как функционально) национальную, а лучше сказать, субнациональную, политическую систему, склонную к соглашательству, невыгодным для себя компромиссам, с низкой способностью к сопротивлению (Сербия, Ирак, Ливия — примеры «тухлого» поведения, а вот Иран, Грузия, Сербия — некоторой внешнеполитической стойкости); в) слишком большую по доле, весьма распространенную и влиятельную, ненациональную по ориентации, положению, поведению и вообще по духу, лишь условно-страновую, а на самом-то деле более всего внестрановую, экономическую и в немалой степени политическую элиту, более подходящую под определение антиэлиты, антисистемы, «малого народа», характерную обычно для зависимой колонии, а не для самостоятельной державы, способную подавить, разложить, поглотить остаточную национальную элиту, которая тоже есть, но не на первых ролях, находясь более всего в дефensively-резистентной позиции, к тому же оставаясь не консолидированной в достаточной мере и морально не слишком полноценной; г) громадные внутренние кризисные проблемы: от тотальной социальной несправедливости и вполне целостной коррупции до устойчивого вымирания коренного населения и обстановки общего аморально-антикультурного разложения, что так или иначе стимулирует большую, пока еще более скрытую, чем явленную социально-политическую напряженность: нынешняя Россия — страна *перманентного внутреннего кризиса*, возникшего еще в СССР, но резко разогретого перестройкой и резко усиленного последующими вполне революционными реформами.

В настоящее время в России имеет место уже безусловный *по-реформенный кризис*, из которого пока никакого заметного выхода не просматривается. Став «обуржуазненной» и «оглобленной», страна

не стала (или пока еще не стала) ни национально консолидированной, ни морально здоровой, ни эффективно упорядоченной, в общем — это более *антистрана*, чем страна, наполненная более *антицивилизацией*, чем цивилизацией, испытывающая все муки аморально-антикультурного ада и вовсе не помышляющая, хотя и еще мечтающая, о какой-либо нормальной жизнеотправительной перспективе.

Нынешняя Россия — более по сути колониальная, чем суверенная страна, это, конечно, *субстрана*, хотя и не потерявшая шанса ни на собственное для себя возрождение, ни на обретение полной великодержавной самостоятельности. И несомненным парадоксом выглядит тот факт, что Россия по-прежнему выступает... страной-субъектом... великой исторической игры, к ее мнению в мире прислушиваются, с ее позицией считаются, на нее возлагают немалые, если не конечные надежды. Сакральное значение евразийской имперской страны во главе с Москвой, как ни странно, на первый взгляд, никуда не исчезло. История, уже, казалось бы, распростираясь с Россией, — во всяком случае как с явным ведущим субъектом истории, одним из ее великих делателей, — вновь разворачивается... в пользу России, ибо без сильной и значимой России, выходит, никакой текущей и будущей истории нет, — и дело тут не в одних обширных российских территориях и огромных ресурсах, а в самой *метафизике России*, так или иначе утверждающей, что либо Россия — великая империя-великий игрок, либо... *ничто!* И история выбирает самым ходом вещей историческую, а не внеисторическую Россию, вновь назначая ее ответственной за земной исторический процесс. Но вот почему же, за какую-такую метафизику?

Это не просто заметить и уж тем более понять, но это именно так: прямо без видимых, научно обоснованных, логичных и вполне аргументированных причин, ибо здесь больше скрытой трансцендентности, чем явной имманентности. Ученому миру восприятие подобного факта недоступно, ибо мир этот абсолютно уверен, что ничего трансцендентного в бытии нет, а есть лишь попросту еще неизведанное умом, не охваченное интеллектом и не подвергнутое тщательному исследованию, фактически не обоснованное, математически не смоделированное и расчетно не выверенное. Но, ох, как ошибается этот заблудший в разумных лабиринтах ученый мир, не могущий даже признать и достойно осмыслить факта своего собственного кризиса, наступившего как раз в момент наивысшего расцвета человеческой учености, прозевавшей трансцендентность не только своего собственного бытия, но и изначально кризисную трансцендентность передовой западной цивилизации, вскормившей эту самую ученость и поставившей ныне весь планетарный мир на грань исчезновения!

Постмодерновая экспансия передового Запада еще идет, но она уже встречает сопротивление Севера (Россия), Востока (Китай, Индия) и Юга (Латинская Америка, часть Африки, часть мусульманского мира), что означает, конечно, еще не конец западного нашествия на планету, но уже кое-какое предвестие этого конца. И Россия не может не быть, при всей кажущейся сейчас своей прозападности, страной в основе своей не просто незападной, но даже и антизападной. Корни дерева — не его ветви, они скрыты, глубинны, вполне и трансцендентны, и именно от корней зависит, какой быть и какой не быть той или иной стране, а уж России, как и Китаю с той же Индией, в особенности. Россия не может — при всем желании наклоненной к Западу части ее политических верхов и массы «наивных» интеллект-образованцев — перестать быть Россией, превратившись в чающую всеми этими псевдороссиянами *анти*Россию. Да, субъектно-субъективная *анти*Россия нынче сильна в России, она совершила ельцинскую революцию и удерживает путинизм в своих липких роковых объятиях, но... есть и Его Величество Ход Истории, который, бывший еще вчера вроде бы в союзе с *анти*Россией против России, разворачивается ни с того ни с сего в сторону собственно России, отворачиваясь при этом от окончательно оглуляющейся *анти*России. Ничего не поделаешь, здесь ведь не логика с расчетом, а трансценденция с ее металогией и суперрасчетом!

В исследовательские глаза внешнего наблюдателя бросается сегодня Россия-гнусь, Россия-дрянь, Россия-мерзость. И это так: мало чего хорошего можно сказать об аморально и некультурно мельтешащей туда-сюда стране. Попраание всего богочеловеческого, ненависть к ближнему, безумный страх да бесконечный сдавленный стон, ну еще разгул насилия, корысти и измены — вот, собственно, и вся кипучая российская современность. Но зато в пронизательное сверхсознание более сердечного, чем умственного сопереживателя может войти и кое-что другое: массовое уже понимание всего воистину случившегося в стране и с нею намеренно содеянного, как и устойчивое желание со всей этой «гадостью» раз и навсегда покончить.

*Анти*Россия ныне, выйдя из недавнего антисоветского подполья, вольготно разместились в Яви, в победной, вроде бы, для себя яви, но ей очень и очень почему-то не по себе, ее всю от чего-то «колбасит», она уже в явном внутреннем осатанении, ибо видит, что уже многое в России происходит как-то совсем не по ее плану — не по-антироссийски, все для нее неустойчиво и вся ее операция со страной чуть ли не напрасна, ибо Россия, как будто бы загнанная в Навь, совсем даже и не кончается, наоборот, держится, и, кажется, вновь собирается с силами, чуть ли уже не поднялась с колен и чуть ли не

устремляется ввысь. Невдомек антиРоссии, а может, уже и вполне вдомек, что Россию невозможно сделать *не*Россией, а уж тем более — *анти*Россией, что это такая же утопия, как и та же недавняя попытка сделать из России надежный оплот мирового социализма — за счет, конечно же, самой России.

Россия в поиске самой себя — то ли чего-то когда-то ею утраченного, то ли еще вовсе и не бывшего. Скорее все-таки никогда еще не бывшего, хотя и без метафизической связи с когда-то, надо полагать, и бывшим. Легенда о граде Китеже — вовсе не развлекательно-отвлекающая сказка, как и не сказкой оказалась идея Святой Руси — Третьего Рима. Так что Россия, несмотря на возникновение, расцвет, кризис и крах великой Российской империи, еще не сказала своего для себя, а может, и для целого мира последнего слова, — и очень похоже, что она это СЛОВО в себе ныне вынашивает — вопреки воцарившемуся на территории России перестроечно-революционному, буржуазно-глобалическому образцу, нестерпимому аду.

Вырыв России из текущего адского состояния кажется сегодня маловероятным, даже и вовсе невероятным, ибо ад здесь, он реален и победоносен, а где она — антиадовая Россия, и уж тем более — послеадовая? Да, России благодатной что-то не очень видно, и вырыв ее из ада более невероятен, чем вероятен, но... кажется... нынешний псевдороссийский режим кое-что уже понял, что отпущен ему теперь вовсе уж малый срок — как на свое безмятежное бытие, так и на исправление зловредной внутри страны ситуации, так и на то, что великий перестроечно-революционный обман уже раскрыт и время текущего и тягучего лживого пиара прошло, что страна и в самом деле жаждет больших позитивных перемен, отчего звонкое имя диктатора Сталина все предпочтительнее в массовом сознании глухого имени «демократа» Ельцина. В истории всякое возможно, как возможна революция, так возможна и антиреволюция, а то и того хуже — контрреволюция, причем все это в любое время и любым способом, так что вряд ли разумно сегодня понукать уже поднимающейся и озирающейся Россией, мечтать о ее лукавом истреблении или полном исчезновении. Опасно, ой, как опасно!

Россия — развороченная, ослабленная, всюю кризисная, приговоренная к уничтожению через поощряемое извне самоистребление страна, но это тем не менее — все еще держава, причем держава великая, — и великая не потому вовсе, что большая и с великой бытовой амбицией, а потому что самой истории так надо — чтоб была великая российская (пусть в некотором роде и евразийская) держава, и никуда от этого трансцендентного предназначения-предопределения России не уйти, даже вроде бы с прозападной антиРоссией во главе.

Искренний и наивный Александр Блок, этот по сути последний великий поэт Империи, призывал слушать и слышать «музыку революции», той самой революции, от которой, когда она разыгралась во всю мощь, и получил «ужасного сполна». Мы же, не будучи ни завзятыми поэтами, ни бойкими революционерами, призываем слушать и слышать... *метафизику*, если хотите, даже музыку метафизики, ту самую метафизику, в которой есть все, а не одни лишь революционные мотивы: события и процессы; силы и слабость; геройство и трусость; верность и измены; разумность и безумие; размеренность и турбулентность, тишь и бури; войны и революции, в общем — все! Российская, как, собственно, и мировая, метафизическая симфония-какофония сложна, неопределенна, конспиративна, загадочна, что не значит, что не воспринимается, как и не значит, что слышимая в ней апокалиптика — это всего лишь разрушение и гибель, вовсе нет, это и сопротивление (Resistance), и восстановление (Restauration), и возрождение (Renaissance), а также и победа (Victoire), которая, вся обязанная апокалиптике, прямо за бедой и следует: по-беда, пост-беда, послебедствие!

Р.С. ГРИНБЕРГ

Как сделать отечественные реформы полезными

Прежде, чем рассуждать о полезности реформ, отмечу, что к реформам у нас в стране относятся негативно — даже к самому слову «реформы». Реформы идут уже на протяжении 25-ти лет. Если не считать «политику ускорения», которую предложили некоторые ученые в РАН, еще тогда АН СССР, то 1987 г. ознаменовался первым законом о государстве, затем о кооперативах, о предпринимательской деятельности и т. д. И сегодня продолжается линия на реформы: такое впечатление, что любое наше правительство и любой президент больше всего заинтересованы в реформах — люди же за последние 20 лет уже привыкли к их декларативным сообщениям и ассоциируют их в основном с утратами, потерями. Реформы же, по идее, должны вести к улучшениям, в нашей же стране они часто ведут к ухудшению ситуации.

Сегодня существует серьезная установка верховной власти на то, чтобы провести реформы дальше и сделать упор на коммерциализации некоторых сфер, в которых, по определению, государственная активность должна быть мощной (речь идет об образовании, науке,

культуре и здравоохранении). И сегодня мы наблюдаем противостояние, с одной стороны, объектов реформ, с другой стороны — инициаторов реформ. Понятно, что установка на коммерциализацию этих четырех сфер жизни, которые, собственно говоря, обеспечивают здоровое функционирование общества, контрпродуктивна по идее. Но она с упорством реализуется. Мне представляется, что общество возмущается по этому поводу, но нет реакции, более или менее консолидированной, на так называемые реформы. И это, конечно, облегчает их проведение. В моем представлении, у нас уже довольно зрелые научное общество и экспертное сообщество, которые не считают, что надо дать свободу рыночной стихии именно в этих сферах. Тем не менее следует признать, что на данный момент не существует солидарности по этим вопросам. Мы по-прежнему хотим участвовать в переговорах и добиваться для себя некоторых преимуществ, и это часто оборачивается временными успехами. В действительности же данную ситуацию следует оценивать отрицательно.

Я думаю, что можно добиться альтернативного развития событий, принять альтернативный подход в экономической политике. Однако у нас в стране сложилась такая ситуация, которую я бы охарактеризовал словами Фридриха II. Монарх Пруссии был «настолько» просвещенный, что предоставлял каждому подданному полную свободу слова. У него спросили: «А почему ты разрешаешь всем все говорить?». На что он ответил: «У меня консенсус с прусским народом. Они говорят и пишут, что хотят, а я делаю, что хочу». Я не берусь утверждать, что это напоминает нашу ситуацию, но определенные аналогии проводить здесь обоснованно.

Также мне хотелось обозначить несколько положений, связанных с развитием сегодняшней мировой ситуации в экономике. Мы живем и действуем в период после самой глубокой рецессии в этом веке, второй после Великой депрессии 1929—1933-х гг., и выход из нее очень болезненный. Многие ожидают второй волны, я не вижу никаких оснований для нее, но, по крайней мере, депрессия и вялое развитие экономики сохранятся, темпы роста будут колебаться вокруг нуля в течение длительного периода времени. Но это в любом случае указывает на то, что впоследствии должно произойти некоторое улучшение ситуации.

Существуют различные теории по объяснению того, почему сейчас нулевая экономическая активность. Казалось бы, все известные меры задействованы, и самая, на мой взгляд, эффективная (хотя тоже не совсем верная) — «печатание денег», чем и занимаются в настоящее время американцы. Я полностью разделяю такой подход, и, кстати говоря, уже получены конкретные результаты, однако все еще

остается большой загадкой, почему мощный рост покупательной способности абстрактно не ведет ни к инфляции, ни к увеличению хозяйственной активности. Ведь если мы обратимся к экономической истории, то увидим, что этого не происходило. По всей видимости, финансовый сектор существует по собственным, не изученным нами, законам. Выделенные средства не попадают сразу в реальный сектор, поскольку проходят через многочисленные финансовые институты, а они, в свою очередь, вышли из-под контроля, вероятно, после отмены закона Гласса—Стигала в 1993 г. И, похоже, не существует патентованных рецептов, каким образом финансовый сектор превратить в служанку реального, а не наоборот (как происходит в последние 25—30 лет). И в моем представлении финансовая олигархия не существует сама по себе; я не люблю разные теории заговоров, но есть в ней что-то неопределенное. Она мировая, она сплоченная, и самое главное — личные эгоистические интересы совпадают с общественными, что было заявлено в конце 1970-х гг. Эта установка на совпадение интересов очень значима. Кейнсианцам не составляло труда «уходить» от власти (как и коммунистам, впрочем), потому что их личные интересы практически не затрагивались (если не принимать во внимание различные специальные секции ГУМа и «олигархические» пакеты с питанием...).

Сегодняшний же «уход» носителей правoliberalной демократии очень сложный. Тем более среди них есть и представители СМИ. И находится мало людей, которые были бы способны противостоять этому. Я надеюсь, что если победят социал-демократы в Германии (а это далеко не бесспорно, они сильно разобщены), то сформируется континентальная модель ограничения финансовых спекулятивных операций. И у нее много шансов взять под контроль финансовый сектор, хотя она и не сможет обеспечить упомянутые ограничения по всем странам сразу. Даже если одна страна будет выступать против, а тем более такая, как Великобритания, то понятно, что любые ограничительные меры по краткосрочным спекулятивным финансовым операциям будут абсолютно бесполезны. И это очень важная проблема, и неизвестно, как ее решать.

Например, 15—20% богатства Великобритании составляют средства от финансовых операций, как, впрочем, и юридических услуг. Трудно от них отказываться, но в интересах экономического развития (а не роста) это сделать необходимо. Также можно отметить проблему с бюрократией, которая «приватизирует» общественные функции и уходит от демократического контроля. Если говорить об общем «дефиците» демократии в России в отсутствие сильной оппозиции, то принятие решений у нас более диктаторское, чем, например, было при

Политбюро, потому что тогда представители власти между собой так или иначе соперничали, и это был залог того, что они демократически обсуждали решения (имеется в виду время после смерти Сталина).

Также и в Европе, как мне представляется, сейчас глубокий кризис демократического механизма принятия решений. В этой связи различные решения уже не являются продуктом демократического обсуждения, и, естественно, их качество снижается.

Таким образом, существует большое количество разных проблем, не считая общего мировоззренческого тупика — неясность курса, на который следует ориентироваться. Единственная более или менее очевидная вещь, как я думаю, — G20, которая хотя бы решает, что не надо делать. К этому надо серьезно относиться, потому что если в 1930-е гг. — в период гонки девальвации, взаимных протекционистских мер, бесконтрольной изоляции рынков — вышеописанной ситуации не наблюдалось, то сегодня все-таки не так. Потому что, во-первых, капитализм стал социальным в том смысле, что на сегодняшний момент разрыв между сильными мира сего и средним классом, которого вообще не было практически, если не считать 15—20% (кстати, как у нас сейчас), сокращается. Кроме того, надо понимать, что все-таки печатание денег свои плоды приносит. Я имею в виду, нет быстро растущей безработицы (она на уровне 10%, что относительно терпимо), тем более что существуют мощные пособия. Хочу напомнить, что Адольф Гитлер пришел к власти демократическим путем при уровне безработицы в 48,5% без пособий, и ситуация тогда более или менее контролировалась — «если ты нам даешь работу, то мы верим тебе в любом деле». Сегодня, как мне представляется, власти не настаивают на жестком протекционизме. Все понимают, что если каждый будет действовать по принципу «продать или умереть», то торговля остановится, как это было в 1930-е гг.

В связи с этим ведется серьезная дискуссия по поводу членства России в ВТО. Мы проводили переговоры уже как члены этой организации и пришли к выводу, что не стоило в нее вступать. Несмотря на то, что будущее неопределенно, обесцениваются теоретические концепции, столь нужные в такие периоды, и даже практические подходы не представляются полностью ясными в свете сложившейся ситуации. По крайней мере, мы не можем точно прогнозировать результат их применения, и хотя ЕС и США делают все возможное в данной ситуации, часто используя метод проб и ошибок, не предпринимая радикальных и глупых действий.

Если опять вернуться к отечественной ситуации, в этой связи мы нуждаемся в более или менее радикальном повороте с точки зрения преодоления примитивной структуры экономики. На мой взгляд, эта

сложившаяся в результате проведенной трансформации форма функционирования экономики — главная наша неудача, но власть не решается перейти к серьезным действиям, потому что, в моем представлении, до сих пор не убеждена в возможности «вырыва». По известному выражению, самая большая ошибка, которую мы можем сделать, — бояться совершить ошибку, если риск неизбежен.

Поэтому постоянные обсуждения на тему «подушки безопасности» и необходимости развивать благоприятную институциональную среду, конъюнктуру, чтобы пополнить наличные запасы и в «черный день» начать тратить их, представляются мне бесперспективными, поскольку даже если мы «эффективно» тратим деньги (что далеко не так), то по-прежнему остаемся зависимыми от цены на один товар. А это негативно отражается на статусе страны, достигшей в прошлые годы традиционно высокого научно-технического потенциала. Мне представляется, что Владимир Путин это хорошо понимает и планирует преодолеть «примитивизацию» структуры экономики созданием хотя бы нескольких отечественных брендов (в электронике, например). Но одновременно он находится в плену некой доктрины, которая уже не актуальна, но имеет мощные последствия. В качестве пояснения весьма показательна такая аналогия: «Ленин умер, но дело его живет». И рыночный фундаментализм умер, но существует в качестве шаблона мышления представителей власти, и наша склонность к онтологизации теоретических схем здесь особенно просматривается (переходы из крайности в крайность). Нам не повезло начать трансформацию именно в тот момент, когда из моды вышла взаимодополняемость государственной активности и рыночной инициативы, а лозунги «Да здравствует рынок!», «Да здравствует право на неравенство!» приобрели популярность и сыграли отрицательную роль в том смысле, что именно Россия тщательнейшим образом усвоила эти концепции.

И надо отметить, что сегодня этот процесс «примитивизации» экономики продолжается, «придворные» экономисты находятся в плену теорий. Всегда существует проблема пропорций эгоизма и «обожествления» западного. У каждого человека эта пропорция разная, но факт остается фактом: преодолеть эту ситуацию сложно. И только ясная альтернативная концепция может дать стимул к изменениям.

Я хочу вас пригласить к участию: мы задумываем (и обязательно реализуем) достаточно авантюристическую идею. В каждой «деревне», как вы знаете, существует традиция проводить форумы: петербургский, давосский, байкальский и др. А в Москве никаких форумов не проводится. И вот мы выдвинем и будем обсуждать экономическую стратегию, заключающуюся в приоритетной поддержке ре-

ального сектора, бесплатного образования, науки, культуры. Мы хотим реализовать это на международном уровне с привлечением ведущих специалистов и аналитиков из разных стран, в том числе единомышленников. Я имею в виду Пола Кругмана, интеллектуалов из Германии, Дании, и вообще людей, которые понимают, что взаимодополняемость рынка и мощной государственной активности не имеет альтернативы. Это мероприятие будет проводиться 20—21 марта в Москве, в МГУ имени М.В. Ломоносова; я очень благодарен Виктору Антоновичу Садовничему за то, что он дал на это согласие. Разумеется, будут приглашены нынешние руководители страны — президент, премьер-министр. И я призываю всех участвовать в этом мероприятии.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Нужен глобальный проект, а не новая экономическая парадигма

Сегодня в мире многие ищут новую экономическую парадигму, способную вывести человечество из тисков глобального кризиса, и не находят. Может быть потому, что не то ищут?

Что лучше — план или рынок?

Многим понятно, что это наивный вопрос. Все хорошо вовремя.

Но вот когда наступает это *вовремя*?

Для ответа на этот вопрос обратим внимание на то, что хозяйство на Земле существует многие тысячелетия. За это время накоплен громадный опыт его регулирования, который, однако, до сих пор не сведен в единую систему правил и принципов (как это, например, имеет место в физике).

Связано это с тем, что не были найдены приемы приведения многообразных временных и пространственных вариаций отраслевой и региональной экономической динамики к универсальному виду.

Хотя, по нашему мнению, конструктивной идеей, способной унифицировать данные экономической статистики, является гипотеза длинных волн экономики Кондратьева. Поскольку в ее основе лежит универсальный — волновой — принцип развития экономики. В пер-

вой половине XX в. этот принцип нашел широкое признание и дальнейшее развитие в трудах Кузнеця, Китчина и др.¹

Однако за многие десятилетия, прошедшие после появления гипотезы Кондратьева, с ее помощью не удалось привести к единой форме даже самые известные колебания экономической среды.

Ключ к универсальной систематизации экономической динамики появился лишь в середине XX в. после публикации в 1962 г. Колмогоровым гипотезы о подобии экономических и гидродинамических колебаний. Эта гипотеза вместе с его же гипотезой о нелинейном характере взаимосвязи периодов гидродинамических колебаний с физическими размерами системы, позволяет рассчитывать периоды колебаний субъектов экономики на основе знания размеров миров-экономики, как их назвал Бродель.

В соответствии с этой гипотезой различие длительности циклов Кондратьева, Кузнеця, Китчина и др. следует рассматривать следствием различий физических размеров экономической среды, в которой наблюдаются подобные колебания.

Дальнейшее развитие турбулентной гипотезы экономики в конце XX в. (см.: [1]) позволило найти универсальную форму волны социальной и экономической активности, длина которой определяется законом Колмогорова (рис. 1).

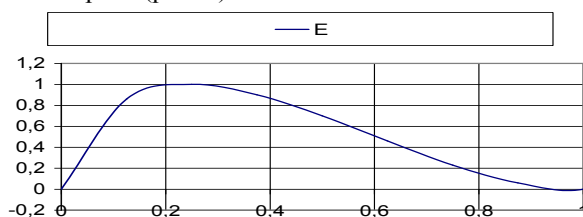

Рис. 1. Универсальная кривая изменения экономической активности по длине цикла или глубине регулирования экономики

По форме эта волна близка к волне пассионарности Гумилева или волне социальной активности масс Чижевского. Бурный (турбулентный) подъем этой волны приходится на первую треть цикла. А после прохождения его половины наблюдается плавное падение активности вплоть до начала следующего цикла.

Систематизация, под углом зрения этой гипотезы, методов управления различными субъектами экономики, такими как США и Россия, показанная в табл. 1, позволяет в одинаковых фазах хозяй-

¹ Предтечей этого взгляда на экономику был французский физик К. Жугляр, который в середине XIX в. выявил среднесрочные экономические циклы, использованные затем К. Марксом.

ственного цикла (который для США составляет около 60 лет, а России — около 80) обнаружить близкие по качеству приемы регулирования как капиталистической, так и социалистической экономики.

Таблица 1

Фазы хозяйственных циклов (США, Россия)

Фаза	Приемы регулирования	США с циклом в 60 лет, начинающимся во второй половине 1950-х гг.	Россия с циклом 80 лет, начинающимся в 1920-м
0	Смена принципов хозяйственного регулирования, смена руководства	Конец 1950-х — изменение системы образования, 80% налог на наследство, клан Кеннеди	1917 — социалистическая революция, большевики, 1999 — централизация госуправления
1/8	Переход от либеральной экономики к планированию	1960-е — создание «Рэд Корпорейшен», Лунная программа, актуальное искусство	1920-е — от нэп к первой пятилетке, ГОЭЛРО 2008 — первая трехлетка
1/4	Промышленная модернизация	1910-е — автомобилестроение, 1970-е — внедрение вычислительной техники	1930-е — индустриализация, переход от политического к хозяйственному руководству страной
1/2	Оптимизация (ограничение) роли государства в экономике	1920-е — новый курс Рузвельта, 1980-е — рейганомика	1960-е — совнархозы, косыгинские реформы
3/4	Управляемая хаотизация экономики путем ее милитаризации	194(1—5) — Вторая мировая война, 200(1—3) — Нью-Йорк, Афганистан, Ирак	1904 — Русско-японская война, 1979 — Афганистан
7/8	Начало системного кризиса и внедрение новых социальных и промышленных технологий	1948 — «холодная война», 1950 — Корея, компьютеры, космонавтика 2006 — «Оранжевые революции», 2008 — Грузия, 2010 — Ливия, сланцевый газ	1912 — реформы Столыпина 1914 — Первая мировая война, автотранспорт, связь, 1991 — распад СССР, 1993 — штурм Белого дома, 1995 — Чечня, новый нэп, банковские технологии, интернет
	Новый длинный цикл	2010-е	1998—2000

Если попытаться обобщить эти разнообразные приемы, мы можем обнаружить два качественно различных подхода. Централизованное, плановое руководство, разной степени жесткости, в фазах подъема и высокой естественной активности населения (рис. 1, табл. 1). И либеральное, децентрализованное стимулирование личной и предпринимательской активности (часто методами милитаризации экономики) — в фазах ее естественного падения и кризиса.

В фазе подъема это обусловлено необходимостью направления растущей социальной активности масс в конструктивное созидательное русло, а в период окончания хозяйственного цикла — предоставления им творческой свободы самовыражения (порою с риском для жизни в военных кампаниях), которая критически необходима для выхода на новый виток развития.

О новом социальном проекте

На более общий взгляд на волновую природу единой социальной, экономической и духовной жизни общества видны несколько иные аспекты проблемы. В частности, исключительно важная роль проектного подхода. Рассмотрение под этим углом зрения опыта ведущих держав XX в. говорит, что объектом социального проектирования может выступать как своя собственная страна, так и соперники или соседи.

В этой связи некоторые западные политологи порой обижаются, что их российские коллеги не видят определяющего интеллектуального вклада Запада в распад СССР. Хотя общеизвестно, что проектную работу в этом направлении начал еще Ален Даллес, а решительный вклад в реализацию внесла американская фабрика мысли под названием «Рэнд Корпорейшен».

Явно видимая в табл. 1 логика управления общественной жизнью крупных социальных систем демонстрирует, что без проектного подхода она просто не обходится. В этой связи, несколько перефразируя Наполеона, можно сказать: «Не хотите кормить собственных “яйцеголовых”, будете кормить чужих, вместе со всем их народом и государством. Причем кормить до тех пор, пока в своей стране не появится генерация новых “яйцеголовых”».

А дело это весьма длительное, хлопотное и не обязательно успешное.

Во-первых, нужны здоровые дети, потом хорошая школа, вуз, научная, духовная и культурная среда и т. д. При этом надо иметь в виду, что великими проектантами не рождаются. Их рождает, как считает Н.С. Михалков, прежде всего духовная атмосфера общества, а не отдельные люди или «креативные» массы. Поэтому единицами ис-

числяются в истории мыслители, способные превращать информацию в «проектное знание», так же как лишь некоторые моллюски способны из «воды» аккумулировать жемчуг. Но это еще не все. Абсолютным большинством современников великие мыслители всерьез не воспринимаются, как, например, прародитель космонавтики Циолковский или научного социализма — Маркс. Хотя, надо признать, что в мире все-таки больше народов, которые своих пророков почитают как, например, Моисея, Будду, Конфуция или Мухаммеда.

К некоторым народам прозрение возвращается со временем, и они начинают пользоваться плодами «ненужных» визионерских идей, порой, даже, весьма экономически эффективно. Как, например, немцы. Через 70 лет после Маркса вполне прагматично воспользовались его идеями для сокрушения своего главного противника в Первой мировой войне и получения в Брест-Литовске большей части российского золота. Правда, ненадолго. Нечто аналогичное произошло с идеями Циолковского в России. Именно они, и не за 70 лет, а «всего» за 35—40, сделали СССР сверхдержавой. Приблизительно столько же времени понадобилось американцам для реализации антисоциалистического проекта «Рэнд Корпорейшен».

Однако, как это часто бывает, вирус разрушения легко запустить, но трудно остановить. Поэтому по историческим меркам практически сразу после распада СССР начал распадаться и глобальный американский проект.

После неожиданного и для самих проектантов краха теоретической конструкции (об этом сегодня, вслед за Бжезинским, говорят многие аналитики по обе стороны океана) мир оказался перед потребностью нового всемирного (глобального, по западной терминологии) социального проекта, а не столько новой экономической парадигмы.

Спасать сегодня надо, как и 140 лет назад, все человечество, а не одну мировую экономику. Даже с риском для некоторых социальных групп или классов. Поскольку, с одной стороны, единый организм общества в критических периодах истории может пожертвовать какими-то своими частями. С другой — экономику не вычленишь из всего клубка взаимно переплетающихся проблем, начиная с моральных аспектов жизни общества и заканчивая проблемами обеспечения энергией.

В таких условиях изменять приходится не только и не столько механизмы регулирования хозяйства, а всю его социальную и пространственную экономическую структуру. Б. Лиетар, например, считает, что спасти от коллапса современное мировое хозяйство могут только радикальные меры: либо введение беспроцентной валюты, либо разделение мировой экономики на три крупных валютных зоны. Новый доллар, евро, вместе с российским рублем, и юань. При этом,

правда, он не объясняет, как в Евразии получается именно евро, а не баррель, или, что то же самое, рубль, в рамках принятой им логики беспроцентной валюты. Лиетар, кроме того, пользуется в своих геоэкономических построениях распространенными на Западе качественными представлениями теории сложности. Ее кратким выражением является график, подобный тому, который показан на рис. 1. С точки же зрения количественной теории турбулентной экономики более высокой устойчивостью обладает мировая система, состоящая из 10—15 глобальных держав, а не трех (см.: [2]).

В общем, на рубеже тысячелетий к нам снова неожиданно прилетел «черный лебедь», как заметил Н. Талеб, и мы вновь оказались в узловой точке всемирной, а не только российской, американской или европейской истории. Хотя птицы эти летят к нам так долго, что люди успевают забыть об их существовании, прилетают они регулярно, по крайней мере, раз в 140 лет («Черный лебедь глобализации»).

В последнем, наиболее документированном, периоде истории это случалось четырежды. В результате, лишь благодаря универсальным мыслителям эпохи Возрождения и последовавшим Великим географическим открытиям человечеству в XV в. удалось выйти из кризиса Средневековья. В следующей 140-летней волне выход из кризиса удалось совершить благодаря Ньютону, Лейбницу, Эйлеру и другим естествоиспытателям, породившим новое — научное мировоззрение. Вслед за этой волной благодаря «левшам» с начала XVIII и до середины XIX в. произошла промышленная революция. И на наших глазах — в конце XX в. — завершилась четвертая глобальная волна, на гребне которой произошли социалистическая, научно-техническая и, как полагают некоторые, сексуальная революции.

Таким образом, мы сегодня оказались в эпоху завершения одной глобальной волны и в самом начале следующей, пятой, в нашей периодике, венец которой ожидается в конце XXI в., а окончание — в середине XXII в.

Нельзя, однако, исключить того, что в XX в. вместе с глобальной научно-технократической волной завершилась и сверхдлинная 560-летняя мировоззренческая волна и нам, на новом витке истории, надо снова возвращаться в эпоху Возрождения. (А в социальном плане, может быть, даже к идеям Томаса Мора о Городе Солнца?)

Контуры будущего

Ты никогда не решишь проблему,
если будешь думать так же, как те, кто ее
создал.

А. Эйнштейн

Это во времена Т. Мора и позже Ж. Верна казались понятными многие технические и социальные детали глобальных проектов разумного переустройства общества.

Сегодня, после полномасштабной реализации абсолютно фантастических идей XIX в., и даже некоторых сказочных мечтаний эпохи Средневековья, нам становится ясно, что провидческие возможности человека ограничены, и детали будущего нам знать не дано.

Однако в истории мы с удивлением обнаруживаем, что устремленность к великой, но недостижимой одному человеку, а лишь всему человечеству, мечте начинает оздоравливать общество и генерировать в нем жизненные силы, которые, казалось бы, уже его полностью покинули.

Со временем еретические для своего времени и для малых социальных групп, в которых они рождались («нет пророков в своем отечестве», как сказано в Библии), великие идеи начинают одухотворять человечество и возрождать его к активной физической деятельности!

Начало нового глобального цикла мирового хозяйства приходится на последнее десятилетие XX в. В этот период и должны были появиться контуры (зачатки) новых социальных ересей или, иначе, фантастических социальных проектов, дальнейшая разработка и реализация которых потребует не одного века.

Вот их неполный (составленный с точки зрения лишь автора) список:

- диверсифицированный по пространству глобальный мир (глобальных миров-экономик (глобальных социальных атомов) должно быть много — до 15 штук);
- устойчивые к глобальным катаклизмам макросоциальные атомы, (ноевы ковчеги), в каждом из которых полностью отражается все полиэтничное и биологическое разнообразие современного мира;
- практическая реализация бессмертия в форме семьи, позволяющей человеку прожить 140 лет (т. е. полный цикл жизни общества);
- календарная система, гармонизирующая личную и общественную жизнь человека не по 4, как сегодня, а не менее, чем по 13 естественным ритмам природы;
- генерация в окружающей космической среде новой формы мыслителей, с которыми человек мог бы вести заинтересованный диалог (собратьев по разуму или гениальных собеседников).

Идеи-сверхцели всегда появляются непредсказуемо, но именно в тот момент, когда в них возникает самая настоятельная необходимость. Как будто в неявном виде они уже существовали в обществе, и драматичная эпоха их только, говоря современным языком, актуализовала.

Поэтому ничего удивительного нет в том, что в начавшуюся с Ньютона эпоху научного знания нам для определения контуров будущего и по сей день приходится обращаться к технократическим приемам «заглядывания» в него (несмотря на всю гуманитарную скудость такого подхода).

Литература

1. *Доброчеев О.В.* Физические закономерности общественного развития // *Общественные науки и современность*. 1996. № 6.
2. *Доброчеев О.В.* Ансамбль 15 // *Политический журнал*. 2010. № 2.

А.А. НАГОРНЫЙ

По ухабам «реформирования»

В течение последних 10—12 лет — в «путинскую эпоху» — были попытки осуществления около десяти кардинальных реформ, из которых памятли следующие:

- реформа системы управления (администрирования) с целью ее упрощения (вице-премьер Д. Козак);
- реформа сельского хозяйства;
- реформа ЖКХ;
- реформы армии, полиции и т. д.

И все эти начинания так и не были доведены до разумного конца. При этом их «реализаторы» каждый раз приходили к выводу, что их действиям помешали коррупция и связанные с ней проблемы. К группе реформаторов примыкают Министерство финансов, Центральный банк, другие властные структуры. Все эти люди — выходцы из среды реформаторов 1990-х. И даже если мы говорим об инвестициях и государственном контроле, схема действий остается прежней.

Следует отметить, что население к этому относится спокойно, жизнь «наверху» и в Кремле идет отдельно — своим чередом. На всех остальных уровнях она формируется таким образом, что изыскиваются любые возможные способы добыть необходимые средства и прожить конкретный промежуток времени. В такой ситуации срыв в беду неизбежен, но невозможно определить, когда это случится — через два месяца, через полгода или через три года. Эти процессы будут развиваться и дальше. Государство способно существовать в этом режиме энное количество лет, но в итоге срыв произойдет. Следует

задасться вопросом об исходной точке: как ее распознать? Причины кроются в мировом глобальном финансовом кризисе. Говорится о второй волне, но она все еще в каком-то «жижеобразном» состоянии и никак не развернется до конца.

Опять же, этот процесс не может быть вечным, и, например, евразийская проблема в данный момент не имеет никакого разрешения. Там рано или поздно сформируются определенные кластеры, которые будут функционировать как центр, а остальные — в качестве рабочей периферии. Насколько сложен будет этот процесс, никто прогнозировать не может, однако у нас имеются основания утверждать, что европейская власть ничего не меняет в своих традиционных подходах, как и российская. В Соединенных Штатах действует подобная же схема. Нарастают социальные и финансово-экономические проблемы, увеличивается население, которое можно отнести к категории, более высокой чем отечественный средний класс, но система до сих пор функционирует.

Единственным отличным от других субъектом мирового процесса является Китай. И хотя наши либеральные эксперты постоянно предсказывают, что юань вот-вот упадет — этого не происходит, и вряд ли в ближайшее время произойдет. Эту ситуацию можно легко объяснить: Китай создал систему, основа которой — централизованное социалистическое планирование, совмещенное с рыночным механизмом на низших уровнях взаимодействия, и в этом смысле правительство контролирует ситуацию в стране. Кроме того, если мы обратим внимание на американо-китайские экономические отношения, то придем к выводу, что при их расторжении в Китае не возникнет социального бунта, потому что там идет планомерная переориентация на внутренний рынок, который занимает, по разным оценкам, 75—85%.

Если посмотреть на ситуацию в России — то увидим, что критическая масса либеральных экспертов пишет доклады, в которых стремится укоренить либеральную составляющую, и так достаточно сильную. В качестве примеров можно привести Фонд Карнеги, сообщающий о поражении госкапитализма как строя и о том, что необходимо более быстрыми темпами двигаться к светлому либеральному будущему; документы, которые предоставляют военные из ФИАС относительно того, что необходимо в кратчайшие сроки сократить на 75—80% тактическое ядерное оружие, причем неразумность этой идеи видна даже неспециалистам, потому что в случае выполнения условий по соглашению с американцами (при том, что мы имеем фактически недееспособную армию) мы остаемся незащищенными по всем направлениям (Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток и пр.). В этой ситуации нашей верховной властью делаются попытки совер-

шить «нечто». Возникают некие замыслы типа евразийского союза, стремление поднять военно-промышленный комплекс, но на данный момент они нереализуемы из-за отсутствия эффективного бюрократического механизма и его окружения. Экономические институты не пропускают к высшему руководству нашей страны полезные свежие идеи, и в этом плане, мне представляется, Россия проигрывает научно-техническое и военно-стратегическое соревнования.

Таможенный союз — верное направление, потому что ведет к реинтеграции, но в то же время он создает огромное количество практических и политических вопросов: открываются границы — как контролировать грузопотоки? каким образом обращаться с наркомафией? и т. д. Кроме того, с экономической точки зрения необходимо также отрегулировать механизмы, поскольку обрабатывается огромное количество документов. И без Украины, безусловно, этот процесс не будет активно протекать. Однако украинская элита, говорящая порусски и русская по своей структуре, не стремится вступать в такие отношения с Россией, потому что опасается стратегической составляющей.

Верховная власть полагает, что Украине без наших ресурсов не удастся выжить в условиях кризиса, однако это далеко не так. Дело в том, что даже если кризис ликвидирует остатки их машиностроительной промышленности, то останутся химические заводы, производящие удобрения, а также благоприятные природные условия для сельского хозяйства, для выращивания на частных участках. Поэтому, полагаем, курс на давление срабатывать не будет.

С этого ракурса мы можем проанализировать все заявленные руководством направления «развития» и увидим одно и то же. Поэтому стоит острейшая необходимость прорвать замкнутый круг. Но вырваться из него не удастся из-за жесткой системы, которая извлекает из сложившейся ситуации огромные выгоды для своих членов и просто так не оставит свои позиции. Таким образом, представляется, что сегодняшняя стабильность продлится от полугода до 3—4 лет, затем, вероятнее всего, произойдет «вырыв», который либо приведет к окончательному разделению Российской Федерации на отдельные княжества, либо к возникновению совершенно новой платформы, которая будет основана на принципе сверхцентрализации.

В заключение отметим, что современную ситуацию в России можно охарактеризовать как «внутриэлитную разборку». И судя по всему, столкновения происходят довольно масштабные. В докладе о достижении режимом критического момента, который представил фонд Карнеги, главная идея — сохранить либеральную основу, либеральную идеологию, наконец, вашингтонский консенсус как таковой. При

этом эксперты и представители власти опасаются принятия стратегических отношений с Китаем.

С.А. МАРКОВ

Большая идея и формирование социальности

Я хотел бы посвятить свое выступление некоторым идеям, касающимся того, в каком направлении может развиваться наша страна. Сейчас в мире идет поиск не только новых экономических инструментов регулирования, но и новой социально-экономической модели развития. И эта модель уже пробивает себе путь. И контуры будущего уже видны. Наша задача — понять, в чем их суть, в чем они состоят и чем определяются.

Итак, есть несколько составляющих развития.

Первое направление — постепенный переход от общества потребления к *обществу сопереживания*. Многие социологи отмечают, что события на Болотной площади характеризуются рождением нового класса — общества *сопереживальщиков*. Ему присущи несколько другая система ценностей, несколько иные потребности и запросы. Ясно видно, что новый класс ориентируется не столько на материальные ценности, сколько на какие-то элементы постматериальных инструментов, а они (эти инструменты) могут быть разными. Общество сопереживания может быть двух типов: традиционная концепция креативного человека и концепция современного шоу-бизнеса. Между ними — различные промежуточные варианты — работающие модели будут представлять собой некоторое совмещение вышеуказанных типов обществ, которые можно обозначить в координатах шоу-бизнеса и развития творческого потенциала.

Второе большое направление связано с развитием биотехнологий, медицины, нового образа жизни. Во многих исследованиях говорится о том, что на данный момент актуальна задача продления средней продолжительности жизни человека примерно до 100—110 лет. Утверждается, что современные технологии уже достаточно развиты и, если будет проведена большая работа и затрачены определенные ресурсы, можно достичь средней продолжительности жизни в 130—150 лет. В этом направлении развиваются биотехнологии (с темпом порядка 20—30% в год). С этим тесно связана современная медицина. И это не только функционирование высокотехнологичных секторов — на наших глазах осуществляется определенное изменение образа

жизни человека, а это самое главное. Мы видим, что дауншифтинг² стал веянием времени, поэтому уже миллионы людей отказались от потогонной, по сути, системы и перешли к более здоровому образу жизни (во всех отношениях). Мы видим бум развития спорта «для-себя», когда в развитых странах, с высоким уровнем жизни, спортом занимаются практически 80% населения. Человечество уже достигло огромных успехов в борьбе за чистоту и качество окружающей среды. И хотя наша Москва еще задыхается в выхлопах, другие города (из ряда мегаполисов) имеют значительно более чистый воздух — как, например, Париж, Берлин, Амстердам и т. д. Кроме того, массово происходит переход на велосипедный трап и другие экологически чистые виды транспорта. Как мне представляется, эти изменения будут происходить в геометрической прогрессии. Я полагаю, что это можно рассматривать в аспекте наиболее перспективного направления развития экономики.

Итак, какие же задачи на данный момент стоят перед нами, россиянами?

В первую очередь, мы хотим не догонять, а перегонять. Россия — великая нация, великая страна, один из самых успешных в истории современных цивилизаций проектов. Мы сохраняем независимость более 400 лет, у нас самая большая территория, мы победили всех самых могущественных завоевателей Европы. Но сейчас несколько отстали, поэтому совершенно логично сделать ставку на те секторы экономики, которые наиболее активны и эффективны. И прежде всего мы должны развивать и поддерживать медицину и биотехнологии, а также пропагандировать здоровый образ жизни как важнейшую составляющую, определяющую здоровье человека. Всемирная организация здравоохранения сообщает, что 80% здоровья зависит, прежде всего, от образа жизни человека. Соответственно, как мне представляется, это и должно стать нашей главной экономической отраслью, в которой мы должны обогнать весь остальной мир.

Другая задача состоит в следующем. Русский народ — «мессианский», и когда нашим людям говорят, что надо просто зарабатывать, им это делать скучно. Русский человек хочет, чтобы в его деятельность был вложен «большой» (возвышенный) смысл. В качестве примера можно привести следующую аналогию. Людей разных национальностей спрашивают: «Что вы здесь делаете?». Один человек говорит: «Я таскаю кирпичи». Второй отвечает: «Я зарабатываю деньги». Третий же говорит: «Я строю дом». А также, в процессе своей

² Дословно — «стремление вниз». Течение дауншифтинга включает людей, которые сознательно отказываются от карьерного роста и связанного с ним перенапряжения.

деятельности мы еще и общаемся — и это важно. Очевидно, что российские люди не хотят просто зарабатывать и таскать кирпичи — они хотят строить большой дом, им нужна большая мессианская идея. Как мне представляется, в качестве таковой логично выдвинуть следующую: сделать Россию самой здоровой страной с самой длинной продолжительностью жизни среднего человека.

Сейчас это кажется невозможным. Мы имеем колоссальный уровень хронических болезней, плохое состояние экологической среды, высокие уровни наркомании, водочного и пивного алкоголизма в среднем и молодежном возрастах, бурно развивающиеся формы девиантного поведения. Однако в восточных культурах существует такой принцип: энергию врага следует постараться использовать для победы. Эта энергия нашего врага также должна быть использована для победы. Как представляются российскому человеку маленькие задачи? Они его не вдохновляют. И только действительно «большая» идея может вызвать ту энергетику народного духа, которая всегда помогала России достигать такие цели и выполнять такие задачи, которые казались недостижимыми и неразрешимыми. Тем более что именно курс на увеличение средней продолжительности жизни соответствует глобальному тренду. Именно достижение такой задачи совпадает с интересами каждого человека, а также объединяет различные общественно-политические движения и течения. Вряд ли найдутся такие политические партии, которые будут против того, чтобы средняя продолжительность жизни была более 90 лет. Таким образом, нужно вырваться, обогнать на вираже, достичь максимального развития.

Важно поставить именно большую цель перед народом. Кроме того, необходимо разработать способы достижения этой цели. Как мне представляется, кроме массового внедрения биотехнологий и повышения доступности медицины, надо совершить решающий прорыв, вложив нашу энергию в борьбу за новый образ жизни.

Современная наука создала много различных продвинутых форм управления человеческим поведением. Некоторые называют их гуманитарными технологиями, политическими технологиями и т. д. Но современный человек действительно в большой степени управляем. Он просто не замечает этого. Например, в Соединенных Штатах Америки был период, когда все люди курили, теперь же в массовом порядке бросают курить. Или возьмем напитки кока-колу и пепси-колу, в которых растворяются гвозди, нормальный человек по собственной воле пить их не может и не должен. В действительности же, он делает это под влиянием мощных инструментов. Я полагаю, все известно про нейро-лингвистическое программирование, про продвинутые формы

маркетинга, рекламы и прочие инструменты. Все это активно используется с целью продажи товаров и для того, чтобы люди сделали тот или иной выбор в процессе покупок. Но мне представляется, что эти новейшие технологии должны быть поставлены на достижение нашей «большой» цели.

Как известно, одна из важнейших проблем нашего современного общества заключается в том, что оно глубоко десоциализированное, глубоко атомизированное. Наши социальные институты практически полностью разрушены. Сначала традиционные социальные институты кардинально перестраивала коммунистическая система, затем уже сформировавшиеся в советское время коммунистические институты были разрушены радикальными формами рыночного фундаментализма, который нанес сильнейший удар по нашей стране. Результаты управления команды так называемых реформаторов перестройки сравнимы с результатами сталинских реформ. Во всяком случае, по убыли населения они превышают репрессии сталинского времени, хотя и касаются разных его (населения) групп. Сталинские репрессии затронули средние возрасты, удар гайдаровских реформ пришелся на старшее поколение, которое раньше времени было вынуждено уйти из жизни из-за недополучения пенсий и слабого медицинского обслуживания, а также на молодежь из-за нерожденных детей.

Атомизированность российского социума предоставляет много возможностей и для применения гуманитарных технологий и сознательного формирования новой социальности. Мне представляется, что должна быть поставлена задача формирования, особенно из людей молодого поколения, человека, который не пьет, не курит, не употребляет наркотики, систематически занимается спортом, который в соответствии со своими нормами (приемлемыми и для общества) живет естественным человеческим бытием и стремится заниматься творческим трудом. На данный момент это кажется утопическим и невозможным, но еще раз вспомним о нашем историческом опыте, когда наш народ решал любые исторические задачи.

Современные технологии уже существуют и распространены. У власти находится эффективная и деятельная команда, которая ищет, чем «занять» народ, а народ ищет ту самую большую задачу. Все глобальные тренды ведут к тому, что сейчас важно создать широкую общественную коалицию, выдвинуть идею, проработать ее, предложить руководству страны и реализовать. И не исключено при этом, что через 15—20 лет мы с вами действительно сможем стать самой здоровой страной, избавившейся от наркотиков, алкоголизма, курения и других форм химической и наркотической зависимости. Страной, которая

потрясет воображение других народов своим раскрывшимся творческим потенциалом.

Для этого требуются огромная политическая воля, ее разработка, нетривиальность мышления. Но все это в избытке было в истории нашего народа и имеется сейчас.

С.В. СИНЯКОВ

Модернизация через интеграцию

Модернизация — это большой комплекс преобразований, определяющий на будущее стабильное развитие страны. Основой модернизации являются глубокие структурные реформы. Концепция модернизации выступала содержательным аспектом теории индустриализации; исторически она описывала социокультурные и аксиологические трансформации в контексте становления индустриального общества. Если теория индустриализации освещала процесс превращения традиционного аграрного общества в индустриальное с точки зрения трансформации хозяйственных систем, то концепция модернизации проясняла условия этого перехода, а именно, преобразования в сфере сознания и культуры в контексте формирования индустриального общества. Модернизация общества предусматривала становление самоорганизующейся рыночной экономики, демократического политического устройства, разделения властей, свободу личности и другие западные каноны. Однако с 1980-х гг. начинается пересмотр этих образцов как универсальных моделей жизни с целью внесения изменений в концепцию модернизации. В ней появляется идея вариативности социально-экономических форм индустриализации общества, их автономии относительно западных стандартов организации общественной жизни. Это означало признание того факта, что модернизация может осуществляться при сохранении этнонациональной и культурной специфики реформируемого общества.

Экономическая история России предоставляет большое количество материалов в пользу такой точки зрения. С одной стороны, попытки модернизации в развитии страны предпринимались. С другой стороны, все они оказывались лишь внешней, механической вестернизацией и унификацией, не затрагивающей глубинных трансформаций массового сознания на основе рациональных норм и социальных идеалов, выработанных в западной культуре. Это подтверждает еще раз тот факт, что в сфере человеческой деятельности не суще-

ствуется универсальных форм, моделей и принципов, поэтому любые реформы хозяйственной деятельности наталкиваются на сопротивление человеческого материала, если они не соответствуют специфике, традициям, психологии народа, т. е. его духовным, ментальным характеристикам.

Если рассматривать историю России и Украины — как ее составляющей в недавнем прошлом — следует обратить внимание на борьбу либерально-западной и национально-почвеннической идеологии в процессе осуществления социально-экономических преобразований, чередования реформ и контрреформ как следствие победы одного из направлений. В.Т. Рязанов, рассматривая нынешнюю волну модернизации как пятую в истории России, полагает, что она носит пульсирующий характер и представляет собой гиперцикл. Причинами этого является целый комплекс ограничителей, факторов и условий развития: «Географическая среда и пространство, климат, изобилие ресурсов, геополитические условия, менталитет, традиции и т. д.» [1, 25]. Этим, по его мнению, и объясняются неудачи в осуществлении экономических реформ, в том числе провал либерально-модернизационного проекта в современной России. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что «контрреформы следует рассматривать как свойства самозащиты системы, которая так реагирует на саму стратегию реформирования, противоречащую всей совокупности условий хозяйствования России» [1, 26]. Современная Украина, конечно, имеет свою специфику: меньшую территорию, меньшее количество природных ресурсов, благоприятный климат, иную историю, отсутствие традиций государственности, психологические, ментальные отличия и др., но не это главное. Если проанализировать причины провала либерального проекта модернизации Украины, неудачи реформирования, неспособности экономики интегрироваться в европейские институты, то их глубинными предпосылками и условиями является отсутствие заинтересованности в изменениях олигархических кланов и руководства страны. Первые их не хотят, а вторые — опасаются осуществлять. Естественно, нельзя игнорировать субъективные причины и управленческие ошибки, допущенные властью, и, прежде всего, несоответствие политического курса правящего класса экономическим потребностям страны на данном этапе ее развития.

Возможны ли модернизация и проведение реформ в современной Украине? Реформы переворачивают жизнь людей, в результате жизнь становится только хуже. Первая стадия реформ всегда разрушительна: структурные преобразования снижают уровень жизни значительной части населения: сворачиваются социальные программы, растет безработица, увеличиваются дефицит, инфляция, растут цены и

т. д. Правительству реформаторов приходится похоронить часть экономики и придерживаться четкой зависимости бюджета от реальных возможностей страны. Модернизация предполагает отказ от клановой экономики и политическую демократизацию общества; ее можно сравнить с небольшой революцией. А революция — пора неоправданных надежд, так как реформы никогда не дают отдачи сразу. Поэтому любая власть насколько может оттягивает реформы. Все реформы, как правило, проводятся с большим отставанием. Так поступала и поступает украинская правящая элита.

Траектория движения экономики в последние 10 лет выписывала своеобразные круги, точнее сказать, напоминала не совсем обычную картину кризисной цикличности, завершающуюся состоянием дурной кризисной бесконечности. Периодически намечающиеся заметные улучшения становились прелюдией к новому падению. Истоки такой специфической цикличности заложены в системных ошибках, присущих экономической политике государства: преодоление одних трудностей осуществлялось лишь ценой создания новых проблем. Важной причиной такого положения вещей является одна серьезная опасность: ловушка в виде политики, которой подчиняется экономика. Этот пункт выступал и выступает в качестве системообразующего в отношении всех остальных и приводит к дестабилизации не только экономики, но и общества в целом.

Экономика, если перефразировать классика, стала концентрированным выражением политики. Если это так, то выход состоит в том, чтобы выработать адекватную экономике политику. Страна не может оставаться в стороне от международных интеграционных процессов и должна выбрать свой путь экономического развития. На повестке дня, как никогда остро, стоит задача стать полноправным членом международного экономического сообщества, основываясь на его принципах и сохранив национальную специфику. Это позволит государству реализовать экономические интересы через взаимовыгодное сотрудничество с другими странами, что особенно актуально на данном этапе его развития. Дополнительная актуальность этой проблемы продиктована ухудшающейся финансовой ситуацией, продолжающимся замедлением темпов экономического роста и промышленного производства. Причинами этого является не только зависимость нашей экономики от состояния мировой экономики (до 70% поступлений в бюджет дает внешнеэкономическая деятельность), но и внутренние ошибки и просчеты. Поэтому, если украинское руководство не готово сегодня к проведению модернизации на основе глубоких структурных реформ, с опорой на внутренние ресурсы, то существует альтернативный, более мягкий вариант возрождения и обновления

экономики — ее объединение с уже существующими интеграционными системами.

Как известно, торговые блоки и экономические союзы создаются для формирования благоприятных условий с целью создания более выгодных условий для развития национальной экономики, повышения ее конкурентоспособности. В наше время даже экономически сильные и развитые страны не могут в одиночку конкурировать на мировом рынке. Последствием такой ситуации становится усиление фактора межгосударственных интеграционных объединений и торговых блоков. Например, сегодня, по данным Мирового банка, в рамках указанных ассоциаций осуществляется более трети мировых торговых операций, а если учесть Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, то эта величина достигает почти двух третей. Сегодня мировая конкуренция разворачивается не между государствами, а между новыми экономическими блоками и союзами, транснациональными гигантами в мировой экономике

Интернационализация и хозяйственная транснационализация сформировали специфические наднациональные структуры — транснациональные корпорации, деятельность которых распространяется за национальные рамки. Бурное развитие транснациональных корпораций и продолжение расширения глобализации экономики привели к изменениям в международных отношениях, особенно в сфере мировой конкуренции. Транснациональные корпорации, используя неравномерность экономического потенциала и политические разногласия между странами, смогли в краткие сроки достичь значительной финансовой и политической независимости от государств. В итоге правительства таких государств стали постепенно терять возможность осуществлять долгосрочную политику в экономической сфере, становясь заложниками мировой геоэкономики. Поэтому на данном этапе развития для любого государства вопрос его участия или неучастия в том или ином торгово-экономическом блоке становится основным вопросом его экономической безопасности. Кроме того, сегодня посткризисная экономика Евросоюза, США и других стран охвачена опасным типом экономической деятельности — функционирует финансовая кредитная система, втягивающая национальные экономики в изматывающую долговую яму. Финансовая нестабильность в США и в зоне евро появилась не только как следствие предыдущего «перегрева» экономики и высокого потребления, но также и по причине втягивания виртуальной составляющей в национальное хозяйственное пространство. И только теперь, с наступлением кризиса, вводится должный контроль ЕЦБ, МВФ и других финансовых институтов за поведением мировых финансовых потоков и ведущих национальных банков,

а также за деятельностью транснациональных субъектов, экономическая активность которых была мало связана с интересами экономических блоков и национальных государств.

Страны, на территории которых они проводили свою деятельность, делятся на две группы. Первая группа стран — это государства, где созданные ТНК экспортируют свою экономику и производственные мощности в другие регионы; вторая группа стран — государства, на территории которых нет транснациональных корпораций, но есть зависимая экономика, технологически устаревшие производственные системы. Такие страны вынужденно сокращают свою собственную экономику и попадают в разряд стран «третьего мира» — сырьевого придатка развитых экономик. К их числу безусловно относится Украина, руководству которой следует на основе адекватных представлений о природе трансграничных экономических образований, учитывая современные тенденции мирового развития, выработать разумную национальную политику, может быть, даже извлечь пользу из своего статуса — страны, которая является объектом экономической и финансовой экспансии. Предметом обобщений должны стать возможности роста экономики, особенно отечественного производства и экспорта, наращивания доходов бюджета и доходов граждан. В данной ситуации государству необходимо просчитать варианты целесообразности участия страны в том или ином интеграционном проекте под углом зрения модернизации и сделать максимально взвешенные оценки на основе системных многофакторных расчетов для принятия решений, касающихся международных экономических объединений.

Задачей данной статьи является выяснение того, возможна ли модернизация экономики через ее интеграцию с другими экономиками и какое интеграционное объединение — Европейский союз или Единое экономическое пространство — более приемлемо и выгодно для Украины в сложившейся экономической и геополитической ситуации. Для решения поставленной задачи необходимо обсудить следующие вопросы: определить, какие преимущества получит Украина от участия в том или ином торговом и экономическом союзе, а также рассмотреть вероятные затраты и возможные последствия для ее экономики при принятии условий вступления в то или иное интеграционное объединение.

Внешняя политика Украины никогда не отвечала на вопрос о ее месте в мировой системе разделения труда. Нынешняя политическая элита, как и прежнее руководство страны, рассматривает варианты своего участия в интеграционных процессах в основном в контексте возможной утраты своего суверенитета и независимости, а не в аспекте международных процессов конкуренции и экономических приори-

тетов страны. В результате доминирования политических целей и идеологических ценностей над экономическими интересами провозглашенный курс на евроинтеграцию, как бы привлекателен он ни был для значительной части населения, в случае успеха ставит нашу промышленность в ситуацию неравной конкуренции с европейскими экономическими гигантами. В безудержном желании как можно скорее создать зону свободной торговли и стать ассоциированным членом Евросоюза не обговариваются никакие защитные или компенсаторные меры для украинской экономики.

Предполагаемый договор Украины об ассоциации с Евросоюзом может обеспечить лишь более либеральные условия и соответствующий режим для доступа европейских товаров — на украинский рынок, а украинских товаров на европейские рынки. Однако продукция украинских предприятий может быть не допущена на рынки европейских стран по техническим причинам — несоответствия стандартам Евросоюза. Причем нетарифные ограничения для украинских товаров могут оказаться более жесткими и непреодолимыми, чем тарифные барьеры. В то же время украинский рынок будет планомерно насыщаться импортом при одновременном падении покупательной способности населения, что приведет к снижению экономической активности и росту социальной напряженности. Поэтому следует принимать активное участие в создании такого интеграционного объединения, которое, будучи жизнеспособным и конкурентным экономическим союзом, сможет конкурировать с экономикой развитых стран. В противном случае останется расписаться в собственном бессилии и продолжить скольжение к группе стран с маргинальной экономикой. Если рассматривать, какие преимущества получает Украина от участия в Евросоюзе, то, прежде всего, следует обратить внимание на социальные и экономические аспекты интеграции. Каждая страна, участвующая в интеграционном объединении, должна соответствовать требованиям, выдвигаемым этим объединением. Критерии вхождения в ЕС достаточно жесткие и требуют длительной подготовительной работы страны-претендента в контексте эффективно действующих институтов демократии. Помимо этого, обязательным является наличие развитой и жизнеспособной рыночной инфраструктуры, способной обеспечить достаточный уровень конкуренции. Ни того, ни другого сейчас на Украине нет и в ближайшее время не будет.

Украина на данный момент времени имеет альтернативный вариант интеграции — вхождение в Таможенный союз и участие в создании Единого экономического пространства вместе с Белоруссией, Россией и Казахстаном.

Формирование Евразийского союза будет способствовать развитию внешнеэкономических, внешнеторговых отношений, увеличению конкурентоспособности, усилению экспортного потенциала Украины и повышению жизненного уровня населения. В пользу данного интеграционного объединения свидетельствуют: географическая близость стран, их общая история, однотипное ведение бизнеса, социальная психология и знание русского языка как языка общения. В случае принятия этого вектора интеграции возможно возобновление производства, которое было остановлено в связи с распадом Советского Союза, в том числе в сфере военно-промышленного комплекса. В связи с выбором интеграционного объединения Украина также стоит и перед выбором вектора своей внешней политики. Более десяти лет назад она сделала такой выбор в пользу ЕС и юридически закрепила его в Конституции страны, но, к сожалению, за все это время не смогла достичь своей цели.

Объективно следует признать, что, упустив шанс интегрироваться вместе с другими десятью странами в ЕС в 2004 г., она вряд ли сможет рассчитывать на то, что в ближайшее десятилетие ей удастся сделать это. Вошедшие в ЕС страны были не так экономически развиты, как старые члены объединенной Европы. Это потребовало от Евросоюза огромных финансовых вложений и структурных изменений с целью сохранения экономических показателей на высоком уровне. Сейчас же в связи с долговым кризисом, финансовой несостоятельностью ряда европейских стран, кризисом общеевропейской валюты, угрозой распада еврозоны и другими экономическими потрясениями последние лет Европа приобрела новый опыт. Повторение оптимистического сценария теперь вряд ли возможно. Однозначный европейский вектор развития может также принести Украине финансовые потери, привести к закрытию предприятий, росту безработицы и сокращению ВВП.

Что касается Таможенного союза, то существует готовый и опубликованный проект соглашения, изучение которого позволило ряду ученых-экономистов НАН Украины сделать предварительные выводы. Согласно их расчетам, вступление в ТС может обеспечить стране ежегодно около 9 млрд дол. дополнительного дохода. Его источниками являются: рост реализации продукции украинского машиностроения, авиакосмической отрасли, судостроения, военно-промышленного комплекса, снижение цен на газ до уровня, принятого в рамках ТС, и др. Любая экономическая интеграция должна быть направлена на стимулирование инвестиций, модернизацию и развитие производства, способного конкурировать на внутренних и внешних рынках. В случае интеграции в ЕС Украина вряд ли сможет стать рав-

ноправным участником этого процесса. Более того, государство пока не имеет шансов даже встать в очередь на вступление в эту организацию. Одновременно отказ от участия в формировании Единого экономического пространства может привести в ближайшие годы к тому, что украинская промышленность столкнется теперь уже с трудностями доступа на рынки Таможенного союза, т. е. попадет в дискриминационное положение. Продолжающаяся почти двадцать лет политика многовекторности или стратегического равновесия сегодня исчерпала себя. Результатом такой политической линии явилась ситуация, в которую попала наша экономика сейчас. Мы оказались зажатыми между двумя интеграционными объединениями — Евросоюзом, с одной стороны, и активно развивающимся Таможенным союзом — с другой. В первый Союз нас не берут, а во второй мы сами идти не хотим.

Древние римляне говорили: «Политика заключается в том, чтобы давать и брать». Но если США и Евросоюз широко используют эту формулу, то украинская олигархия поступает с точностью до наоборот. Правящая украинская элита никогда не мыслила стратегически и, как следствие, становилась средством в отношениях сильных держав. Оценивая международную обстановку, складывающуюся вокруг Украины, можно сделать уверенное предположение, что сидение на двух стульях ведет страну к экономической и политической изоляции. Идеология Евросоюза остается привлекательной для значительной части населения, особенно для молодежи, но на деле она является сегодня лишь красивой приманкой или завлекательной декларацией. Если стране не удастся присоединиться ни к одному из указанных интеграционных объединений, то ее может ожидать потеря экономического и политического суверенитетов, так как в их основе находится конкурентоспособная экономика и стабильное общество.

Что же мешает правящему классу сделать правильный выбор? Проекты и прогнозы любого типа немыслимы без учета определенной системы целей политической элиты и ценностей населения. Существует целая совокупность объективно-исторических и субъективно-волевых факторов, политических, идеологических и психологических причин, затрудняющих принятие принципиальных экономических и геополитических решений. В задачи статьи не входит ценностная диагностика массового сознания, исследование мировоззренческих ориентаций различных групп населения, анализ корпоративных, региональных интересов, проецируемых часто как общенациональные правящими политическими элитами. Но было бы ошибкой совсем игнорировать эту тему, так как здесь находятся ответы на многие вопросы.

Экономические явления и процессы всегда социокультурно обусловлены; всевозможные импульсы, поступающие из внешней

среды, отражаются в общественном сознании, осмысливаются, оцениваются и формируют типы поведения субъектов. Часть таких сигналов является ложной или неадекватной ситуации. Эта проблема только в самое последнее время стала разрабатываться в нашей научной литературе. По словам С.С. Слепакова, в основе экономического поведения лежит явление, которое экономической наукой до настоящего времени не исследовано. Речь идет о внутренних состояниях и реакциях экономических агентов на сигналы, воспринимаемые сознанием из внешнего мира [2, 65]. Часть таких сигналов принято считать *симулякрами*, т. е. идеологемами, которые, будучи субъективными продуктами сознания, не имеют аналога в самой реальности, но одновременно отвлекают и перераспределяют сознание людей на ложные цели и задачи. «Симулякр, — подчеркивают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, — одно из основных понятий постмодерна. Непосредственно симулякр есть обозначение как бы реальности — феномена, который является результатом деконструкции, децентрализации, детерриализации, реальности в процессе некоторых толкований того, что есть не более, чем текст...» [3, 156].

Экономические симулякры, идеологические и политические установки сознания не только правящего класса, но и значительных слоев населения, становясь фактом сознания, затрудняют принятие рациональных, прагматичных и реалистичных решений и осуществление экономических действий. Получив независимость и откинув советские мифы, Украина сотворила свою национальную мифологию. Творцами новой мифологии и идеологии выступали не только национально ориентированные группы интеллигенции, среди которых было много «профессиональных» патриотов, национально озабоченных журналистов, представителей гуманитарных кланов, умеренных и радикальных национал-демократов из различных политических партий. Ими не могли быть идеологически нейтральные олигархи, постсоветские бюрократы и чиновники, представители городского образованного класса юго-восточных индустриальных областей Украины.

Монополию на идеологию получили со времен Л. Кравчука представители украино-язычного Запада, которые активно внедряли свои националистические ценности и мифы и сами жили среди нагромождения собственных мифических представлений. Русифицированному и «национально неполноценному» Юго-Востоку отводилась роль второразрядных украинцев по сравнению с правильными, аутентичными украинцами. Любое государство нуждается в исторической и политической мифологии, особенно такое молодое, как Украина. И речь идет не только об идеях уникальности, богоизбранности, незаменимости Украины, так как любая страна уникальна и незаменима.

Хуже оказалось другое — идеология националистов сопровождалась русофобией, ложью и обманом, ежедневной обработкой людей негативной информацией о России, об украинско-российских отношениях в прошлом и в настоящем. Племенные вожди и идолопоклонники из Галиции создали из России образ вечного врага Украины. Аграрная культура и архаическое сознание, присущее значительной части населения центральных и западных районов страны, оказались благодатной почвой для распространения подобных убеждений. Цинизм и лукавство предыдущей власти Украины состояли в том, что она прекрасно осознавала это обстоятельство, но продолжала пользоваться этими настроениями, зомбируя и обманывая население. С этой целью реализовалось информационное пропагандистское воздействие на рядовых украинцев, задачами которого были дистанцирование от России и пропаганда идеологических ценностей НАТО и ЕС. Немалая часть населения в то же время, растерявшись от неудач, как-то утратила саму способность наблюдать за собственным развитием.

Внутри самой Украины при всех режимах и идеологиях продолжались «проедание» советского хозяйственного наследия, эксплуатация материально устаревшего и крайне изношенного промышленного комплекса. На фоне деиндустриализации и увеличения сырьевых производств ВВП страны сегодня остался на уровне 70% от уровня 1990 г. В то же время Россия превысила этот уровень еще в 2007 г., Латвия и Литва — в 2005, Армения и Казахстан — в 2004, Белоруссия — в 2003, Эстония — в 2000. При этом по росту ВВП на одного человека в сопоставимых по стране ценах Украина отстает не только от Восточной Европы, но и от стран СНГ. 20 лет назад по этому показателю страна была второй в СНГ после России, а в 2010 г. скатилась на пятое место, пропустив вперед Белоруссию, Казахстан и Азербайджан. Украина и Молдавия по уровню доходов населения остаются самыми бедными государствами Европы. На фоне экономической разрухи и коррупции все остальные темы меркнут.

Сегодня минимальная зарплата на Украине равняется 107 евро; средняя пенсия в два раза меньше, чем в России; в три раза меньше, чем в Польше, и в восемь раз меньше, чем в Германии. И, наконец, продолжительность жизни на Украине на 11 лет меньше, чем в среднем по Европе. Курс на евроинтеграцию по политическим и экономическим причинам постепенно проваливается. Украина, по мнению чиновников в Брюсселе, из-за огромной коррупции и выборочного правосудия и в связи с так называемыми политическими преследованиями не готова к сближению с Европой. Правда, теперь ее туда никто и не зовет. Тем не менее действующая власть постоянно декларирует приоритетность идеи интеграции в ЕС. Но политическая практи-

ка показывает, что украинским олигархам и властям выгоднее всего вообще никуда не вступать, чтобы сохранить полный контроль за ситуацией в стране. Однако в действительности настоящего суверенитета Украина не имеет, а представляет собой лишь слабоуправляемую, полукриминальную территорию, в которой плохо просматриваются основные признаки суверенитета, такие как верховенство собственных законов на своей собственной территории и независимость в международных делах. При этом даже указанный относительный суверенитет ограничен как в пользу внешних сил, так и в пользу национальной олигархии, осуществляющей на территории Украины функции, присущие в других странах органам государственной власти.

Важной категорией для обозначения реальных причин и наиболее глубоких стимулов экономической деятельности является категория политического интереса правящего класса. Закономерности взаимосвязи политических задач и состояния экономических отношений выражаются в том, что экономические отношения, проявляясь в политических интересах, приобретают характер побудительных мотивов правящей элиты. Сама украинская элита в своей сердцевине имеет коммерческо-олигархическое ядро, которое и осуществляет принятие главных решений на подконтрольной территории. Правящий экономический класс за все годы независимости присваивал сверхдоходы, получаемые от льготных тарифов на российский газ, утаивая их от украинских граждан. Вместо рыночного капитализма с большой долей среднего класса, Украина перешла к модели, в которой 80% граждан навсегда стали бедными, а 1% людей — миллиардерами, которые сосредоточили в своем кругу 4/5 всей частной собственности. Страна пришла к монополии без рыночной экономики и конкуренции, создав все условия для преобразования «экономики рынков в антиэкономику» [3, 165—185].

Трагизм ситуации, возникшей на Украине, заключается в том, что власть сама не способна справиться с трудностями и возлагает надежды на внешние силы, в первую очередь на финансовую и экономическую помощь развитых стран. Однако Запад стал уже другим и многому научился. Стремясь распространить плюралистическую демократию, либеральную рыночную экономику, другие экономические механизмы и институты как универсальные принципы жизни, западные политики осознают опасность подтягивания всего человечества к уровню жизни богатых стран из-за нехватки основных ресурсов, риска экологической и демографической катастрофы. Поэтому необходимо критически относиться ко всем заявлениям, исходящим из Брюсселя и Вашингтона в адрес Украины. В мире грядут новые порядки и нужно видеть, что международное право давно размывается

великими державами применительно к слабым странам. Украине следует понять, что время геополитических игр, церемоний с Вашингтоном и Москвой заканчивается. Если правящий класс, пребывая в состоянии эйфории, продолжает прозападную риторику, примеряет на себя европейские ценности, то десятки миллионов рядовых украинских граждан никакого смысла в этом уже не видят. Украинской власти гораздо разумнее было бы переосмыслить пустые декларации про так называемый европейский выбор и принимать реалистические решения. Нынешние политические лозунги скорее демонстрируют независимость от здравого смысла, но никак не являются идеологией политической независимости. Это также относится и к экономической политике, так как многие экономические решения и действия за пределами идеологии не имеют смысла.

В условиях глобальной экономической конкуренции и международной политики страны, формирующие евразийский союз, являются нашими естественными партнерами и союзниками. Эти государства никуда не интегрируются и поэтому экономически объединяются друг с другом. Нас соединяет не только экономика, но и общая история, большой опыт совместной жизни, общий культурный потенциал. Способна ли сама Украина осуществить неоиндустриализацию и модернизацию производства? Очевидно, нет. Лимит времени для страны исчерпан. Обслуживая большой внешний долг, Украина с трудом обеспечивает бюджетные расходы в условиях сокращающихся поступлений. Стратегия модернизации через интеграцию в Евросоюз пробуксовывает. Этот путь успешно реализовали в свое время Польша, Чехия, Венгрия, Словакия, став сборочным цехом экономически развитых стран Европы. Но им вряд ли в ближайшее время потребуются новые площадки, расширение экономического пространства. И вот в этих условиях необходимо провести новую индустриализацию страны, возродить традиционные отрасли машиностроения, авиа- и судостроения, легкую и пищевую промышленность, развивать и новые отрасли — такие как IT-индустрия, энергосбережение, альтернативная энергетика и др.

Таким образом, теоретически существуют два способа решения проблемы модернизации страны в целях создания экономики, производящей добавленную стоимость, т. е. стоимостной экономики: 1) проведение структурных реформ, которые были бы крайне болезненны для населения и могли бы вызвать серьезные протесты и, возможно, контрреформы; 2) умножение возможностей экономики за счет ее включения в какое-либо интеграционное объединение. Единственный способ ее решения без проведения радикальных реформ состоит в том, чтобы сформировать более обширную зону торговых отношений

за счет, как теперь выражаются, геополитического расширения, включающего Россию, Белоруссию, Казахстан. И только после этого вместе со странами-партнерами осуществить новую индустриализацию: перейти от преимущественно сырьевого типа экономики к новому качеству хозяйства, к обрабатывающей экономике. Развивая вместе с РФ и другими странами СНГ высокотехнологичные, наукоемкие отрасли промышленного производства, в том числе авиастроительную, аэрокосмическую, энергетическую, судостроительную, предприятия военно-промышленного комплекса, на которые делается ставка в планах российского руководства, создавая условия для высокотехнической промышленной кооперации, реализуя совместные долгосрочные программы развития, Украина осуществила бы таким образом свою модернизацию. Выполнение этой задачи, конечно, потребует мобилизации всех национальных ресурсов, которые следует объединить с ресурсами стран Таможенного союза, имеющих великие природные, людские, территориальные и прочие возможности. Для успешного ее проведения возможно пришлось бы пойти на уменьшение потребления в пользу стратегического накопления и инвестирования средств в развитие производства.

Сказанное позволяет сделать вывод, что последствия мирового кризиса, затянувшейся рецессии, долгового кризиса и сокращения производства во многих странах ЕС подталкивают постсоветские государства, настроенные на интеграционные процессы, в пользу взаимовыгодного сотрудничества в других образованиях на евразийском континенте, в первую очередь в рамках Евразийского экономического сообщества. Активное развитие производственных структур в странах СНГ невозможно без полномасштабного восстановления эффективных экономических звеньев и торговых связей, создания новых механизмов взаимодействия и реализации научных, технических и технологических проектов в самых различных сферах. При наличии огромных территорий, колоссальных запасов энергоресурсов, возможностей демографического роста в этом объединении становится реально выполнимой задачей модернизации Украины на основе новой индустриализации. Таким образом, Украине рано или поздно придется сделать стратегический выбор и присоединиться к интеграционным структурам.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Циклы модернизации в России: реформы и контрреформы // *Философия хозяйства*. 2012. № 2.
2. *Слепаков С.С.* Формирование типов экономического поведения // *Философия хозяйства*. 2011. № 6.

3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // *Философия хозяйства*. 2012. № 2.

4. *Лемещенко П.С.* Экономика рынков, антиэкономика и пределы инновационного развития // *Философия хозяйства*. 2012. № 2.

В.И. КОРНЯКОВ

Экономика гипоксии

Странную картину являла бы наша современная экономика внешнему (скажем, межпланетному) наблюдателю. Вот уже более полувека на экономическом корабле утрачиваются ходовые качества — это тревожно осознается, и идут кампаниями сменяющие друг друга ремонты. Но при этом занятые ремонтами субъекты экономики не обращают внимания на то, что сама двигательная установка работает на свисток. Бригады ремонтников в человойнике сменяют друг друга, пыль столбом, а работа двигателя впустую, невзвешенная для чего, — неприкасаема, как заколдованная.

В СССР, в РФ все идет по этой схеме, начиная с отказа СССР во второй половине 1950-х гг. от сталинской экономики. Косыгинская реформа и другие новации, переход к капитализму, наконец, «Стратегия — 2020» — все по формуле, обратной шекспировскому «много шума из ничего»: ничего из многошумья.

Теперь впору приступить к разъяснениям. Общеизвестный двигатель экономики (и главный претендент на статус критерия общественного прогресса) — рост производительности труда. Хотя кое-кто из экономистов и ворчит, я не встречал каких-либо предложений специалистов насчет его полноценного заменителя. Речь-то идет о пополнениях самой материи экономики. Встретить таких специалистов, открывших другой, альтернативный производительности труда источник роста действительного богатства, вряд ли удастся чаще, нежели убежденных сторонников плоской формы Земли. Но зададимся «детским» вопросом: как именно, каким образом (способом) в экономике «работает» данный двигатель? Точнее: как происходит ассимиляция экономикой производительности труда, ее усвоение социумом как своих становящихся «тела и крови»? В результате каких действий-преобразований производительность труда входит в «плоть» экономики, становится ее новой, ранее в ней не присутствовавшей материей?

Ассимиляция роста производительности в традиционной экономике. Все понятно-просто в традиционной экономике. Изменение рождается в весьма узких, хорошо просматриваемых рамках трех простых моментов труда как целесообразной полезной деятельности. В них всегда наличествует определенная *производительная сила* данного полезного конкретного труда — его «мощь» произвести то-то и столько-то (единиц изделий), создать намеченное трудовыми приемами, востребуемыми «фактурой» данных предметов, средств труда и данного изготавливаемого продукта. И определенная *производительность* — отношение этой «мощи» к затрате работниками своих рабочих сил: то-то и столько-то ценой столько-то рабочих часов, дней. Здесь, на простейшем уровне, становится ясно, что есть три корневых способа передачи социуму эффекта повышения производительности. Один — добавочная производительная сила. Два других — добавочной продукцией и сэкономленным временем. Они не параллельно-одновременно действующие, а альтернативные. Если передача идет добавочной продукцией, невозможно получить ее также и сэкономленным временем: оно уже истрачено на дополнительное производство. А если социум получает сэкономленное время, он уже не имеет добавочной продукции. Очевидно также, что может происходить «раздел» общего эффекта между разными. Однако в современном социуме ассимиляция экономикой и обществом эффекта повышения производительности труда происходит с огромными осложнениями.

Рост производительности труда, происходящий на индивидуальных предприятиях, ассимилируется обществом в настоящее время по двум направлениям или в двух зонах.

Первая зона ассимиляции производительности. Современный переход во вторую зону. Первая зона — это экономические действия по поводу роста выработки на самом предприятии, где повысилась производительность. На этом предприятии во-первых, может быть произведена дополнительная продукция. Но для нее нужно найти сбыт, что непросто — имеются сдерживающие ограничения. Во-вторых, фирма может высвободить некоторую часть работников текущего производства, использовать их на других работах или даже уволить. Как бы то ни было, социум получает заводской эффект в виде добавочной мощности, продукции и высвобожденного живого труда. Однако заводской эффект производительности труда в современной экономике — это мизер относительно второго направления ассимиляции повышения производительности труда — через изменения в технологической цепочке обработки, к которой относится данное предприятие.

В итоге непрерывного развития *общественного технологического процесса производства* (ОТПП) нормой сегодняшней экономики стала принадлежность предприятия той или иной длинной технологической цепочке обработки (иногда — двум или нескольким). Сегодня не предприятие, а именно такая цепочка стала производителем конечного продукта. Отношение принадлежности предприятия такой цепочке исследованы теорией недостаточно. Мне представляется, что это особый, специфический тип отношений, не «схватываемый» разработанными наукой понятиями. Более всего здесь применима трактовка православной Троицы в гениальной иконе А. Рублева как синтеза неотделимости и неслиянности. Предприятие как отдельный-изолированный объект экономически не существует, ибо его производство и продукция на 100% входят в «организм», в «обмен веществ», созидаящий определенное конечное изделие, абсолютно не изолируем от него, примыкает к нему всеми своими фибрами. Вне этого соучастия в созидании определенного конечного изделия в современном предприятии в типическом случае не остается ничего. Ни говорить, ни мыслить этим предприятием в каких-то других сторонних (относительно всей цепочки) аспектах бессмысленно. Полнейшая неотделимость от «своей» цепочки. И в то же время — отдельность, неслиянность ни с цепочкой, ни с какими-либо ее звеньями. Отдельная самостоятельность и в то же время органическая часть более высокого целого. Функционирование в составе цепочки каждого предприятия абсолютно обязательно для нормального функционирования всей цепочки. А если исходить из современного уровня техники-технологий, то такой же обязательностью для всей цепочки заводов обладает труд отдельного работника каждого завода. Другой иллюстрацией может быть сложный биологический организм и его органы — например, человеческий. К примеру, мозг человека. Его можно соотносить лишь с определенным организмом, вне системы организма он не обладает никаким существованием-функционированием. Будучи всегда неслиянным с организмом, он всегда неповторимо-индивидуален.

Современное производство являет собой ОТПП как сложнейшую систему взаимосвязанных технологических цепочек, в которой каждая цепочка функционирует в таких же отношениях неотделимости-неслиянности со всем ОТПП, в каких со «своей» цепочкой находится индивидуальное предприятие. Это раскрывает, что произошла объективация (термин С.Н. Булгакова) современного работника и его производительности (через свою принадлежность определенной технологической цепочке ОТПП) в масштабе всей экономики.

Из этих теоретических подходов следует, что главной сферой общественной реализации какой бы то ни было деятельности отдельной фирмы, в том числе в повышении производительности живого труда, является не предприятие, а технологическая цепочка и через нее — вся экономика. Как ни странно, сейчас этот путь, судя по научной литературе и по политике властей, никого не интересует. В чем именно он состоит?

Из предприятия, в котором повышена производительность живого труда, в ту сферу, принадлежностью которой является данное предприятие и в которой призвана состояться-реализоваться главная экономическая и социальная отдача указанного повышения, ведет всего один путь, тропа, нить. Это — снижение отпускной цены соответственно снижению издержек.

Такой же точно путь пролегал и в старом капитализме классической эпохи. Но тогда о поддержании-обеспечении этого пути никому (в том числе и государству, и предпринимателям) не приходилось беспокоиться, озабочиваться. Он весьма надежно обеспечивался автоматически действовавшими механизмами рынка. Когда на заводе применялось новшество и увеличивалась производительность-выработка, на нем уменьшались издержки на производство продукции того же самого физического объема, но рынок жестко сохранял отпускную цену прежней: он устанавливал ее сразу для всех производителей данного товара. Возникла избыточная прибавочная стоимость, которая в конкретных отношениях выступала сверхприбылью. Но потом конкуренция вынуждала к применению того же новшества второго, третьего, а далее и основную массу капиталистов данной отрасли. У каждого понижались издержки. Поэтому общественная (средняя) стоимость продукции уменьшалась, а с нею понижалась и рыночная отпускная цена. Разность между денежными значениями стоимости и отпускной цены данной продукции исчезала (объективный статус общественной стоимости поддерживался связью денег, особенно кредитных, с золотом). Данные механизмы, с одной стороны, позволяли предпринимателям временно попользоваться ростом производительности (на их же предприятиях) для получения добавочного дохода, что и было в тот период основным стимулом к ее повышению. С другой стороны, те же механизмы избыточной прибавочной стоимости способствовали развертыванию экономической и социальной ассимиляции роста индивидуальной-локальной производительности труда всем капиталистическим производством и всем обществом. На этом пути именно вся экономика, все общество получает, может получать главный эффект роста производительности труда в виде уменьшенной цены. Причем это уменьшение цены ничего бы не зна-

чило, если бы не последующие процессы материализации приростов производительности в экономике и социуме.

Первый процесс ассимиляции производительности. Первый процесс заявляет о себе прямо по ходу развертывания экономического движения по указанному выше единственному пути. В современном социуме этот путь в связи с гигантским развитием ОТПП чрезвычайно удлинился: исследования «цепочек приращения стоимости» столкнулись с тем, что даже для относительно простых, казалось бы, продуктов речь стала идти о сотнях стадий обработки. Но он также и уплотнился: с развитием отношений неотделимости-неслиянности каждое повышение выработки у самого удаленного (от выпуска конечного изделия) работника является (в сущностном аспекте) участием во всем производстве всей технологической цепочки. Установившаяся сущностная целостность процесса постепенно реализуется — завершается последовательным движением конкретных отношений. Допустим, на инициативном предприятии № 1 рост выработки выразился в снижении издержек на 1000 денежных единиц, что повлекло соответствующее уменьшение отпускных цен, и в итоге завод № 2 приобрел продукцию завода № 1 с экономией в эти же 1000 ед. Поэтому заводу № 2 его продукция обошлась на 1000 тех же единиц дешевле. Так же и с заводами № 3 ... № 10 и до предприятия цепочки, выпускающего конечное изделие, — тоже с экономией тех же 1000 ед.

На всех предприятиях — не номинальная, а совершенно реальная экономия овеществленного труда: функционируют средства производства, которые стали стоить дешевле. В силу этого образуется крупнейшая общественная экономия. Ее суммарные размеры зависят от двух параметров. Во-первых, от исходной величины экономии издержек вследствие повышения производительности труда на предприятии № 1. Во-вторых, от стадийности. Чем больше стадий, тем выше сумма этой вторичной экономии овеществленного труда (динамической ренты) в масштабах каждой цепочки, а для совокупности повышений индивидуальных производительностей — в масштабах ОТПП. В нашем примере при десяти стадиях экономия будет 10000, при 20 — 20000.

Такова плодотворность (щедрость) производительности живого труда в наше время. На всего-то единицу, потребовавшую усилий (и при недопущении ее проглатывания частным собственником) 10—20 и более единиц абсолютно подарочных безо всяких усилий. Надо обладать выраженной враждебностью к судьбам своей экономики, страны, чтобы сознательно пресекать объективный процесс образования этого как бы дарового, не требующего никаких ни жертв, ни просто напряжений ресурса развития социума, кратно превышающего то, что

в виде сверхприбыли «съел» частный предприниматель завода № 1. Реальное богатство льет дождем. Тем более что к нему объективно положены (можно сказать, самой Природой) крупные сверхподарки социуму, почему-то не принимаемые в расчет некоторыми исследователями. Вынужден еще раз сказать о них. Дело в том, что на единицу обычной, нормальной первичной экономии издержек в I подразделении кольцом Маркса («производством средств производства для средств производства») накручивается еще три, а в масштабах обоих подразделений — все четыре сверхдобавочные сверхподарочные такие же единицы сверхэкономии. Для масштаба использованного числового примера это 3000 и 4000 тех же условных единиц. Правда, не в одном, а в ряде кругов. Но на базе все одного и того же повышения производительности живого труда в № 1. Зато опять же бесплатно и прямо-таки не за что (за устройство, структуру общественного производства). Но этот эффект обязателен для масштабов всего общественного производства. Когда же рассматривается отдельная технологическая цепочка, он не может заметно сказаться.

Что могут этому противопоставить сторонники сегодняшней экономики с неснижающимися ценами, т. е. с перекрытой тропой ассимиляции роста производительности труда? Сторонники пресловутой рыночной экономики?

Ради одного только первого процесса социуму наших дней есть все смыслы немедля, не теряя ни минуты бросится на реформирование экономики. Но имеются еще второй, третий, четвертый...

Второй, третий, четвертый процессы. Второй процесс — это перестройка на предприятиях, участниках технологической цепочки, на которые привнесено (показанным выше способом) удешевление производства. Трудно себе представить, чтобы это событие проходило на предприятиях незамеченным их благодушествощими-дремлющими работниками и менеджментом. Как правило, на таких предприятиях возникают-проходят те или иные встречные акции рационализации и модернизации их производств. Даровые, как бы «подарочные», ресурсы почти всегда иницируют заинтересованное изыскание, мобилизацию, присоединение и использование собственных источников для более широких мероприятий совершенствования техники, технологий и организации производства. Приходит в развивающееся техническое-технологическое движение обширная сфера предприятий промежуточных и конечных продуктов — участников-звеньев длинных технологических цепочек обработки.

Третий процесс — это уже итог полного прохождения той же экономией издержек (первым процессом) всех своих наперед детерминированных движений в составе ОТПП с материализацией в ценах

конечных товаров. Конечные изделия — те, которые выбывают из экономики в сферу личного потребления и окончательного использования. Это предметы личного и общественного непроизводственного потребления, на практике включающие произведенное оружие. Средства труда не являются конечными изделиями: представленный в них общественный труд возобновляет участие в процессах производства и общем движении затрат-результатов труда.

Затраты живого труда данного года обязательно материализуются в конечных изделиях, но не сразу, а на протяжении ряда будущих лет. С другой стороны, в любом определенном году покидают экономику в облике конечных изделий затраты труда многих прошлых лет. Современная информатика так или иначе позволяет высветить конечное отношение: повышение производительности живого труда в конкретной точке ОТП — удешевление вполне определенных конечных продуктов. В экономике дороговизны предприятиям безразлично, на кого свалится повышенные ими цены. Другое дело — в экономике снижающихся цен. Здесь знание, на ценах каких конечных изделий «аукнется» понижением данное повышение производительности труда, может инициировать позитивный экономический интерес.

Таким образом, экономика внутренне тяготеет предстать в глазах всех членов общества тем, чем она действительно является — средством обеспечения их жизни. Труд каждого предстал бы в его социально-экономическом значении для жизни общества. Перед социумом раскрылись бы новые горизонты мотивации и стимулирования труда всего общественного производства.

Новые возможности открылись бы и в аспекте определения, выявления не только социальной, но и экономической эффективности производства. Когда на предприятии знают, уровни цен каких промежуточных и конечных изделий общественного производства определяются трудом их работников, представление об эффективности их труда получило бы впечатляющий предметный облик.

Четвертый процесс ассимиляции социумом повышений производительности живого труда — долговременное многолетнее образование всей совокупностью повышений производительности живого труда самого, по-видимому, крупного-мощного из народнохозяйственных процессов — открытого К. Марксом цикла оборотов основного капитала, обеспечивающего его обновление *in nature* очередным поколением средств труда.

За длительный многолетний период времени в роли предприятия № 1 перебивают, и не раз, все предприятия — звенья соответствующих технологических цепочек. Смогут быть произведены новые

средства труда, каждое из которых сосредоточит собой многие технологические цепочки обработки. Они станут предпочтительнее (по производительности и эффективности) функционирующих средств труда текущего производства. На этой основе должна происходить нормальная органическая смена одного поколения техники-технологий общественного производства другим, следующим. В РФ этот объективный механизм самообновления производственного аппарата сейчас утрачен, усиливается массовое устаревание несменяемой техники производства. Без возврата к нормальному воспроизводству основного капитала через циклы оборотов основного капитала стране не выжить.

Резюме. Итак, современная экономика объективно устроена так, чтобы ассимиляция повышений производительности живого труда проходила в ней, главным образом, не в границах тех предприятий, на которых они поимели место. Эти повышения объективно должны трансформироваться в (см. первый процесс) громадные даровые экономии овеществленного труда, снижения издержек в широком общественном масштабе, многократно превышающем сбережения живого труда на инициативных предприятиях. Прямая ассимиляция на предприятии — все более жалкий мизер, свисток в сравнении с эффектом общественным. Да еще другие общественные ассимиляции (второй, третий, четвертый процессы, рассмотренные выше).

У капитализма классической эпохи не было проблем с ассимиляцией его экономикой и социумом повышений производительностей живого труда. Функционировали обе зоны такой ассимиляции. Регулярно-систематически предприниматели временно «вкушали» избыточную прибавочную стоимость, но далее она через обязательное уменьшение отпускной цены самоликвидировалась, и процесс ассимиляции нормально переходил в общехозяйственную зону, в которой обретал многолетний характер и завершался очередным обновлением *in nature* основного капитала. Однако сегодня отпускных цены не уменьшаются. Сегодня единственный путь к ассимиляции производительности живого труда общехозяйственной зоной — снижение отпускных цен соответственно росту производительности живого труда — прекращен, закрыт напрочь. Если сравнить повышение производительности с дыханием социального организма, то у современного общества оно перетянато, перекрыто, перерезано. И российское, и современные западные общества живут-функционируют в состоянии трагически усиливающейся экономической гипоксии.

Вползание в экономическую гипоксию, в прекращение ассимиляции роста производительности живого труда — основной факт социально-экономической действительности нашего общества. У наше-

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

**Исчерпание комплекса поражения России:
неожиданная модель гармоничного развития**

Видеть несправедливость и молчать —
значит стать соучастником.

Ж.-Ж. Руссо

«Горе побежденным!» Римский историк Тит Ливий сохранил эти слова галльского царя Бренна для потомков, описывая осаду Рима в IV в. до н. э. На переговорах с римским трибуном Квинтом Сульцием властитель галлов для ранее непобедимых хозяев Античного мира определил контрибуцию в тысячу фунтов золота. Унижение гордых римлян усугублялось еще и тем, что галлы принесли для измерения платы неверные гири. Когда же римский трибун возразил по поводу нечестного подхода к договоренностям, галл добавил к гилям еще и свой меч и произнес слова, ставшие крылатыми — «*Vae victis!*». Значительно позже появится другая сходная фраза: «Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу»...

Стремительное падение в XX столетии одной из двух сверхдержав мира — России, именованной Советским Союзом, до настоящего времени не достаточно осмыслено ни в отношении самой России, ни в отношении современного и будущего человечества. Был ли побежден два десятилетия назад лишь несовершенный российский социализм или рухнула российская цивилизация? В чем причина поражения? Имело ли место заурядное головоуятие элиты или же произошло событие, предопределенное неумолимым роком, свершилась несчастливая судьба России? Не вызывает сомнения то, что характер отклика на поставленные вопросы определяет долгие смыслы бытия всех граждан страны, но содержание ответов в разных слоях влиятельных групп разобщенного российского общества сегодня принципиально различно.

Реальности начала третьего тысячелетия показывают, что успех в соревновании за лидерство, а порой и просто за существование крупных государств мира зависит не только от уровня развития экономики и обороны, производственных технологий и точных наук, но и в огромной степени от уровня развития социальной науки, ее когнитивных и прогностических возможностей. Проигрыш СССР в «холодной войне» два десятилетия назад, прежде всего, был обусловлен прекращением развития социальной науки в нашей стране, превращением ее в догму, начиная со второй половины XX столетия. Общество, переставшее понимать себя и окружающий мир, было обречено стреми-

тельно отставать от меняющегося содержания жизни, это демонстрировал весь ход социально-экономического развития страны. По сути, великое государство, общество и культура были погублены учеными и политиками, подменившими требование науки о постоянном развитии знаний в меняющемся мире заклинаниями и цитатами из уже устаревших, но канонизированных трудов предшественников.

Если говорить о позиции современной российской социальной науки, многих представителей школы философии хозяйства, то она практически диаметрально противоположна взглядам либеральной группировки представителей власти и капитала (см.: [1—7]). Но наряду с очевидностью этого давно определившегося состояния взглядов, сегодня в стране происходят перемены способные привлечь внимание исследователей, фиксирующих новейшую историю России.

Выступая перед Федеральным Собранием в декабре 2012 г., президент страны сформулировал качественно новые принципы движения общества в будущее (по сравнению с прошлыми посланиями Федеральному Собранию РФ), которые во многом соответствуют мыслям, сформулированным нами в начале 1990-х гг. [8—10] и получившим раскрытие с позиции *теории оптимума развития* в более поздних работах [6; 11; 12]. И эта перемена вполне отражает постоянно действующее правило — «образ будущего мира в первую очередь определяется учеными, а не политиками, ибо последние пользуются моделями, разработанными наукой» [13].

Говоря о базовых принципах развития страны на средне- и долгосрочную перспективу, президент справедливо указывает на кризисный характер глобальной ситуации, подчеркивая, что уже ближайшие годы могут стать решающими, переломными как для России, так и для всего мирового сообщества. В минувшем столетии Россия прошла через две мировые и гражданскую войны, дважды испытала катастрофу распада государства, в стране несколько раз коренным образом менялась вся система жизнеустройства. Начало нового века — время глубочайшего политического, экономического, социального, демографического и духовно-культурного, ценностного кризиса в России. Для сбережения и воспроизводства жизни нации важен именно ценностный аспект кризиса, так как утрата жизненных ориентиров и идеалов людей наиболее опасна. Угроза саморазрушения страны, позволившей под диктовку победителей в «холодной войне», записать в Основном законе принцип отказа от идеалов (идеологии), чрезвычайно велика.

Стабильное развитие любой страны возможно лишь в условиях сохранения *национальной культурной идентичности*. Для России это означает необходимость следования традициям российской духовно-

сти (долгосрочные смыслы). Именно «долгие» и «общие», а не преобладающие в пореформенной России «короткие» и «частные» смыслы способны четко описать цели развития общества, разработать «среднесрочные смыслы», отраженные в программах гармоничного развития общества.

В отечественной научной литературе относительно немногочисленны описания ключевых свойств русского национального характера, национальной идеи и русской культуры (в XX столетии эта тема считалась табуированной по идеологическим соображениям). Между тем одну из лучших характеристик российской самобытности дал известный русский религиозный философ Н.А. Бердяев. Он писал: «В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. “Русское” и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия — “Святая Русь”... В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства... Россия — самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвергает русских на Западе... В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем среднем и относительном» [14]. «И в русском народе, и в русской интеллигенции было и будет искание царства, основанного на правде... Русский народ не “догоняет” Запад, а идет собственным путем... Только в России могла произойти коммунистическая революция... В России коммунизм не столько социальная система, сколько религия. Коммунизм стремится быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать жизни смысл... Русский коммунизм — есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи... Идея коммунизма более согласна с христианством, чем идея, на которой базируется буржуазное капиталистическое общество... В коммунизме есть здоровое, верное, и вполне согласное с христианской пониманием жизни каждого человека, как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому». Главная метафизическая особенность российской культуры, по мнению философа, заключается в том, что «идея Богочеловечества, как сущности христианства, мало раскрывалась западной христианской мыслью, она является оригинальным рождением русской христианской мысли» [15].

Сегодня наступил момент, когда официальный лидер страны публично признал, что история неразрывна, что исключать из нее какой-либо, в том числе советский, период — значит терять смысл национального развития, его внутреннюю силу. Попытка любой ценой забыть естественные для русской культуры идеологические ценности социалистической эпохи (общественный интерес, честность, открытость, дружбу, ориентацию на нравственные и духовные ценности, патриотизм и т. д.) привели к разгулу коррупции, к утрате большинства моральных ориентиров в обществе, являющихся практической основой социальной справедливости. Сегодня страну от социального распада охраняет в основном нравственная стабильность образованных и думающих людей, традиционно именующихся российской интеллигенцией («креативным классом»), к которому сегодня относятся, прежде всего, врачи, учителя, работники культуры, преподаватели вузов, ученые. Эти социальные группы являются носителями традиционных ценностей, они исторически доказали свою способность передавать нравственные и духовные ценности из поколения в поколение.

В последнее время президент страны не считает нужным скрывать, что создание Таможенного союза и формирование Евразийского экономического союза воспринимаются им как справедливая и естественная реакция российского общества на все действия государств, проявивших заинтересованность в дезинтеграции СССР, снижении роли России в идущих глобальных процессах. Россия относится к тем странам, которые оказывают влияние на всю мировую цивилизацию, а русский язык и культура не только объединяют граждан страны, но и не дают раствориться самой большой стране планеты в этом многообразном мире. От постоянно декларирувавшихся ценностей индивидуальной свободы акцент теперь переносится на высочайшее значение нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, национально ориентированного сознания. Впервые в пореформенной России заявлено об отрицании либеральной догматики и стремлении к формированию в молодежной среде современного нравственного, гармоничного и ответственного человека, российского гражданина, полноценно использующего все богатство российской культуры и не стремящегося слепо подражать типичным представителям западной кризисной культуры. Декларируются отказ от сложившейся сегодня утраты прямого взаимодействия населения и властных структур, превратившихся в результате своей изолированности в своеобразную касту людей, далеких от народа, внедрение новых форм контроля населения над властными структурами. Главным критерием оценки эффективности власти предлагается сделать общественное

мнение. Говорится о новом, позитивном отношении к традициям народного самоуправления, прямой демократии (как к важной части российской культуры), но не к реализации стандартов, навязанных России извне.

Однако заявленная российской политической элитой новейшая социальная позиция не лишена противоречий и догматики. По-прежнему, в центре новой модели роста видится частная собственность, совершенно явно создающая в современном мире основные условия для сохранения глобального финансово-экономического и социально-политического кризиса.

Состояние российского общественного сознания после перенесенного исторического шока достаточно долго выглядело как растерянность, которая неизбежно возникает в сложной и значимой ситуации, когда для решения новых проблем нет ни понимания сути происходящего, ни готовых моделей действий, ни тем более навыка решения подобных задач. В последствиях российской исторической драмы есть, тем не менее, и выигрыши. Не состоялась военная оккупация территории. Откровенно слабые политики, признавшие проигрыш страны, создали у противников России иллюзию полной ее подчиненности, дали возможность сосредоточения и проведения интеллектуального осмысления происшедшего важнейшего социально-экономического и метафизического эксперимента. Эксперимент удался — его результаты очевидным образом провальны. Значительная часть элиты и населения сегодня осознает, что традиционное либеральное капиталистическое общество не имеет перспективы нигде в мире, а в постсоветской России, создавшей в 1960-е гг. на короткое время основы общества будущего, навязанная стране либерально-капиталистическая модель организации общества явно напоминает «сон разума». Кроме того, в период сосредоточения Россия сформировала новый высший слой элиты, способный (по финансовым возможностям) войти в мировую элиту и конкурировать с ее ведущими группами.

На повестке дня сегодня вопрос: изжит ли Россией в полной мере «комплекс поражения», остро переживавшийся гражданами страны в горбачевскую и ельцинскую пору жалкого существования? Проигрыш целого общества, тем более цивилизации, подобной российской, неизбежно нарушает общественную самооценку (ощущение полноценности), ставит под сомнение не только прошлый образ жизни, но и будущее такого социума. Описанный А. Адлером индивидуальный «комплекс неполноценности», в основе которого переживание ненужности, никчемности, ущербности, иррациональная вера в превосходство окружающих над собой, формируется как следствие дис-

криминации, стрессов, неудач. Ярким примером того, что «комплекс неполноценности» — «комплекс поражения» — может проявляться не только на индивидуальном, но и на социальном уровне, является Германия в период после подписания Веймарского договора. Приход к власти нацистов был закономерен — униженное общество способно реагировать в ответ на блокаду общественных потребностей, в частности, потребностью в адекватном международном статусе и корректной национальной самоидентификации, и неконструктивно (невротически). Плата за социальную реакцию такого рода чрезвычайно велика. Но ответственность при этом лежит не только на политиках страны. Ее следует прежде всего возложить на представителей социальной науки, не нашедших верного объяснения причин развития «социального невроза» как проявления травм социального бытия, несоответствия поведения общества вызовам времени. «Невротичное» общество способно выздороветь, если становятся понятны причины недомогания (порой ценой значительных издержек), но возможны и такие варианты исходов, как ограниченная дееспособность, иностранная зависимость (аналог инвалидности на индивидуальном уровне), уничтожение и даже самоуничтожение общества. Такой печальный итог история фиксировала в обществах, утративших духовность и нравственность, средне- и долгосрочные смыслы бытия. Так закончили свое существование греческая античная культура, римская и византийская империи, позже — многие европейские империи, включая российскую и советскую. Следует обратить внимание на то, что для всех этих обществ была характерна догматическая идеология, отражающая, хотя и важную, но одностороннюю философию жизни элиты. В отличие от них, длительно существующие цивилизации мира (Китай, Индия) используют в культуре, идеологии, социальной практике и в повседневной жизни религиозные и философские принципы гармонии, бинарной комплементарности, единства противоположных начал.

В общественном сознании социальный «комплекс поражения» сопряжен с напряжением, депрессией, чувством вины, социальной пассивностью, компенсаторной агрессией или показным высокомерием, он может также порождать инфантильные формы поведения, демонстрацию роли жертвы, с целью получить поддержку, основанную не на чувстве уважения, а на жалости.

Как и любое испытание жизнью, социальная фрустрация порождает бифуркацию решений — разрушить то общество, которое не обладает верой в свое позитивное будущее и знаниями о способах его достижения, или мотивировать перемены, активное достижение позитивных целей.

Российская социальная наука, интеллектуальная часть элиты страны приняли вызов времени, взяли свою долю социальной ответственности и дали ответ на вопросы о сути и принципах социально-экономической, культурной, нравственной и духовной жизни завтрашнего дня. Этот ответ ясно показывает, какие перемены необходимы и возможны в общественной практике в соответствии с долгими и средними смыслами бытия, каким образом эти сложные перемены могут происходить без разрушений и жертв. Социальный страх (как и индивидуальный) неразрывно связан с незнанием и неумением (некомпетентностью) жить в новых условиях, соответствовать и ближайшим задачам адаптации-развития, и призыву Логоса. Если сегодня уже и политическая элита страны, восприняв позицию российской социальной науки, перестала бояться вызовов времени, то, по сути, осталось лишь сообщить об оптимистическом сценарии развития общества основной массе граждан, естественным образом ждущей от элиты ответственных действий.

Если у страны нет повода быть в печали — то комплекс поражения преодолен. Пришла пора думать о будущем. Принимать же ответственность всему обществу тогда, когда найден ответ на вызовы времени — уже не проблема, а задача. Лишь с первого взгляда, лишь для непосвященных концепция бытия в завтрашнем дне может показаться неожиданной. На деле она уже вызрела в умах специалистов и скоро станет очевидной для всего общества. Система задач по реорганизации общества представляет собой программу действий³.

Возможны различные сценарии развития ситуации — инерционное развитие, политическая реакция, модернизация, радикальная трансформация. Наиболее вероятным представляется последний вариант. Для того чтобы перемены были конструктивными и гармоничными, не требуются великие потрясения. Нужно лишь осуществить социальное просвещение общества, дать ему идеологию гармонии в качестве социальной идеи (веры) и заменить реакционную часть элиты на способную слышать голос народа и призыв Логоса.

Учитывая первичную бинарно-комплементарную сущность организации всех гармонично развивающихся систем, назревшую необходимость формирования «государства-корпорации», где максимально гармонизированы личная и социальная полезность поведения

³ Программа с позиций теории системного оптимума адаптации и развития была изложена в нашей работе 2012 г., которая докладывалась на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства в марте 2012 г. в Центральном экономико-математическом институте РАН (Москва) и в сентябре 2012 г. на международной конференции «Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки и взгляд с позиции культуры» (г. Иваново) [6].

граждан, мы предлагаем следующие этапы изменений организации социальной жизни России.

Часть А. (ближайшие ориентиры).

- Социальные отношения в российском обществе регулируются не только юридическими, но также нравственными и духовными нормами.

- Высшее благо определяется как гармония интересов человека, общества и требований будущего (Провидения).

- Гармония социального развития отражается и оценивается через систему установленных критериев общественного блага и личного благополучия граждан государства.

- Сохранение роли России в новом мире проистекает из верховенства принципа гармонизации противоположностей, способности к культурному синтезу (культурной традиции и культуры будущего, российской культуры и контрарных мировых культур).

- Признание непрерывности и ценности (естественности) культурной и социальной истории страны, включая советский период развития, с его высокой социальной культурой, нравственными и духовными принципами.

- Признание естественной комплементарности (дополнительности), а не равенства основных прав мужчины и женщины. Декларация прав женщины на социальную поддержку материнства, означающая включение в стаж и оплаты времени рождения и воспитания детей, оценку не только количества рожденных детей, но и качества их физического, нравственного и духовного воспитания.

- Восстановление входящих в матрицу российской культуры таких базовых символов и ценностей, как справедливость, патриотизм, честный и творческий труд, коллективизм (солидаризм, соборность), привилегированное положение социальных групп, требующих дополнительной защиты, — детей и молодежи, пожилых людей, женщин.

- Формирование непосредственно-представительной формы демократии через создание системы территориальных и производственно-территориальных общин, заключающих социальный контракт с лидерами всех уровней.

- Введение в качестве критерия гармоничного развития общества «принципа социального согласия», оцениваемого при помощи регулярных социологических опросов населения и общин, соответствия прогнозов развития, сделанных властью, и реальных результатов достижения общественного блага.

- Введение принципа моральной оценки новых законов, предлагаемых законодательными структурами, структурами неполитическими, признанными населением в качестве источников морального авторитета — религиозными конфессиями, советами старейшин, советами общин и др.

- Формирование новой культурной парадигмы общества, пропагандирующей в качестве важнейшей цели личности стремление к гармонии с совестью, моралью, духовными ценностями российской и мировой культуры. Общественная поддержка культурного творчества, ориентированного на идею смены целей личностного роста гражданина: от ориентации лишь на низкие знаки признания обществом (деньги, власть) к гармонично высоким знакам признания (уважение, любовь).

Часть Б. (последующие ориентиры).

- Введение принципа взаимного дополнения, баланса власти государственной (вертикаль) и власти общин (горизонталь). Приоритет принадлежит стоящей выше в системном отношении государственной власти.

- Разделение экономики на два дополняющих, балансирующих сектора — частный, «короткой мотивации», управляемый лицами, ориентированными на общее благо через собственную материальную выгоду, и общественный, «долгосрочной мотивации», управляемый нанятыми обществом специалистами. Приоритет принадлежит стоящему выше в системном отношении общественному сектору.

- Введение принципа баланса общественного индикативного планирования и рыночных механизмов при разработке программ социально-экономического развития общества. Приоритет принадлежит стоящему выше в системном отношении общественному планированию.

- Переход к функционированию общества как государства-корпорации, где интересы граждан тесно связаны, где соревнование индивидов дополняется их взаимовыгодным партнерством.

- Трансформация существующих форм собственности в «ответственное перед социумом управление», в том числе системное управление, отражающее участие гражданина в деятельности всех уровней экономических систем — от конкретной организации до государства, с выплатой в каждой из корпораций соответствующего акционерного вознаграждения.

- Право на «ответственное управление» средними и крупными производственными экономическими комплексами должно подтверждаться возобновлением социального контракта.

- Запрет крупного материального наследства, как проявления несправедливости по отношению и к обществу, и к наследнику, лишаящей преемника возможностей полноценного самостоятельного социального творчества.

- Изменения в представлениях о формах демократической ответственности лидеров перед социальными группами населения. Формирование института социального контракта лидеров территориальных и территориально-производственных общин с ее участниками.

- Введение гармоничных пропорций между оплатой различных форм социально-полезного труда (зарплаты) через периодические национальные референдумы.

- Введение баланса системы знаков социальной полезности труда граждан. Дополнение института традиционных денег, отражающих материальную полезность труда, институтом «социальных денег» (грантов общин всех уровней), поддерживающих выполняемую социально значимую деятельность.

- Учитывая мотивы и природу «частного» управления экономическими комплексами (ориентированного на краткосрочные цели), разрешить такое управление лишь в сферах краткосрочной экономической деятельности (преимущественно малый бизнес), оставив в сфере общественного (государственного) управления долгосрочные проекты, в том числе хозяйственные механизмы, обеспечивающие общественное благо. Для гармонизации процессов управления экономическими комплексами предусмотреть как частно-общественное, так и общественно-частное управление.

Сегодня Россия способна и должна явить миру новый тип гармоничного человека и гармоничного общества, образец для подражания, вновь стать глобальным лидером духовного, социального и экономического развития. Направление перестроения нашего общества, его сохраняющуюся в культуре мессианскую функцию мы предлагаем определить принципом: бытие есть принятие ответственности и призывание к гармонии. Так уж получилось, сегодня в России Бог...

Литература

1. *Гринберг Р.С.* Битва мировоззрений // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Гузев М.М.* Россия: новый политико-экономический цикл — что ожидать? // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
3. *Океанский В.П.* Будущее России в новом культурно-цивилизационном цикле // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
4. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.

5. *Осипов Ю.М.* Перемены в мире и провидчески-державный курс России // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
6. *Шелкопляс Е.В.* Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, май 2012г. Иваново, 2012.
7. *Шелкопляс Е.В.* Россия в новом политико-экономическом цикле // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
8. *Шелкопляс Е.В.* Деньги, собственность и массовая психология. Иваново, 1996.
9. *Шелкопляс Е.В.* Программа самой благозвучной партии России — Партии Умеренного Прогресса. Иваново, 1998.
10. *Шелкопляс Е.В.* Психология Российских реформ. Иваново, 1993.
11. *Шелкопляс Е.В.* Время торжества философии хозяйства — сегодня // *Ренессанс философии хозяйства* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
12. *Шелкопляс Е.В.* Теория оптимума развития и новый Основной Закон России // *Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование*. Материалы Всеросс. науч. конф., 21 октября. 2010 г., Москва. М., 2010.
13. *Шелкопляс Е.В.* Анализ социально-психологических факторов, определяющих функционирование институтов инновационного развития // *Инновационное развитие региона: потенциал, институты, механизмы* / под общ. ред. Г.Б. Клейнера, С.С. Мишурова. Иваново, 2011.
14. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
15. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Н.Д. ЕЛЕЦКИЙ

**Процессы формирования глобальной собственности
и глобального управления и интересы России**

Аксиоматика предлагаемой концепции базируется на нескольких основных постулатах. Во-первых, в ходе развития и углубления процессов глобализации будет продолжаться формирование общепланетарной социальной системы. Во-вторых, атрибутом формирования

любой системы является ее структурирование, а в социальных системах, кроме того, структурирование неизбежно предполагает выделение властных элементов, блоков, уровней социальных отношений и исполнение ими функций управления. В-третьих, в рамках исторического интервала существования экономической цивилизации ведущая роль в системе социальных отношений принадлежит экономическим (базисным) отношениям, а в совокупности базисных отношений системообразующие функции исполняет основное производственное отношение — отношение собственности. В-четвертых, формирование глобальной собственности и управления — это длительный и противоречивый процесс, на каждом из этапов которого участники глобальных взаимодействий стремятся к защите своих интересов; для России этот факт имеет в настоящее время особое значение с учетом негативных аспектов ее интеграции в глобальные процессы.

Формирование общемировой собственности происходит посредством различных механизмов, процедур и методов. Наиболее наглядные из этих механизмов предполагают прямое признание тех или иных объектов собственностью всего человечества и юридическое санкционирование такого признания в форме договора между ведущими акторами глобальных взаимодействий с одновременным или последующим присоединением к данному договору большинства других субъектов международных отношений. Наиболее известные примеры такого механизма — система соглашений о режиме использования общих ресурсов Мирового океана, Договор об Антарктике, договоры по космосу. Субъектами такого рода договоров или соглашений, как правило, выступают государства, при этом в некоторых случаях дополнительным фактором международной легитимности является заключение договоров под эгидой или при участии общепризнанных глобальных организаций и в первую очередь — ООН.

Так, в преамбуле Конвенции ООН по морскому праву прямо определено, что «район дна морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции, а также его ресурсы являются общим наследием человечества, разведка и разработка которых осуществляются на благо всего человечества, независимо от географического положения государств». Данное положение конкретизируется далее в части VII («Открытое море») Конвенции, где зафиксировано, что «открытое море открыто для всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю (ст. 87 «Свобода открытого моря»), и «никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету» (ст. 89 «Неправомерность претензий на суверенитет над открытым морем») [1]. Очевидно, что данные формулировки означают прямую юридическую

фиксацию всемирной собственности на объекты и ресурсы значительной части Мирового океана и отражают правовое закрепление и упорядочение ранее сложившейся фактической системы экономической реализации всемирной собственности на указанные объекты.

Договор об Антарктике и связанные с ним иные международно-правовые акты, составляющие Систему договора об Антарктике (СДА), отражают особенности начального этапа формирования правового статуса всемирной собственности посредством заключения межгосударственных договоров. С одной стороны, требование демилитаризованного характера деятельности и провозглашение свободы научных исследований фактически подразумевают, что Антарктика рассматривается как всемирное достояние, и это, в частности, прямо отражено формулировками преамбулы Договора: «в интересах всего человечества Антарктика должна и впредь всегда использоваться исключительно в мирных целях и не должна стать ареной или предметом международных разногласий»; «установление прочного фундамента для продолжения и развития... сотрудничества на основе свободы научных исследований в Антарктике... отвечает интересам науки и прогресса всего человечества»; «Договор, обеспечивающий использование Антарктики только в мирных целях и продолжение международного согласия в Антарктике, будет содействовать осуществлению целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций» [2]. С другой стороны, данный Договор не отрицает легитимности территориальных притязаний отдельных государств в Антарктиде («Ничто содержащееся в настоящем Договоре не должно толковаться как... отказ любой из Договаривающихся Сторон от ранее заявленных прав или претензий на территориальный суверенитет в Антарктике» [2]. В результате к настоящему времени сложилась противоречивая и неопределенная ситуация: целый ряд государств заявили о своих территориальных претензиях на значительные пространства Антарктики, причем в ряде случаев на одни и те же территории претендуют ряд государств (ни США, ни Россия таких претензий не выдвигают и претензии других государств не признают) [3; 4]. Следует учитывать, что льды Антарктиды содержат 80% мирового объема пресной воды, что с учетом прогрессирующей дефицитности данного ресурса неизбежно обострит проблему собственнического статуса его глобальных запасов.

По мере расширения освоения космического пространства актуализируются вопросы собственности на космические объекты, юридическим отражением чего становятся формирование и развитие системы международного космического права (Договор по Космосу 1967 г., Соглашение о спасании 1968 г., Конвенция об ответственно-

сти 1972 г., Конвенция о регистрации 1975 г., Соглашение о Луне 1979 г., ряд других соглашений и протоколов). Особенностью формулировок договоров о космосе является то, что они, с одной стороны, явно определяют космическое пространство и космические объекты в качестве достояния всего человечества, а с другой — отражают условный характер самого применения понятий собственности к внеземным объектам. («Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества... Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» [5; 6]). Если же под космическими объектами понимаются не объекты космического происхождения («небесные тела»), а объекты, запускаемые с Земли в космическое пространство (в том числе, «космическое имущество»), то на эти объекты распространяются традиционные нормы собственнических отношений и правомочий, фиксируемые «Конвенцией о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство» (принята резолюцией 3235 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 ноября 1974 г.), с той поправкой, что определяемая данной Конвенцией ответственность за ущерб, вызванный запуском космических объектов, косвенно признает космическое, в том числе околоземное пространство объектом международных собственнических отношений.

Расширение существующих и возникновение новых сфер деятельности, связанных с освоением космического пространства, и особенно использование средств частных лиц для осуществления этой деятельности (запуск частных космических аппаратов, развитие частного космического туризма и др.) выявили неполноту современной системы космического права, в том числе в аспекте собственнических отношений. Так, статус космического пространства и небесных тел как достояния всего человечества увязывается в существующих международных договорах по космосу с запретом распространения на эти объекты суверенитета отдельных государств, без упоминания правомочности частных лиц, что стало основанием для активных спекуляций со стороны отдельных предприимчивых субъектов («В частности, американский гражданин Деннис Хоуп зарегистрировал свое право собственности на Луну, затем, как излагается на официальном сайте Лунного посольства России, “письменно уведомил о данном факте ООН, СССР, США, Китай, Канаду и др. страны о том, что он в полном соответствии с международными законами забирает в свою соб-

ственность Луну. Реакции не последовало» [7—9]; к началу 2013 г. в мире зарегистрировано более 2 млн (в том числе в России — свыше 11 тыс.) «владельцев» участков на Луне и Марсе [10]⁴. Сегодня «Лунное посольство», торговля участками на Луне, Марсе, Венере и других космических телах еще может восприниматься как курьез и шарлатанство, но уже в обозримом будущем конкретизация собственных правомочий, связанных с деятельностью в космическом пространстве, может стать актуальной проблемой.

В отличие от отношений, регулируемых международными договорами, прямо определяющими те или иные объекты глобальной значимости в качестве достояния всего человечества, технически более сложные и опосредованные механизмы формирования общемировой собственности возникают при заключении соглашений, имеющих функциональную или отраслевую специфику. Так, в качестве механизма институционализации общемировой собственности на глобальные атмосферные ресурсы можно рассматривать международные соглашения по Монреальскому и Киотскому протоколам («Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой», 1987 г.; «Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата», 1997 г.). Определение лимита глобальных вредных выбросов в атмосферу посредством установления квот отдельных государств можно рассматривать как следствие фактического признания атмосферного воздуха собственностью всего человечества и разработку механизмов использования данного общепланетарного ресурса субъектами нисходящих социальных уровней на основе принципов, сформулированных и признанных на глобальном уровне. Отказ от признания в данном случае этих принципов такими ведущими субъектами мировой экономики и политики, как США и Канада, отражает постепенность и противоречивость процесса формирования общемировой собственности в условиях сохранения не только различий, но и многообразных вариантов противоположности глобальных интересов — национально-государственным, а тем более частнохозяйственным. Сложность согласования интересов участников процесса формирования общемировой собственности на глобальные атмосферные ресурсы еще раз выявилась на очередной конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Доха, де-

⁴ «В 1980 году американский гражданин Деннис Хоуп, воспользовавшись законами своей страны и огромными пробелами в мировом законодательстве, совершенно законно зарегистрировал право собственности на Луну, Марс, Венеру и другие астрономические тела в Солнечной системе, кроме Земли и Солнца» [10].

кабрь 2012 г.), в ходе которой разногласия приняли явные и конфликтные формы.

Квотирование вредных выбросов в атмосферу является вместе с тем косвенной формой лимитирования объемов производства в соответствующих отраслях. Такого рода лимитирование может осуществляться и прямо — именно так происходит в глобальной нефтедобыче в соответствии с решениями ОПЕК. Деятельность данной организации как по установлению квот нефтедобычи, так и посредством этого — по регулированию цен на нефть и величины доходов стран-участниц — также можно рассматривать в контексте процесса формирования общемировой собственности на нефтересурсы, так как посредством отмеченного механизма, по существу, формируется объем глобального дохода в данной отрасли, а присвоение дохода от функционирования фактора производства выступает как основная форма экономической реализации собственности на данный фактор. Вместе с тем деятельность ОПЕК демонстрирует динамику диалектики формирования общемировой собственности и механизмов ее взаимодействия на этапе формирования с иными, предшествующими и социально нисходящими собственническими отношениями: элементы фактического использования ресурса как общемирового сложно сочетаются с присвоением доходов на государственном и частном уровнях.

Проявление переходного характера экономических отношений в процессе формирования глобальной собственности можно наблюдать также в деятельности крупнейших ТНК, трансформирующихся в глобальные корпорации (ГК), а также их альянсов. Данные корпорации осуществляют присвоение определенного вида ресурсов и производство некоторых видов продукции в глобальных масштабах; ими также устанавливаются цены мирового рынка и критерии рентабельности в соответствующих отраслях и подотраслях мировой экономики, формируются технологические и потребительские стандарты, проводятся глобально значимые научные разработки и определяются стратегические направления развития. В настоящее время более 40% корпоративных активов действующих в мире компаний контролируются полутора сотнями крупнейших ТНК, а два десятка ГК через вертикальное и перекрестное владение контролируют до 10% корпоративных активов [11; 12, 3]. Формирование собственнических отношений в рамках глобальных корпораций превращается, таким образом, в один из ключевых элементов процесса генезиса глобальной собственности. Вместе с тем, присвоение доходов осуществляется этими корпорациями на основе традиционных принципов и механизмов частной собственности; процессы общемирового и частнокорпоративного присвоения доходов отождествляются. Если раньше провозглашался

принцип «Что хорошо для “Дженерал моторс” — то хорошо для США», то сегодня возможны установки типа «Что хорошо для “Майкрософт” — то хорошо для всего мира».

Переходный характер, отражающий процесс становления глобальных собственнических отношений, проявляется не только применительно к производственным ресурсам, но и к иным объектам — например, к объектам культурного наследия, определяемым как всемирное достояние. Находящиеся на территории конкретных государств, такого рода объекты являются вместе с тем предметом наблюдения, контроля и частичного финансирования со стороны международных организаций. Переходный характер отношений проявляется при этом и в ином аспекте — объекты всемирного культурного наследия можно рассматривать и как туристические ресурсы, используемые на основе традиционных экономических принципов, и как феномены неэкономической, общецивилизационной природы с усиливающимся доминированием духовных критериев ценности и, очевидно, что в будущем это доминирование станет преобладающим.

Наибольшими же перспективами в обозримом будущем характеризуются направления развития всемирной собственности, обусловленные переходом к новому, глобально-информационному способу производства. В экономической системе этого способа производства роль основных ресурсов и основных форм богатства переходит к феноменам информационного типа; меняется как объектная, так и субъектная структура отношений собственности. При этом на ранних этапах нового способа производства сохраняется влияние традиционных форм реализации собственности, существовавших в предшествующие эпохи, в связи с чем разрабатываются механизмы обеспечения и защиты доходов собственников информационных ресурсов и, в частности, права интеллектуальной собственности. Однако по мере развития и усиления роли информационных форм богатства все более явными становятся качественно новая социальная природа этих форм и, прежде всего, природа информации как всеобщего ресурса и богатства, «просачивающийся» характер информации, всеобщность ее распространения, применения и использования. Монополизация частного присвоения всеобщего ресурса становится не только не адекватной новым принципам общественных взаимодействий, но и, что самое важное, технически невозможной. Реальностью уже сегодняшнего дня является возможность свободного использования колоссальных массивов информации, содержащихся в глобальных информационных сетях, причем использования бесплатного или за символическую плату, что отражает новый социальный феномен — возникновение системы всемирной собственности на информацию с отождествлением в

качестве субъекта собственности всего человечества и всех нисходящих уровней социальной субъектности, вплоть до отдельного индивида.

Одним из фундаментальных сущностных атрибутов собственности является экономическое управление, и на современном этапе развития цивилизации одной из усиливающихся тенденций является также формирование глобального экономического управления. В течение последних десятилетий возникали, трансформировались, взаимодействовали многочисленные «ростки», элементы и институты глобального управления; выявлялись многообразные аспекты их неполноты, несовершенства и недостаточной эффективности, — но, в то же время, становились все более очевидными неизбежность их дальнейшего развития, преодоления свойственных начальному этапу ограничений, объективная необходимость совершенствования и усиления роли глобальных управленческих структур в регулировании общепланетарных процессов. Выявилась зависимость глобального экономического управления, с одной стороны, от формирования глобальной собственности (в соответствии с общей закономерностью осуществления управления как функции собственности), с другой — от механизмов глобального политического управления, формирование которого происходило значительно быстрее и интенсивнее вследствие проявления социальной природы политики как концентрированной экономики и специфики международных военно-политических противоречий в ядерную эпоху.

В связи с этим вполне закономерно, что ведущие институты глобального экономического управления возникли под эгидой ООН — организации, исходно ориентированной на регулирование военно-политических проблем и разногласий. Однако очевидная взаимосвязь политического и экономического регулирования привела к тому, что еще на этапе предварительных переговоров о создании ООН были приняты ключевые решения о глобальной конструкции послевоенной валютно-финансовой системы (Бреттон-Вудская конференция), затем были достаточно быстро согласованы модифицированные принципы международной торговли (ГАТТ) и в структуру ООН интегрированы ранее возникшие глобально значимые экономические организации (МОТ). В результате в рамках ЭКОСОС сформировался хотя и организационно аморфный, но функционально вполне дееспособный прообраз, «черновой вариант» мирового экономического правительства. Действия этого правительства носили фрагментарный характер, были рассредоточены по отдельным, мало согласованным друг с другом отраслевым и функциональным направлениям и проектам, но, тем не менее, происходили возникновение и вызревание элементов глобаль-

ного экономического управления, особенно в сферах международных финансов и международной торговли.

Развитие тенденции трансформации экономических структур ООН в реальное мировое экономическое правительство оказалось заторможено вследствие крушения биполярного мироустройства. ООН перестала быть инструментом балансировки интересов двух сверхдержав, и вместе с тем произошло общее снижение глобальной роли этой организации [13]. На первый план выдвинулся иной механизм глобального управления, связанный с исполнением глобальных управленческих функций правительством самой сильной державы. В этих условиях изменилось и содержание деятельности многих структур ООН — сохраняя оболочку международных организаций, они фактически превратились в инструменты реализации интересов США. Правительство данной державы осуществляло функции глобального управления, стремясь подчинить ход общемировых процессов собственным целям. Одним из наиболее наглядных примеров этого механизма стала деятельность таких финансовых институтов, как МВФ и Всемирный банк — их статус в структуре ООН становился все более формальным, реальное же содержание деятельности стало одним из элементов механизма сеньоража, обеспечивающего США возможность потребления до 40% мирового валового продукта при доле в его производстве порядка 20%.

В то же время активизация роли глобальных финансовых институтов, особенно МВФ, отразила еще одну ключевую особенность последних десятилетий — усиление роли финансового сектора мировой экономики и его доминирование над реальным. Если отдельные отрасли и сферы мирового хозяйства являются объектом непосредственного управления со стороны глобализирующихся ТНК и международных организаций, то система мировой экономики в целом регулируется косвенно, через посредство инструментов спекулятивно-финансового капитала. Возник феномен глобального финансового турбокапитализма. Результаты такого регулирования с точки зрения проблемы устойчивости развития мирового хозяйства противоречивы: с одной стороны, страхование и перестрахование рисков в реальном секторе экономики и деривативное хеджирование финансовых операций «распыляет» риски и распространяет потенциальные и реальные потери различной этиологии на всю глобальную экономическую сеть, минимизируя их на микроуровне; с другой — эффект «опрокинутой пирамиды», обусловленный многопорядковым превышением общего объема деривативов над величиной реальной торговли нефинансовыми товарами и услугами, порождает неустойчивость и неопределенность состояния и развития всей системы мировой экономики. В те-

чение почти четверти века ряд авторитетных экспертов (включая нобелевских лауреатов по экономике), делая упор на первый из отмеченных феноменов, высказывали мнение о невозможности в современных условиях глобальных экономических кризисов. Однако события 2008—2009 гг. обнаружили ошибочность этого мнения; выяснилось, что минимизация микрорисков и их «растворение» в глобальной финансово-экономической сети не тождественны прочности самой сети: она подвержена системным глобальным рискам, которые обусловлены ростом зависимости системы от локальной волатильности взаимно интегрирующихся элементов, резкой диспропорциональности спекулятивно-финансового и реального секторов мировой экономики и противоречивости функций доллара как, с одной стороны, мировой резервной, а другой — национально-государственной валюты. Сформировавшаяся система глобального финансового «турбокапитализма» характеризуется высокорисковым и неустойчивым характером функционирования. «Проявляется обратная сторона банковско-финансовой глобализации, когда общемировые платежно-расчетные и биржевые коммуникации служат не только благим делам, но и невероятно быстрому распространению противоречий вширь. Частные и локальные колебания в этих условиях быстро способны переходить в режим резонанса по всей системе» [14, 5].

Мировой финансово-экономический кризис стал рубежным явлением в развитии системы глобального экономического управления в двух важнейших аспектах: во-первых, он продемонстрировал историческую предельность однополярной управленческой модели; во-вторых, выявил неэффективность управления мировой экономикой на основе подчинения реального сектора спекулятивно-финансовому. Оба эти аспекта нашли отражение в «переформатировании» системы международных экономических отношений и управления ими посредством перехода к «многополярной» системе глобального управления и усиления контроля за деятельностью глобальных финансовых институтов. Конкретное проявление данной тенденции нашло в конституировании нового глобального статуса и радикальном расширении функций «большой двадцатки» и в доминантной ориентации управленческих воздействий данного объединения на проблемы глобальных финансовых отношений. Кроме того, стала ощутимо проявляться резко выросшая глобальная экономическая роль Китая, новых индустриальных стран и новых экономических организаций и объединений, среди которых особо выделяется BRICS. Для большинства стран, входящих в это объединение, характерно быстрое развитие, прежде всего, реального сектора экономики; к тому же, в его состав входят страны, занимающие первое и третье места в мире по объему

международных резервов (Китай и Россия), что делает их заметными игроками на поле глобальных финансовых взаимодействий. К изменению соотношения сил на этом поле ведет также стремление стран BRICS уменьшить роль доллара в международных расчетах, перейти ко взаимным расчетам в национальных валютах и поставить вопрос о радикальной трансформации глобальной валютной системы в целом.

Глобальная природа данной тенденции проявляется также в проектах ограничения роли доллара и перехода к иным валютным принципам взаимных расчетов в различных регионах мира, особенно в нефтедобывающих странах Ближнего Востока, что, по-видимому, стало одной из важнейших причин последних политических потрясений в этом регионе. США отнюдь не отказываются от претензий на гегемонию глобального управления и, в первую очередь, стремятся сохранить господство глобального финансового капитала, его доминирование над реальным сектором мировой экономики и монополистическую роль доллара как мировой резервной валюты; видоизменяются не цели, а лишь тактика действий США, вынужденных в отдельных случаях «возглавить движение, если нельзя его остановить», как это произошло, например, с актуализацией роли «большой двадцатки».

При этом все более очевидно выявляются такие структурные и иерархические особенности глобального управления в условиях современного глобального капитализма, как приоритет интересов глобального финансового капитала и превращение государственного аппарата даже самых крупных стран в комитет по управлению делами персонифицирующей этот капитал глобальной финансовой олигархии [15]⁵. Следует отметить, что в России этот очевидный факт часто преподносится, в интересах местной компрадорской олигархии, в упрощенном, а то и карикатурном виде («теория заговора» [17]), с навешиванием идеологических ярлыков и уходом от анализа вопроса по существу. Между тем функционирование «мирового правительства» (во всяком случае, в финансовой сфере) — это безусловный факт, доказательствами которого являются само наличие и функционирование глобальных финансовых взаимодействий, которые без согласованного регулирования просто не смогли бы существовать. Можно лишь спорить, догадываться и определять по косвенным признакам, какие именно конкретные функции исполняют, какие именно решения принимают и как добиваются их исполнения члены Бильдербергского и

⁵ «Миром правит топ-менеджмент транснациональных корпораций, а не собственники и правительства» [16, 24]. «Глобальные суперкорпорации «лишают и национальные корпоративные системы, и даже самые экономически массивные государства значительной части ресурса экономической субъектности» [12, 4].

Богемского клубов, «Комитета трехсот», «Трехсторонней комиссии» и иные, скорее всего, гораздо более законспирированные, представители «мировой закулисы», но отрицать само ее существование в настоящее время невозможно без демонстрации откровенной проолигархической политико-идеологической ангажированности.

Весьма широкую известность приобрели высказывания Д. Рокфеллера: «Нам было бы невозможно разработать наш план для всего мира, если бы он был предан огласке в те годы. Но теперь мир стал сложнее, и он готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия» (цит. по: [18]). На фоне ожесточенной и глобально скоординированной критики (если не сказать травли) отдельных государств-«изгоев» и их лидеров за якобы ограничения демократии, свободы слова, прав оппозиции небезынтересно выглядит организация деятельности Бильдербергского клуба: «На встречи не допускаются посторонние, отсутствует пресса. Отчеты о проведенных встречах, обсуждаемых вопросах и принятых решениях не публикуются. На собраниях группы запрещено что-либо записывать; запрещено делать заявления для прессы и разглашать дискуссии, происходящие на этих встречах» [19; 20]. Как отмечает автор книги «The True Story of the Bilderberg Group» Даниел Эстулин, главная цель клуба — создание «Единого Мирового правительства (глобальной корпорации) с одним глобальным рынком, безопасностью которого будет обеспечиваться глобальной мировой армией, и финансовым регулированием одного (мирового) Центрального Банка, использующего единую мировую валюту» [21—23]. В мировых СМИ также неоднократно сообщалось, что важнейшей задачей глобального управления Бильдербергский клуб считает в настоящее время сокращение населения планеты (на две трети или даже на 80%), в связи с чем за пределами ареала расселения «золотого миллиарда» будут предприниматься действия, максимально способствующие развязыванию войн, внутригосударственных конфликтов, распространению терроризма, сепаратизма, преступности, наркомании и иных форм асоциального поведения и образа жизни, способствующих сокращению и вырождению населения [24—26]. («Не надо препятствовать естественной убыли населения, в том числе в политико-географическом измерении, когда неуспешные страны уходят с мировой арены, уступая пространство “прогрессу”. Сбалансированность экономических и экологических проблем в жестких условиях приближения к пороговым значениям нагрузки на природу достижима лишь на базе уменьшения числа “едоков” в мире. Поэтому не исклю-

чается в качестве глобальных “санитаров” естественное перерастание конфликтов за ресурсы в локальные и даже мировые войны» [14, 10—11].)

Безусловно, и правительства США и других ведущих стран (особая позиция лишь у набирающего силу Китая), и руководители МВФ, Всемирного банка, ВТО и иных глобальных организаций выполняют функции аппаратных чиновников и исполнителей воли глобальной финансовой олигархии. Перед лицом новых реалий и вызовов ее консолидация усиливается — по-видимому, именно об этом свидетельствует недавнее частичное объединение активов Ротшильдов и Рокфеллеров.

Атрибутом глобального господства международного финансового капитала является также его идеологическая монополия, во все большей степени приобретающая черты идеологического тоталитаризма. Навязывание «правильного», «политкорректного», «демократического» менталитета, скоординированные глобальные идеологические кампании, осознанное формирование «иерархии новостей и мнений» [27], жесткие (хотя не всегда явные) санкции за «мыслепреступления», идеологическая травля посредством навешивания ярлыков («империя зла», «ось зла», «государства-изгои», «диктатура», «нарушения прав человека», «преследования мирных жителей», «война против своего народа», «непропорциональное применение силы» и т. п.) и последующее использование этих ярлыков для вполне реальной военной агрессии и маскировки собственных военных преступлений — все это отражает монополию идеологической власти в качестве одного из элементов системы глобального господства международной финансовой олигархии.

Исполнение управленческих функций требует материальных и финансовых ресурсов. В модели «правительство самой сильной державы как мировое правительство» часть глобальных ресурсов, перераспределяемых посредством валютно-финансового механизма в пользу США, используется правительством этой страны в целях регулирования глобальных процессов. Это осуществляется в разных формах: от прямого финансирования военных операций до разнообразных видов «помощи» и мер по «поддержке демократии», включая, например, финансирование НПО в России. Глобальное регулирование, осуществляемое ТНК, реализуется за счет финансовых средств (конкретнее — монопольно-высокой прибыли) этих корпораций. Деятельность международных организаций, в том числе управленческая, ведется на основе средств, формируемых из взносов стран и организаций-участниц. Разовые (в уставный капитал) и/или периодические взносы фактически превращаются в элементы формирующейся си-

стемы глобального налогообложения. Разнообразие, фрагментарность и неопределенность принципов и механизмов этих сборов отражают условия начального этапа возникновения данной системы, а постоянное воспроизведение отдельных элементов и возникновение все новых — устойчивость тенденций ее развития и укрепления.

Отмеченные опосредованные механизмы фактически возникшего глобального налогообложения сочетаются с постоянным обсуждением предложений по введению его открытых и непосредственных форм — и, прежде всего, в варианте процентных отчислений от ВВП на счета специализированных налогово-финансовых подразделений ООН. Однако данное предложение вызывает возражения со стороны развитых стран с большими объемами валового продукта; они выдвигают свой вариант, предполагающий налогообложение не всего объема ВВП, а лишь величины его прироста, что, в свою очередь, вызывает критику со стороны ведущих развивающихся стран с высокими темпами роста экономики. Постоянно растущая роль ТНК порождает различия мнений по вопросу о субъектности глобального налогообложения — должны ли выступать в качестве его субъектов отдельные государства или же действующие на их территории хозяйствующие субъекты; высказываются также мнения о целесообразности сочетания того и другого подходов.

Еще одно широко обсуждаемое предложение — концепция так называемого расширенного «налога Тобина», в соответствии с которой, по идее американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Дж. Тобина, налогообложению подлежат спекулятивно-финансовые операции с тем, чтобы полученные средства направлялись на решение глобально значимых проблем и, в первую очередь, на финансовую поддержку развивающихся стран. Даже при минимальной ставке порядка 0,1—0,25%, делающей налог практически неощутимым для участников финансовых транзакций, это приносило бы в настоящее время сумму более 1 трлн дол. ежегодно. В последние годы ряд известных экономистов-теоретиков (включая нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и П. Кругмана, советника Генерального секретаря ООН Дж. Сакса и др.), а также ведущих финансовых экспертов неоднократно обращались к лидерам стран «большой двадцатки» с предложениями о настоятельной необходимости введения «налога Тобина» в качестве одной из актуальных мер по реформированию глобальной финансовой системы [28—30]. С конкретными предложениями по реализации идеи «налога Тобина», хотя и с существенными ограничениями и лишь на региональном уровне, выступали руководители Великобритании, Германии, Франции и Канады. Перспективы как отмеченных выше, так и других гипотетических моделей прямого гло-

бального налогообложения зависят от последующей эволюции субъектности общепланетарного управления, так как согласие глобально значимых экономических акторов на введение системы постоянных прямых общемировых налогов зависит от их уверенности в справедливости и эффективности использования мировым правительством получаемых налоговых средств.

Цели концентрации и фактическое использование финансовых ресурсов, формируемых посредством глобального налогообложения, так же как и в более широком плане механизмы глобального управления в целом, отражают переходный характер современного этапа цивилизации, когда новые, общемировые процессы и закономерности еще не получили адекватные своей социальной природе формы развития и функционирования, а во многом реализуются посредством прежних форм, возникших на предшествующих этапах социальной эволюции с более низкой степенью интегрированности производственных и иных общественных взаимодействий. Социальная природа собственности вообще предполагает, что развитие такой ее исторической разновидности, как глобальная собственность, означает приобретение в долговременной перспективе всем человечеством интегративного качества субъекта этой собственности и ее экономической реализации в общепланетарных интересах. На современном же этапе развития цивилизации и объектная, и субъектная структуры глобальной собственности лишь начинают формироваться, что неизбежно связано с использованием социально-экономической оболочки предшествующих исторических типов экономических отношений. Это, например, проявляется, как отмечено выше, в использовании общемировой собственности в частнохозяйственных интересах и в применении механизмов глобального управления для достижения целей отдельных государств, корпораций и иных частных структур. Между абстрактным пониманием роста взаимозависимости всех участников глобальных процессов и действующими механизмами соотношения и реализации разноуровневых интересов сохраняется значительная дистанция, что продемонстрировала, например, и недавняя (июнь 2012 г.) Всемирная конференция ООН по устойчивому развитию, заключительный документ которой «Рио+20» оказался весьма аморфным, несмотря на призывы генсека ООН стать выше частных интересов и учитывать реалии новой эпохи в развитии человечества (при этом не лишне напомнить, что страны «Большой семерки» загрязняют глобальную атмосферу в 16 раз больше, чем Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан вместе взятые; уровень сохранности естественных экосистем в США составляет 5%, в Западной Европе — 4, в то время как в России — 65%) [14, 4, 9].

Формирование глобальной собственности и управления — это по своему существу объективные процессы, но их конкретная реализация может осуществляться в различных формах, испытывающих значительное влияние субъективных и случайных факторов со значительной вариативностью модификаций, с различным соотношением реализации интересов тех или иных участников глобализационных процессов и с различными перспективами их дальнейшей интеграции в общемировые структуры и, более того, с перспективами самого их дальнейшего существования. Кроме того, следует учитывать, что формирование глобальной собственности и управления — это достаточно продолжительный исторический процесс, в течение которого также возможны изменения, иногда весьма существенные, положения и роли отдельных субъектов мирового хозяйства в его структуре и иерархии, что в течение последних десятилетий наглядно продемонстрировали, например, НИС и, особенно, Китай. На каждом новом этапе глобализации перед участниками международных экономических отношений встают все новые задачи по повышению эффективности интеграции в мирохозяйственную систему, по укреплению международной конкурентоспособности и перспектив дальнейшего развития.

Применительно к проблемам российской экономики общеизвестно, что в течение последней четверти века преобладали негативные для нее аспекты и последствия глобализации и, в частности, доминировавших в этот период тенденций формирования глобального управления. Сформировалась и утвердилась система отношений, в рамках которой российская экономика выполняет роль сырьевой периферии развитых стран [31; 32]. Центры глобального экономического и политического влияния проводят осознанную политику по максимальному закреплению такой роли России в системе международного разделения труда, снижению ее конкурентоспособности, что в сочетании с внешним управлением финансами страны и перекачкой значительной части международных резервов и других финансовых средств за рубеж придает российской экономике колониальный статус. Не решая проблемы структурной инновационной перестройки экономики, укрепления обороноспособности, роста уровня жизни собственного населения, Россия вместе с тем выступает в качестве финансового донора для мирового хозяйства, и особенно — для США. В системе глобального управления она во все большей степени оттесняется от центров принятия решений и выступает лишь как объект управления, а в системе глобальной собственности — как объект притязаний на ее ресурсы со стороны сильных глобальных игроков. Их стратегическая, и в последнее время фактически открыто провоз-

глашаемая задача — это ликвидация государственного суверенитета России, превращение ее в «географическое пространство» и трансформация собственнических отношений на российские ресурсы с превращением их из объекта национально-государственной — в объект глобальной собственности, находящейся под контролем и используемой в интересах наиболее сильных стран и глобальных корпораций [33]. Отмеченные выше цели «мировой закулисы» по уменьшению населения планеты за пределами «золотого миллиарда» распространяются, в частности (если не в первую очередь), и на Россию; общеизвестны и установки на сокращение населения нашей страны до 30 (а то и 15) млн человек, достаточных для обслуживания «трубы» и контингента «миротворцев».

Ослабление обороноспособности страны и кризисные демографические тенденции неизбежно усиливают негативные для России аспекты в процессах формирования глобальной собственности и управления. Обостряется проблема сохранения российского суверенитета над восточными регионами, где быстрое сокращение населения в сочетании с невнятной позицией официальной власти делает ситуацию особенно угрожающей. Крупные территориальные уступки сделаны США и Китаю, двусмысленно звучат рассуждения о совместном с Японией освоении Курильских островов. Постоянно усложняется проблема роста числа легальных и нелегальных мигрантов из Китая. Зарубежные эксперты и политики все настойчивее ведут речь о необходимости установления «международного контроля» над ресурсами Сибири и Дальнего Востока. Россию обвиняют в «ресурсном национализме» и даже «ресурсном геноциде» (Доклад Национального нефтяного совета США: «Россия — страна ресурсного национализма... Россия затрудняет доступ иностранцев к сырью»; М. Олбрайт: «Несправедливо, что у России так много ресурсов»; Еврокомиссар по торговле П. Мандельсон: «Справедливый доступ европейских производителей к сырью, в котором они остро нуждаются, станет ключевым приоритетом политики ЕС»; К. Райс: «Россия осуществляет ресурсный геноцид» [34]). Очевидно, что предлагаемый в этом контексте «международный контроль» — это не что иное, как шаг на пути формирования модели глобальной собственности на ныне российские ресурсы и глобального управления ими в интересах не России, а глобального финансового капитала, представленного либо непосредственно ТНК, либо правительством США (в соответствии с установкой З. Бжезинского: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России» [35—37]).

Что касается европейской части страны, то здесь также сделаны крупные территориальные уступки Норвегии (не говоря уже о потере исконных пространств российской цивилизации в результате Беловежского сговора). Нарастание глобальных противоречий в арктическом регионе и обострение борьбы за его ресурсы усложняют проблему защиты суверенных прав России в Арктике. В течение некоторого периода контроль над территорией государства еще можно будет сохранять, опираясь на остатки военного потенциала и используя противоречия между США и Китаем; дальнейшие же перспективы территориального государственного суверенитета России без кардинального улучшения демографической ситуации, переориентации властных структур на защиту национально-государственных интересов и резкого подъема оборонного потенциала характеризуются значительной неопределенностью. В этих условиях усилятся нарастание противоречий между национально-государственными интересами России и тенденциями формирования всемирной собственности и управления, ориентированными на интересы глобального финансового капитала.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Преамбула // http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclosr.pdf.
2. Договор об Антарктике // <http://ru.wikisource.org/wiki/>.
3. Антарктика // <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dmo.nsf/a1c87897b58a9d2743256a550029f995/f077d97ef54d5c33c3256e3f003f0b16!OpenDocument>.
4. Страны мира. Политические и физические карты. СПб., 2011.
5. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва — Вашингтон — Лондон, 27 января 1967 г.) // <http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/77875e58196f81d943256a5a002e6468?OpenDocument>.
6. Шийко Ц. Договор ООН по космосу 1967 г. в свете развития космической деятельности государств. М., 1999.
7. Вербицкая Ю.О. Космические объекты как объекты гражданского оборота // <http://civilista.org/article.php?id=3>.
8. Компания Брэнсона получила более 500 заявок на полеты в космос // <http://www.luna.ru/?page=news&go=442>.
9. Десятов А.А., Волынская О.А. Последствия принятия Берлинского протокола по космическому имуществу 2012 года // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 9.

10. Лунное посольство в России // <http://www.luna.ru/?page=news&go=442>.
11. *Coghlan A., MacKenzie D.* Revealed — the capitalist network that runs the world // *New Scientist*. 2011. October // <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world.html>.
12. *Черной Л.С.* Управление национальной корпоративной системой России в условиях глобальной конкуренции // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2012. № 9.
13. *Болдырев Ю.* ВТО вместо ООН? // <http://www.koshcheev.ru/2012/04/14/yurij-boldyrev-vto-vmesto-onn/>.
14. *Кушлин В.* Политика устойчивого развития и преодоление кризиса // *Экономист*. 2012. № 8.
15. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М., 2007.
16. *Новиков К.* ЛИН-технологии // *Управление персоналом*. 2012. № 18.
17. Топ-7 экономических теорий заговора // <http://top.rbc.ru/economics/02/08/2012/662725.shtml>.
18. *Maxwell J.* Matrix of Power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge. Escondido, CA, 2000.
19. http://ru.wikipedia.org/wiki/Бильдербергский_клуб.
20. На встрече Бильдербергского клуба для России планируются дальнейшие беспорядки // <http://mixednews.ru/archives/19022>.
21. Подлинная история и планы Бильдербергского клуба. <http://mixednews.ru/archives/133>.
22. Bilderberg — Secret World Government? // <http://www.theinsider.org/news/article.asp?id=0369>.
23. *Колеман Дж.* Комитет 300. Тайны мирового правительства. М., 2005.
24. Bilderberg Plans World Population Reduction Of 80% ... So they plan to kill 80% of the humans on this planet... // <http://www.ashtarcommandcrew.net/forum/topics/bilderberg-plans-world>.
25. The Bilderberg Group's Depopulation Plans Exposed // <http://socyberty.com/issues/the-bilderberg-groups-depopulation-plans-exposed>; http://tv.km.ru/olga_chetverikova_chno_stoit_za_/textversion.
26. Демографическая война. Сокращение населения // <http://www.polemics.ru/projects/?projectID=152§ionID=153&itemPage=1>.
27. Билл Гейтс о «вакцине для сокращения населения» // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/44971>.

28. Колесников А. Говорит и показывает «Нью-Йорк таймс» // Новая газета. 2012. № 92.
29. Tobin J. A Proposal for International Monetary Reform // The Eastern Economic Journal. 1978. No 3—4. // <http://www.rbcdaily.ru/2011/04/15/world/562949980070757>.
30. Бимс Н. Глобализация, Жоспен и политическая программа «Аттак» // <http://wsws.org/ru/2001/dez2001/atta-d03.shtml>.
31. Алексеев М. Сравнительный анализ развития России, США, Европы и Китая // ЭКО. 2012. № 6.
32. Елецкий Н. Основной вопрос политической экономии и проблемы развития России // Экономист. 2012. № 5.
33. Милошевич Б. Богатства России уже объявили «общим достоянием» // <http://svpressa.ru/politic/article/55728/>.
34. newsru.com/finance/29sep2008/mandelson.html.
35. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010.
36. Против России, за счет России и на обломках России: Збигнев Бжезинский привез в Ярославль новую идею // <http://www.iarex.ru/news/19347.html>.
37. Чуприн В. США и Китай готовы поделить Россию // <http://www.regions.ru/news/2200914/>.

И.В. ЕФИМЧУК

Структуры и сети индустриального хозяйства: от структурализма до структуризации

Кодирование замыкает систему...
Навязанная кодом би-фуркация, скорее,
приводит к тому, что система развивает
условия, служащие основаниями для
принятия или отклонения.

Н. Луман. Общество общества

О sancta simplicitas! Такая невинность
под стать толькоаркадскому пастушку!
Неужели не догадались? Неужели не
приметили раздвоенного копытца?

Э.-Л. Войнич. Овод

Деятелям средств массовой информации, прежде всего теле-
визионщикам, постоянно предъявляются претензии в чрезмерном

пристрастии к негативным сюжетам, навязчивым демонстрациям сцен физического и психологического насилия, убийств, наркомании и пьянства и т. п. Ежедневное восприятие «чернухи», потоками льющейся с экрана и со страниц «желтой» прессы, формирует у людей не только патологически черный образ окружающего мира, но и соответствующие этому миру манеры поведения, разлагая в первую очередь неокрепшую психику подростков. Адресаты дружно открещиваются от подобных обвинений, утверждая, что они всего лишь отражают жизнь во всех ее проявлениях: «Что могут сделать СМИ, если к их большому сожалению, проявления человеческой природы в современном мире носят негативный характер? Лакировать действительность?». В результате полемика сводится к классическому: что первично — курица или яйцо? СМИ и отражают реальность, и программируют поведение человека, которое затем снова отражают и снова программируют.

Та же самая проблема во всей своей сложности и неоднозначности стоит сегодня не только перед средствами массовой информации, но и перед наукой, особенно обществоведением. Чем занимаются сегодня ученые-обществоведы, включая представителей специализированных социальных наук: исследуют и отражают объективные процессы во всех их разнообразных проявлениях или конструируют реальность результатами своих теоретических изысканий⁶? Социальные науки задают «коды» для понимания общественных явлений, но коды навязывают «условия, служащие основаниями для принятия или отклонения» [1, 248] последующих процессов. В итоге наука делает то же самое, что и СМИ, причем результаты и ее отражения действительности, и ее программирования (уже не отдельных людей или коллективов, а общества в целом) могут быть гораздо масштабнее, чем даже у средств массовой информации.

Самые большие претензии в формировании общественного сознания сегодня предъявляются постмодернизму с его «деконструкцией» всего и вся, вполне ощутимо конструирующей новую реальность. Но и за его формальной границей создаются теории «устройства общества» и социально-экономической эволюции, которые закладывают новые коды понимания социальной истории человечества, требующие пересмотра многих (иногда всех) положений классических

⁶ Речь не идет об откровенных попытках перевести теоретические выводы в практическое воплощение в соответствии с призывом К. Маркса. Каждый добросовестный ученый старается быть максимально объективным, и каждый, поскольку он не механизм, а живой человек, будет в большей или меньшей степени пристрастен. Но вполне естественное увлечение своими идеями объективно оборачивается стремлением превратить собственную теорию или концепцию в самосбывающееся пророчество.

теорий как неадекватных сложности и динамичности современной переходной (турбулентной) эпохи. В частности, критической атаке подвергается структурно-функциональный анализ, представляющий собой адаптацию общей теории систем к задачам и методам социологии. Считается, что он полностью отжил свой век и не пригоден для исследования общества, которое перестает (или уже практически перестало) быть структурированным/стратифицированным и все в большей степени становится сетевым. Понятие «сеть» стало привычным и широко употребительным; уже не возникает сомнений в необходимости и обоснованности его постоянного использования при анализе современной действительности. Между тем проблема становления и развития человеческих сообществ настолько сложна, а роль структурной и сетевой организации в обоих процессах так неоднозначна, что вполне допустимо еще раз попытаться провести их сравнительный анализ, не отвергая методологическое наследие обществоведения и не поддаваясь мощному напору модных теорий.

Организация социумов различного масштаба и сложности всегда основывалась на определенном соотношении и взаимодействии структур и сетей. Разделение на структурную и сетевую компоненты отсутствовало в простейших локальных обществах: группах охотников-собирателей и общинах ранних земледельцев. Функции организации материальной и духовной жизни в них были не дифференцированы; процессы хозяйствования, внутренних межличностных взаимодействий и отправления культов домашних богов слиты в неразрывное целое, состоящее из переплетенных друг с другом и перетекающих друг в друга отношений. Такая «синтетическая» организация микросоциумов была настолько устойчивой, что сохранилась как первооснова, низовой уровень во всех развитых аграрных цивилизациях, в которых большинство населения практически никогда не выходило за пределы собственных общин.

Постепенное «раздвоение» социальной организации начинается параллельно с процессами укрупнения и социальной дифференциации аграрных обществ. Политическое оформление территориальной организации от вожеств через протогосударства (ранние государства) до различных государственных образований⁷ шло параллельно с развитием все более сложных организационных форм, отвечающих за духовную жизнь человека, формирование и контроль его сознания — религиозных систем. Политическая организация выстра-

⁷ В качестве промежуточного этапа на пути к разделению структурной и сетевой организации сложных социумов можно рассматривать храмовые хозяйства, которые стали предшественниками первых государственных образований в долинах великих рек.

ивала в социуме преимущественно иерархические структуры. Духовная организация в большинстве случаев основывалась на сетевом принципе, что не отменяет исключений из общего правила, самым ярким из которых была католическая церковь. Кроме того, аграрные общества унаследовали от предыдущего этапа кровно-родственные отношения, которые для многих цивилизаций стали социальной сетью не менее значимой, чем официальные религии, особенно если они несли в себе мощное религиозное начало, основанное на культуре предков⁸.

В аграрных социумах структуры всегда отвечали за оформление пространства, причем совместно и социального, и территориального, что в современном понятийном аппарате отражается термином «административно-территориальная организация»; сети — за время, за продолжение жизни: преемственность, возобновляемость, переходность, выживание, пусть и за счет частичной трансформации в результате приспособления к новым условиям⁹.

Структуры контролировали преимущественно взаимодействие человека с материальным внешним миром (природной и социальной средой) и результаты такого взаимодействия. Особенно наглядно это обстоятельство проявляется в истории так называемых «гидротехнических обществ» (в терминологии К. Виттфогеля), в которых в силу объективных обстоятельств обеспечить максимальную отдачу от природной среды можно было только совместными усилиями всего сообщества, принудительно объединенного структурами государственной власти. Но и внутренняя организация, прежде всего, сводилась к институционализации взаимодействий, связанных с распределением и перераспределением материальных благ (и продуктов, и ресурсов) внутри самого социума (как минимум, в форме налогов и/или общественных работ).

Социальные структуры аграрных обществ не просто координировали материальные взаимодействия людей. Само их формирование было порождено необходимостью такой координации из-за объективных пространственно-временных ограничений материального мира, в котором протекала жизнь социума. Для сетей не существовало материальных ограничений — ни внешних, природных (пространственно-временных), ни собственно человеческих (телесных). Человек

⁸ В этом отчетливо проявилась преемственность социальной эволюции, которую сегодня под самыми различными предлогами пытаются отрицать многие обществоведы.

⁹ Разумеется, последствия трансформаций зависят от масштабов социальных систем. То, что для социальной системы «человечество» будет незначительным изменением части, способствующим выживанию целого, для его конкретных пространственно-временных подсистем может означать окончательное исчезновение.

смертен — род не давал прерваться индивидуальной жизни, продолжая ее в длинной череде потомков. Религия продлевала жизнь души за пределы физической смерти, что фактически означало бессмертие. Большинство населения получало доход на грани физиологического минимума — религия обещала людям за терпение в этом несовершенном мире изобилие в будущей жизни. Даже материальная поддержка, дающая бедняку шанс не умереть с голоду в тяжелой ситуации и продлить собственное существование, оказывалась не структурами, а сетями: кровно-родственными и/или религиозными.

Между структурной и сетевой организацией существовало и временное разделение функций. Социальные структуры определяли жизнь человека в периоды относительно стабильного хозяйственного развития. Сами устойчивые политические/бюрократические структуры формировались на этапе экономико-политического подъема социума. Таким способом бурно развивающееся и достигшее своего расцвета общество пыталось сохранить достигнутый уровень на как можно более длительный срок, буквально «законсервировать» его, не допустить ухудшений. С одной стороны, формирование сложной иерархической пирамиды, регулирующей управление всеми подсистемами и контролирующей редистрибуцию, способствует стабилизации. С другой — выстроенная структура сама становилась дестабилизирующим фактором, поскольку достаточно быстро «окостеневала», теряла управленческую эффективность и из опоры социальной стабильности превращалась в дополнительную угрозу разрушения общества за счет перегрузки редистрибутивной системы. В результате даже самые рациональные в период своего создания структуры распадались под внутренним или внешним (часто совместным) давлением, и начиналась так любимая современными постмодернистами деконструкция, правда не теоретическая, а вполне реальная, заканчивающаяся социальной катастрофой.

В нестабильные времена социальных потрясений выживание человека в значительной степени обеспечивала сетевая организация. Более того, ее значение возрастало именно в моменты фазовых переходов в развитии цивилизаций, что особенно наглядно проявляется в происхождении великих мировых религий. Они возникали как ответ на усиливающийся духовный поиск человека, не находящего опоры в рушащемся вокруг него мире, в котором привычные ориентиры уже не компенсировали разложение прежних институциональных норм и не помогали адаптироваться в новых, гораздо более жестких условиях.

Когда Э. Гидденс подчеркивает, что «структуру нельзя отождествлять с принуждением, она всегда как ограничивает, так и создает

возможности для действия» [2, 70], то он, во-первых, опирается на опыт современной организации, а, во-вторых, практически не делает различий между структурами и сетями. В социуме структуры предназначены для того, чтобы делать видимыми в первую очередь ограничения; возможности в них отходят на второй план. К тому же на определенном временном интервале, в течение которого существуют любые структуры, они создают возможности для жизни в своих рамках и по определенным правилам, но не для изменения этих правил, не для развития. Не случайно во всех аграрных цивилизациях развитие, основанное на рыночных принципах и стимулах, осуществлялось только тогда, когда человек выходил за пределы своей административно-территориальной структуры и осваивал окружающее природное и социальное пространство.

Сетевая организация, наоборот, на первый план выдвигает возможности, вуалируя ограничения. Институционализированные сетями нормы поведения и правила могут быть не менее, а более суровыми, чем в государственно-бюрократических структурах¹⁰, но они таковыми не воспринимаются, поскольку задаются как естественный порядок, предписанный свыше (Богом или предками), повышающий степени свободы человека и выводящий его за пределы материальных/телесных ограничений. Конечно, все религиозные системы во все века и времена проходили через испытание на прочность всевозможными внутренними расколами, но при этом речь шла не о протесте против сетевой организации как таковой, а о пересмотре части (иногда значительной) постулатов веры. Население, объединенное религиозными сетями, пыталось разрушить их только тогда, когда они брали на себя несвойственные им (или второстепенные для них) функции структур и, забывая о духовной жизни, начинали слишком активно и слишком жестко организовывать материальное бытие человека.

Вторжение в чужую сферу влияния периодически приводило к открытым конфликтам между политико-административными структурами с сетями, в первую очередь, религиозными¹¹. Примерами таких конфликтов наиболее богата история католической церкви. Но и византийская «симфония церкви и государства» тоже далеко не всегда звучала слаженно, хотя разногласия между светской и духовной властями никогда не достигали такой степени остроты, как в Западной

¹⁰ Государство ограничивало и до настоящего времени ограничивает уровень потребления населения, забирая часть доходов через налоги, но оно не требует дополнительного добровольного самоограничения. В частности, не предлагает людям поститься.

¹¹ Кровно-родственные сети (корпорации) азиатских государств защищали своих членов от чрезмерного давления со стороны государственных структур, но практически не вступали в открытое противостояние с ними.

Европе. По сути, противоборство возникало только тогда, когда организация духовной жизни человека сочетала в себе признаки сети и иерархической структуры, что характерно, прежде всего, для христианства. Восточные религии, за исключением тибетского буддизма, всегда имели рассредоточенную сетевую организацию и практически не претендовали на функции светской власти.

Развитие производства и обмена, появление торговых городов и народов, живущих посредничеством, расширение ареала товарно-денежных отношений еще в эпоху аграрных цивилизаций привели к формированию третьего типа сетевой организации социума. Ее можно с равным основанием назвать коммерческой, поскольку в ней объединялись торговые операции, и финансовой, поскольку сеть включала прежде всего дальнюю торговлю, которая велась за деньги. Сама сеть стала достаточно устойчивой и значимой в жизни аграрных обществ только с того момента, когда торговля приобрела стоимостной (денежный) характер. Особенности этого типа сети были, во-первых, ее вспомогательный характер (торговля не являлась жизнеобеспечивающей для подавляющего большинства населения, в основном она снабжала знать предметами престижного потребления), во-вторых, неустойчивость. Торгово-финансовая сеть могла стабильно функционировать только внутри и в рамках надежных социальных структур, что неоднократно отмечалось историками. Как только начинали разрушаться политические структуры, торговые связи прерывались, товарооборот резко сокращался, а уцелевшие в социальном хаосе купцы начинали искать новые, более стабильные регионы закупки или сбыта товаров и безопасные пути доставки.

Гибкость и динамизм торгово-финансовых сетей в полной мере отражают временной характер их функционирования. Они не привязаны к конкретной территории и перемещаются в пространстве, оставляя приходящие в упадок регионы и перебираясь туда, где начинается экономический подъем, гарантирующий высокие прибыли. Поскольку обмен не создает прирост общественного богатства, можно сказать, что такие сети паразитируют на хозяйственной жизни человека. Но нельзя не признать, что этот паразитизм является взаимовыгодным, таким, каким само данное явление обычно бывает в природе. Как минимум, торгово-финансовые сети обеспечивали реализацию продукции, а значит, создавали предпосылки для нового витка производственной деятельности. Более того, они всегда способствовали расширению воспроизводства во времени, находя новые рынки сбыта для все большего количества товаров или для принципиально новых видов продукции.

В аграрных обществах одновременно существовали сети прошлого (кровно-родственные), настоящего (религиозные) и будущего (торгово-финансовые). Цивилизации, в которых первая форма доминировала в жизни большинства населения, оказались гораздо более устойчивыми (вплоть до застоя), чем социумы, чью духовную жизнь преимущественно регулировали великие мировые религии. Торгово-финансовые сети, как и кровно-родственные, с момента своего появления позиционировали себя как универсальные. Они представляли реальную возможность контролировать значительные потоки материальных благ, причем благ мобильных, не привязанных к конкретной территории. Одновременно они претендовали на значительное влияние на формирование сознания людей, хотя бы частично охваченных подобными сетями. Но развернуться в полной мере и продемонстрировать свой мощный потенциал и свои амбиции торгово-финансовые смогли только с переходом от аграрного хозяйства к индустриальному.

Если социальную организацию аграрных обществ можно с полным основанием назвать «плоскостной» (она двумерна, распластана по земле, привязана к территории), то индустриальная заслуживает название «объемной» (трехмерной). Индустриальное общество унаследовало от своего предшественника уже готовые государственно-бюрократические структуры, трансформировав их для своих нужд и дополнив институтом выборной законодательной власти. Параллельно началось формирование новых структур (производственных), которое завершилось к концу XX в. образованием мощных транснациональных корпораций, по своему экономическому потенциалу равных государствам второго эшелона. Именно корпорации формируют «третье измерение» современной социальной организации, возвышаются над государствами и в прямом, и в переносном смысле: они экстерриториальны и способны относительно легко преодолевать ограничения, с которыми приходится считаться государствам.

С переходом к индустриальному хозяйству сетевая организация претерпела не менее значительные изменения. Религия стала отесняться на второй план еще на самом раннем этапе развития индустриализма, начиная с эпохи Реформации. Кровно-родственные сети сохранили свое значение и сумели частично вписаться в новые «правила игры» только там, где они на протяжении всей предыдущей эпохи сосуществовали на равных с религиозной организацией (прежде всего в государствах Юго-Восточной Азии), но и там они стремитель-

но разрушаются процессом урбанизации¹². Основной формой сетевой организации стал рыночный обмен, основанный на деньгах, причем в индустриальном хозяйстве он претерпел радикальный переворот: из торгово-финансовых сети превратились в финансово-торговые. Дело не только в том, что торговля деньгами — самый выгодный вид коммерции, но и в абсолютной свободе перемещения в пространстве-времени, которую предоставляют финансовые потоки, управляющие движением всех материальных благ: и товаров, и ресурсов.

Финансово-торговым сетям удалось то, чего не смогли добиться сети религиозные. Идея создания экуменической церкви осталась красивой невоплощенной мечтой. Финансовые сети в полном смысле стали вселенскими, глобальными, опутав собою всю планету. «Глобализация — это победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство)» [3, 113]. Но, дойдя до «края Ойкумены», привычные к постоянному росту финансовые сети столкнулись с проблемой, которая ранее перед ними не вставала — предельность пространства поставила под вопрос продолжение времени, поскольку оно обретает смысл только в движении, изменении состояния. А двигаться, перепрыгивая с одной развивающейся территориально-производственной системы на другую, в пространстве маленькой планеты больше некуда¹³.

Предельность пространства отразилась не только в сетевой, но и в структурной организации современного мира. Помимо традиционных государственно-бюрократических и новых производственно-корпоративных структур сформировалась еще одна, самая мощная (и, скорее всего, самая неустойчивая) — американская мир-империя. Мир-системный анализ И. Валлерстайна вполне согласуется с теориями сетевого общества, в частности, с тезисом Н. Лумана о наличии «одной единственной системы мирового сообщества, которое, словно, пульсируя, растет или сжимается в зависимости от того, что получает воплощение в качестве коммуникации» [1, 78]. Просто первый рассматривает планетарную организацию со стороны структур, а второй — со стороны сетей. Современное человечество едино не только на сетевом информационном уровне, но и в рамках материально-энергетической структуры «нефтяной экономики» реального сектора, лежащей в основе *Pax Americana*.

¹² Разумеется, они остаются приоритетными для многочисленных микросоциумов (от отдельных общин до народов), практически не затронутых индустриализацией.

¹³ Наглядно этот процесс последовательного перемещения в пространстве-времени через периодическую смену техноценозов, продемонстрирован в теории Бадаляна—Криворотова (см.: [4]).

Человечеству всегда было тесно на своей маленькой планете, включая и те времена, когда его численность была минимальной. Но «в тесноте, да не в обиде» люди уживались тысячелетиями даже тогда, когда переход к аграрному хозяйству привел к концентрации значительных масс населения на ограниченных территориях. Очень часто приходилось уживаться и «в обиде», но социальную несправедливость иерархических структур по мере возможности смягчали сетевые организации традиционных обществ: кровно-родственные и религиозные. Настоящей проблемой неравновесие социальной организации становилось лишь тогда, когда каждая территориальная воспроизводственная система достигала пределов своего экстенсивного развития. В аграрном хозяйстве обострение социально-экономических проблем, которое разрешалась через глубокий политико-экономический кризис, всегда носило локальный (региональный) характер. Победа времени над пространством с предельным откровением и предельной жесткостью обозначила главную проблему современности — глобальный мир глобально неравновесен, и удержать его «на пределе» гораздо сложнее, чем локальные региональные цивилизации.

Формирование целостной планетарной хозяйственной системы обнажает массу ее внутренних противоречий, раскачивающих и без того неустойчивый миропорядок. Во-первых, обостряется борьба между всеми структурами — и традиционными, и современными. Роль жертвы в этой борьбе титанов предназначена государству, против него играют и глобальная мир-империя, и ТНК. Естественно, населению это противостояние подается как борьба за свободу против тотального угнетения со стороны косных, отторгающих инновации, погрязших в коррупции бюрократических структур. Но, как справедливо заметил еще в начале XX в. П. Сорокин, «горячий спор защитников и противников государства по существу сводится к спору о том, ведению ли государственной системы подлежит регулировка взаимоотношений населения или ведению другой негосударственной коллективности. В большинстве случаев борьба против государства сводится к тому, чтобы выключить из его сети ряд взаимоотношений и передать, включить их в сеть других коллективов» [5, 167]. Как ни грустно, большинство людей охотно принимают на веру щедрые обещания свободы и справедливости, не задумываясь, что предлагается ему взамен административно-территориальной организации: включение в не менее жесткие производственные структуры (если повезет)

или маргинализация¹⁴. Но свято место пусто не бывает — на смену одних, разрушенных структур просто придут другие.

Во-вторых, точно так же обостряется противоборство между сетевыми организациями. В определенном смысле это можно рассматривать как уникальный парадокс современности. Тот факт, что тесно структурам, не вызывает удивления. Они оперируют в материальном мире, а это всегда мир ограниченных ресурсов. Поэтому корпорации пытаются оттеснить государства от контроля над ресурсами, не только сырьевыми, но любыми, включая интеллектуальные и финансовые, опираясь при этом на военную мощь ядра индустриальной мир-империи. Но сети, охватывающие виртуальное пространство символической организации общества, точно так же не способны ужиться друг с другом, поскольку в их основе лежат абсолютно противоположные принципы. Здесь можно обозначить как минимум две узловые проблемы.

С тех пор, как человек вышел за пределы «общества первоначального изобилия» [6, 19], он никогда не жил в условиях равенства. Но в социумах любого масштаба во все века и у всех народов присутствовала идея социальной справедливости, основным носителем которой была религия. Власть светская закрепляла и охраняла социальное неравенство, власть духовная сглаживала его отрицательные последствия. Несмотря на перманентное противоборство, «перетягивание одеяла на себя», обе формы социальной организации нуждались друг в друге и взаимно дополняли друг друга.

В индустриальном хозяйстве на роль главного носителя идеи социальной справедливости (в ее доведенной до логического конца форме равенства) выдвинулись финансовые сети. Механизм достижения равенства и справедливости очень прост — доступ к кредитам для подавляющего большинства населения, за исключением откровенных маргиналов¹⁵. Вытеснение благотворительности кредитом имело под собой серьезное идеологическое обоснование: благотворительность (фактически, милостыня) безвозмездна, поэтому она порождает

¹⁴ Печальный пример М. Каддафи может у любой государственной власти надолго отбить охоту заботиться о собственном народе. Даже людям, живущим на среднем, вполне приемлемом уровне обеспечения, всегда можно через компьютерные социальные сети объяснить, что в мире есть страны, в которых большинство живет лучше, чем они. А их отставание от демократических и рыночных лидеров объясняется всего лишь «нехорошей» национальной властью, слишком мало делящейся с народом. В этом отношении ливийцы оказали медвежью услугу не только себе, но и всему миру.

¹⁵ Тот факт, что одни занимают миллиарды, а другие сотни, в лучшем случае, тысячи, не вносит никаких принципиальных изменений в идейно-теоретическое обоснование равных возможностей. Пользуясь языком Н. Лумана, можно сказать, что в отношении доступа к кредитам все «равны в своем неравенстве» [7, 28]

иждивенчество. Кредит необходимо отдавать, он стимулирует экономическую активность человека, как предпринимателя, так и потребителя. Против такого аргумента трудно возразить — он вполне справедлив. Но «оборотная сторона медали» выглядит гораздо сложнее.

Сети аграрных обществ выводили расширение возможностей человека за пределы настоящего, в будущее, размывая в этом переходе грань между реальным и виртуальным. Индустриальные финансово-торговые сети вовлекают в себя обещанием неограниченных возможностей «здесь и сейчас», что уже во второй половине XX в. привело к формированию «общества завышенных ожиданий». Провоцирование завышенных ожиданий крайне опасно для структур, потому что приводит к их разрушению. Структуры (территориальные, производственные) формируются в реальном мире, а это всегда мир ограниченных ресурсов и возможностей. К тому же реальность — это настоящее. Структуры формируются в данном месте в данное время, исходя из основных параметров места и времени. Они обеспечивают устойчивость бытия, а основой такой устойчивости должны быть реалистичные оценки характеристик производства и потребления. В реальном мире обещать все и всем — значит, плодить разочарование всех и во всем.

В динамичном индустриальном хозяйстве завышенные ожидания не нужно разогревать специально — они автоматически порождаются бурным экономическим ростом, приходящимся на повышающую фазу кондратьевского цикла. Поколение, входящее во взрослую дееспособную жизнь в начале этой фазы, из собственного опыта делает вывод, что подъем будет продолжаться вечно, а его личное благосостояние, как и его детей, всегда будет расти теми же темпами, что и на протяжении предыдущих 20—25 лет перманентного подъема. Но в современном мире объективно завышенные мощным экономическим ростом XX в. ожидания населения субъективно раскручены до гипертрофированных размеров. За счет таких искусственно раздуваемых ожиданий живут и благоденствуют сетевые финансово-торговые структуры. Более того, с помощью подобных манипуляций с представлениями людей о желаемом и возможном они контролируют структуры.

Религиозные сети через благотворительность всегда распределяли реально существующие блага: не только материальные продукты или ресурсы, но и доступ к услугам (здравоохранению и образованию). Они никогда не раздували чрезмерных ожиданий в реальной жизни, наоборот, старались их сдерживать, что приводило к неоднозначным результатам. Настолько, насколько поддерживалась стабильность, настолько же тормозилось экономическое развитие.

Финансово-торговые сетевые организации не способны существовать без завышенных ожиданий — благодаря им сети зарабатывают деньги на кредитной экспансии и обеспечивают собственный рост. Одновременно носители «сетевых интересов» прекрасно понимают, что линейного роста не бывает, а циклический характер развития периодически приводит к расхождению между неограниченностью квазиденежной кредитной эмиссии и ограниченностью реальных ресурсов, которая преодолевается через кризисную перестройку экономики.

Кредитные деньги — это деньги «из воздуха» под будущие товары и услуги (в полном соответствии с трактовкой Й. Шумпетера). Но если постоянно появляются новые порции денег «из воздуха», а новых товаров и услуг нет (или нет в необходимом количестве), то финансовые сети неизбежно начинают работать не на приращение, а на перераспределение реальных благ. На одном полюсе общества концентрируется богатство, на другом — нищета. Получается «благотворительность наоборот», преодолеть которую можно только через кризис, который, как минимум, в течение понижательной волны Кондратьевского цикла требует отказа от завышенных потребительских ожиданий и концентрации ресурсов на капиталовложениях в развитие производства. Если же, игнорируя ситуацию в реальном секторе, финансово-торговые сети пытаются компенсировать снижение доходов от займов предпринимателям наращиванием потребительского кредитования или увеличением государственного долга, то такое «перетягивание одеяла на себя» приводит к обострению третьего противоречия — между сетями и структурами.

Взаимоотношения финансовых сетей с каждым типом социальных структур складываются по-разному. Их заинтересованность в ограничении сферы влияния государства очевидна — чем меньше финансовых ресурсов будет перераспределяться через бюджет, тем больше будет прокручено через сети, способствуя увеличению их прибыли. Отсюда настойчивое проталкивание коммерциализации социальной сферы, которая в период максимального развития индустриального хозяйства (в эпоху *welfare state*) преимущественно финансировалась из бюджета. Конечно, национальные государства в современном мире выступают самыми крупными заемщиками, но точно такие же кредиты (меньшие по величине, но большие по количеству) можно выдавать любым территориальным образованиям: и регионам, и муниципалитетам, чьи возможности самообеспечения гораздо слабее, чем у государств.

Достаточно миролюбивым на этом фоне выглядит взаимодействие сетей с производственными структурами (ТНК). Несмотря на отдельные эксцессы, на сегодня оно представляет собой скорее взаи-

мовыгодное сотрудничество, чем противоборство. Хотя это сотрудничество осуществляется отнюдь не на равных, заинтересованность в нем действительно обоюдная. Корпорациям нужна поддержка сетей в их борьбе за ресурсы, находящиеся под контролем государств.

Гораздо сложнее определить соотношение глобальных финансовых сетей и такой же глобальной мир-имперской структуры мировой экономики. Как минимум, правомерна постановка вопроса: сможет ли планетарная сетевая организация, основанная на денежных (символических, виртуальных) коммуникациях, выжить при разрушении реальных структур, упорядочивающих потоки материальных благ: ресурсов и товаров? «Символически генерализованные медиа коммуникации нуждаются в едином коде (центральном коде) для всего медиапространства» [1, 385]. Место «единого кода» в современном мире прочно заняли деньги. Одна незадача — чтобы деньги действительно стали центральным кодом всего человечества, они сами должны быть едиными. В аграрных цивилизациях таким единым экуменическим кодом было золото. В современном мире для реализации этого принципа нужно сделать власть доллара над всей планетой вечной и неизменной. Способны ли сети на подобное эпохальное деяние без помощи планетарной структуры? Справится Мак-Дональдс без Мак-конел-Дуглас? На сегодня не очевидно.

Финансово-торговые сети (как и торгово-финансовые) никогда не держались за структуры, исчерпавшие потенциал роста, — на них уже не выгодно паразитировать. Исчезает процентный доход и остается только рентный, а рентный доход обычно ограничен (статичен), и «пряников сладких всегда не хватает на всех». Не удивительно, что возникает желание сконструировать новые структуры, обладающие возможностью развития, как был сконструирован «кирпич» BRIC, затем перешитый в «брюки» (BRICS). Но подобное переформатирование мирового экономического пространства способно вызвать противодействие существующей глобальной структуры, которая не собирается уступать место новым «самозванцам» под любыми наименованиями. К тому же возможности развития в рамках индустриального хозяйства крайне ограничены; скорее всего, их может хватить еще только на один Кондратьевский цикл.

Современное противостояние территориальных структур различного уровня и финансовых сетей поразительно напоминает борьбу феодальных правителей и католической церкви. Церковь была той силой, которая в эпоху европейской феодальной раздробленности брала на себя объединение разрозненных земель, причем не только в духовной, но и мирской жизни. Но любая хотя бы сколько-нибудь усилившаяся светская власть сразу же выступала против ее домини-

рования. Эта борьба продолжалась на протяжении всего средневековья и закончилась только с образованием национальных государств. В результате утвердился принцип: «чья земля, того и вера». Если эти аналогии имеют смысл, каким может быть дальнейшее развитие событий? Сегодня все чаще представителями общественных наук выдвигается тезис о целесообразности формирования на обломках отживающего свой век *Rex Americana* крупных территориальных объединений (макрорегионов в терминологии автора). Если такой сценарий реализуется, и большинство макрорегионов (возможно все, кроме североамериканского) выйдет из под контроля ФРС, то как будет формулироваться новый принцип политико-экономического баланса: «чья земля, того и финансовая система»? С учетом того, что вера в деньги вытеснила веру в бога, а финансы стали квазирелигией, почему бы и нет?

Когда по объективным причинам затрудняется движение вперед, сохраняется возможность разрушать существующие окостеневшие структуры и создавать новые. Собственно, социальные реформы всегда предполагали подобное разрушение, только аккуратное, управляемое, без катастрофических потрясений. Без частичного разрушения невозможно осуществить перегруппировку ресурсов, их использование на новых, более перспективных направлениях. В качестве самой слабой из структур, приговоренной к разрушению, сегодня выбрано государство¹⁶. Фактически на новом уровне хозяйственного развития воспроизводится восточный «династийный цикл» (в терминологии Л.С. Васильева [8]). Только для аграрных цивилизаций Востока этот цикл был естественным, имманентным, представляющим собой механизм саморазвития. В современных условиях его не сложно срежиссировать со стороны, периодически «выбивая стул» из-под засидевшихся носителей политической власти и усаживая на него новых, полностью зависимых, а потому абсолютно управляемых. Тем более что сами территориально-бюрократические структуры делают все возможное, чтобы вызвать недовольство населения. Контроль над ресурсами страны и огромные доходы делают их восприятие ситуации неадекватным и подталкивают к злоупотреблениям. Структуры становятся иррациональными и этим подписывают себе приговор. Но если они попытаются быть рациональными и жизнеспособными, приговор может быть вынесен сетями и он, скорее всего, будет гораздо более жестоким.

¹⁶ С учетом ситуации, обозначенной в предыдущем абзаце, не исключено, что самыми неустойчивыми в современном мире могут оказаться не государственные, а миримперские структуры.

Структуры жизнеспособны, только если они достаточно гибки, если они способны в критической ситуации проводить реформы, снимающие чрезмерное социальное напряжение (гипертрофированную дифференциацию доходов, зашкаливающие злоупотребления бюрократии, полное блокирование социальной мобильности). Если они не могут выстраивать постоянно действующие механизмы противодействия негативным тенденциям, то должны хотя бы периодически принимать меры по повышению устойчивости общества. Тогда и сами они обретут желаемую стабильность и жизнеспособность. Осуществление реформ — само по себе процесс невероятно сложный и болезненный, ущемляющий интересы высокообеспеченных социальных страт, которые до последнего, всеми имеющимися у них способами оказывают противодействие необходимым преобразованиям. Но есть и еще одна субъективная проблема, усугубляющая объективные трудности реформирования, — в нем совершенно не заинтересованы сетевые организации. Если структуры станут гибкими, сетям придется самоликвидироваться за ненадобностью.

В этом отношении более чем показательны перманентные российские реформы, приводящие в недоумение всех мало-мальски мыслящих людей: «Есть такие решения, по поводу которых мнение публики исключительно важно, поскольку решения эти касаются самой публики и по идее направлены именно к ее благу. Такое прямое повседневное соприкосновение публики с властью происходит преимущественно в трех сферах: здравоохранение, образование, безопасность. Во всех трех этих сферах идут реформы, по обсуждаемой оси «правлящая элита — общество» выглядящие одинаково» [9, 14]. Но, если исходить из описанной выше логики, то выглядят все эти реформы одинаково «рационально».

Все три сферы (к ним можно добавить ЖКХ, реформы которого имеют тот же смысл) непосредственно замыкаются на повседневные нужды и заботы людей. Если ставится цель по максимуму дискредитировать или даже разрушить государственность, чем хуже работают именно эти сферы — тем лучше для реализации подобной цели. В хозяйственной системе, исчерпавшей пределы развития, структуры и сами бюрократизируются, костенеют и примитивизируются все вокруг себя. Это естественная тенденция старения «социального организма» точно так же, как и организма физического. Но если им еще и помочь довести как можно больше предпринимаемых «реформ» до абсурда, то эффект получится идеальный. Именно по таким «лекалам» («чем хуже, тем лучше») кроился сценарий разрушения страны на рубеже 1980—1990-х гг. Почему тот же самый прием не может

повториться в новых условиях? В одну и ту же реку нельзя войти дважды. А в одном и том же болоте можно вязнуть сколько угодно.

Особенно символичной в этом плане выглядит реформа образования. С начала 90-х годов в нем накопилось множество проблем, большинство из которых не решается только деньгами (в 2000-е деньги в систему образования пошли, а проблемы никуда не делись). Большое количество новых вузов, значительная часть которых просто торгует дипломами «с колес». Перепроизводство гуманитариев при острой потребности экономики в инженерно-технических кадрах. Нехватка квалифицированных рабочих современных специальностей, которым требуются знания гораздо большие, чем давала традиционная система профессионально-технического образования. Не говоря уже о «вечной хронике»: старение кадров, низких зарплатах, изношенной материальной базе и т. д. и т. п. Наконец, одна из самых главных «болевых точек», делающая реформу образования насущной необходимостью, причем не застарелая, а крайне злободневная и тенью надвигающаяся на страну. Все перечисленные проблемы придется решать в условиях острой нехватки финансовых ресурсов, которая может возникнуть в любой момент, если разразится очередной мировой экономической кризис. Но все действия по реформированию многострадального российского образования вызывают недоуменный вопрос: почему же они осуществляются такими топорными методами, которые могут иметь только один реальный результат — в конце концов, студенты вместе с преподавателями и старшеклассники вместе с учителями просто выйдут на улицы? *Cui prodest?*

Современные национальные государства — отнюдь не архаичные институциональные образования, доставшиеся индустриализму в наследство от традиционных аграрных обществ. Они возникли в переходный период, в течение которого закладывались предпосылки будущего промышленного переворота (начиная с XVI в.). Большинство существующих сегодня государств сформировалось в XIX—XX вв. Когда-то сами они послужили инструментами для разрушения более крупных территориальных образований имперского типа. Даже если процесс возвращается «на круги своя», и начинается новый этап «собираения земель», его можно реализовать не через разрушение существующих административно-(политико-)территориальных структур, а через добровольное делегирование части их полномочий и функций на вышестоящий уровень, по образцу Европейского Сообщества. Каким бы сложным и болезненным ни был этот процесс согласования интересов, разрушение социальных структур обходится людям гораздо больнее и гораздо дороже.

Сегодня претензии финансовых сетей на универсальное доминирование над человеком оборачиваются попытками по максимуму ослабить государства, которые еще остаются слишком самостоятельными¹⁷. Но одного денежного контроля над движением реальных благ для тотального доминирования не достаточно — для его осуществления необходима поддержка мир-имперской структуры. Тогда конкуренции между структурами и сетями может переместиться с уровня отдельных территориальных образований на планетарный, но она нигде не исчезнет. Глобальная финансовая сеть сможет обеспечить себе окончательную победу, только если она сумеет полностью реализовать свои претензии на универсализм, подчинив себе не только материальную жизнь, но и сознание человека. Тогда внешнее ограничение, которое обозначают структуры светской власти, отпадет за отсутствием необходимости, и под социальной историей человеческого существа можно будет подвести четкую жирную черту.

Возможность для столь радикального фазового перехода предоставляют компьютерные сети, постепенно заменяющие в сознании человека реальный мир его виртуальной копией. В какой форме может реализоваться подобный сценарий, и к каким он может привести последствиям — ответ на эти, как и другие подобные вопросы, сегодня можно дать только в порядке предположения. С одной стороны, он полностью вписывается в логику развития человечества: хозяйственная система, достигнув предела своего развития, могла сохранить себя, только перенаправив значительную часть избыточной энергии человека из ограниченного реального мира в безграничную виртуальную реальность. С другой стороны, даже религия (тем более кровно-родственные сети) никогда не злоупотребляла виртуализацией сознания, дополняя собой либо экспансию человечества в пределах новых вмещающих ландшафтов, либо рациональную адаптацию большинства населения к существующей объективной реальности, и природной, и социальной. (Разумеется, рациональную в конкретном пространстве-времени, на достигнутом уровне технологического и социального развития). И только для меньшинства интравертов предлагалось полное погружение в жизнь духовную, отрешенную от мирских забот¹⁸. Разрабатываемые сегодня технологии управления созна-

¹⁷ Один из возможных вариантов такого ослабления — отмечаемое обществоведами превращение государства в квазикорпорацию, оказывающую обществу различные административно-управленческие услуги.

¹⁸ С учетом того факта, что даже большинство монахов занималось физическим трудом, самостоятельно обеспечивая свои бытовые потребности.

нием¹⁹ (прежде всего NBIC-технологии) позволяют увести из реальности подавляющее большинство населения. Невозможно однозначно определить, чем окажется подобный виток научно-технического прогресса для человеческого существа: благом или злом. Если у человека не осталось альтернатив, способных обеспечить его выживание, тогда обсуждать нечего. Но на сегодня отсутствие альтернатив не доказано, и не опровергнуто, так что проблема остается открытой. Как минимум, можно предвидеть, что такой сценарий сработает на стабилизацию, а не на развитие современной цивилизации.

Наглядным подтверждением правомерности этого вывода служит постепенный «дрейф» социологии от структурализма и функционализма начала XX в. через структурно-функциональный анализ Т. Парсонса к структурализму Э. Гидденса и эволюционизму Н. Лумана. Классической социологией структура рассматривалась как внешняя по отношению к человеку. Гидденс предлагает воспринимать ее как внутреннюю²⁰. Последнее в чистом виде является признаком статичного традиционного общества (начиная с высших охотников-собирателей, в основе организации которых лежал институт табуирования). В нем самоограничение индивида намного значимее, чем внешнее принуждение, которое сводится почти к нулю, а значит, отпадает необходимость в обозначении ограничительных структур. Люди не видят разницы между свободой и несвободой, потому что им нечего, не с чем и незачем сравнивать — институциональные нормы и правила у них в крови, а не на бумаге с надписью «Закон № ... от ...». Но подобное возвращение к принципам организации традиционных обществ не имеет никакого отношения к развитию.

В основе всех классических социологических теорий лежало понятие «действия». В модной декларативно анти-, но, по сути, глубоко постмодернистской теории Н. Лумана «действие» сменилось «коммуникацией». Не удивительно. Действовать в реальном мире человеку становится все сложнее, не затрагивая при этом чужие интересы. Коммуницировать, сидя перед монитором компьютера или планшетником, можно сколько угодно без существенных ограничений. Если бы человека можно было увести в виртуальную реальность, поселить там и предоставить возможность коммуницировать сколько душе угодно, это было бы не самым худшим вариантом развития событий из всех возможных. Останется только ответить на один назой-

¹⁹ Не манипулирования, которое всегда присутствовало в социальной организации, а именно управления.

²⁰ «Структура не является чем-то “внешним” по отношению к индивидам: будучи своего рода “отпечатками” в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее “внутренней”, нежели внешней» [2, 70].

ливо напоминающий о себе вопрос: кто и как, и за какие заслуги будет кормить коммуницирующего *Homo sapiens*'а? За новые идеи? Продуцировать их может далеко не каждый. Или, как в старом советском анекдоте, «на пути к коммунизму кормить никто не обещал»?

Индустриальное хозяйство, а с ним и общество модерна, постепенно приближаются к своему объективному пределу. Но человечество в единстве своих разнообразных подсистем все еще продолжает оставаться социумом, а человек — социальным существом, гордо называющим себя разумным. Есть социум — будет и социальная организация. Ответ на вопрос «какой она будет?» определяется не благими намерениями людей и даже не проектными установками лидеров, а сочетанием внутренней необходимости самого социума и внешних возможностей, которые предоставляют ему социальная и природная среда. Не будет социума — не будет и социальной организации. Но столь же верно и обратное: не будет социальной организации — не будет и социума. Возможно, не будет совсем. Возможно, он выйдет на новый виток эволюции и трансформируется в «нечто иное», с принципиально иной (научной?) организацией. Но социальная организация имманентна обществу также, как скелет позвоночным. Современные структуры, точно так же, как все их канувшие в лету предшественницы, привязаны к конкретному пространству и времени. И они точно так же не вечны. Но их можно перестроить так, чтобы с минимальными потерями перейти к какому-то новому способу взаимодействия с природной средой. Смысл создания новых научных кодов и состоит в возможности открытия новых, не видимых большинству людей альтернатив. Какие «основания для принятия или отклонения» траекторий будущего кодируют деконструкторы современного мира в своих научных трактатах? Оставляют ли они человеческому существу хотя бы шанс на возможные альтернативы?

Обществоведы уже не одно столетие питаются со стола естественных наук. Заимствуется не только методология, но и терминология, без оглядки на то, насколько оправдано построение социальных теорий по аналогии с естественнонаучными. Главное, чтобы заимствованные постулаты были новыми, модными, убедительными и высоконаучными. Если У. Джевонс использовал модели классической механики для объяснения равновесия потребителя, то почему бы Н. Луману не построить свою теорию общества на основе концепции аутопоэтических систем нейробиолога У. Матураны? Только тогда придется принять к сведению пример, приведенный У. Матураной, про головастика с надрезанным и перевернутым зрачком [10, 110—112]. Из головастика выросла лягушка, которая, если смотрела прооперированным глазом, выстреливала языком в противоположную от

добычи сторону. Глаз у нее видел наоборот. Пример, долженствующий подтвердить, что поведение лягушки определяется не взаимодействием с внешней средой (с добычей), а строением и функционированием собственного организма. Он, конечно, убедителен, но вызывает совсем другие размышления. Природа устроила живые организмы так, чтобы они могли адекватно ориентироваться в окружающем мире исходя из того, что он для них объективен. Природа не выворачивала глаза лягушки наизнанку, хотя могла бы поэкспериментировать гораздо радикальнее.

Задумываются ли творцы модных теорий о том, что они подводят идеологическую основу под радикальную трансформацию сознания человека, выворачивая ему «глаза наизнанку» и переводя взгляд из реальной жизни в виртуальную? Какие новые возможности приобретет Homo sapiens, потерявший ориентацию в окружающем мире, и не окажется ли он подобием лягушки с перевернутым зрачком, которая не может добыть себе пищу? Люди все-таки не подопытные лягушки.

Литература

1. *Луман Н.* Общество общества. Кн. 1. Общество как социальная система. Кн. 2. Медиа коммуникации. Кн. 3. Эволюция. М., 2011.
2. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуры. М., 2003.
3. *Фурсов А.И.* Четвертая эпоха. Взгляд историка // Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Кортаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М., 2011.
4. *Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф.* История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М., 2010.
5. *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2007
6. *Саллинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
7. *Луман Н.* Общество общества. Кн. 4. Дифференциация. Кн. 5. Самоописания. М., 2011.
8. *Васильев Л.С.* История Востока: В 2 т. Т. 1. М., 2008.
9. *Привалов А., Силаев Н.* Греф как симптом // Эксперт. 2012. № 26.
10. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.

В.И. ГУРОВ

**Проблемы макроконкурентоспособности России:
выбор между открытостью и экономической
самостоятельностью**

В ходе либеральных реформ, пытаясь перенять западные методы и стандарты управления, руководство России и других постсоветские республик начинало в своих реформаторских усилиях постепенно соответствовать главным «комплексным факторам конкурентоспособности страны», на основе которых западные рейтинговые агентства составляют *индексы конкурентоспособности* (КСП) разных стран. Эти кредитные рейтинги нередко имеют явно «заказной» характер и используются Западом как инструмент политического давления на Россию. Главная цель Запада в том, чтобы по возможности максимально отстранить государство от управления экономикой, открывая наше российское хозяйство для иностранного капитала, разоружая его перед конкуренцией со стороны гигантских транснациональных корпораций и транснациональных банков Запада.

Стремясь соответствовать международным либеральным параметрам, реформаторы в 1990-е гг. широко открыли национальное хозяйство России для иностранного капитала. А сегодня, спустя 20 лет после начала разрушительных реформ, они стремятся уничтожить остатки госсектора, государства и всего национального хозяйства. При этом постоянно заявляют, что целью реформ является якобы рост национальной конкурентоспособности и эффективности национальной экономики и национального хозяйства.

Анализируя ранги и критерии конкурентоспособности 59 стран по главным факторам КСП, следует в первую очередь отметить, что по таким факторам, как «государство» и «институты», Россия, по оценке Центра международного развития Гарвардского университета, занимала в 1999 г. последнее, 59-е, место, по факторам «финансы», «инфраструктура», «управление» — предпоследнее, 58-е, по «открытости» — 56-е, «технологии» — 55-е и по фактору «труд» — 25-е место [1, 21]. Очевидно, что стандартные либеральные показатели национальной конкурентоспособности, формально ориентируя хозяйство страны на достижение высоких темпов роста, опираются только лишь на рыночные механизмы так называемой открытой экономики, в результате чего: 1) экономика должна становиться открытой, 2) государство — либеральным, 3) инфраструктура рынка — соответствовать западным стандартам, а 4) институты рынка — стандартам мирового рынка.

Однако главный парадокс современной политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности, заключается в том, как справедливо подчеркивает А.А. Олейников, что «она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели», т. е. *«стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом»* [2, 909]. Этот тезис подтверждается анализом структуры российского импорта и экспорта. Либеральные реформы привели к тому, что импортируется сегодня примерно 50—70% объема потребления продуктов питания, товаров ширпотреба (бытовая техника, электроника и пр.), а также отдельных видов промышленной продукции [3, 159].

**Противоречие между конкурентоспособностью
рыночной экономики и макроконкурентоспособностью
всего национального хозяйства**

Критерии конкурентоспособности экономики страны были разработаны в США специалистами Центра международного развития Гарвардского университета. При этом очевидно, что за основу, за точку отсчета были взяты критерии частнохозяйственной эффективности, а также конкурентоспособности открытой рыночной экономики США.

Насколько факторы такой эффективности, ее показатели и критерии применимы к другим странам мирового хозяйства и, прежде всего — к России? Несмотря на риторический характер этого вопроса, представляется целесообразным все же хотя бы кратко рассмотреть его.

Российские сторонники неолиберализма любят ссылаться на модель открытой экономики США, которая обычно ими преподносится как образец эффективности. При этом либеральный тезис о необходимости привлечения иностранного капитала чаще всего аргументируется простыми ссылками, например, на американский автомобильный рынок, на то, как конкуренция иностранных производителей якобы заставляет национальные автомобильные компании США улучшать качество и понижать цены на свою продукцию. В действительности она принуждает их только к тому, чтобы покидать национальный рынок, переводя свое *транснациональное* производство в развивающиеся страны — туда, где существуют низкие зарплаты и низкие издержки производства в целом.

Открытая экономика сегодня чрезвычайно повышает эффективность ТНК, размещающих свое производство на сотнях заводов, разбросанных в десятках стран. Однако одновременно она приводит к

деиндустриализации экономики своих стран. Например, все американские автомобильные ТНК имеют свои производственно-сбытовые подразделения в большинстве азиатских стран. В этих условиях они могут быть заинтересованы в том, чтобы поддержать процессе «захвата» национального рынка азиатскими производителями, но только в обмен на партнерские соглашения о разделе рынков, о технологическом содействии и других формах заинтересованного участия. Именно это и происходит сегодня в США. При этом не стоит забывать, что более половины своих прибылей компании «General Motors» и «Ford» получают от своих чисто финансовых подразделений. Более выгодно для них не машины производить, а инвестировать свои средства в высокодоходные спекулятивные активы. Так, например, если средняя норма прибыли в автомобильной промышленности в 2000 г. составила всего 4% средней прибыли (в промышленности в целом 5—6%), средний уровень доходности вложений на фондовом рынке — 25—35% в год [4, 149].

Современная модель экономики США является отражением *глобальной финансовой системы*, сформированной по принципу *перевернутой пирамиды*. В реальный сектор здесь вкладывается в среднем около 10% от общего оборота мировых финансовых и других ресурсов. Соответственно весь остальной денежный капитал (90%), функционирующий на денежно-товарных рынках, не имеет никакого реального наполнения: нет материально-вещественных результатов, нет никакого производства. Это рынок, работающий по принципу: деньги делают деньги, т. е. это — *рынок исключительно спекулятивных операций* [5, 19].

Национальное хозяйство США, превращаясь в чисто денежное хозяйство, неизбежно перешло на чисто монетарные принципы управления. А это означает, что управлять страной и компаниями стали финансисты, ориентированные на спекулятивные сверхприбыли. Финансовые активы крупнейших американских компаний превышают объемы реального производства в десятки, сотни, а то и в тысячи раз [6].

В этих условиях либеральная модель открытой экономики является просто неизбежным результатом сложившейся в западном мире и в США *финансово-спекулятивной структуры хозяйства*.

Вопрос весь в том, насколько эта модель эффективна для всего национального хозяйства. Американский ученый-экономист Л. Ларуш пишет в книге «Физическая экономика»: «Между 1963 и 1993 гг. усиленно подпитываемый спекуляцией валовой внутренний продукт США возрос с 603,1 млрд дол. до уровня 6374,0 млрд дол.». В течение этого периода «услуги» как компонент ВВП выросли с 39 до 54%, но

даже рост вне сферы услуг включал в себя значительную долю обмана. В течение этого периода ВВП, как утверждается, возрос десятикратно, а секторы реальной физической экономики в расчете на домохозяйство и на душу населения в действительности сократились в размерах от 30 до 50% и даже больше (см.: [7; 8, 99]).

К этому следует добавить, что американская экономика имеет ярко выраженный долговой характер. Общая задолженность всех секторов экономики США примерно в 3,5—4 раза больше ВВП страны. А государственный долг США уже превысил 16 трлн дол. Это — прямой результат перепроизводства долларов, неконтролируемой денежной эмиссии. Основу экономики США образует сегодня не промышленность, а чисто *денежное «долларовое производство»*. Американская экономика является пирамидой, на вершине которой располагается Федеральная резервная система (ФРС) США. ФРС печатает в среднем лишь 8% находящихся в обороте долларов, а остальную массу денег, т. е. 92% — эмитируют частные банки, подконтрольные ФРС [9, 14]. В результате прирост денежной массы в 1990-е гг. был на уровне 10% в год, что почти вдвое превышало средние темпы прироста ВВП за этот период — 4,5% в год [4, 142; 10, 132, 136].

Очевидно, что факторы конкурентоспособности рыночной экономики за точку отсчета берут эффективность сегодняшней американской модели экономики, которая эффективно может функционировать только как *открытая экономика*, являясь эффективной для транснациональных корпораций США.

Однако нас должна интересовать именно народнохозяйственная эффективность, факторы повышения которой являются одновременно факторами роста конкурентоспособности нации, т. е. макроконкурентоспособности. Народнохозяйственная эффективность, отражающая рост конкурентоспособности нации или макроконкурентоспособности всего общества и его национального хозяйства, не может определяться денежными критериями и факторами. И это понятно, если не забывать, что национальное хозяйство включает в себя кроме рыночной экономики огромную социальную сферу, отрасли инфраструктуры, которые не могут функционировать на основе критериев денежной, экономической эффективности [11, 52—60]. Главными здесь являются критерии социальной, народнохозяйственной эффективности: а) уровень экономического развития страны, производственного потенциала экономики и производительности общественного труда; б) уровень развития социальной сферы страны; в) уровень духовного потенциала нации, развития культуры. В структуре производительных сил нации ведущую роль играют именно *духовные силы народа* — его дух, воля, устремленность в будущее, сплоченность

вокруг общенациональных традиций и ценностей, морально-политическое единство. Наличие этих факторов формирует движущие силы национально-хозяйственного строительства, преобразуя нацию из объекта в субъект геополитики.

Очевидно, что формула эффективности, отражая отношение результатов к затратам, будет иметь здесь совершенно другое содержание, так как результаты будут привязаны к конкретным социокультурным и социально-экономическим показателям; а затраты будут иметь другое измерение, включая в себя, например, строительство национальных дорог и прокладку туннелей в скальных породах, строительство и содержание учреждений социальной сферы (социальная инфраструктура) и проч. Затраты здесь будут намного выше, чем, скажем, на отдельном частном предприятии. Это говорит о том, что, исходя только из критериев частнохозяйственной, денежной эффективности (масса и норма прибыли), нельзя мерить эффективность и макроконкурентоспособность всего национального хозяйства.

Итак, все сказанное выше позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, частично уже обозначенный в начале статьи: *стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либеральными рыночными средствами чревато подрывом экономической и национальной безопасности в целом.*

Это в полной мере подтверждается драматическим опытом либеральных реформ, насаждающих в России все последние двадцать лет американскую модель открытой экономики.

Известно, к чему это привело: процветают крупнейшие топливно-сырьевые компании, работающие на мировое западное хозяйство, являясь его анклавными придатками в России; с другой стороны, подрываются основы не только воспроизводства российского общества, но и сами основы его существования. Сегодня объемы выпуска наукоемкой продукции в 3—10 (по разным отраслям) раз ниже, чем 20 лет назад, объем капитальных вложений в высокотехнологичные производства находится на отметке середины 1960-х гг. (35% от 1990 г.), а износ базовой технологической инфраструктуры зашкаливает за 80—85%. И это при том, что Россия продолжает изымать под надуманным предлогом борьбы с инфляцией порядка 3—5% ВВП ежегодно и вывозить в виде резервов за рубеж, кредитую стратегических конкурентов в США и ЕС под 1,5—2% и провоцируя острую нехватку денежного предложения внутри страны [12, 2].

Другими словами, одни становятся все богаче: по данным официальной статистики, в России 101 долларовый миллиардер, 160 тыс. человек с годовым доходом более 1 млн дол., 400 тыс. человек с доходом свыше 100 тыс. дол. в год; другие — нищают: в стране около 57

млн человек имеют ежемесячный доход ниже 7 тыс. р. [13, 1]. Общество в целом деградирует, и об этом наглядно свидетельствует государственный бюджет, принятый Госдумой РФ на 2013 г. предусматривающий сокращение финансирования ключевых направлений (национальной экономики, науки, образования, здравоохранения, культуры, спорта и ЖКХ) на 20—60% — с учетом инфляции [13, 2].

Частнохозяйственная модель открытой экономики США против экономической самостоятельности России

Фактически становится жизненно необходимым ставить вопрос о выборе между двумя моделями национального хозяйства, основанными на либерализме или на традиционализме. Суть проблемы выбора в том, что эти модели имеют разные цели. Говоря об этой проблеме, М.И. Гельвановский подчеркивает, что «задача выстроить крепкий дом — национальное хозяйство — входит в противоречие с задачей каждого субъекта рынка получить максимальную прибыль, т. е. накопить богатство» [14, 132].

Главная цель либерально-рыночной модели хозяйства сводится в конечном итоге к потребительству и накоплению товарно-денежных ценностей, а ее важнейшим критерием, как известно, является частнохозяйственная, или рыночная, эффективность.

Однако главная цель национального хозяйства, основанного на традиционных ценностях, безусловно, стоит выше «потребительного производства» Национальное хозяйство здесь сливается с общегосударственной стратегией национального развития, с общенациональными целями и фундаментальными ценностями данной локальной цивилизации, превращаясь неизбежно в механизм реализации этих общенациональных целей и ценностей. Очевидно, что процесс национального хозяйственно-экономического развития определяется (регулируется) здесь такими экономическими законами, принципы которых являются составной частью общенациональных ценностных принципов, существующих в форме *«результатов исторической коллективной жизни народа»* (В. Вильденбанд).

Может показаться, что это — витание в облаках, схоластика, описание некой абстрактной бумажной модели, оторванной от реальности. А Япония? Страны Юго-Восточной Азии? Модель восточного капитализма?

Стоит подчеркнуть особо, что модель восточного капитализма, успешно развивающегося в Японии и странах ЮВА, основана на принципах общинности, коллективизма и традиционализма. Анализируя особенности японского капитализма, американские специалисты по проблемам управления Дж. Грейсон и К. О’Делл в своей книге

«Американский менеджмент на пороге XXI века» пишут: «Некоторые в шутку называют его “конфуцианским капитализмом” или “коммунальным капитализмом”. Называйте его как угодно, на этикетке может быть написано “капитализм”, но внутри это все-таки нечто другое. Если говорить словами основателя компании “Хонда моторс” Такео Фудзикавы “японская и американская системы управления одинаковы на 95%, но отличаются во всех важных пунктах”» [15, 312].

Проблема выбора между открытой и закрытой моделями национально-экономического развития в том, что либеральные показатели макроконкурентоспособности противоречат индексам «национальной силы» государства. «Национальная сила» и способность к выживанию оцениваются по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны.

Определение национальной конкурентоспособности на основе этих индексов и критериев обнаружило, что *макроконкурентоспособность*, т. е. *способность национального хозяйства к выживанию*, в СССР была самой высокой: она составляла 119%, что было выше, чем у США (100%), и более чем в два раза выше аналогичных показателей других развитых стран. Высокая макроконкурентоспособность советской экономики держалась на силе государства, а на среднем — корпоративном — уровне значительно уступала западной экономике просто в силу того, что не имела крупных независимых (негосударственных) корпораций. Когда же в ходе либеральных реформ были открыты границы для иностранного капитала, большинство национальных предприятий в России и целом ряде республик СНГ в значительной части оказались в его руках.

Отвечая на вопрос, что обеспечивало высокую способность к выживанию СССР, можно получить хотя бы частичный ответ и на другой интересующий нас вопрос, а именно: какие принципы необходимо положить в основу народнохозяйственной модели современной России?

Известно, что модель народного хозяйства СССР была основана на принципах *целостности, интегративности, самодостаточности, хозяйственной автаркии и жесткой иерархии*. В совокупности все это формировало так называемый командно-административный тип экономики, который характерен не только для социалистической экономики. Страны ЮВА, например, имеют точно такой же тип экономики, основанный на жестком государственном управлении. Но именно тип закрытой экономики способен обеспечить живучесть

национальной экономики, ее конкурентоспособность и соответственно безопасность территории и ее экономического пространства. Принципиальное значение здесь имеют все пять названных принципов.

О факторах создания самодостаточной национальной экономики (опыт России)

Независимая внешняя политика России всегда будет встречать попытки давления со стороны претендентов на гегемонию, поэтому экономический суверенитет России должен быть защищен должным образом. Интересы продовольственной безопасности, обеспеченности страны собственными силовыми установками, грузовым транспортом и авиацией требуют, чтобы доля собственной продукции в этих областях была не менее 50—60%.

Так, например, свыше 70% всей территории России связаны между собой только авиацией. Очевидно, что самодостаточность в авиастроении непосредственно связана с национальной безопасностью, с возможностью контролировать и удерживать свою территорию. Для этого необходимо развивать отечественное станкостроение, включая и производство современных станков с числовыми программными устройствами, что в свою очередь предполагает увеличение расходов на образование и науку с одновременным повышением их эффективности и прозрачности, сокращение и повсеместный уход от непродуктивных и непрофильных расходов в этих сферах. Необходим прагматичный изоляционизм, призванный обеспечить самодостаточность национальной экономики и безопасность национального хозяйства и общества в целом. Однако в 2009 г. Россия производила самостоятельно только 14 позиций из 84-х важнейших видов (номенклатуры) промышленной продукции [2, 656].

Принцип самодостаточности: метаэкономический подход. Консерватизм в хозяйственном развитии равнозначен, можно сказать, традиционализму, направлен на удержание, т. е. сохранение всех сложившихся укладов и форм хозяйствования, исторически присущих данной стране и данной цивилизации. Метаэкономический подход, сложившийся в мировой экономической науке, отражает именно этот тип консерватизма.

Разработка модели движения народнохозяйственного механизма, направленного на обеспечение воспроизводства общества, не должна ограничиваться одними макроэкономическими проблемами. В основе этой модели — понимание того, что та часть социальной среды, которая образует среду обитания людей, является одновременно и сферой микрохозяйствования. И это понятно: реальная жизнь людей

протекает на местном уровне, т. е. в локальной социокультурной и хозяйственной среде. Научно-практический вопрос заключается в том, каким образом интегрировать эту микросферу в народнохозяйственный воспроизводственный комплекс.

И здесь может быть полезен именно метаэкономический подход, который требует учета последствий от хозяйственной деятельности для природной и социокультурной среды. Этот подход рассматривает локальную среду обитания человека, его жизненную среду в качестве главной сферы, которую необходимо защитить от разрушения. «Экономический рост бывает слишком часто антисоциальным... В метаэкономии должны быть отражены наиболее влиятельные факторы энтропии или деградации, сумма которых составляет отрицательное производство» [16, 259—260].

Принципы самодостаточности: акцент на местной экономике. Устойчивое движение восточного общества обеспечивается неразрывностью всей иерархической системы работающих принципов. Невозможно не навредить обществу, «вынимая» из его организма отдельные принципы жизнедеятельности. Устойчивое хозяйственное развитие достигается только в том случае, если народнохозяйственный механизм опирается на предпринимательскую инициативу граждан, нацеленную не на прибыли, а на хозяйственное обустройство среды обитания, на развитие местной экономики. В теории известно, что национальная безопасность основывается на стабильности общества, а стабильность общества, а значит, и его устойчивость напрямую связана с уровнем развития местной хозяйственной и социальной инфраструктуры.

Метаэкономический подход предлагает делать упор на местную экономику, т. е. на развитие тех видов хозяйственной деятельности, которые укрепляют социальную инфраструктуру, создают новые рабочие места, нацеливая производителей на удовлетворение местных потребностей. Экономист и философ Лев Тихомиров в начале XX в. настаивал на необходимости соблюдения принципов самодостаточности в развитии народного хозяйства. В частности, он утверждал, что не только нации, но и более мелкие общности людей — области, волости, общины — должны сами удовлетворять свои потребности, производя все основное на месте. Л. Тихомиров отмечал две существенные особенности России, которые неблагоприятны для внешней торговли: удаленность от морских путей и суровый климат (см.: [17, 649—678]). Они делают большую часть российской продукции неконкурентоспособной. Себестоимость нефти из Сибири, например, в несколько раз выше, чем из Кувейта. Морской транспорт многократно дешевле железнодорожного и т. д. Вот почему новая экономическая

парадигма обязана будет делать упор на «малую родину», на всемерное укрепление местной общности и на самое широкое местное самоуправление. Только оно способно поддерживать прямую, т. е. подлинную демократию.

Сейчас во многих странах Запада и Востока идет интенсивный поиск путей возрождения местной экономики (local economics). Этот опыт тщательно изучается российскими учеными-международниками. И основной вектор этих поисков — богатый жизненный опыт крестьянских стран. Мы в этом отношении находимся в лучшем положении по сравнению со странами Запада, так как основы крестьянской жизни сохранялись в СССР, сохраняются они и в современной России.

Россия сможет выжить и сохранить себя в качестве самостоятельного геополитического субъекта мирового хозяйства и мировой политики только в том случае, если власти откажутся от либеральной модели открытой экономики и начнут проводить политику разумного и взвешенного протекционизма, создавая модель национального хозяйства, основанную на принципах интегративности.

Литература

1. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М., 2003.
2. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учеб. для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров: В 2 ч. М., 2011.
3. *Николаев А.Б.* Финансовый капитал и инвестиционный процесс // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.
4. *Кобяков А.Б., Хазин М.Л.* Закат империи доллара и конец «Рах Америгана». М., 2003.
5. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д.С. Львова. М., 1999.
6. Круглый стол в редакции «Завтра»: Ралли евро-доллар // Завтра. 2004. № 31.
7. *Ларуш Л.* Физическая экономика как эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. М., 1997.
8. *Кондрашова Н.В.* Экономическая эффективность нравственности в эпоху Постмодерна // Философия хозяйства. 2004. № 2.
9. Постиндустриальный мир и Россия / Под ред. В.Г. Хороса и др. М., 2001.

10. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы / Под ред. Ю.Д. Маслюкова. М., 2001.
11. *Олейников А.А.* Политическая экономия национального хозяйства. М., 2010.
12. *Жуковский В.* Вылетаем в «трубу»...: Откровения министра экономического развития // *Завтра*. 2012. № 44.
13. *Решульский С.* Дума — щит и меч Путина // *Советская Россия*. 2012. 25 дек.
14. *Гельвановский М.И.* Философия хозяйства и конкурентоспособность // *Экономическая теория на пороге XXI века* — 6: В 2 кн. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. М., 2002.
15. *Грейсон Дж.К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991.
16. *Ключников Б.Ф.* ВТО — дорога в рабство. М., 2005.
17. *Тихомиров Л.А.* Национальная экономика // *Платонов О.А.* Экономика русской цивилизации. Институт русской цивилизации. М., 2008.

С.П. РАМАЗАНОВ

Потуги современной российской модернизации — выбор путей и целей: «как-то так»

Поиск «вырыва к развитию» в постреформистской России, несомненно, обусловлен осмыслением целей и путей проводимых реформ в конце XX — начале XXI в. При этом нет необходимости анализировать заявления и высказывания реформаторов и руководителей разного ранга об эффективности приватизации и иностранных инвестиций, новой модернизации России и всяческих инновациях, переходе на качественно новый уровень армии, полиции, системы образования и условий жизни людей.

Если за последние двадцать лет не произошло повышения производительности труда, то, может, и не было такой цели? Если наше небо перестали бороздить отечественные пассажирские лайнеры, если по нашим рекам перестали ходить российские суда на подводных крыльях, если в результате приватизации закрываются машиностроительные, высокотехнологичные, фармацевтические предприятия и продолжается износ основных производственных фондов, достигший в последний год более трех четвертей, может быть, целью политики

реформ последних двадцати лет и было разрушение отечественной промышленности? Если на программу развития и внедрения нанотехнологических исследований выделены сотни миллиардов рублей и руководить этой программой поставлен А. Чубайс, может, цель таких мероприятий связана с перераспределением бюджетных средств в карманы определенной клановой группы? Пока же говорится о благостных перспективах, но такие же перспективы нам рисовали как результат реформирования энергетической системы России, после которой мы наблюдаем только рост тарифов на электроэнергию. А концепция «Сколково» воплотилась в проведение 25 октября 2012 г. конференции с весьма характерным названием: «Вечный двигатель: от научной фантастики к инновации века».

Предпринимались потуги и военной реформы. В результате солдаты были освобождены от уборки помещений, приготовления пищи и им была предоставлена возможность пользоваться мобильными телефонами. Может быть, в использовании телефона, доступе к телевизору и Интернету и есть смысл существования армии? Военная реформа сопровождалась еще и избавлением от непрофильных активов, к которым были отнесены эффективные военные учебные заведения, закупкой позолоченной мебели и многочисленными ремонтами. Вспоминается случай, как в один из переместившихся в новое здание научно-исследовательский институт был назначен новый заместитель директора по административно-хозяйственной части. Он ходил целый месяц и внутри, и вокруг здания в поисках объекта для приложения рук. И, не найдя ничего, разбил ломом добротное крыльцо и начал возводить новое. И министр обороны России 8 августа 2008 г. во время военного конфликта в Южной Осетии начал ремонт в здании штаба армии, который должен был осуществлять оперативное руководство армейскими подразделениями. Итогом такой военной реформы стало возбуждение уголовного дела о многомиллиардных хищениях в структурах Министерства обороны. Может быть, целью такой реформы и был подрыв эффективности вооруженных сил страны и расхищение государственной собственности?

А в реформе образования вряд ли можно найти какие-либо иные цели, кроме экономии средств (видимо, ради их перераспределения на различные «ремонты») и оглупления массы молодежи. При переименовании квалификации со специалиста на бакалавра и сокращении сроков обучения с пяти до четырех лет, по сути дела, и Государственные образовательные стандарты, и практика их воплощения свидетельствуют о том, что в четырехлетний срок обучения в сокращенном виде «впихивается» содержание прежних пяти лет. А дальше речь пошла о сокращении вузов. Введение же при приеме сту-

дентов в вузы так называемого ЕГЭ привело к падению интеллектуального уровня поступающих. Так, в одном из коммерческих юридических вузов, куда студенты поступили уже по результатам ЕГЭ, был проведен опрос. Хотя результаты ЕГЭ по истории были минимальны, но первокурсники демонстрировали весьма приличные знания дат и имен. Но на семинарском занятии ими была проявлена полная неспособность к самостоятельному анализу и простому связному изложению.

При этом вузовская реформа сопровождалась стремлением к резкому увеличению разрыва в оплате труда между профессорско-преподавательским составом и руководством вузов. Если в советское время ректор получал примерно на 50% больше профессора (без учета премиальных), то теперь разрыв достигает 12—15 раз, а по слухам — и 150 раз.

Впрочем, увеличение разрыва в оплате труда являет собой общую тенденцию российской политики. По разным данным, разрыв между верхним и нижним децилами достигает сейчас от 15 до 30 раз. Пяти процентам населения принадлежат 95% богатства страны, а 95-ти — соответственно 5%. Какова цель политики резкого социального расслоения населения России? Если вызвать социальный протест и социальный взрыв, то тогда эти цели могут реализоваться.

Хотя, возможно, потуги модернизации связаны с выбором неадекватных путей реализации ее целей? Может, неверно упование на приток иностранных инвестиций и вкладывание собственных средств в зарубежную экономику? Может, нет необходимости для армии в закупках импортной мебели и даже вредно закупать военную технику у потенциального противника? Может, технологический подход к гуманитарной сфере неприемлем?

Выход из тупика, связанный с потугами модернизации, возможен на пути прихода к руководству страны лидеров, у которых профессионализм будет сочетаться с желанием не власти или обогащения, а стремлением оставить о себе позитивную память в государственной истории России. А народ сможет выбрать именно таких лидеров, для чего необходимо его просвещение силами светской и религиозной интеллектуальной общественности, ориентированной на государственные и нравственные ценности.

А.К. ШУРКАЛИН

**Необходимость усиления позиций России
в системе стран БРИКС**

Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика) — новое образование на геополитической и геоэкономической карте мира. Появление этого образования отражает серьезные перемены среди лидеров мирового хозяйства. Монополярная система управления мировым хозяйством постепенно заменяется полиполярной. В последние 10-15 лет значительно усилили позиции в мировой экономике Китай, Индия, Бразилия. К ним присоединяется и Россия. В течение 2001-2012 гг. темпы экономического развития стран, входящих в систему БРИКС, были заметно выше темпов экономического развития США, Японии и ЕС. Среднегодовые темпы прироста ВВП Китая составили 10%, Индии — 7,2, России — 4,5%. Доля стран БРИКС в мировом ВВП выросла с 11% в 1990 г. до 26% в 2012 г. В то же время позиции США, стран Западной Европы серьезно ослабли. Например, доля США в мировом ВВП сократилась с 23% в 2000 г. до 19,5% в 2011 г. На страны ЕС приходилось в 2000 г. 27% мирового ВВП, в 2011 г. — 20%.

В условиях сохраняющейся кризисной ситуации в мировом хозяйстве страны БРИКС отличаются от западных стран более устойчивым экономическим развитием. Это дало основание этим странам выступить с предложениями по пересмотру принципов организации мирохозяйственных связей. Поскольку страны БРИКС обладают более 30% мировых ресурсов полезных ископаемых, у них появляются основания для лидерства на мировых рынках материальных ресурсов, которые по сию пору контролируются компаниями развитых стран. Страны БРИКС заявили о необходимости коренного реформирования системы международных валютно-финансовых отношений. Они выдвинули идеи о необходимости участия в международных расчетах других национальных денежных единиц, кроме доллара США и евро. На эти роли, по мнению руководителей стран БРИКС, могут претендовать китайский юань, бразильский реал, российский рубль. По вопросу о сущности реформ международной валютно-финансовой системы у стран БРИКС сложилось единое мнение. Оно нашло свое воплощение в решениях саммита БРИКС в марте 2012 г. в г. Нью-Дели. На этом саммите были приняты решения о формировании системы взаимного кредитования в национальных валютах, о расширении использования юаня и рубля во взаимной торговле Китая и России, о

формировании системы взаимного кредитования в национальных валютах и о создании Общего банка развития стран БРИКС.

Руководители Китая и России неоднократно заявляли о широком использовании национальных валют своих стран в международных расчетах. По большей части подобные заявления носили пропагандистский характер. Пока фактическое использование рубля и юаня в международных расчетах касается лишь двусторонней торговли. Причем основные товарные группы, а к ним относят нефть, газ и нефтепродукты, используют доллары США, в которых выражены цены на эти товары. Заметим, что мировые цены на многие другие товары также выражены в долларах США. Такое положение будет сохраняться долго, и его изменить будет нелегко. Важным основанием для этого может быть рост доли стран БРИКС в мировой торговле, существенное расширение взаимной торговли. Наиболее сильные позиции в мировой торговле имеет Китай. В ближайшие годы Китай будет абсолютным лидером в международной торговле, и с позицией и с интересами Китая будут считаться все основные участники.

Роль стран БРИКС в мировом хозяйстве существенно приращается стремлением стран-участников оказать воздействие на последствия мирового экономического кризиса. В декларации по итогам саммита стран БРИКС в апреле 2011 г. в г. Санья (Китай) было четко выражено стремление участников саммита всесторонне развивать экономическое сотрудничество со всеми государствами мира, содействуя преодолению тяжелых последствий мирового экономического кризиса. Оценивая эффективность антикризисных программ отдельных стран, заметим, что наиболее эффективными они оказались как раз в Китае, Индии и Бразилии; малоэффективными — программы в большинстве стран ЕС. Основа успеха антикризисных программ стран БРИКС в том, что основной вектор экономического развития определялся отраслями материального производства и высокой нормой накопления в национальной экономике. Западная экономика подрастеряла свой производственный потенциал. В большой мере она ориентирована на развитие сфер распределение и услуг, на увеличении доли потребления в национальном доходе.

В этой связи перед странами БРИКС вырисовывается заманчивая перспектива расширения господствующих позиций в мировом хозяйстве. Таких возможностей, как минимум, две. Первая — расширение экспансии на мировых товарных рынках и рынках экономических ресурсов транснациональных компаний стран БРИКС. За последние 10 лет ТНК этих стран существенно укрепили свои позиции в экспорте капитала. Удельный вес ТНК этих стран в экспорте прямых зарубежных инвестиций вырос с 1% в 2000 г. до 12% в 2011 г. Корпо-

рации стран БРИКС за этот период заключили свыше 2500 сделок по приобретению активов компаний разных стран. Безусловно лидирующие позиции здесь занимают компании Китая. Затяжной характер нынешней рецессии в мировом хозяйстве позволяет ТНК стран БРИКС значительно расширить свою экспансию в США, в Западную Европу и Японию. Объем сделок по слияниям и поглощениям на территории США в течение 2011—2012 гг. с участием китайских компаний вырос почти на 60% по сравнению с периодом 2008—2009 гг.

Объем экспорта китайского капитала превосходит объемы экспорта капитала американских и западноевропейских компаний. Наступление китайского капитала стало настолько ощутимым и неотвратимым, что Федеральная резервная система США смирилась с тем, что крупные китайские банки стали поглощать активы американских банков.

Вторая возможность — в условиях продолжающейся рецессии особо остро стоит проблема управления и погашения внутреннего долга. В частности, в странах ЕС средний объем внутреннего долга составляет примерно 90—100% от объема годового ВВП. Странам Западной Европы будет крайне тяжело справиться с тяжелым долговым кризисом. Страны БРИКС выражали готовность помочь европейским странам преодолеть долговой кризис. Например, Китай неоднократно выражал готовность протянуть руку помощи Греции, Испании, Италии, купив значительную часть их долговых обязательств. Государственные облигации и выпущенные в последние годы еврооблигации ряда европейских стран являются в настоящее время малопривлекательными финансовыми активами для инвесторов европейского рынка. Поэтому помощь инвесторов стран БРИКС, в первую очередь китайских, будет для европейской экономики как раз кстати. Готовность приобретать европейские долговые обязательства высказывали Бразилия и Россия.

Отметим, что Китай и Бразилия имеют некоторый опыт координации действий по приобретению европейских облигаций. Если страны БРИКС смогут выработать общую линию поведения по отношению к приобретению долговых обязательств европейских стран, то это еще более усилит их претензии на лидерские позиции в мировом хозяйстве. За этим должен последовать процесс приобретения крупных корпоративных и государственных активов — мощный прорыв ТНК стран БРИКС на рынки Западной Европы.

Обратим внимание на соотношение сил участников образования БРИКС. Пока институциональное значение этой организации невелико. Между отдельными ее членами нет прочного единства интересов и действий. В перспективе безусловно это мощная сила, с кото-

рой будут считаться все страны и которая потеснит с лидерских позиций США и Западную Европу.

Главная роль в этой системе принадлежит, без сомнения, Китаю. Китай — экономически самое мощное государство в системе БРИКС. Он занимает 2-е место в мире по объему ВВП, по объему экспорта товаров. Таким образом, чрезвычайно высоки амбиции Китая на мировой арене. Он сегодня стремится оказывать свое влияние на все регионы мира. Уже достаточно давно Китай является безоговорочным лидером в Юго-Восточной Азии. По мере роста экономического могущества КНР его интересы простираются все дальше от ее границ. Китай перехватил лидерство у Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии. Теперь он стремится к лидерству в системе стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Все более активны и наступательны действия Китая на постсоветском пространстве. Особенно активно Китай действует в Средней Азии, стремясь глубоко проникнуть в Казахстан, Узбекистан, Туркмению. Важным средством усиления позиций Китая в этом регионе является Шанхайская организация сотрудничества, куда входят Россия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Китай.

Представляется весьма важным и принципиальным дать оценку положения и перспектив Российской Федерации в системе стран БРИКС. Позиция России в системе стран БРИКС полностью отражает то реальное положение, которое наша страна объективно занимает в мировом хозяйстве. По объему ВВП Россия находится на 11-м месте в мире, по объему экспорта товаров — на 12-м, по объему экспорта услуг — на 23-м, по уровню конкурентоспособности — на 66-м месте. Россия значительно уступает Китаю по уровню и качеству экономического развития. Индия превосходит Россию по объему ВВП, Бразилия имеет примерно одинаковые с Россией характеристики экономического развития.

Для того чтобы России занять подобающее место в системе БРИКС, необходимо качественное усиление экономического потенциала. Темпы экономического роста российской экономики в целом представляются приемлемыми (4—5% прироста ВВП в год). Однако структура и качественные характеристики тревожат. За годы реформ Россия не только не снизила топливно-сырьевую направленность экономики, но и существенно ее увеличила. Если в 2000 г. доля топливно-сырьевых отраслей составляла 35—37% ВВП, то в 2012 г. — почти 65%. Такой структурный дисбаланс обуславливает зависимость российской экономики от конъюнктуры мировых цен и ослабляет ее конкурентоспособность.

Качественное усиление экономики России зависит от того, насколько быстро произойдет выход на параметры инновационного развития, основанного на всестороннем использовании достижений научно-технического прогресса. Важными предпосылками такого выхода являются развитие индустриальной базы, прежде всего машиностроительных отраслей, формирование и последовательная реализация промышленной политики. Необходимо преодолеть зависимость экономики России от импорта технологий, создать собственную технологическую базу развития. Все это должно способствовать отходу от сложившейся модели участия страны в мирохозяйственных связях, основанной на экспорте топлива и сырья. Без прорыва на рынки высокотехнологичных товаров Россия обречена на уменьшение ее роли в мировой экономике.

В ходе осуществления рыночных реформ в нашей стране был сделан упор на активное включение в мировое хозяйство. Главная линия такого включения — сотрудничество с США и странами Западной Европы. Практика показала, что такой вектор включения оказался не самым эффективным. Россия в отношениях с Западом выступает преимущественно экспортером топлива и сырья. Менее качественна российская продукция обрабатывающих отраслей не находит сбыта на рынках западных стран, даже в условиях членства России в ВТО.

Огромным резервом усиления экономического потенциала страны и роста ее конкурентоспособности является экономическое сотрудничество со странами постсоветского пространства. Эту линию в развитии внешнеэкономических связей России необходимо сделать приоритетной. Развивая сотрудничество со странами СНГ, Россия получит надежных внешнеторговых партнеров, широкий рынок для сбыта своей продукции, в том числе и обрабатывающих отраслей промышленности. При этом надо иметь в виду, что вся технологическая база материального производства постсоветских государств заточена под советские технологии. Интересы стран СНГ связаны с получением энергоносителей и сырья из России. Здесь только необходимо согласовать вопросы цен и условий поставок. Углубление экономического сотрудничества стран СНГ будет направлено на интеграцию постсоветских экономик и формирование единого экономического пространства. Единое экономическое пространство послужит хорошим основанием для создания интегрированной транзитной зоны на пути товаропотоков из Европы в Азию. Тем самым Россия и другие страны СНГ смогут извлекать немалые доходы от транзита — на уровне 1,5—2,0 млрд долл в год. Формирование развитой транспорт-

ной инфраструктуры расширит возможности для России прямого выхода на рынки как Западной Европы, так и Азии.

Наиболее интенсивно интеграция налаживается между государствами, входящими в организацию ЕврАзЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). Пока это меньшая часть СНГ. Поэтому должны быть приложены все усилия для того, чтобы реальная экономическая интеграция охватывала большинство стран постсоветского пространства. Крайне важно, чтобы к ЕврАзЭС подключилась Украина, которая в системе СНГ по экономическому потенциалу находится на 3-м месте. По оценкам академика РАН С.Ю. Глазьева, включение Украины в единое экономическое пространство увеличит экономический эффект от интеграционного сотрудничества не менее чем на 50%. Такой эффект будет обеспечен серьезным расширением кооперационных связей украинских и российских предприятий в области металлообработки и машиностроения. Доля российских поставок в действующем на Украине парке составляет около 50%. Благодаря кооперации она возрастет до 80%. Россия получит возможность расширить экспорт машиностроительной продукции на 8—10 млрд р. в год.

Интеграция России со странами постсоветского пространства — важное условие успешного экономического развития и укрепления авторитета страны в мире. Это тот фактор, который поможет укрепить позиции России в системе стран БРИКС. Успехи региональной интеграции на евразийском пространстве позволят вывести российский рубль в качестве валюты в международных расчетах.

Д.Г. ГОНЧАРОВ, В.Л. СИДНИНА

**Возможности реформирования
медико-экономической экспертизы**

Мотивация работников медико-экономической экспертизы при существующей ее организации предусматривает стимулирование в зависимости от объема финансирования выявленных приписок. Средства в размере 30% от выявленного излишнего объема остаются в распоряжении *страховой медицинской организации (СМО)*, и из этих денег можно стимулировать работников, проводящих медико-экономическую экспертизу. Но большую часть приписок просто нельзя выявить. Совершенствование выявления предполагает рост квалификации работников, ею занятых, совершенствование методик, рост

трудоемкости, увеличения времени экспертизы, при этом отвлекается и персонал лечебных учреждений. По существу, происходит пустая гонка, расхищающая силы, средства врачей и работников лечебных учреждений. Совершенствуются технологии приписок, врачи занимают свое время не лечением, а имитацией, писаниной, а работники СМО занимают свое время «ловлей» приписок. При этом все претендуют на один и тот же объем государственного финансирования, и интересы больных и здоровых остаются в стороне от этой гонки. Мало того, людям может быть нанесен вред излишним лечением, они теряют время, средства фонда страхования затрачиваются впустую. Надо прекратить эту излишнюю гонку. Данной проблеме посвящена эта работа.

Специалисты СМО по контролю объемов выполненных и представленных к оплате медицинских услуг занимаются медико-экономической экспертизой. Медико-экономическая экспертиза в соответствии с ч. 4 ст. 40 Федерального закона № 326 ФЗ заключается в установлении соответствия фактических сроков оказания медицинской помощи, объема предъявленных к оплате медицинских услуг записям в первичной медицинской документации и учетно-отчетной документации медицинской организации. Задачи этой экспертизы состоят не в оценке качества лечения, а в определении достоверности выставленных счетов. Государство выделяет средства и контролирует действительность оказания услуги.

Увеличилась ответственность врачей-экспертов и возросли требования к ним — появились штрафы СМО за плохую экспертизу. Это требует увеличения штата врачей-экспертов. Все эти изменения в содержании и организации труда требуют адекватных изменений в системе мотивации.

В изменении особо нуждается медико-экономическая экспертиза. В настоящее время в ней обнаруживаются следующие проблемы.

1. Выставление счетов для оплаты происходит без участия, а значит, и контроля, самого больного (налогоплательщика), которому эти услуги оказывались.

2. В системе ОМС у пациентов нет заинтересованности в экономии средств на лечение, они не знают цен, по которым их лечат за счет средств государства.

3. Оплата услуг врача производится повременно, а не в зависимости от количества принятых больных. Но существует план по выработке, который имеет тенденцию к росту из-за того, что медицинская организация получает деньги за количество оказанных услуг. Чем больше услуг будет оказано, тем больше средств должно быть и получено.

4. Медико-экономическая экспертиза не проводится в 100% случаях. Это объясняется тем, что, во-первых, есть регламентирующий документ [1], согласно которому объем проверок при плановой медико-экономической экспертизе от числа принятых к оплате счетов по случаям оказания медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию определяется договором по оказанию и оплате медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию и составляет не менее: 8% — стационарной медицинской помощи; 8% — медицинской помощи, оказанной в дневном стационаре; 0,8% — амбулаторно-поликлинической медицинской помощи. В случае, если в течение месяца количество дефектов медицинской помощи и/или нарушений при оказании медицинской помощи превышает 30% от числа случаев оказания медицинской помощи, по которым была проведена медико-экономическая экспертиза, в следующем месяце объем проверок от числа принятых к оплате счетов по случаям оказания медицинской помощи должен быть увеличен не менее, чем в 2 раза по сравнению с предыдущим месяцем. Во-вторых, проверки требуют затрат. Медико-экономическую экспертизу осуществляет специалист-эксперт, являющийся врачом, имеющим стаж работы по врачебной специальности не менее пяти лет и прошедшим соответствующую подготовку по вопросам экспертной деятельности в сфере обязательного медицинского страхования. Данный специалист должен выехать на место в лечебное учреждение и провести работу по сверке. В момент проведения этой экспертизы отвлекаются специалисты медицинской организации, которые представляют медицинские документы.

5. В случае ошибочного (или преднамеренного) включения лечебным учреждением в счет на оплату не оказанных услуг плательщики средств ОМС (страховые компании и фонд) не страдают, так как деньги не их, а налогоплательщиков (которые не допущены к контролю своих средств).

Таким образом, создаются условия для стимулирования необоснованного завышения объемов оказанной медицинской помощи (приписок): чем больше указано объемов, тем больше получит лечебное учреждение. Специалист-эксперт должен определять и доказывать приписки. Например, при проверке счета на оплату — выявлять случаи наличия *в счете противоречивых диагнозов* (беременность и аборт у одной и той же пациентки), учитывать половой и возрастной признаки диагноза (старческие изменения у детей, воспаление пупочного отростка не у новорожденного) и т. п.

Анализ экспертиз показывает, что приписки можно разделить на две группы. Первая — явные, когда выставленные в счете на оплату услуги не были оказаны. Выявить их можно путем опроса проле-

ченных. Вторая — латентные, скрытые. Эти приписки нельзя выявить опросом больных, они имеют диагностический медицинский характер. Например: пациент жалуется на травму головы, и ему вместо реального диагноза ставят «выгодный», более денежный. Вместо диагноза «царапина кожи лба» ставят серьезный, требующей месячной госпитализации диагноз: «Сотрясение головного мозга». Пациента кладут на больничную койку, делают ему манипуляции, лечат. Естественно лечение проходит успешно, пациент выписывается домой, больница получает положенные средства, выполняет план, подает соответствующую статистику и аргументированно открывает дополнительные койки для подобных пациентов, так как эти койки всегда можно будет заполнить, получить средства, подать статистику и аргументированно снова открыть дополнительные койки. Таким образом, средств на медицинскую помощь всегда будет не хватать. Приведенный пример является лишь одним из огромного перечня уже замеченных способов приписок. Можно лишь догадываться о существовании других, скрытых, приписок из разных отраслей медицины. Поэтому, требования к специалистам-экспертам, осуществляющим данный вид проверки, в настоящее время высоки, а у последних соответствующие требования к денежной компенсации за их труд. И больницам, и экспертам денежные средства поступают из одного кармана — кармана налогоплательщика.

Совершенствование деятельности системы обязательного медицинского страхования в этой области возможно двумя путями.

Первый: расширение штата в страховых медицинских организациях за счет дополнительного набора специалистов-экспертов, введение новой должности социолога для проведения соответствующего тестирования пролеченных застрахованных, введение новой должности эксперта-следователя, который должен будет работать в тесном контакте с правоохранительными органами для привлечения к ответственности злоумышленников.

Второй: введение в представляемые медицинскими организациями счета поправочного коэффициента, который должен по ряду критериев выравнять сумму, выставленную в счетах, по отношению к запланированной в бюджете лечебного учреждения сумме²¹. Отпадет необходимость раздувать счета приписками, так как денежные средства все равно будут поступать в определенном объеме. Отпадет необходимость в проведении медико-экономической экспертизы, так как даже ошибочно выставленные в счетах неоказанные услуги будут погашены этим поправочным коэффициентом. В *страховых медицин-*

²¹ Сама методика приведения через коэффициенты является предметом другой работы.

ских компаниях произойдут организационные изменения, и специалисты-эксперты, вместо ненужной медико-экономической экспертизы, будут участвовать в экспертизе качества оказанной медицинской помощи, развивать и совершенствовать одноименный институт.

Литература

1. Приказ ФФОМС от 01.12.2010 N 230 (ред. от 16.08.2011) «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию». [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения 12. 07. 2012).

Н.Г. ДИДЕНКО, А.С. ПОВАЖНЫЙ

Государственная инновационная политика и подготовка государственных служащих к внедрению инноваций

Анализ инновационной политики на Украине показывает, что темпы развития и структура научно-технической и инновационной сферы в государстве не отвечают спросу на передовые технологии со стороны экономики. В частности, предпринимательский сектор не проявляет должного интереса к финансированию научных разработок и развитию отечественной научно-технической базы. Это, в свою очередь, приводит к потере высококвалифицированных научных кадров, к пассивности университетской науки, не получающей на развитие ни бюджетных, ни внебюджетных средств. В результате, отечественное производство ориентируется на закупку готовой продукции, что грозит превращению Украины в экспортера товаров и услуг с низким уровнем добавленной стоимости, в том числе в сфере интеллектуального труда [1].

Если учесть, что в условиях расширения международной и межрегиональной кооперации увеличивается число субъектов инновационного процесса, поскольку кроме государства активными и самостоятельными субъектами инновационной деятельности становятся регионы, крупные корпорации, имеющие сильный научный, кадровый, технологический потенциал, возникает необходимость формирования нового инновационного государственного управления и подготовки к нему государственных служащих.

Как подчеркивает Н. Ермошенко, мировой практикой нарабатаны три вида стратегий инновационного развития: *стратегия пере-*

носа или использования зарубежного инновационного потенциала, перенос его достижений на собственную экономику, стратегия заимствования или освоения производства высокотехнологичной продукции, которую уже производили в других странах, в условиях использования собственной дешевой рабочей силы и имеющегося инновационного потенциала; стратегия наращивания, которая предусматривает использование собственного инновационного потенциала и привлечение иностранных ученых и конструкторов. Сегодня на Украине преобладают признаки первого и частично второго типа инновационного развития [2, 47].

Таким образом, речь идет о необходимости радикальных изменений относительно приоритетности инновационной деятельности в практическом смысле. Это предполагает способность и умение органов государственной власти, с одной стороны, направлять происходящие в обществе инновационные процессы в социально-конструктивное русло, с другой — структурно и функционально перестраиваться адекватно реальным и прогнозируемым вызовам инновационно изменяющегося общества. Разработка и реализация концепции инновационного государственного управления выдвигают новые профессиональные требования ко всем категориям государственных деятелей — от руководителей высшего ранга до специалистов. Независимо от занимаемой должности каждый из них должен прежде всего обладать чувством органической включенности в процесс жизнедеятельности страны и понимать необходимость и смысл инновационных преобразований.

Прежде всего, выработка научно-технической политики, в том числе прогнозирование, планирование и стимулирование программ исследований и разработок, обеспечение сохранения окружающей среды, подготовка научных кадров, оснащение организаций, занимающихся фундаментальными и приоритетными научно-прикладными исследованиями, современной уникальной аппаратурой и оборудованием, должны оставаться приоритетами государственной политики. Таким образом создается определенный научный задел, формируются научные школы в приоритетных для государства направлениях и т. д. Примеры реализации такой политики можно найти в практике ведущих европейских стран, в частности, в Германии, где научно-техническая политика занимает центральное место в промышленной политике и направлена на поддержание и развитие технологического уровня государства путем генерирования и внедрения инноваций, сохранения и поддержки лидерства на мировом рынке, повышения внутреннего инновационного уровня.

Государственная поддержка инновационных процессов заключается в создании цивилизованных правил и механизмов взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества всех субъектов инновационной сферы, инициировании и поощрении развития инфраструктуры, поддержки инновационных процессов (финансово-кредитные учреждения, консалтинговые и инжиниринговые фирмы, сертификационные центры, патентные бюро, свободный доступ к информационно-поисковой сети и т. п.). Концептуальное решение этих вопросов обеспечивается путем формирования государственной инновационной политики.

Государственная инновационная политика рассматривается нами как совокупность форм/методов деятельности государства, направленных на создание взаимосвязанных механизмов институционального, ресурсного обеспечения поддержки и развития инновационной деятельности, на формирование мотивационных факторов активизации инновационных процессов.

Главная цель государственной инновационной политики заключается в создании социально-экономических, организационных и правовых условий для эффективного воспроизводства, развития и использования научно-технического потенциала страны, обеспечения внедрения современных экологически чистых, безопасных, энерго- и ресурсосберегающих технологий, производства и реализации новых видов конкурентоспособной продукции.

В соответствии с целями инновационной политики для ее реализации считаем важными следующие задачи.

- определение государственных приоритетов инновационного развития;
- формирование нормативно-правовой базы в сфере инновационной деятельности, создание условий для сохранения, развития и использования отечественного научно-технического и инновационного потенциала;
- обеспечение взаимодействия науки, образования, производства, финансово-кредитной сферы в развитии инновационной деятельности;
- поддержка предпринимательства в научно-производственной сфере, международной научно-технологической кооперации, трансфера технологий, защиты отечественной продукции на внутреннем рынке и ее продвижение на внешний рынок.
- развитие инновационной инфраструктуры;
- информационное обеспечение субъектов инновационной деятельности и подготовка кадров в сфере инновационной деятельности.

Наиболее существенным в контексте этих задач считаем следующие. Прежде всего, это касается внедрения на Украине технологий естественного восстановления ресурсов и реконверсионных технологий. Учитывая природное ресурсное и экономическое положение Украины, как считает Н. Гончарова, реконверсионная технология позволяет на основе переработки отходов получать стратегические ресурсы и снова возвращать их в технологический оборот. Как следствие, реконверсионная технология позволит обеспечить прямое влияние государства, направленное на то, чтобы тот или иной конкретный инновационный бизнес сформировался в четко определенный срок, на конкретной территории путем определения рыночных приоритетов развития. Приоритетами развития отрасли могут быть поддержка экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, создание импортозамещающих производств. При этом роль государства заключается в определении актуальных производств, их территориального размещения, логистики, кредитования [3, 53—54].

Не менее важным является вопрос создания на Украине инновационной инфраструктуры. Государственная политика по созданию инновационной структуры, как считает Т. Шотик, может опираться на такие принципы, как системность, полнота развития, адаптивность, наследственность и постепенность развития, внутренняя конкуренция, доступность для пользователей. Учитывая данные принципы и оперируя экономико-правовыми, организационными и административными рычагами, органы государственного управления способны влиять на масштабы инновационной деятельности и оптимизацию форм инновационной инфраструктуры [4, 30—31].

Инвестиционная составляющая инновационного развития означает, что инвестиции материализуются в инновационные блага (инновационные продукты, инновационные услуги, инновационные технологии и т. д.) и сосредоточены на улучшении структуры инвестиций, интенсивном обновлении основных фондов путем совершенствования амортизационной политики за счет прибыли предприятий, всестороннего развития системы лизинга машин и оборудования, уменьшения нагрузки на экономику со стороны незадействованных производств, вывода из эксплуатации физически изношенных основных фондов, согласования денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики с задачами инвестиционной стратегии, привлечения долгосрочных иностранных инвестиций [5, 63—64].

Н. Ермошенко обращает особое внимание на то, что нарабатанный во многих развитых странах опыт венчурного финансирования, чрезвычайно важный для поддержки инновационного развития, почти не получил на Украине должного развития. Венчурные фонды

зарубежного капитала не заинтересованы в развитии конкурентоспособных украинских технологий и поэтому свои инвестиции направляют на приобретение акций крупных предприятий энергетической, машиностроительной, строительной и перерабатывающей промышленности, а не в сферу высоких технологий [2, 48].

С точки зрения защиты прав собственности при формировании адекватной законодательной базы, стимулирующей инвестирование и финансовую активность отечественного и иностранного капитала, необходимо пользоваться четким и рациональным законодательным порядком, где решения спорных вопросов, связанных с приватизацией, осуществляются исключительно в правовом поле и исключают случаи «рейдерства».

Реформирование инновационной деятельности должно получить также развитие рынка инновационной продукции, которая будет пользоваться внутренним и внешним спросом. Без надлежащей государственной поддержки отечественных брендов инновационной продукции экспортерам сложно конкурировать на мировом рынке высоких технологий.

Важным элементом реформирования инновационной деятельности может быть создание инновационных технологических кластеров на основе кооперации научных, учебных учреждений, промышленных предприятий, бизнес-структур, апробированных в ведущих странах мира.

Одним из условий инновационного развития можно считать консолидацию всех ветвей власти и интеллектуальной элиты. Для этого нужны, прежде всего, поощрение инвестиций и введение налоговых льгот на исследовательские и конструкторские проекты.

Инновационное развитие — это, по нашему мнению, также гуманитарные проекты, включающие формирование позитивной системы ценностей у населения, направленные на уменьшение социальной поляризации, на устранение диспропорций между результативностью труда и заработной платой, повышение нравственности общества в первую очередь его элитарных групп. Чтобы стать страной с высокотехнологичной экономикой, Украина должна воспользоваться своими образовательными ресурсами и увеличить количество населения, обладающего знаниями и навыками, необходимыми для экономики XXI в.

Формирование субъектов инновационной деятельности не может ограничиваться отдельными категориями специалистов: управленцев, ученых, инженеров и т. д. Такие субъекты инновационной деятельности необходимы во всех звеньях инновационной системы и могут создавать инновационную элиту. Соответственно именно в си-

стеме образования необходимо формировать мотивы инновационной деятельности не только на уровне отдельных специальностей, но в целом новое поколение выпускников университетов должно быть готово противостоять сценариям дальнейшей энергетической и сырьевой зависимости страны, быть настроенным на разработку и внедрение отечественных высоких технологий, а не на покупку наукоемкой продукции за рубежом.

Это касается формирования соответствующего сознания, ведь, только понимая перспективы дальнейшего развития, можно определять рациональные пути выбора. Сегодня нужно учитывать, что в инновационной сфере такие тенденции, как глобализация мирового рынка НИОКР, развитие сетевых инновационных структур, конвергенция различных областей знаний, которая приводит к созданию новых парадигм, выходящих за рамки традиционных моделей, всегда имеют определенный гуманитарный аспект.

Этот гуманитарный аспект проявляется в необходимости формирования жизнеспособной инновационной системы, содержащей ассоциации, некоммерческие объединения, партнерство, добавляет инновациям научности, открытости и социальности, поиска оптимальных решений. Принцип самоорганизации дает возможность системе адаптироваться к новым изменениям, обеспечивать диффузию знаний и трансферт технологий. Если кадры, технологии, результаты фундаментальных и прикладных исследований остаются невостребованными, их забирают конкуренты из других стран. Итак, инновационная система способна быть продуктивной при наличии как информационно-технологического пространства, административных, правовых, финансовых ресурсов, так и соответствующего инновационного мышления и желания внедрять инновационные проекты — от генерации идеи до продажи инновационного продукта.

Анализ убедительно свидетельствует, что Украине нужна последовательная государственная политика, направленная на воплощение в реальную практику хозяйствования и общественной жизни принципов устойчивого социально-экономического развития в сочетании с активной инновационной политикой. Только на основе инновационного развития, роста конкурентоспособности отечественной продукции и рационального использования инновационной инфраструктуры можно получить определенные преимущества в мировой экономической конкуренции и защитить национальные интересы.

Модель опережающего инновационного профессионального образования государственных служащих является системой современных идей, ценностных ориентаций и установок, организационно-технологических приоритетов, которые адекватны украинской и ми-

ровой образовательной ситуации, вызовам и угрозам XXI в. Это означает, что государственные служащие и должностные лица органов местного самоуправления обязаны опережать других людей в видении проблем, способов и технологий их решения, прогнозе рисков, опасностей и потерь, т. е. должны принимать ответственность на себя, быть реальными лидерами в системе государственного управления, лидерами изменений.

Для этого управленцам необходимо осознавать мотивы своих собственных действий; видеть и формулировать социальные проблемы; готовить стратегически значимые изменения. Перечисленные умения и навыки должны стать обязательной составляющей профессиональной компетентности государственных служащих инновационного типа.

Фундаментальным принципом инновационной ориентации подготовки государственных служащих и должностных лиц органов местного самоуправления является опережающее значение науки и знания в совершенствовании практики государственного управления.

В модели опережающего обучения знания получают новое содержание: 1) концептуальное знание как конструктивно-организующее знание; 2) умение, обеспечивающее функционирование и развитие социума в экстремальных условиях, в том числе умение работать в команде и самостоятельно; 3) навыки антикризисного управления, которые оперативно актуализируются, в том числе нетрадиционно-технологические, инструментально-операционные.

Таким образом, перспективы развития государственного инновационного управления рассматриваются нами с точки зрения усиления инновационной конкурентоспособности Украины, создания соответствующей инфраструктуры, обновления материально-технической базы научных учреждений и высших учебных заведений, выделения необходимых средств для развития университетской науки, предоставления грантов молодым ученым и преподавателям для проведения исследований. Развитие инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, технопарки, инновационные кластеры, центры трансфера технологий и т. п.) должно стать неотъемлемым элементом современной экономики Украины. Кроме того, необходимо усовершенствование национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, совершенствование государственного регулирования и экономического стимулирования субъектов хозяйствования в сфере трансфера технологий.

Повышение эффективности бюджетного и внебюджетного финансирования научной и инновационной сферы способно в короткие

сроки оптимизировать исследования в сфере фундаментальной науки и прикладных научных и технических разработок.

Одним из важных направлений государственной инновационной политики может стать производство высокотехнологичной продукции, используя механизмы государственно-частного партнерства в научно-технической и инновационной сферах, разработку и внедрение инструментов государственной поддержки инновационной деятельности различных субъектов инновационной деятельности.

Литература

1. Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава. Програма економічних реформ на 2010—2014 рр. // [http.: www.zn.ua](http://www.zn.ua)
2. *Єрмошенко М.М.* Проблеми державного регулювання інноваційного розвитку підприємств і шляхи їх розв'язання // Актуальні проблеми економіки. 2010. № 3 (105).
3. *Гончарова Н.П.* Реконверсійна парадигма ресурсозабезпечення «нової економіки» // Актуальні проблеми економіки. 2010. № 8 (110).
4. *Шотик Т.М.* Принципи побудови інноваційної інфраструктури національного господарства // Актуальні проблеми економіки. 2010. № 10 (112).
5. *Захаров С.В.* Інвестиції в інновації: теорія, парадигма, методологія досліджень // Актуальні проблеми економіки. 2010. № 4 (106).

А.А. ИВАНОВ

Институциональные ограничения реформирования России: истоки и пути преодоления*

Рассматривая возможности и пути реформирования российской действительности, нельзя не обнаружить серьезных институциональных ограничений подобным начинаниям. Не последнее место играет массовый деструктивный опыт, которым обладает население России в настоящее время. Ведь если Россия была развалена, то развал происходил везде и принимал в этом участие волей-неволей каждый ее гражданин. Конечно, большинство делало это вынужденно, активно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-02-00029«а».

при этом критикуя весь процесс перестройки. Но это в исторической ретроспективе и есть негативный опыт, который всего сильнее препятствует консолидации сил российской креативной среды сегодня. Большинство граждан внутренне оправдывало, да и до сих пор оправдывает свою вынужденную бездеятельность в отношении противодействия негативным проявлениям перестройки. Запрятанная в потаенных уголках подсознания такая личностная установка является мощнейшим тормозом всему прогрессивному как в реорганизации страны, так и в реорганизации личной жизни, в выстраивании профессиональной креативной позиции. Поэтому комплекс проблем, охватывающих институциональные сферы жизни россиян, в первую очередь и следует рассматривать с подобных позиций, отыскивая пути их решения при выстраивании планов по реформированию (реиндустриализации) страны.

Если еще совсем недавно властные органы уверяли, что Россия нашла свое место в мировой экономике как сырьевая держава, то теперь Президент В.В. Путин заявил, что резервы сырьевой экономики исчерпаны. Действительно, с разработками и добычей сланцевого газа зависимость Западной Европы и даже Украины от российской газовой трубы сходит на нет. Президент считает, что необходимо менять структуру экономики, возвращать России лидерство в традиционных промышленных отраслях и создавать новые. И одновременно развивать малый и средний бизнес. Причем сделать это в условиях стабилизации, т. е. при неизменном курсе, следование которому и привело к деиндустриализации страны. Возникает вопрос: а не являются ли слова о реиндустриализации просто говорильней, за которой ничего не стоит? А если нет, то тогда второй вопрос: кто же будет проводить новую индустриализацию и модернизацию?

Серьезной проблемой для России остается демографический вопрос — даже в 2011 г. страна потеряла около 160 тыс. человек. А более благоприятные цифры последних лет объясняются тем, что подошла удачная демографическая волна (за которой последует резкий спад рождаемости), но главное — страшно увеличился приток мигрантов. Всего же за последние 20 лет, согласно официальным данным, убыло порядка 13370 тыс. человек. И здесь впору говорить о демографической катастрофе!

О миграционной политике — неоднократно заявлялось, что нельзя допустить появления замкнутых этнических анклавов, живущих вне единого правового и культурного поля страны. Но именно это и происходит, причем даже в Москве. И конфликты на этнической почве происходят с пугающей частотой. А ведь по международным правилам Россию можно считать мононациональным государством.

Но титульная нация — русские — вымирает со скоростью в 1,5—2 раза большей, чем в среднем по стране. Между тем совет по международным отношениям при Президенте РФ подготовил стратегию государственной национальной политики. Роль русского народа теперь вместо «государствообразующей» сведена к всего лишь «объединяющей». А при таких темпах вымирания и «объединяющей» роли не будет.

Если говорить о населении, то следует вычестить еще 1,25 млн человек, выехавших из страны навсегда [1, 384—394]. Около 20% россиян подумывают об отъезде за границу. Количество желающих выехать на ПМЖ за границу только за полгода выросло в 1,5 раза, и теперь уехать из России мечтает уже не каждый пятый, а каждый третий (31%)! Причем среди молодежи от 18 до 24 лет уехать мечтает каждый второй (48%), не видя перспектив нормальной жизни в России. Эта эмиграция, которая началась после перестройки и смены политического строя, является аномальным событием, не имеющим прецедентов в мировой истории. «Гуманитарная» часть интеллигенции при этом никуда не уехала, она просто сменила убеждения — легко — как перчатки. А ведь именно большая часть «гуманитариев» в 1920-х гг. уехала из Советской России. Они активно поддерживали царские порядки и, не желая изменять своим принципам, понимая бесперспективность своей деятельности в новых условиях, уехали из страны. Техническая интеллигенция, крупнейшие ученые — естествоиспытатели Ферсман, Павлов, Тимирязев, Зелинский и др. — остались в России со своим народом.

А вот в наше время инженеры и ученые-естественники в массовом порядке стали покидать новую Россию. Что касается прикладной науки, тут ясно — она не востребована нашей промышленностью, нет заказов на совершенствование технологий, на ту же модернизацию. И, хотя в фундаментальной науке положение несколько лучше, все же доля России по работам в сфере нанотехнологий составляла всего 1%, тогда как в 1986 г. доля советских работ в мировом материаловедении составляет 30%.

Низкое финансирование — главная, но не единственная причина. Поражает полное отсутствие общественной поддержки науки. Деньги стали целью и смыслом существования, нет уважения к знаниям. Страна погружается в атмосферу мракобесия. Все больше всевозможных колдунов, ясновидцев и экстрасенсов не сходят с экранов ТВ и страниц газет, непрерывное нагнетание страхов в связи с «концом света», усиливающиеся нападки церкви на науку и ученых. В центре «Сколково» недавно обсуждали тему «Вечный двигатель: от научной фантастики до инновации века». Все это показатели невежества и

глубокого духовного кризиса. Страна уже более 20 лет находится в идеологическом вакууме. За 20 лет так и не была найдена национальная идея, способная объединить весь народ. После 1991 г. идентичность бывшего советского человека так и не определена. Власть должна сформулировать, наконец, куда же идет Россия! Что же мы строим?

Огюст Ренуар писал: «Скопище людей превращают в нацию две вещи — общее великое прошлое и общие великие планы на будущее...». Общая возвышающая идея и общее дело — вот что нужно для единения людей. В советское время это были и героическое прошлое, и великая цель, и великая идея — идея социального освобождения, и, как итог, — великая страна. Чем же может гордиться наш народ сейчас? У нас даже ни одного действительно всенародного государственного праздника не осталось! Не найдя за 20 лет национальную идею, объединяющую весь народ, власти решили, что это сделает Церковь. Появилось множество новых, с иголки, церквей по всей России с золочеными куполами. Только вот с ростом числа церквей и священнослужителей многократно увеличились преступность, наркомания, число самоубийств и сексуальных преступлений, общая распущенность.

На вопрос Левада-центра «К какому вероисповеданию вы себя относите?» 79% оказались православными и лишь 5% атеистами. Но это сплошное лукавство! Ведь 80% опрошенных считают, что Воскрешение невозможно. Свое видение «Русской идеи» имеет И. Чубайс. Выход из кризиса он видит на пути преемственности с исторической Россией. «Православие, самодержавие, народность» — не эти ли ценности он хочет вернуть? Или он очарован тогдашними высокими темпами экономического роста? Да, промышленность у нас действительно тогда развивалась. Но какая? Почти целиком принадлежавшая иностранному капиталу. Состояние, в которое вошла Россия, было названо «исторической ловушкой». И в 1917 г., как и сегодня, кроме всего прочего, существовала задача восстановления экономического и политического суверенитета России. Этого нельзя было сделать, не затронув интересы иностранного капитала. И только Ленин позволил России из этой исторической ловушки вырваться. Только вот кто решится вырвать Россию из нынешней «исторической ловушки»? А что касается внедрения религии в общественную жизнь России, то это привело еще к одному расколу общества: на людей первого сорта — верующих (или считающих себя таковыми), за оскорбления чувств которых полагается тюрьма, и атеистов — чувства которых можно оскорблять безнаказанно. И все это в светском государстве!

Несмотря на властные потуги и усилия ТВ по очернению советского прошлого, социалистическая идея не только жива, но и находит поддержку у большинства населения страны. Это показывают результаты и голосований, и опросов. Страна последние 20 лет живет не только за счет проедания советского наследия, но и благодаря социалистической идее, морали и культуре, которую еще сохранили поколения, выросшие в СССР. Общество давно раскалывается на две нации не только по горизонтали, но и по вертикали. Исследователи отмечают, что у многих детей, рожденных после распада СССР, отмечается отсутствие интереса к труду — они хотят только получать деньги, причем много, и при этом развлекаться.

Директор Института проблем глобализации Михаил Делягин полагает, что основное противостояние происходит не между богатыми и бедными, а между «стареющими носителями русской культуры и профессиональных навыков, с одной стороны, и молодой ликующей гопотой — с другой». Как утверждают психологи, новое поколение — «жесть», как его называют, не способно не только трудиться, но и сопереживать. То есть «общество испытывает явный дефицит духовных скреп», — об этом говорил Президент В.В. Путин в Послании. У западного общества, которое Россия старательно копирует, нет объединяющей идеи, кроме идеи индивидуализма и потребления. Культ успеха и потребления, вдальблываемый в головы россиянам, воспринимается молодым поколением как единственно верный, поскольку другого они в своей жизни не видели. Причем культ успеха в стране есть, а системы социальных лифтов нет. И если молодой человек — не родственник олигарха, министра или губернатора, то никакая карьера ему «не светит».

Если на Западе психические заболевания все-таки носят единственный характер, то у россиян, на которых вывалили всю чернуху по американскому образцу, количество психически больных увеличивается с каждым годом на 20% и носит уже массовый характер. Психиатрия учит, что каждый второй серийный убийца животных становится серийным либо массовым убийцей людей. Психические расстройства в значительной мере обусловлены социально, они формируются под влиянием стрессов повседневной жизни. А поскольку добровольное обновление власти и смена курса в ближайшее время маловероятны, то они, эти расстройства, будут и далее расти.

В стране налицо предпосылки сепаратизма. Например, финансирование образования в регионах зависит от экономики и различается в 10 раз. И это в федеративной единой стране. Зарплата педагога разнится в пять раз, что абсолютно недопустимо. Так что вероятнее всего самый пессимистичный для общества сценарий — вымирание и

деградация населения. А может, в этом и состоит цель реформ, которые Госдума РФ «штампует» по программам экспертов МВФ, а правительства старательно исполняют. Ведь по известному прогнозу Всемирного банка, «...в текущем столетии русские исчезнут на территории России как титульная нация».

В качестве обобщения попытаемся сформулировать в некотором роде диалектическое противоречие, которое присуще последовательному процессу смены этапа деструктурирования общественных связей на этап их созидания. А если это же сказать в терминах теории информации, то такой процесс называется переходом от уменьшения энтропии как показателя величины связей в обществе к этапу ее увеличения. При этом первый этап происходит в условиях либеральной среды, в условиях политической и предпринимательской свободы, а вот второй — исключительно в условиях авторитаризма. Таким образом, законченный процесс перестройки, когда одна общественно-хозяйственная система демонтируется, а другая — создается, предусматривает смену первоначально либеральной концепции в обществе на авторитарную, вплоть до жесткой тоталитарной. На сегодня в России легко прослеживается именно эта тенденция.

Если допустить, что работает именно озвученная выше закономерность, то, во-первых, вполне логично согласиться с мнениями, что проводимая в СМИ демонстрация активно начавшейся борьбы с коррупцией — отнюдь не тривиальная грызня внутри правящей элиты, а настоящая борьба с экстремизмом, питаемым либеральной доктриной и вскормленным Западом [2, 8]. Авторитарный подход сможет, пусть в жестком режиме, решить и как застарелый пенсионный вопрос [2, 16—17], так и вопрос изыскания финансовых резервов через увеличение накоплений [4, 3—15]. А основания надеяться на успех кроются в наличии в пространстве страны ядра, интегрирующего около 80% граждан России с ценностными ориентирами на жизнь человека, семью, порядок, общительность [5, 42—46]. Наличие конфликта между гуманистично-законопослушным большинством населения и противостоящим ему слою вседозволенно-властного меньшинства обещает, с одной стороны, проведение реформирования России с большими трудностями и порой жертвами, а с другой — гарантию доведения реформирования до логического конца и отсутствия при этом каких-либо компромиссов.

В заключение подчеркнем, что логика, соответствующая причинно-следственным связям, применительно к деятельности, поступкам и пристрастиям представителя авторитарного подхода к управлению страной есть все же большая методологическая ошибка, ибо там, где действуют фундаментальные законы саморазвития общества,

обычная логика не приемлема. На худой конец здесь может быть использовано ассоциативное мышление, которое является основой для эвристических решений. А ведь именно эвристика только и может являться краеугольным камнем реформирования, что равносильно понятию инновационного развития, т. е. появления ранее неизвестных решений.

Литература

1. *Иванов А.А.* Образовательный процесс и либеральная концепция // XXI век: интеллект-революция: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Киев, 2012.
2. *Овчинский В.* Болотная формирует экстремистское подполье // Знание-Власть! 2012. № 20.
3. *Зотин А., Кваша М.* Окончательное решение пенсионного вопроса // Комерсантъ-Деньги. 2012. № 48.
4. *Погосов И.* Потенциал накопления и проблема модернизации // Экономист. 2011. № 3.
5. *Лапин Н.* Состояние социокультурного пространства России // Экономист. 2011. № 11.

Н.В. ИСАЕВ, Д.Н. БАЗАНКОВА

Особенности российской инновационной динамики

В 2011 г. страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика) вместе составили около четверти мировой экономики [1]. СЕВР обещает России выход на четвертое место среди самых крупных экономик мира к 2020 г. [2]. О состоянии динамики инноваций в странах БРИКС сегодня можно судить по индикаторам инновационной деятельности, которые публикует Росстат.

На основании данных, приведенных в табл. 1, можно сделать вывод, что в России численность персонала, занятого инновациями и развитием (ИиР), постоянно снижалась, в то время как в других странах БРИКС эта численность росла. С 2000 по 2008 г. численность персонала, занятого ИиР, в России снизилась на 13,6% и составила в 2008 г. 869,8 тыс. человек, что меньше численности персонала в Китае более чем в 2 раза. В Китае, наоборот, с 2000 по 2008 г. эта численность увеличилась более чем в 2 раза и составила в 2008 г. почти 2 млн человек.

Таблица 1

**Численность персонала, занятого инновациями
и развитием в странах БРИКС, тыс. человек**

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	1007,3	986,9	973,4	951,6	919,7	916,5	912,3	869,8
Китай	922,1	1035,2	1094,8	1152,6	1364,8	1502,5	1736,2	1965,4
ЮАР	—	—	25,2	29,7	28,8	31,0	31,4	—
Бразилия	119,0	124,7	141,9	163,9	196,3	213,0	—	—

Источник: [3, 316].

На основании данных, приведенных в табл. 2, можно сделать вывод, что динамика изменения внутренних затрат на ИиР в России и в других странах БРИКС с 2000 по 2008 г. положительная. В России в этот период расходы на исследования и разработки увеличились более чем в 2 раза, а в Китае — более чем в 4 раза и составили 121426,5 млн дол., что в 4 раза больше, чем в России. В Китае этот показатель превысил уровень развитой экономики Германии и приближается к показателю Японии.

Таблица 2

**Внутренние затраты на инновации и развитие в странах
БРИКС, млн дол.**

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	10726,9	14563,6	16317,2	16487,8	18115,0	20210,3	23501,0	23402,5
Китай	26862,2	39200,8	46654,4	57332,8	71063,4	86747,7	102428,4	121426,5
Юар	—	—	2727,4	3166,4	3654,3	4103,5	4358,5	—
Бразилия	11507,7	12052,7	12155,3	12397,4	15338,7	17336,5	—	—
Сша	268121,0	277066,0	289736,0	300293,0	323047,0	347809,0	373185,0	398194,0
Япония	98896,0	108166,2	112275,4	117453,0	128694,6	138917,7	147939,2	149212,9
Германия	52348,3	56657,0	59409,2	61318,9	64298,8	68515,1	72241,9	76796,9

Источник: [3, 317].

Таблица 3

Внутренние затраты на инновации и развитие в странах БРИКС, в % к ВВП

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	1,05	1,25	1,28	1,15	1,07	1,07	1,12	1,04
Китай	0,90	1,07	1,13	1,23	1,34	1,42	1,44	1,54
Юар	—	—	0,79	0,85	0,90	0,94	0,92	—
Бразилия	0,94	0,91	0,88	0,83	0,97	1,02	—	—
Сша	2,71	2,62	2,61	2,54	2,57	2,61	2,66	2,77
Япония	3,04	3,17	3,20	3,17	3,32	3,41	3,44	3,42
Германия	2,45	2,49	2,52	2,49	2,49	2,53	2,53	2,64

Источник: [3, 318].

На основании данных, приведенных в табл. 3, можно сделать вывод, что внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС колеблются на уровне 1% от ВВП, но в Китае этот показатель увеличился на 0,4% от ВВП и составил в 2008 г. 1,5% от ВВП. В развитых странах этот показатель составляет 2—4 % от ВВП.

Другой проблемой является то, что ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Уровень инновационной активности предприятий значительно уступает показателям стран-лидеров в этой сфере. Расходы на НИОКР в 2008 г. в России оцениваются в 1,04% ВВП против 1,43% ВВП в Китае и 2,3% в странах ОЭСР, 2,77% ВВП в США, 3,44% ВВП в Японии (табл. 4).

Несмотря на выдающиеся успехи отдельных российских ученых, Россия все хуже представлена в мировой науке. Так, в 2008 г. на Россию приходилось всего 2,5% научных статей (публикуемых в научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science), тогда как на Францию — 5,5%, Германию — 7,5%, Китай — 9,7%. По своему удельному весу в общем объеме научных публикаций Россия находилась между Бразилией (2,6%) и Нидерландами (2,5%).

Сохраняется достаточно низкий уровень цитирования работ российских ученых, что говорит о недостаточной их востребованности мировым научным сообществом. За период 2004—2008 гг. в среднем на одну статью, опубликованную российскими авторами, приходилось лишь 2,4 ссылки со стороны ученых всего мира. Для сравне-

ния — для Китая этот показатель равен 2,9, для Японии — 4,6, Франции — 5,5, Германии — 6,1.

Таблица 4

Финансирование науки из средств федерального бюджета

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Расходы федерального бюджета на науку, млн. руб.	17396,4	76909,3	97363,2	132703,4	162115,9	219057,6
в том числе:						
фундаментальные исследования	8219,3	32025,1	42773,4	54769,4	69735,8	83198,1
прикладные научные исследования, %	9177,1	44884,2	54589,8	77934,0	92380,1	135859,5
к расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,27	2,22	2,14	2,27
к ВВП	0,24	0,36	0,36	0,40	0,39	0,56

Источник: [4, 406].

Таблица 5

Распределение внутренних затрат на инновации и развитие в странах БРИКС по секторам науки в 2008 г., %

Страны	Всего	Государственный сектор	Предпринимательский сектор	Сектор высшего образования	Сектор некоммерческих организаций
Россия	100	30,1	62,9	6,7	0,3
Китай	100	18,3	73,3	8,5	—
ЮАР	100	21,7	57,7	19,4	1,2
Бразилия	100	21,3	40,2	38,4	0,1
США	100	10,6	72,6	12,8	3,9
Япония	100	8,3	78,5	11,6	1,6
Германия	100	13,8	69,9	16,2	—

Источник: [3, 319].

На основании данных, приведенных в табл. 5, можно сделать вывод, что в России затраты на ИиР покрываются государственным сектором (30%), в то время как в остальных странах государственный сектор тратит в среднем от 10 до 20% внутренних затрат. Остальная доля затрат приходится на предпринимательский сектор и сектор высшего образования.

На основании данных, приведенных в табл. 6, можно сделать вывод, что результативность ИиР в странах БРИКС (как и в странах с развитой экономикой) постоянно растет, Россия находится на 2-м месте после Китая среди стран БРИКС по количеству выданных патентов.

За последние годы увеличено финансирование науки за счет государства, в том числе через механизм федеральных целевых программ, через государственные фонды финансирования науки. Значительные усилия предприняты в стимулировании исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании. Реализована финансовая поддержка инновационных программ 57 вузов (в 2005—2008 гг. на эти цели было выделено 30 млрд р.), почти трем десяткам университетов на конкурсной основе был присвоен статус национальных исследовательских университетов, получателям которого выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры, развитие исследовательской деятельности (в 2009—2010 гг. на программы развития было выделено 8,42 млрд р.).

Таблица 6

**Выдано патентов в патентных ведомствах страны
в странах БРИКС**

Страны	2000 г.	2008 г.
Россия	17592	28808
Индия	1263	7539
Китай	13058	93706
Бразилия	3219	2451
Сша	157496	157772
Япония	125880	176950
Германия	14707	17308

Источник: [3, 320—321].

Начата работа по формированию национальных исследовательских центров (например, на базе Курчатовского института). Сформирована инфраструктура поддержки инновационной деятельности — особые технико-внедренческие экономические зоны, предусматривающие значительные льготы инновационным компаниям, технопарки, бизнес-инкубаторы при вузах, центры трансфера технологий. Начата на конкурсной основе поддержка создания и развития инновационных кластеров. Положено начало созданию новой российской «территории инноваций» в подмосковном центре «Сколково», где создается беспрецедентный правовой режим, минимизирующий административные барьеры и налоговое бремя для компаний-резидентов. Принят закон, разрешающий бюджетным учреждениям образования и науки создавать малые инновационные предприятия, за первый год его применения уже создано около 600 малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях.

Мировой экономический кризис 2008—2009 гг. серьезно усложнил для России выход на траекторию инновационного развития. Государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно. Не в полной мере удалось решить проблему старения научных кадров, хотя для улучшения ситуации государство предприняло значительные усилия.

Вместе с тем одним из важнейших с точки зрения инновационного развития сохраняющихся у России конкурентных преимуществ является человеческий капитал. По доле населения с высшим и дополнительным профессиональным образованием (22,8% численности населения в возрасте от 25 до 64 лет) Россия находится на уровне таких ведущих зарубежных стран, как Великобритания, Швеция и Япония, а также опережает Германию, Италию и Францию. Особенно важен с точки зрения создания эффективной инновационной системы сохраняющийся высокий уровень высшего образования по естественно-научным и инженерно-техническим специальностям.

В то же время ситуация в указанной сфере характеризуется рядом негативных тенденций, которые в перспективе могут фактически девальвировать это конкурентное преимущество. Сохраняются проблемы по достижению надлежащего качества образования на всех уровнях — от общего, начального и среднего профессионального образования до высшего и послевузовского профессионального образования. Согласно международным рейтингам, российские вузы практически не попадают в первую сотню мировых лидеров.

Эти негативные тенденции обусловлены в том числе и недофинансированием сферы образования в конце XX — начале XXI в. В последние годы наметилось некоторое улучшение ситуации, но по

относительным показателям государственного финансирования этой сферы Россия по-прежнему значительно уступает странам-лидерам, а также многим странам, идущим по пути догоняющего развития. По данным Федерального казначейства и Организации экономического сотрудничества и развития, в 2009 г. Россия расходовала на образование 4,6% валового внутреннего продукта, тогда как Швеция — 6,1, Финляндия и Франция — по 5,5, Бразилия и Великобритания — по 5,2 и Соединенные Штаты Америки — 5% [5]. Недостаток финансирования существенно усугубляется структурными проблемами, включая устаревшие модели управления учебным процессом, нехватку в системе образования современных кадров, в том числе управленческих. При этом оценка качества образования, которую дают российские работодатели, в целом невысокая.

Кроме качества образования значительную роль для будущего инновационного развития играют и формируемые у человека жизненные установки и модели поведения. Ключевые для инновационного предпринимательства личностные качества — мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска — в целом недостаточно развиты по сравнению со странами с высокой инновационной активностью. В России, по данным Федеральной службы государственной статистики, участие населения (в возрастной группе 25—64 года) в непрерывном образовании в 2008 г. составило 24,8% (в Великобритании — 37,6, Германии — 41,9 и Финляндии — 77,3%).

К положительным тенденциям можно отнести следующие: по абсолютным масштабам своего исследовательского сектора Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире, увеличено финансирование науки за счет государства, начата работа по формированию национальных исследовательских центров. Отрицательными тенденциями являются следующие: Россия все хуже представлена в мировой науке, сохраняется достаточно низкий уровень цитирования работ российских ученых, сохраняются проблемы по достижению надлежащего качества образования. Все это усугубляется недофинансированием сферы образования. По относительным показателям государственного финансирования научной сферы Россия по-прежнему значительно уступает странам-лидерам, а также значительному числу стран, идущих по пути догоняющего развития.

Литература

1. БРИКС договорились давать друг другу кредиты в национальной валюте // <http://lenta.ru/news/2012/03/29/brics/> (дата обращения 10.06.2012).

2. Мереминская Е. БРИК, который лопнул // <http://www.gazeta.ru/financial/2011/12/28/3949573.shtml> (дата обращения 10.06.2012).
3. Россия и страны мира. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010.
4. Россия в цифрах. 2011: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2011.
5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 (дата обращения 10.06.2012).

Л.И. КОЧУРОВА, Е.А. ФИЛИМОНОВА, Е.И. ХАРЛАМПЕНКОВ
Государственное управление рыночной прибылью —
гарантия экономической безопасности России

Чтобы увидеть мир таким, каков он есть в действительности, нужно заменить существующую ныне сегментацию отраслей знаний научным подходом. Человечество еще не дошло до понимания общественных процессов в экономике. Сегодня никому неизвестно, сколько прибыли предприятия получают за счет собственной хозяйственной деятельности — повышения производительности труда — и как правильно измерить производительность.

В настоящее время финансовый результат предприятий просматривается через рыночную прибыль. Но она не дает представления о подлинном состоянии дел, искажает реальную ситуацию. Не случайно объемы продаж уводятся в теневую экономику, вместе с ними уходит в тень и прибыль. Прибыль — экономическая категория, наукой неразгаданная. Какое предприятие действительно убыточное, а какое лишь кажется таковым — сегодня тайна. Может статься, что многие фирмы, считающиеся убыточными, в результате научного подхода к оценке их финансового результата избавятся от этого обвинения. Но возможна и другая ситуация — прибыльные фирмы окажутся убыточными, если их лишит нетрудовых конъюнктурно-рентных доходов, не имеющих никакого отношения к хозяйственной деятельности предприятий.

Источники, состав и структура прибыли — самые сложные вопросы. Они волновали бухгалтеров еще во времена средневековья [1, 25]. Дискуссии двух англо-американских школ (между Э. Купером и Т. Вельтоном — экс-президентами института дипломированных бухгалтеров Англии — и американским ученым А.Ч. Литтлтоном) приве-

ли к попытке разделить прибыль на две части: часть I — прибыль от результатов хозяйственной деятельности, часть II — прибыль от конъюнктуры рынка [1, 27]. В середине XIX в. снова появилась потребность в видении внутреннего содержания прибыли. Ближе всех к научному решению проблемы подошла Федерация европейских бухгалтеров (FEE) в XX в. Она предложила освободить от налогообложения [2, 74] часть прибыли, предназначенную для технического обновления. Практически FEE подступила к структуре прибыли. Но бизнес-рынок и глобализация остановили научный путь.

В эпоху советской экономики относительно прибыли предприятия была полная неясность. Цены назначались работниками ценоутверждающих органов. А коль цена складывалась не под воздействием производительности, то ни цена, ни прибыль не могли отражать истинную картину хозяйственной деятельности. Строительство социализма в СССР обернулось трагедией именно потому, что производственные отношения не были согласованы с законами рынка. Но в этом виноват не социализм, а неграмотность руководителей КПСС. По их вине экономика Советского Союза зашла в тупик. Страна пришла к отсталому производству, низкой производительности и диспропорциям в народном хозяйстве: перепроизводству ненужных товаров, с одной стороны, и невиданному миру дефициту — с другой.

В современной экономике принцип формирования прибыли не изменился, но дебаты вокруг прибыли приобрели особую остроту [1, 25—28; 2, 74]. По формированию себестоимости у научного сообщества нет принципиальных разногласий, за исключением отдельных статей затрат. А прибыль так и осталась предметом многочисленных и глубоких дискуссий в ученом мире. Но уже утвердилось мнение, что та часть прибыли, которую предприятия получают от благоприятной конъюнктуры рынка и рентных условий труда, должна подвергаться прогрессивному налогообложению и быть статьей формирования национальных бюджетов. Проблема в том, как ее увидеть.

Авторы пришли к единому мнению, и предлагают хозяйственной практике свое видение структуры рыночной прибыли. Научный поиск позволил выделить три составляющие рыночной прибыли: *конъюнктурно-рентную, инновационную и производительную* (рис. 1).

Доля каждой составляющей зависит от следующих обстоятельств: если предприятие сырьевое, то в прибыли преобладает рентная доля, если предприятие ориентируется на конъюнктуру рынка — конъюнктурная доля, тогда как производительная прибыль зависит от собственной деятельности предприятия — от производительности труда.

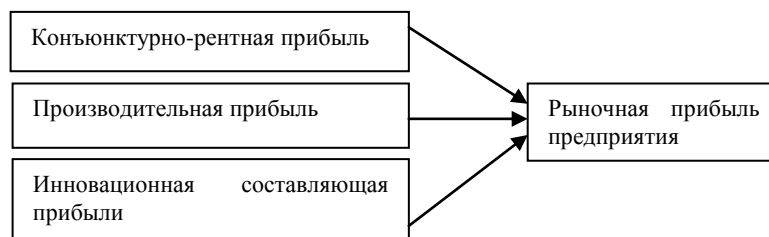

Рис. 1. Экономические составляющие рыночной прибыли предприятия

Конъюнктурно-рентная доля рыночной прибыли не является результатом хозяйственной деятельности предприятия. Человечество научилось извлекать ее еще на заре развития рыночных отношений. Она нетрудовая, и бизнес очень чувствителен к ней. Поэтому с внедрением американско-европейской инфраструктуры рынка российские предприятия сосредоточили свою деятельность не на производительности труда, а на доходах от конъюнктуры и ренты, по сути, запустив руки в карман государства.

Конъюнктурная и рентная доли рыночной прибыли взаимосвязаны, их разделить невозможно. Конъюнктурные колебания на рынке ведут к изменению рентных доходов. Малейшее изменение ренты влияет на конъюнктуру рынка. Поэтому авторами *конъюнктурно-рентная доля представлена как одна из составляющих рыночной прибыли предприятий*. Но у каждой из них своя природа. Конъюнктурная часть рыночной прибыли — результат диспропорций из-за ошибок государства в регулировании торгово-производственной сферы. Что касается рентной части рыночной прибыли, то это национальное достояние.

Конъюнктурная часть рыночной прибыли предприятия представляет собой ту долю, которая извлекается бизнесом в результате удачно выбранной ниши рынка. Ее размер зависит от конъюнктуры рынка, которая складывается под влиянием неправильного макрорегулирования или его отсутствия. Для бизнеса — это благоприятная ситуация, его питательная среда. Для государства конъюнктурная часть рыночной прибыли непостижима, потому что оно не располагает механизмом определения ее размеров. Бизнесу никакой механизм не нужен, ему нужна только ниша рынка, именно поэтому конъюнктурная часть рыночной прибыли является достоянием бизнеса. Но по сути это национальная прибыль. Она должна поступать в бюджет гос-

ударства и быть объектом макроэкономических методов управления. Конъюнктурой нужно проверять ошибки в управлении пропорциями национального хозяйства. Эффективным государственным регулированием внутреннего рынка конъюнктурная часть рыночной прибыли будет сведена к минимуму.

Рентная часть рыночной прибыли предприятий вообще не имеет никакого отношения к хозяйственной деятельности. Рента — государственная собственность, но государство не может изъять ее в бюджет страны посредством налогообложения, поскольку нет механизма определения фактического объема рентных доходов. В условиях частной собственности он и не появится. Увидеть ренту в рыночной прибыли компаний с частной собственностью никогда не удастся. Ее можно вычислить только методом сравнения с работой государственных корпораций, рентные доходы которых выделяются и направляются в государственный бюджет, а таких сегодня нет. Узаконенный государством и отраженный в Налоговом кодексе РФ рентный налог — НДС — платят как частные, так и государственные корпорации. Он определен произвольно, не обоснован и далек от реальной величины природной ренты. Поэтому на рентных доходах жируют все, кто может, но больше всего крупные частные корпорации сырьевых отраслей, у которых рента имеет баснословные размеры. Получается, что государство, не зная реальных размеров рентных доходов, посредством приватизации полностью отдает их в частную собственность, а затем «с протянутой рукой» обращается к олигархам за помощью для осуществления определенных государственных расходов и реализации отдельных социальных программ. Свою же собственность государство просит у частного корпоративного сектора и олигархов. Вместо того чтобы распоряжаться собственными деньгами, государство делает ставку на благотворительные марафоны со стороны крупного частного бизнеса. Из-за отсутствия науки в управлении рыночной прибылью Россия стала золотой жилой и для иностранных инвесторов. Самые большие доходы частному бизнесу приносит природная рента. За ней идет трудовая рента, ее источниками являются эксплуатация трудовых мигрантов и недоплачиваемый труд российских граждан. Большие доходы приносят: рента по местоположению, транспортная рента, земельная рента, финансовая рента, монопольная рента и др. В видении рентной части рыночной прибыли бизнес не заинтересован, здесь интересы олигархов расходятся с интересами государства.

Выделение из рыночной прибыли конъюнктурно-рентной части — проблема крайне актуальная. Ее неразрешенность ведет к неэквивалентному обмену, расслоению населения на очень богатых и очень

бедных, к стратегическим ошибкам, терроризму и другим нежелательным социально-экономическим последствиям. Реформы 1990-х гг. привели к тому, что предприятия стали гоняться за доходами от ренты и рыночной конъюнктуры. Это гораздо легче, нежели зарабатывать прибыль производительностью. Идет погоня за рыночной прибылью любой ценой, в то время как предприятия должны располагать только прибылью от собственной хозяйственной деятельности — от роста производительности труда.

Производительная часть рыночной прибыли (производительная прибыль) связана с ростом совокупной производительности труда предприятий (СПТП). Это прибыль от собственной деятельности предприятий, поэтому она предлагается авторами в качестве их финансового результата. *Не в рыночной прибыли нужно видеть финансовый результат предприятий, а в производительной прибыли.* Однако ни государство, ни хозяйственная практика не имеют возможности ориентироваться на производительную прибыль по той причине, что сама производительность определяется неправильно — валовым оборотом, а он содержит нетрудовые конъюнктурно-рентные доходы и огромный повторный счет. Поэтому судьбоносная категория рынка — производительность труда — ушла на задний план.

Развитой рынок предполагает обмен товаров по стоимости, а «стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете, господствующей над всеми экономическими явлениями» [3, т. 25, ч. II, 468]. Все определяет производительность труда! Именно производительный труд обладает притягательной силой по отношению к товару и является предпосылкой снижения цен. Теоретический вывод К. Маркса: «уменьшение общего количества труда, входящего в товар, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных условиях производства» [3, т. 25, ч. I, 287] — лег в основу концептуального подхода к производительности труда как к категории, на основе которой определяются экономический результат предприятий и производительная прибыль. Трудовые коллективы будут озадачены прибылью от роста производительности труда, а не от конъюнктурно-рентных доходов, как в настоящее время. Производительная прибыль будет способствовать проведению научно обоснованной экономической политики по отношению к государственным корпорациям, послужит инструментом видения высокотехнологичных, экономически выгодных производств, на которых можно будет размещать заказы.

Инновационная часть рыночной прибыли. Ее предназначение — служить инновационной экономике. Потребность хозяйственной

практики в обновлении технологий привела к необходимости трансформации части прибыли в инновационные издержки. Первый шаг в научном подходе к этой проблеме сделал К. Маркс («Экономические рукописи 1857—1859 гг.»). Источник средств на технологическое применение науки в производстве он увидел в прибыли, а размер финансовых ресурсов на обновление основных фондов — в амортизационных отчислениях. На основе амортизации он пытался определить «прибыль у производства», которую причислял к издержкам производства. Второй шаг сделали европейские ученые в XX в. Источником финансовых ресурсов для технологического обновления они тоже признали прибыль, а размер средств на инновации определили на основе амортизации и предложили освободить часть прибыли в размере начисленной амортизации от налогообложения: «Принятая в Европе налоговая концепция методологии бухгалтерского учета определяет амортизацию как часть прибыли, свободную от налогов» [2, 74]. Таким образом, они подтвердили гипотезу Маркса об амортизации как о фундаментальной основе обновления основных фондов.

Истоки инновационной экономики — в амортизации. Из-за отставания науки в этом вопросе практика вынуждена идти эмпирическим путем, который нашел отражение в законодательстве США и Европы. В США «износ основных средств» назвали «аккумулятивной (накопленной) амортизацией» [4, 37]. Федерация европейских бухгалтеров (ФЕЕ) освобождает прибыль в размере амортизации от налогообложения. И те и другие пытаются сформировать средства для обновления основных фондов на основе амортизации. Авторы данной статьи предлагают научный метод — начисление амортизации сопровождать созданием в прибыли специального фонда денежных средств на инновационное развитие. Такой фонд формируется в рыночной прибыли предприятия — *фонд инновационных издержек (ФИИ)*. Он равен реально начисленной амортизации и встроен в модель инновационно-воспроизводственных издержек предприятия (*ИВИП*). ФИИ — инновационная составляющая прибыли предприятия и элемент модели ИВИП. Миссия ФИИ — быть адекватным рынку «мотором» инновационной активности, индивидуальным и в то же время неотделимым от экономики предприятия. За счет необлагаемого налогом ФИИ предприятия получают возможность обновлять основные фонды.

Модель инновационно-воспроизводственных издержек предприятия (*ИВИП*) включает два элемента: себестоимость и фонд инновационных издержек (*ФИИ*). На ее основе авторы предлагают формировать инновационный механизм и определять совокупную производительность труда предприятий (*СПТП*). На предприятии создается стоимость, а «общий закон товарного производства таков: производи-

тельность труда находится в обратном отношении к создаваемой стоимости» [3, т. 24, 170]. С ростом производительности труда стоимость снижается — это аксиома. Поэтому рост СПТП будет сопровождаться снижением ИВИП, что, в конечном счете, приведет к снижению розничных цен. Посредством ИВИП мы, наконец, увидим реальный экономический результат предприятий — производительность и производительную прибыль.

Метод определения производительной прибыли прост. Она исчисляется вычитанием из плановых ИВИП отчетных. Плановые ИВИП рассчитываются исходя из проектного объема выпуска продукции. Разница между плановыми ИВИП и отчетными ИВИП покажет производительную прибыль предприятия.

ИВИП — фундаментальная конструкция. В ее формировании авторы взяли за основу положение К. Маркса, в котором издержкам производства дается расширенная трактовка: «Издержки производства выше себестоимости производства» [3, т. 46, ч. I, 269]. К издержкам производства К. Маркс относил себестоимость и затраты, связанные с обновлением основного капитала. *Строить экономику предприятий нужно на основе модели ИВИП. Другого метода наука не предложит, ибо он просто невозможен.* Использование ИВИП в качестве модели экономики предприятия позволит не только измерить производительность, которую до настоящего времени государство реально не видит, но и адекватно рынку управлять производством, торговлей и товарными потоками — логистика будет соответствовать требованиям рынка, а значит, постепенно будут исключены диспропорции в национальном хозяйстве. Не нужно будет привлекать Федеральную антимонопольную службу и исполнительницу законов рынка — конкуренцию. Экономические законы будут исполняться государственным управлением. Правительству удастся *выделить из рыночной прибыли предприятий нетрудовую конъюнктурно-рентную часть, обложить налогом, затем вывести ее на макроуровень, чтобы включить в бюджет страны и направить на решение государственных задач.*

Выделение конъюнктурно-рентной части производится до начала процесса производства, когда формируются плановые ИВИП и производительной прибыли еще нет, вычитанием из рыночной прибыли инновационной доли — ФИИ (рис. 2).

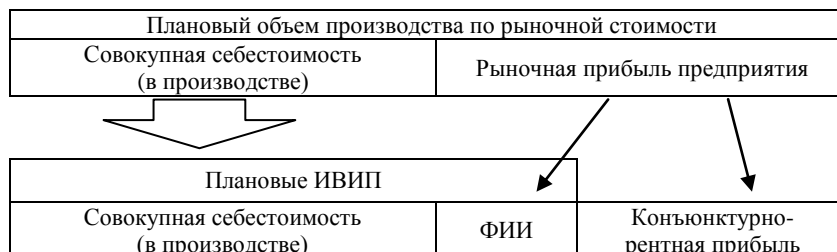

Рис. 2. Выделение конъюктурно-рентной прибыли из рыночной прибыли предприятия

Под влиянием роста совокупной производительности труда (СПТ) экономика страны обретет тенденцию к снижению цен. С помощью мониторинга государство сможет с максимальной точностью заложить в доходную часть бюджета сумму налога на прибыль, на которую реально можно рассчитывать. Нужен ясный и понятный налог на прибыль. Правильная система налогообложения — залог процветания государства.

Производительная прибыль формируется после того, как из рыночной прибыли выделена конъюктурно-рентная прибыль (рис. 3).

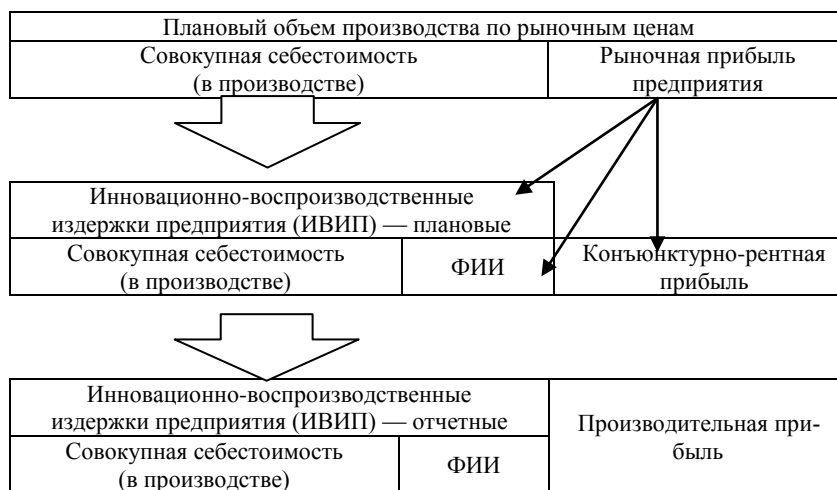

Рис. 3. Выделение конъюктурно-рентной прибыли из рыночной прибыли и образование производительной прибыли предприятия

Сегодня брешь в бюджете заполняется приватизацией Сбербанка, на очереди — Роснефть, 50% бюджета составляют нефтегазовые доходы, тогда как значительную часть бюджета страны должны формировать выделенные из рыночной прибыли предприятий конъюнктурно-рентные доходы. Не приватизацией государственных корпораций нужно увеличивать доходную часть бюджета, а организацией деятельности государственных корпораций адекватно рынку. Это заблуждение, что рынок нужно строить на основе частной собственности. *Настоящий — развитый — рынок возможен только на основе государственной собственности, потому что есть возможность изначально согласовать работу государственных предприятий с экономическими законами.* Современный бизнес-рынок работает от конъюнктуры. Движение идет от конъюнктуры к производству, а должно быть наоборот — от производства к конъюнктуре, и по конъюнктурным колебаниям устранять недостатки производства и управления. Конъюнктура рынка — следствие, она образуется после того, как экономические законы уже высветили диспропорции, сложившиеся на внутреннем рынке страны.

Мысль, что рынок — это, прежде всего, частная собственность, принадлежит не российским ученым. Она пришла в Россию с Запада. Рынок и частная собственность — не синонимы. Частная собственность — явление определенного исторического отрезка времени. История отвела частной собственности роль своеобразного экономического инструмента в развитии производительности труда. Владение средствами производства и продуктами труда позволяло собственникам принуждать людей к труду с целью повышения его производительности, потому как другого способа не существовало. Люди не были вооружены технически, не имели представления об экономических законах, чтобы использовать их в организации совместной деятельности.

Современная экономическая наука исходит из факта частной собственности, она нам ее не объясняет. Впервые эту категорию подверг анализу К. Маркс. Он обнаружил, что частная собственность представляет собой форму отчуждения труда. Она превратилась в социальную силу, но по своей сути — это отчужденная от человека часть производительных сил, точнее — «совокупность отчужденных общественных производительных сил, принявших форму господствующих над индивидами производственных отношений» [5, 23].

На более высокой ступени развития производительных сил, когда технический прогресс и достойные человека формы организации труда поднимут его культуру настолько, что элементарное принуждение перестанет иметь экономический смысл, частная собственность

постепенно трансформируется в общественную собственность. *Низкий уровень сознания и знаний привел человечество к частной собственности, высокий уровень сознания и знаний ее снимет, но не путем отъема или деления, а посредством регулирования процессов обобществления.* Пока наука не найдет равноценного развитому рынку механизма управления общественным развитием, перед человечеством всегда будет дилемма — быть частной собственностью или нет. *Общество будет прибегать к услугам частной собственности до тех пор, пока она не выполнит свою историческую миссию в развитии производительных сил.* Над человечеством довлеет пласт отчужденных производственных отношений, которыми ему предстоит овладеть, и частная собственность постепенно утратит значение, сама уйдет из жизни. Но прежде чем это произойдет в России, страна может пережить много катаклизмов, а может и миновать их. Все зависит от науки, точнее — от того, когда будет создан соответствующий развитому рынку механизм управления крупной собственностью и национальным хозяйством.

Литература

1. Кузнецова Ю.Н. Эволюция концепции прибыли: от прошлого к настоящему // Бухгалтерский учет. 1992. № 12.
2. Гоголев А.К. Проблемы амортизации в условиях инфляции // Бухгалтерский учет. 1996. № 10.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
4. Новодворский В.Д., Хорин А.Н. О новых подходах к методам амортизации основных средств // Бухгалтерский учет. 1996. № 7.
5. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. Второе пришествие: Беседы. М., 1991.

И.В. МАТЮШ

Духовное возрождение экономики Российской Федерации

Духовное возрождение экономики Российской Федерации является ключом к восстановлению эволюционно значимой, эффективной и продуктивной системы хозяйствования российского народа. Основными причинами кризисных явлений в российской экономике стали нарушение законов и закономерностей организации и осуществления деятельности, направленной на создание, распределение и потребление благ, потеря смыслового содержания блага и механизмов

его расширенного воспроизводства. Экономический кризис обусловлен отсутствием глубокого понимания сути экономики и увеличением критической массы отклонений норм хозяйствования от институтов эволюции человечества и планетарного организма Земли как единого целостного комплекса роста и развития сознания и разума.

Экономика — система и процесс, совокупность законов и закономерностей организации эволюции форм *жизни*, обладающих сознанием и разумом, в сопряжении осуществляющих экономические и хозяйственные итерации, позволяющие коагулировать жизненные процессы и обеспечивать жизнестворение всех сопряженных структур экономической системы. Последняя, в свою очередь, должна рассматриваться как живой организм, поскольку сознание человека и экономика страны (человечества), являющиеся системными образованиями с экономическими матрицами жизнедеятельности, представляют собой формы и формации жизни, производящие жизнь, продукты, процессы, технологии, структуры для их роста и развития.

Духовность — система модерации мышления, мировоззрения и поведения человечества в соответствии с ноогенетическими модулями эволюции мироздания, основным результатом познания и исполнения которых является жизнь в ее формах и формациях сознания и разума. Экономика является живой и имеет будущее в случае ее модулирования высокодуховным сознанием человечества. Соответственно высокая духовность экономики общества является необходимым качественным и количественным критерием эволюции экономических систем, которая в настоящее время выведена за пределы предмета экономических исследований и инновирования их в общественные организационные структуры.

Научное обеспечение продвижения высокодуховных знаний в экономику страны представляет собой системное подразделение экономической системы, основными задачами которой являются познание объективных и фундаментальных законов и закономерностей организации бытия и их адаптация в земных условиях жизни для корреляции человеческого развития с единым вектором эволюции мироздания. При этом экономика страны должна быть научной системой модуляции высокодуховных сознания и разума человека, поскольку его мышление и мировоззрение являются экономическими факторами регруппирования экономической матрицы. В соединении и взаимодействии коллективное сознание и коллективный разум формируют экономическую модель хозяйствования по своему образу и подобию. Человек и общество впоследствии познают созданные условия бытия и результаты собственного знания и незнания. Состояние существующих экономических систем, как индивидуальных, так и

коллективных, свидетельствует о наличии деструкций осуществления экономической деятельности жизнетворения, которые квалифицируются как незнание и нарушение законов эволюции человека как разумной формы жизни и человечества как высокодуховной формации жизни.

Манифестированные в экономических системах незнания и заблуждения человечества показывают, что организованные матрицы хозяйствования не являются современными и действующими в аспекте создания жизни. Следовательно, подвержены разрушению, деградации, хаосу, поскольку, прежде всего, сами выступают их причиной. Устранение кризисных явлений предполагает первостепенную коррекцию их источника — продуцирующего сознания человека — и причин — нарушений законов эволюции мироздания, в результате чего человечество в настоящее время не представляет собой эволюционирующую формацию жизни и создать эволюционные системы жизнедеятельности не способно без помощи высших формаций разума.

Высшими формациями разума для общества являются президент и его команда, реализующие комплекс мер по организации развития граждан и государственности. Кто является *высшим разумом* для президента и правительства? Отцы и творцы жизни, одной из формаций которой является человечество. Его миссией является становление высокопроизводительного мышления, сопряженного с высшими формациями разумной жизнедеятельности, которые целеполагают и управляют развитием мироздания для осуществления соответствующей функции на планете Земля. Это является основанием развития высокодуховной экономики — единства экономических систем и потоков высшего разума и человечества, создающего основы эволюции своего сознания и разума посредством научного сотворчества с творцами жизни на планете Земля в процессе ее воспроизводства.

Руководителям стран известно о возникновении потенциалов флуктуации и коллапсирования государственных систем в случае нарушения гражданами установленных законов и планов развития общественной жизни. Каковы последствия институционализации высшими органами государственного управления, которые по сути своей являются *монадой* государства, планов и программ, нелегитимных относительно Законов эволюции мироздания? Это разрушение создаваемых формаций общественного устройства по причине отсутствия истинных и научных основ и оснований для устойчивого роста и развития. Соответственно целеполагание эволюции нации необходимо организовывать в сотворчестве с законодателями и правоисполнителями, образующими монаду мироздания, что является гаран-

тией становления высокой духовности граждан Российской Федерации.

Монада земного правительства становится точкой бифуркации и ретранслятором планов эволюции макросистем, в состав которых на правах микросистемы включено человечество, целью которого является развитие разума в земном спектре бытия. Наличие субординационной связи земной монады и высших сфер *монадического бытия* позволяет институционализировать эволюционную матрицу законов и закономерностей роста и развития человеческого разума на основах ее подобия матрицам мироздания. Тем самым модулируется двусторонняя координация многомерных формаций разума и поддерживается законодательная возможность эволюции человеческого коллективного разума, осуществляемая по мере воздвижения осознающих начал граждан государства. Это является техникой государственной безопасности, исключающей создание самим человечеством тупиковых ситуаций, причиной которых является нарушение корреляции с высшим руководством.

Планирование и прогнозирование роста и развития общественных систем без сотрудничества с законодателями мировой матрицы эволюции оборачиваются несостоятельностью планов и программ, не имеющих легитимных оснований на их реализацию и приумножающих хаотические потенциалы в экономических, политических и социальных подсистемах общества. Первородной причиной хаоса является незнание, нежелание знать и исполнять параметры развития мировой макросистемы. На микроуровне государственного управления данные процессы завершаются крушением вертикали и горизонтали власти, не фундаментализированных на высокодуховных знаниях. Истинными основами легитимности правления являются соподчинение законодателям мироздания и познание предикатов его эволюции, что дает уверенность в правильности учреждаемых и реализуемых ориентиров развития и основание для плодотворной работы. Духовное воздвижение нации и возрождение экономики являются невозможными без восстановления каналов жизни, соединяющих ее формы и формации во всех аспектах бытия и согласующих ее единое развитие на началах координационного управления монадой мироздания.

Познание законов мировой эволюции требует наличия соответствующих научных институтов, основными задачами которых являются изучение, адаптация и инновирование высокодуховных знаний — продуктов научной жизнедеятельности и результатов сотворчества с высшим руководством. Соответственно научные разработки в части модулирования высокодуховного будущего в настоящем для создания фундамента эволюции должны осуществляться по всем направлениям

человеческой жизнедеятельности. Это предполагает кадровую реструктуризацию органов государственной власти, промышленности, сельского хозяйства, системы образования; подготовку кадров для работы в сферах семейного строительства, здравоохранения, научных исследований, экологии, правильного использования всех видов ресурсов и многие другие меры. Ее формой и задачей является изменение содержания мировоззрения и мышления руководящего кадрового состава государства посредством аккумуляции и применения эволюционных знаний, что представляет собой основание для эффективного реформирования государственной системы и всех ее общественных подсистем.

Любая реформа, которая не имеет основанием реструктуризацию причины кризиса явления, процесса или системы, остается внешней и поверхностной. Иными словами, прежде трансформации экономики, политики и социального устройства необходимо преобразовать собственное мышление. Это преобразование должно быть преображением человека — пришествием к созиданию жизни по образу и подобию ее творцов, а не препятствий для ее продолжения.

Продвижение человечеством высокодуховной науки жизнестворения в сотворчестве с ее создателями обуславливает рост и развитие всех общественных систем, поскольку она является их фундаментальной основой. Незнание и непризнание законов эволюции жизни в качестве главенствующих начал всегда приводили и привели человечество в тупик, выходом из которого является восстановление соподчиненности руководящих начал.

Одухотворение сознания человека представляет собой экономический процесс, сутью которого является получение высокодуховных знаний о жизни на планете Земля, их применение и воплощение в виде гармонизированных экономических и социальных подсистем, обеспечения жизнедеятельности человека необходимыми благами, которые есть манифестация заработанного знания, и рациональным использованием природных ресурсов. Человек, являющийся частью природы, должен познать экономику продуцирования разума на планете Земля, что требует осознанного труда и капитализации высоколиквидных знаний, которые находятся на службе развития человечества и мироздания. Искажение ориентиров целеполагания и реализации смыслов эволюции приводит к потере понимания и содержания жизнедеятельности человека, что невозможно компенсировать и сгладить многочисленными реформами.

Соответственно цепочку причинности и последовательности экономического созидания необходимо продолжить, проложить в сферы формирования и развития высокодуховного разума. Проявлен-

ная экономика человека должна быть на службе развития его мышления и мировоззрения, являясь тогда результатом этой эволюции, она становится ступенью и показателем роста и развития сознания человека. Экономика становится разумной, когда человек разумен, — данный критерий разумности является фактором продолжения жизни человечества как формы бытия.

Познание субстанции, обретающей бытие и быт в различных формах, есть основа развития общественных наук и экономики, прежде всего поскольку в них присутствует содержание — духовность, долженствующая стать высокой в современный период эволюции мироздания. Однако исследование этой квинтэссенции жизни лишь начало, ее необходимо познать в труде и трудом научиться капитализировать, облекая в формы и формации, предназначенные для дальнейшего приумножения этой животворной и животворящей субстанции.

Экономическая наука человечества должна включать в себя начала нерукотворного продуцирования благ, которыми являются высокодуховные знания. Следовательно, экономика начинается с мышления человека — его сознания и разума, которые продуцируют мысли и разрабатывают технологии их воплощения в рукотворных благах. Если нарушены законы нерукотворной — высокодуховной — экономики, рукотворная закономерно их проявит посредством stagnирующих экономических систем, теряющих жизнеспособность, деградирующего социума, загрязнений окружающей среды. Иными словами, высокодуховная экономика — живая в своей нерукотворности и последующей рукотворности, потому что она — животворна и животворяща.

Нерукотворная экономика — это сфера науки, воспитания, образования — всех областей, имеющих отношение к сознанию и разуму человека. Она включает в себя сферу законотворчества и законотворчества органов государственного управления, обязанностью которых является модуляция матрицы законов, кристаллизующих и развивающих прежде нерукотворную экономику, а после и рукотворную. Значит, преодоление кризиса возможно лишь первостепенным возрождением экономических систем сознания и мышления граждан Российской Федерации. Однако нерукотворная экономика как экономическая сфера продуцирования высокодуховных знаниевых капиталов является неизученной, поскольку в настоящее время человеческое сознание не рассматривается в качестве экономического фактора, моделирующего экономическое развитие или деградацию. Тем не менее наука о высокодуховной экономике — это требование современности для возобновления высоколиквидных экономических потоков: по вер-

тикали — с высшими формациями разума и мирозданием и по горизонтали — экономические отношения человечества в процессе индивидуального и коллективного обеспечения благами, предназначенными для познания и созидания жизни на планете Земля.

Познание законов нерукотворной экономики, к числу которых также относятся знания о сотворении природных ресурсов (вода, земля, воздух, огонь), является предикативной задачей научных институтов, а также обуславливает соответствующее целеполагание и руководство данными процессами президентом и правительством Российской Федерации. Руководство страны является ядром формирования высокоэффективной общественной системы и пионерами в области совершенствования собственной и национальной экономики нерукотворного строительства. Капитализированные в сознании руководящих страной лиц высокодуховные знания должны продолжаться мерами развития граждан, становиться институтами коллективной общности и приниматься в виде законов, регулирующих соответствующие сферы человеческих отношений.

Продвижение по пути познания нерукотворной экономики мироздания возможно только в сотворчестве с его высшими формациями разума, владеющего законодательной базой организации жизни на планете Земля и ведающего ключами к эволюции человеческого сознания как храма нерукотворной экономики, достижения которого становятся достоянием общества в виде рукотворных плодов труда. Данные основы экономической деятельности индексируют следующий императив: экономика высокодуховного воздвижения человеческого сознания суть основа экономики человеческого бытия и быта. Нарушение данной ординации и последовательности разрушает многомерную экономическую систему человечества, которое выводит из равновесия экономику планетарного организма Земли по продуцированию форм и формаций живых субстанций, используемых человеком в его жизнедеятельности. Таким образом, экономика планеты Земля от альфы до омеги ее систем воспроизводства жизни является нерукотворной, животворной и животворящей, что требует соответствующего формата хозяйствования и взаимодействия с нею человеческого общества.

Для создания нерукотворной, животворной и животворящей экономики человечество должно быть интегрированным в систему экономического хозяйствования мироздания на правах соподчинения высшим формациям разума, которые целеполагают параметры эволюции единого целостных комплексов миров. Следствием станет упорядоченная, интегральная матрица рукотворного хозяйствования человечества, не нарушающая циклы жизненных потоков живых субстан-

ций форм и формаций жизни планеты Земля. Таким образом, человек должен научиться жить, трудиться, вести хозяйство по законам высокодуховной экономики — это условие жизни.

Нерукотворная экономика человека в своей генетике является неограниченной, поскольку нет пределов эволюции высокодуховного сознания и разума, если они не установлены невежеством и бездуховностью человеческого общества. Рукотворная экономика должна быть ограничена рациональными пределами потребления и вмешательства в планетарные природные циклы развития, но такая ее форма является следствием развитой нерукотворной, животворной и животворящей экономики. Без вертикального роста и выравнивания духовной координаты общества рукотворная экономика локализуется в низких мерностях человеческого сознания, расширяя горизонтальные сферы своего приложения и распространения и приходя в конечном итоге к пределу своего существования, обусловленного исчерпанием природных ресурсов планеты и человека. Возрастание потенциала высокодуховных знаний будет приводить к их капитализации в виде новых экономических формаций и технологических укладов, основанных на эволюции человеческого разума.

Сознание высокодуховного человека, являясь кристаллическим по содержанию, форме и структуре, создает соответствующие формации общественных отношений. Соответственно, модуляция нерукотворной экономики индивида сопровождается строительством коллективной экономической системы. Ее особенностью является глубокая степень разделения труда и интеграции всех членов общества в создание единой матрицы экономического пространства, в которой происходит многократное приумножение потенциалов сотворчества и формирования человеческого таланта — трудолюбия, благодаря которому приобретаются все иные высокодуховные способности человека. Такая модель экономической системы способствует возрождению живого экономического участия граждан в совместном хозяйстве. Становление индивидуального и коллективного хозяйствования — это сопряженные процессы, невозможные без грамотного модулирования политики воспитания и образования органами государственного управления.

Духовное развитие — непрерывный процесс. Высокодуховное развитие сопровождается высокими темпами познания и воплощения знаний новой эпохи. Противоречия, невежество, конфликты, являясь бездуховными проявлениями отсутствия высокодуховного воспитания и образования, будут дорого стоить каждому человеку и всему обществу в целом. Российское правительство, наряду с иными руководителями стран, предстало перед выбором (который есть необходи-

мость), равно как и каждый член общества, принятия действий по осознанию причин и следствий индивидуального и общественного кризисов, меры своего участия в нем и ответственности по возрождению общества. Особенностью новой эпохи стала приоритетная важность духовной эволюции человечества и систем его жизнедеятельности, что требует понимания духовности как основы и основания существования всего живого. Это предполагает одухотворение наук, общественных систем и отношений, открытие горизонтов человеческой эволюции и глубокую познавательную, трудовую деятельность по созданию храма высокодуховного человечества, постоянное применение высоких технологий развития разума и посвящение себя служению жизни и науке о жизни.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

**Либерализм как подрывная антигосударственная
доктрина, уничтожающая общество России**

Деструктивный характер принципов либерализма, сформировавших государственную идеологию в постсоветской России, наглядно подтверждается фактом обрушения ВВП за годы реформ более чем в два раза — по отношению к 1990 г. При этом надо иметь в виду, что в нынешнем ВВП велика спекулятивная составляющая, которая отсутствовала в СССР, когда этот показатель выражал то, что теперь называют реальным сектором экономики.

Об этом же говорят и вопиющие итоги приватизации, в ходе которой были уничтожены сотни отраслей, а крупные машиностроительные предприятия были просто расчленены так, что число предприятий в этой отрасли за годы реформ выросло в 10 раз, а количество занятых сократилось в 2,4 раза [1, 166]. Из 500 крупнейших предприятий России около 80% было продано на аукционах по цене менее 8 млн дол. каждое. В итоге 500 предприятий, стоимостью более 200 млрд дол. были проданы всего за 7 млрд дол. Однако с учетом того, что фактическая рыночная стоимость российских предприятий была занижена, по данным крупнейшей международной аудиторской компании «Прайсвогтерхаус Куперс», как минимум, в среднем в 10 раз [2, 4], реальные итоги приватизации выглядят еще более удручающими: 500 предприятий, имеющих реальную рыночную стоимость приблизительно в 2 трлн дол. (200 млрд × 10) были проданы всего за 7,2

млрд дол., что, как минимум, в сто пятьдесят (150) раз дешевле [3, 107]. Грабеж России налицо.

В результате приватизации катастрофически упали объемы производства, тысячи квалифицированных кадров выброшены на улицу, возникли кризис неплатежей и невыплаты зарплаты, астрономически увеличились издержки производства. В ходе реформы произошла системная деградация большинства ключевых производственных отраслей.

В итоге либеральные реформы подвели Россию вплотную к самому краю пропасти, но российские либералы продолжают твердить, что, дескать, виноват не сам либерализм, а те, кто мешал проведению либеральных реформ. При этом забывается, что либерализм исторически сформировался как деструктивная доктрина — как совокупность жизненных принципов «героев моря» — морских разбойников, работоторговцев, контрабандистов и свободных торговцев, всегда стремящихся к экспансии и к господству.

О разбойничьих истоках принципов либерализма

«Частная экономия» А. Смита подвела некое подобие теоретической базы под сугубо рациональные и *разбойничьи принципы морского способа жизнедеятельности*, основанного на разбое, колониальном грабеже, работоторговле и контрабанде. Либерализм XVII—XVIII вв. — это боевой лозунг, это боевой клич английских морских разбойников, ставших в Англии первыми капиталистами.

Тезис о разбойничьем характере либеральных принципов свободной торговли кому-то может показаться даже абсурдным. Но давайте вспомним, чем и как торговали пресловутые «герои моря», ставшие затем не только философствующими политиками, но и владельцами крупных капиталов. Основу торговли и богатства Англии на протяжении нескольких столетий подряд составляли работоторговля и контрабанда. Они приносили фантастические прибыли, превышавшие десять и более тысяч процентов нормы прибыли. Подсчитано, что только за период царствования королевы Елизаветы (1558—1603) английские пираты принесли своей стране доход в 12 млн фунтов стерлингов — огромная сумма по тем временам [4, 104—105, 143—147].

Когда же морские разбойники, получив за свои пиратские заслуги от королевской власти дворянские звания, стали уважаемыми политиками, они привнесли в политику и в бизнес свои повседневные разбойничьи принципы морской жизнедеятельности. Таковы, например, бывшие пираты сэр Уолтер Рэлли, сэр Генри Морган и другие «герои моря».

Либеральная доктрина изначально сформировалась как *военно-политическая* доктрина, как совокупность принципов, организующих жизнедеятельность буржуазного «Я», настроенного крайне враждебно и агрессивно по отношению ко всему, что выходило за рамки его сугубо частных интересов и его частной собственности. Разбойничий способ морского бытия создал уникальный в истории тип человека, в социальном характере которого собственно человеческого почти ничего уже не оставалось.

Либерализм как военно-политическая доктрина

Итак, на протяжении многих столетий принципы либеральной доктрины были жизненными повседневными принципами морских разбойников, работарговцев, контрабандистов-торговцев и прочих многочисленных искателей приключений, заложивших «моральные основы» *аморального «экономического человека»* Адама Смита.

По сути, Англия *впервые применила тактику тайной, необъявленной войны*, основным оружием которого стал *международный терроризм*. Но не будем забывать, что идеологической основой этой войны стал либерализм. В руках того, кто использует либеральную доктрину в качестве идеологической системы работающих принципов, она превращается в антигосударственную подрывную доктрину, принципы которой направлены на экспансию, на захват собственности, чужих ресурсов и территорий, на разрушение государственных устоев.

Либеральная доктрина изначально сформировалась как военно-политическая доктрина, направленная на экспансию, на захват и порабощение. Характерно, что в Америке — стране, основанной англосаксонскими колонистами, до сих пор не отменен закон о законности пиратства. Структура США как государства воспроизводит структуру хазарского каганата, унаследовав атрибуты конкистадорского и пиратского государства [5, 351].

В основе современной глобализации лежат принципы либерализма и неолиберализма, сформировавшие идеологическую основу третьей и четвертой мировых войн, потрясших мир на рубеже XX—XXI вв.

Деструкция механизма общественного воспроизводства: рыночная модель антиэкономики

Рассмотрим, как на практике действует либеральная антисистема в России, превратившаяся в *механизм финансовой войны*. Укажем кратко лишь на те факты и обстоятельства, которые подрывают безопасность национального хозяйства России, представляя угрозу для ее целостности, самостоятельности и суверенитета.

Во-первых, произошло уничтожение национального государства как такового: государство трансформировалось в технический аппарат, выполняющий функции управленческого подразделения глобальной власти мировой финансовой элиты; в итоге в стране остались две основные социальные структуры: народ и криминально-бюрократическая мафия.

Единство страны — это единство народа, территории и государства, образующих в совокупности наше русское общество. Целое — это национальное хозяйство, призванное обслуживать жизнедеятельность общества, обеспечивая его воспроизводство. В условиях либеральной модели открытой экономики национальное хозяйство лишается главного — *общности интересов*. Либеральная модель рыночной экономики *отвергает принцип иерархии* национального хозяйства, провозглашая приоритет частных интересов над интересами государства.

Таким образом, либеральные принципы нарушают не просто целостность, а интегративность экономической системы. Интегративность экономики можно представить как взаимосвязанное множество хозяйственных отношений в пределах большой системы, организованной по принципу иерархии. Основное свойство системы — ее целостность. Если из системы выпадают отдельные элементы, то она *не уменьшается, а разрушается*. Именно так эту проблему рассматривали сторонники русской концепции органицистов, разработанной русскими историками и философами в XIX в. (К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, А.А. Богданов и др.). Согласно этой теории, общество развивается на основе принципов живых организмов: *из организма нельзя изъять произвольно ни одну его часть, не разрушив тем самым целостность организма, что неизбежно причиняет ему вред* [6, 132—140].

Во-вторых, открытая экономика привела к массовому наводнению России в 1990-х г. американскими долларами, что привело к долларизации ее экономики, подрывавшей суверенитет страны.

Опасность долларизации в том, что она превращается в форму присвоения национального экономического пространства любой страны. Достаточно напомнить, что фьючерсный курс рубля формируется на чикагской бирже, а Центральный банк РФ затем, как правило, следует этому курсу, *всего лишь* дублируя его. Долларизация превращает долларовую экспансию в ключевой инвестиционный ресурс, который, являясь преимущественно спекулятивным капиталом, не предполагает адекватной передачи реальных ресурсов.

В-третьих, модель открытой экономики деформировала реальный сектор, сформировав гипертрофированный денежно-торговый

спекулятивный сектор. Приток иностранного денежного капитала в лучшем случае вызвал усиленный приток в страну предметов потребления. Из платежного средства рубль превратился в инструмент для валютных спекуляций: доллар стал самым ликвидным и ходовым товаром — на доллар, по различным оценкам, приходится к началу 2000-х гг. от 1/3 до 1/2 товарооборота России [7, 247].

В-четвертых, резко сократился объем инвестиций в реальный сектор национальной экономики, что свидетельствует о начавшейся деиндустриализации. Капиталовложения в основной капитал уменьшились по сравнению с 1990 г. в 35 раз. Модель паразитического проедания природной ренты и хищнической эксплуатации научно-технического и производственного потенциалов, доставшихся в наследство от СССР, себя уже давно исчерпала. Сегодня объемы выпуска наукоемкой продукции в 3—10 раз ниже, чем 20 лет назад, объем капитальных вложений в высокотехнологичные производства находится на отметке середины 1960-х гг. (35% от 1990 г.), а износ базовой технологической инфраструктуры зашкаливает за 80—85% [8, 2].

В-пятых, экономика страны приобрела колониальный характер, превратившись в аграрно-сырьевой придаток стран Запада. И это наглядно подтверждается высокой долей импорта в структуре внутреннего потребления. В целом доля иностранного импорта предметов потребления в некоторых регионах приблизилась к 50% товарооборота [9, 159]. Резко выросла зависимость от импорта продуктов питания, из-за рубежа завозится свыше 50% потребляемых продовольственных товаров [10, 25]. В Москве и ряде других крупных городов доля импорта товаров ширпотреба и продуктов питания доходит до 70%.

В-шестых, принципы либерализма, разрывая единое экономическое пространство страны и разрыхляя ее хозяйство, порождают теневую экономику. По данным экспертов Всемирного банка, в среднем в 1999—2007 гг. доля теневой экономики в ВВП России была на уровне 50—55% [11]. О реальном состоянии теневой экономики свидетельствует также масштабный рынок коррупции и распила бюджетных средств, где оседает от 35 до 60% всех бюджетных расходов.

В-седьмых, либерализм порождает проблему «расслоения» экономического пространства — на автономные, по-разному пространственно локализованные системы взаимосвязанных хозяйственно-технологических цепочек. Речь идет о том, что либеральная модель открытой экономики превращает национальную экономику в совокупность разрозненных «самостоятельных хозяйствующих субъектов», *не образующих* никакого единого целого, а лишь «соотнося-

щихся» с некой «определенной территорией», в которой они всего лишь — «совместно локализируются».

Очевидно, что при таком либеральном подходе к формированию национальной экономики, как тут не вглядывайся, но экономического пространства страны никак не обнаружишь. Оно здесь неизбежно превращается в *лоскутное одеяло*, которое, *во-первых*, каждый начинает тащить на себя; *во-вторых*, перетягивая это «одеяло», его неизбежно разрывают; а, *в третьих*, каждый собственник куска «одеяла» латает его на свой манер, подбирая для латок те лоскуты, которые ему либо больше нравятся, либо те, которые он сегодня нашел. Народнохозяйственный комплекс здесь отсутствует.

В-восьмых, либеральная модель обостряет до предела все социальные противоречия, превращаясь в механизм скрытой гражданской войны с населением страны, которое новая финансовая элита рассматривает с позиций социального расизма и социальной сегрегации, называя, например, русский народ не иначе, как «этот народ», живущий в «этой стране». В среднем работник в России в конце 1998 г. мог купить продуктов питания (в минимальном наборе) почти вдвое меньше, чем в 1913 г., и в четыре раза меньше, чем в 1985 г. [12, 102—103].

В-девятых, господство доктрины неолиберализма привело к архаизации всех сторон общественной жизни, включая и архаизацию и разрушение механизмов общественного воспроизводства, функционирующего в качестве спекулятивно-финансового анклава мировой олигархии. Произошел регресс в технологии и санитарии; разрушена единая система стандартов и контроля над качеством продуктов питания, в частности, распущена хлебная инспекция.

В-десятых, либеральная модель разрушила социокультурную среду обитания человека и механизмы его воспроизводства, подорвав тем самым фундаментальные основы жизнедеятельности русского народа.

Социокультурная среда и, в частности, среда обитания человека и вся социальная сфера в целом воспроизводятся не только культурой, но и промышленностью. Было доказано, что уровень индустриального развития, характеризуемый размером занятости населения в промышленности (в расчете на 10 тыс. жителей), оказывает непосредственное влияние на изменение относительной величины занятости и в отраслях непроизводственной сферы [13, 187].

Занятость — это не только зарплата, доходы и благосостояние семьи. Рост занятости является важнейшим условием сохранения трудового уклада жизни, а также воспроизводства стереотипов жизнедеятельности и всего образа жизни. Продолжительная безработица опас-

на тем, что, вырывая человека из привычной социально-трудовой среды, она неизбежно формирует у него асоциальные, мотивы и стереотипы поведения. Именно поэтому в СССР, например, с безработицей боролись даже ценой создания избыточных рабочих мест. Непонимание этого приводит некоторых ученых к ошибочным выводам о том, что, дескать, в СССР «безработица фактически существовала», хотя и «в скрытой форме».

Заметим, что данная позиция не учитывает *проблему воспроизводства рабочей силы и общества в целом*. С этих позиций в СССР не было проблемы «излишнего количества дипломированных служащих», которое, дескать, не было вызвано целесообразностью. Все это было вызвано именно целесообразностью сохранения качества рабочей силы, а также необходимостью занять трудоспособное население, обеспечить ее трудом, чтобы избежать паразитизма, а также таких социально-психологических проблем, порождаемых безработицей, как, например, алкоголизм и разводы.

В заключение отметим, что в конце XX в. наш внутренний враг в лице либерала-западника предпринял новую контрреволюционную попытку провести в России западные реформы с единственной маниакальной целью: присоединить Россию к Западу, перекорезить все наше традиционное общество, насаждая силой западный капитализм и западные порядки.

Под прикрытием фальшивых лозунгов о свободе, братстве и демократии наша страна превратилась фактически в расистское государство, в общество, основанное на принципах *социальной сегрегации*. Это есть скрытая форма расизма, фактически узаконенного правительством в форме минимальной зарплаты на уровне иррациональной категории, нищенских пенсий и социальных пособий многодетным семьям, одиноким пенсионерам и инвалидам.

Сталкиваясь с цивилизационными и геополитическими угрозами, Россия стоит сегодня перед необходимостью создания *модели мобилизационной экономики* и использования накопленного положительного народнохозяйственного опыта. Он учит, как защищать свое экономическое пространство, опираясь на государство, борясь с угрозами и одновременно создавая условия для изменения и *расширения* реального экономического пространства в полном соответствии с законами геополитики.

Литература

1. Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. М., 2003.
2. Независимая газета. 2000. 3 июня.

3. *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. М., 2003.
4. *Фостер У.З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.
5. *Попов А.К.* О колониальной глобализации и ее сикофантах // Экономическая теория на пороге XXI века — 7: Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белолипецкого. М., 2001.
6. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. М., 2011.
7. *Плешанов А.Д.* Преодоление концептуальной неопределенности как условие выживания в геофинансовой экономике // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.
8. *Жуковский В.* Вылетаем в «трубу»...: Откровения министра экономического развития // 2012. № 44.
9. *Николаев А.Б.* Финансовый капитал и инвестиционный процесс // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.
10. *Глазьев С.Ю.* Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране. М., 2003.
11. *Грозовский Б.* В тени российской экономики <http://www.forbes.ru/ekonomika-opinion/finansy/55507-tenevaya-gossiya>.
12. *Полеванов В.* Россия: цена жизни // Экономические стратегии. 1999. № 1.
13. *Непроизводственная сфера СССР* / Под ред. В. Солодкова. М., 1981.

В.К. ПЕТРОВ

Изменение экономической и общественной модели России для преодоления мирового и национального кризиса

Будет и того, что болезнь указана, а
как ее излечить — это уж Бог знает!

М.Ю. Лермонтов

В начале 1990-х гг. западная печать была полна статей о «триумфе капитализма» и «конце истории». Советский социализм проиг-

рал глобальное соревнование двух систем, и либеральный капитализм подтвердил свою «вечность» и полное превосходство над любым другим общественно-экономическим строем. В чем же причина такого исхода грандиозного эксперимента, предпринятого в XX в.?

Причины поражения советского социализма

Причин поражения много, начнем с глубинных — духовно-религиозных. В 1906 г. вышла работа С.Н. Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип». В ней автор дает глубокий анализ личности Маркса и его учения. Булгаков, как многие русские мыслящие люди того времени, прошел период сильного увлечения марксизмом и социалистическими идеями. В социализме он увидел положительные начала создания справедливого свободного общества без эксплуатации и унижения человека. Марксова критика капитализма легла на благодатную российскую почву. Однако благородная цель не может достигаться грязными средствами. Православная закваска Булгакова сказалась, когда он почувствовал злобный дух ненависти, привитый социализму Марксом. Построение социализма в его представлении опиралось на тотальное насилие и уничтожение целых социальных слоев (классов), подавление личности человека через воинствующий атеизм. Именно Маркс придал нейтральному в религиозном смысле социалистическому движению такой яркий антирелигиозный характер. И Булгаков счел своим долгом раскрыть эту темную сторону марксистского учения.

Дух ваяет формы, и в социализме, как и во всей культуре, идет борьба Христа и антихриста. Марксистский социализм, по Булгакову, это — зло, имеющее обличие добра, потому наиболее опасно для общества. К сожалению, именно темная сторона социализма победила в России, и страна понесла страшный урон от репрессий и беззакония. Такой строй был наказанием народу свыше за его грехи, а не осуществлением цели общественного развития: «Как бы ни представлялись ясны общие исторические задачи социализма, но конкретные формы социалистического движения, мы знаем, могут весьма различаться по своему духовному содержанию и этической ценности. Оно может быть воодушевляемо высоким, чисто религиозным энтузиазмом, поскольку социализм ищет осуществления правды, справедливости и любви в общественных отношениях, но может отличаться преобладанием чувств иного, не столь высокого порядка: классовой ненависти, эгоизма, той же самой буржуазности — только навыворот, — одним словом, теми чувствами, которые под фирмой классовой точки зрения и классовых интересов играют столь доминирующую роль в проповеди марксизма» [1, 16].

Следует отметить еще одну причину религиозного свойства, определившую поражение советского социализма. Она относится к области христианской эсхатологии. Антихрист не может прийти в агрессивно атеистическое общество, где его просто не заметят. Об этом писал в самые предреволюционные годы старший современник С.Н. Булгакова Л.А. Тихомиров: «Во всяком случае, мы видим, что в эпоху перед концом мира материализм и атеизм, делающие ныне такие завоевания в народных массах, явятся уже пережитыми, господство же получит демонический мистицизм, соединенный с крайней развращенностью и безнравственностью. На этой почве и появится Антихрист...» [2, 579]. Именно все эти факторы уже давно существуют в развращенном западном обществе, а теперь и у нас в РФ есть черная и белая магия, астрологические прогнозы и т. п.

Помимо духовно-религиозных причин поражения советского социализма были и другие, чисто материального характера. Старое зло капитализма победило молодое зло еще и потому что обладало гораздо большими ресурсными возможностями. С середины 1970-х гг. американский доллар окончательно потерял всякую связь с золотом и стал «неуязвимой бумажкой», которую принимали практически во всех странах мира, включая злейшего врага СССР. Советский же рубль наполнял бумажным валом только просторы нашей родины. Эмиссионный путь развития привел к экономике дефицита, товарному голоду и недовольству широких масс населения. Началась перестройка, и топорными грубыми методами советская система была сметена духовными наследниками большевиков («большевиками наизнанку»).

Системный кризис

Итак, один строй, ведущий в погибель, уступил место другому, более изощренно ведущему туда же. Дело не в том даже, что копия коррупционно-компрадорского типа хуже оригинала, а в том, что сам западный капитализм имеет ярко выраженный богоборческий антихристианский характер и готовит мир к принятию антихриста. Для этого применяются меры военно-политического, социально-экономического, социокультурного свойства для нивелировки религиозных, национальных, культурных и иных различий между народами и государствами. На это, собственно, и направлены процесс глобализации и подрыв национального суверенитета большинства стран мира.

В ЕС, например, входят страны, «добровольно-принудительно» отказавшиеся от большей части своего суверенитета. Давно сдался Папа Римский, уже *de jure* прекративший борьбу католической церкви

с масонством. В начале 1960-х гг. на II Ватиканском соборе он разрешил католикам вступать в масонские ложи. De facto Папа стал «Ватиканским узником» масонства в 1870 г., когда новые власти объединенной Италии отвели ему всего лишь один Римский квартал. И он уже вписан в мировое сообщество и необходим ему, по-видимому, чтобы сдать антихристу сотни миллионов послушных ему католиков.

Любые независимые действия формально независимых государств даже во внутренней политике раздражают «сильных мира сего» и могут вести к прямому военному вмешательству. Вспомним судьбу Югославии, Ирака, Ливии и теперь вот Сирии. Похоже, идет зачистка геополитического пространства для «нового безбожного мирового порядка» — «novus ordo seclorum» (надпись на «неуязвимой бумажке» — долларе США).

Что касается России, то она напоминает больного, которому влили не ту группу крови при шоковой терапии. Больной мучается, страдает, но доктора не спешат выписать ему нужное лекарство, а может, просто не знают какое. Действительно, строй, основанный на коррупции изначально, на дележе общенародной собственности между «своими братьями» («из грязи в князи»), нуждается не в модернизации, а в полной реконструкции. Такой российский капитализм и нужен Западу для подчинения, а при возможности и уничтожения России. Трудно представить, что российский народ может подняться на новую отечественную войну ради защиты олигархов или коррумпированных чиновников. Народ сам активно разлагается при содействии СМИ, местной и залетной антикультуры.

Культ денег отравляет человеческие и общественные отношения, искажает сам образ человека и может определить его дальнейшую судьбу в вечности. Морально-нравственное разложение в РФ напоминает оценку К. Марксом сущности мирового еврейства: «Каково мирское основание еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ евреев? Барышничество. Каков его светский бог? Деньги. ...Деньги есть ревнивый бог Израиля, рядом с которым не может существовать никакой другой бог...» [1, 13]. Таким образом, России пытаются привить чужой культ, не вписывающийся в отечественные традиции. Отсюда страшная ломка всего организма и потеря ориентации в историческом пространстве на базе деидеологизации, т. е. лишения традиционной нравственности и исторической памяти.

Главный удар всех антихристианских и антироссийских сил наносится по Церкви и государству, по последним духовным и светским скрепам больного общества. Антихрист, естественно, не может появиться в православной среде, отсюда бешеная злоба к РПЦ всех

«хилиастов» и «харизматиков». Что касается государства, то оно играет разную роль в эсхатологическом контексте. Русский философ Е.Н. Трубецкой писал в 1913 г.: «В различные времена государство имеет неодинаковое значение для дела Христова: поэтому оно не может иметь одинаковую ценность и для антихриста. ...Сдерживая внешние проявления зла, препятствуя аду овладеть вселенной, государство тем самым в настоящий переходный момент так или иначе служит делу Христову: при этих условиях, естественно, что современное явление царства антихриста должно характеризоваться направлением антигосударственным, анархическим» [3, 428].

Возвращение российского государства в определенной степени к традиции и независимой внешней политике не дает покоя всем врагам России, отсюда постоянное внешнее и внутреннее давление на власть: «Антихрист отрицает государство до тех пор и постольку, поскольку оно ценно для добра, и боготворит его с того момента, когда оно утрачивает эту ценность» [3, 429]. Антихристианское западное государство («мировое правительство») уже почти созрело для приема антихриста и пытается вызвать хаос и анархию в России.

Прежде всего, после развала СССР в РФ резко усилилась деиндустриализация. Российская экономика технологически, организационно, финансово оказалась плохо подготовлена к резкому открытию внутреннего рынка. Многие промышленные отрасли пришли в упадок, особенно машиностроение, считавшееся когда-то в СССР ведущей отраслью промышленности. По ряду экономических показателей мы не достигли еще 1990 г. Очевиден энерго-сырьевой крен в экономике, но экспортные доходы неэффективно используются внутри страны, где процветают, в основном, строительство и торговля. Запрос на инноватизацию существует на словах со стороны государства, но у него мало рычагов управления: нет Госплана, жесткого валютного регулирования. Фактически создан неинновационный строй, ведущий страну в системный тупик. Ситуацию можно рассматривать с оптимистическим пессимизмом: предпосылки прорыва есть (природные, финансовые ресурсы, наконец, квалифицированные люди и вековая традиция сильного государства), но сложившийся общественно-экономический строй не дает...

Преодоление

Диагноз поставить, опираясь на Св. Писание и гениальных предшественников, еще можно, но какой выписать рецепт «больному»? Над этим вопросом мучился и С.Н. Булгаков: как соединить христианский дух любви с социализмом? Ему в этом плане было еще легче, чем нам. Он жил тогда в православной российской империи, и по-

пытка соединения христианства с социализмом казалась вполне логичным делом. Сегодня же нам постоянно твердят о многоконфессиональности России, что затрудняет разработку данного вопроса. Причем больше всех об этом беспокоятся атеисты и люди, далекие от всякой конфессии.

Известно, что все имперские образования имели обширные территории, населенные разными народами различного вероисповедания. Религиозное же лицо империи определяла доминирующая вера большинства населения и его политической элиты. Вообще, в современном мире имеется очень мало моноконфессиональных стран. Например, в Египте проживает 10—15% христиан: коптов, православных и ряда других христианских конфессий. Однако принято считать Египет исламской страной. В официально исламской республике Иране конституцией признаются еще три вероисповедания: христианство, иудаизм и зороастризм. Россия на протяжении свыше 1000 лет формировалась как православное государство (Третий Рим), на территории которого оказались различные народы неправославного вероисповедания, причем все они признали верховную власть православного «белого» царя, и им позволялось свободно отправлять свои культы.

Попытка марксистов-атеистов разгромить РПЦ полностью провалилась, хотя оставила за собой печальные последствия отлучения от веры большого количества населения. Сегодня Церковь в России восстанавливает свое традиционное влияние в обществе, внося в мир тот самый дух любви, о котором писал С.Н. Булгаков. Дух самих общественных отношений зависит от морально-нравственного состояния людей. Чем больше в России будет православных по духу членов общества, тем, наверное, проще изменить саму парадигму национального развития и преодолеть системный кризис. Важным союзником общества в этом деле должно быть, безусловно, государство. Оно не может построить рай на земле, как обещали марксисты-коммунисты, его задача — не допустить становления на земле ада. Конечно, все силы мирового зла будут препятствовать такому ходу развития событий, но у человека есть свободная воля и разум для борьбы с этими силами, при этом надо учесть, что без помощи Божьей человек слабее сатаны и даже самого мелкого беса.

Свыше 100 лет тому назад наш духовный отец С.Н. Булгаков, рассуждая на эту тему, писал: «Да придет Царствие Твое! Да будет воля Твоя на земле, как на небе!» Такова наша молитва. Такова же и конечная цель мирового и исторического процесса. Таков должен быть высший и единственный критерий для оценки человеческих деяний, определяющий их как плюс или минус в мироздании, дающий

им абсолютный и окончательный, т. е. религиозный коэффициент. Употребили ли мы дарованные нам Богом силы для созидания Царствия Божия, которого нам дано не только ожидать, но и в меру сил готовить хотя бы в качестве последних и ничтожных камней — в этом деле нет ничего ничтожного, — или мы растратили силы эти втуне, в постыдной праздности и лени, или, наконец, употребили их на работу “во имя свое“, чуждую и враждебную целям Царствия Божия?» [1, 17]. Действительно, только с помощью Божьей можно излечить все наши болезни, если, конечно, мы этого сами захотим!

Литература

1. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // <http://www.vehi.net/bulgakov/marks.html>.
2. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
3. Фомин А. Россия перед вторым пришествием. Тбилиси, 1995.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Как можно решить задачу сбережения российского народа

С.П. Капица в 1999 г. выпустил книгу о *демографическом переходе*, который переживают страны всего мира, включая Россию. Отечественные демографы еще в 1970-е гг. писали о приближающемся времени снижения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения страны. На этом основании либерально настроенные ученые делают вывод о закономерности наблюдаемых в России в конце XX в. демографических процессов, говоря о том, что не надо их политизировать.

Так ли это?

В 2000-е гг. появилась категория «русский крест», обозначающая пересечение кривых резкого падения рождаемости и стремительного роста смертности в России в это время. Население страны с 1992 г. начало вымирать — в мирное время, без эпидемий и стихийных бедствий. Просто в результате проводимых в стране либеральных реформ. И это при том, что в Конституции Российской Федерации было определено, что наша страна — социальное государство.

В 2000 г. началось осознание опасности подобных демографических процессов для безопасности страны, и была разработана Концепция демографической политики до 2015 г. Но демографическая ситуация в России только ухудшалась. Поэтому в 2007 г. была разработана Концепция демографической политики России до 2025 г., введены платежи за второго и последующего ребенка в виде «материнского капитала» и другие меры стимулирования рождаемости. В 2009 г. значительно повышены пенсии для снижения смертности от низкого уровня жизни пенсионеров. В 2011 г. впервые в новой истории России население страны не уменьшилось. Но решена ли этим демографическая проблема в корне?

Рассмотрим, что дали проводимые в последнее время меры по стимулированию рождаемости. На желаемое число детей в семье они никак не повлияли. Начали рождаться дети в тех семьях, которые откладывали рождение второго ребенка до «лучших времен». Кроме того, в детородный возраст вступило поколение 1980-х, весьма многочисленное вследствие проводимой в 1980-е гг. в СССР государственной политики стимулирования рождаемости. Но скоро им на смену придут родители поколения 1990-х. Их катастрофически мало. Кроме того, как показывает исследование, проведенное в 2011 г. коллективом ученых под руководством члена-корреспондента РАН Н.М. Римашевской, эти «дети реформ» имеют низкие характеристики здоровья и приверженности к семейным ценностям. Уже сейчас 20% семей — неполные, 25% детей рождаются вне брака. Широко распространены «гражданские браки», которые в большинстве не обладают функцией деторождения. Это значит, что страну ждет новое резкое снижение рождаемости. Как показывают прогнозы, сделанные на кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, в таких условиях рост населения страны возможен только при рождении четырех детей на одну женщину, что нереально в нынешних условиях.

Кроме того, Россия занимает 129-е место в мире по продолжительности жизни мужчин из-за их сверхсмертности в трудоспособном возрасте. В качестве причин называют алкоголизм, наркоманию, травматизм. Но все это следствия, прежде всего, наблюдающегося в России *падения национального духа*. Значительная часть мужского населения страны не видит себя успешным в государстве, созданном на базе либеральных реформ 1990-х гг., и поэтому физически вымирает. Это относится, прежде всего, к поколениям, чье становление произошло в СССР (женщины к данной ситуации приспособлены лучше).

Отметим, что предлагаемое либеральными авторами решение демографической проблемы только с помощью миграции — типико-

вый путь. На адаптацию мигрантов требуются средства, сопоставимые с расходами на повышение рождаемости, а итог — рост политической напряженности в стране.

Проводимая сейчас в стране демографическая политика — результат *экономического подхода* к данной проблеме. В то же время, воспроизводство населения — это *сфера не экономическая, а хозяйственная*, поэтому действовать тут надо на основе *теории хозяйства*.

Остановимся на основных понятиях теории хозяйства народонаселения.

Воспроизводство народонаселения — это триединство биологических, социальных и культурных процессов. Оно реализуется в процессе общественного производства и потребления. На микроуровне человек воспроизводится в семье, на макроуровне — как население планеты. Сам режим воспроизводства населения зависит от способа хозяйствования. В процессе исторической трансформации способов хозяйства происходит переход от естественных к искусственным режимам воспроизводства населения — т. е. от режима, в котором демографическое хозяйствование человека было в соответствии с природой, к деятельности вопреки природе, демографически искусственной. Воспроизводство населения в современном мире осуществляется в семейно-государственной форме. При этом даже при экономическом способе производства воспроизводство населения не имеет полностью стоимостную форму. Поэтому *хозяйство народонаселения — это специальная категория, требующая отдельной проработки в русле теории хозяйства*.

Современные демографические процессы в России угрожают целостности страны. Этот вывод сделан еще в Концепции демографической политики до 2015 г., утвержденной в 2000 г. В России в 1990-е гг. был взят курс на вариант либеральной модели семейной политики, государство отстранилось от какой-либо семейной политики. В результате этого рост смертности и падение рождаемости оказались столь серьезными, что заставили правительство провозгласить сначала семейную, а потом и демографическую политику государства. Для нового этапа развития демографической политики в России нами предлагается разработать, утвердить и реализовывать *федеральный закон о демографической политике РФ*.

Есть два крайних подхода к определению объектов государственного социального управления. Либеральные школы сужают содержание объектов государственного управления, сводя его к основными элементами: обороне, законопроизводству, борьбе с преступностью и т. п. Наоборот, тоталитарный подход предполагает включение в состав управляемых государством объектов не только социальные,

но и личные процессы. Мы исходим из того, что Российская Федерация по Конституции РФ — социальное государство. Поэтому демографические процессы, от которых зависит сохранение целостности и независимости страны, могут являться объектом государственного регулирования.

Демографическая политика — это часть социальной политики. Основными инструментами социальной политики государства являются социальные гарантии, стандарты, потребительские бюджеты и другие пороговые ограничители. В последние годы уровень социальных гарантий существенно снизился по сравнению с социальными гарантиями в СССР. Этому способствовали замена принципа социальной справедливости принципом равных возможностей и свертывание некоторых социальных функций государства. В итоге наблюдается снижение уровня жизни значительной части населения, рост поляризации доходов населения, увеличение смертности, сокращение рождаемости и т. п. Поэтому наиболее востребована сегодня социальная защита населения, обеспечивающая поддержку наиболее уязвимых слоев населения, что относится и к демографическим процессам. В последние годы существенно возросло количество учреждений в сфере социального обслуживания семей и детей, введена такая категория выплат, как «материнский капитал», осуществляется переход к адресной поддержке социально уязвимых семей и групп населения. В федеральном бюджете увеличиваются целевые расходы на социальную поддержку семьи, женщин, детей и молодежи. Но и при этих условиях семьи с детьми имеют очень большой риск попасть в малообеспеченную группу населения.

Второе направление демографической политики — снижение смертности. На реализацию этой цели направлены реформы пенсионной системы, системы здравоохранения. Увеличивается размер пенсий. Введено обязательное медицинское страхование, намечен переход к обязательной диспансеризации населения. Но государственные расходы на здравоохранение и размер пенсий в РФ явно недостаточны, особенно по сравнению с развитыми странами.

Третье направление демографической политики — миграционная политика. Сейчас происходит упорядочение государственной миграционной политики. В предвыборной статье В.В. Путина сказано, что без мигрантов невозможно достигнуть требуемой численности населения России, но имеется в виду только легальная миграция. В то же время неконтролируемая нелегальная миграция, оцениваемая до 5 млн человек, ухудшает условия развития страны.

Но поскольку воспроизводство населения — это не только экономический процесс, но и социальный и духовный, демографическая

политика должна включать в себя меры по повышению значения семейных ценностей, морально-нравственного уровня молодежи, уважительного отношения к старшему поколению, предотвращению насилия по отношению к детям, женщинам и старикам. Рост населения страны, как показывает исторический опыт, происходит в условиях повышения его национального духа, уверенности граждан страны в завтрашнем дне. И это тоже должно учитываться при проведении активной демографической политики.

Принятие *Закона о демографической политике РФ* позволит законодательно сформулировать четкие единые цели данной политики и обязательные для исполнения взаимосвязанные меры по ее реализации. Реализация адекватной демографической политики создаст благоприятные условия для осуществления воспроизводства населения России.

Раздел III

Актуальная социально-экономическая проблематика: реальность и мысль

В.Д. БАЗИЛЕВИЧ

Философия экономики в системе самосознания общества

Усложнение общественной жизни, развитие форм ее организации, смена культурных форм повышают значимость интеллектуальных достижений, т. е. интеллектуальной жизни общества, ибо творчество мыслящей личности становится «точкой» развития всей системы и перехода ее в новое качество. Научно-технический прогресс, интеллектуальное созидание предоставляют в распоряжение человека мощные силы, способные не только на дальнейшее преобразование социальной жизни, но и на наделение ее смыслом.

Однако в самосознании общества, отдельных индивидов этим тенденциям не придается должного значения, они так и остаются на обочине активной деятельности. Об этом свидетельствует тот факт, что в условиях постоянных кризисов — экономического, духовного, экологического, антропологического — человек довольно медленно меняет свой менталитет, образ жизни, систему образования, в которых продолжают действовать установки, не всегда согласующиеся с реальными вызовами времени. Решение этих проблем предполагает изменение культуры эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, а тем более способа мышления как в индивидуально-личностном, так и в общественном масштабе.

Важнейшими средствами ослабления напряжения этих проблем, последовательного и терпеливого их решения являются культура, образование, наука, искусство и особенно — философия. Но для этого она и сама должна пройти «курс изменения» своего самосозна-

ния, сблизив предметное содержание научно-образовательной деятельности с аксиологической направленностью, введя антропогуманистические критерии в оценки результатов своей деятельности.

Предметное обеспечение образования — это, прежде всего, задача конкретных наук, решающих, что ныне должно входить в их «основы». Здесь и возникает место для *философии экономики*. Образование в целом есть поле комплексных исследований, междисциплинарного подхода и всеобъемлющего анализа, поскольку оно является системным объектом, и системны его основные проблемные ситуации. Для философской же рефлексии как нет особых «объектов» внутри этой системы, так нет и запретов — любая область отношений мира и человека может стать проблемой философского осмысления, однако под определенным углом зрения и со специфическими мировоззренческими и методологическими целями, а именно, связей «частностей» с общей картиной мира, необходимой человеку для ориентации в нем и построения адекватных систем практического действия.

Формирование понятия «философия экономики» становится следствием расширения образовательно-культурного пространства и дифференциации философского знания. Основания этой дифференциации были начаты в теоретическом дискурсе баденской школы неокантианства Г. Риккертом и В. Виндельбаном, которые сформировали общие принципы философии культуры как специфической области исследования и осуществили обоснование ценностного плюрализма как источника качественно новых направлений философского анализа. Становление собственно философии экономики, таким образом, произошло в контексте общекультурного процесса формирования методологий комплексного анализа социоэкономической реальности и «средствами учета потенциала синергетического эффекта взаимодействия разных научных дисциплин, и формирования их средствами нового результативного знания как фундамента научных концепций и теорий» [1, 9].

Практика реальной жизни свидетельствует, что смысловой потенциал философско-экономических исследований в современном обществе выходит далеко за пределы научно обоснованного экономического знания, демонстрируя, что «четкая рациональность должна дополняться социальной мудростью, в частности экономической, которая иногда имеет иррациональные измерения, такие как традиционность, моральность, духовность и пр.» [1, 8]. Как известно, рациональность без философской духовности теряет свое антропогуманистическое назначение.

Можно поставить вопрос: обладает ли философия экономики особым предметом, а соответственно и способом философской рефлексии, особым категориальным аппаратом, чтобы претендовать на особое место на общем «древе» философского знания, подобно классическим философским дисциплинам: онтологии, гносеологии, логике, аксиологии, этике, эстетике, философской антропологии и т. п.? По-видимому, это все-таки более частная сфера, которая может, например, образовываться в рамках социальной философии, по тем же основаниям, что и философия техники, философия права и пр. Однако многие проблемы философии экономики граничат с логикой и гносеологией, онтологией и аксиологией, этикой и эстетикой, философскими концепциями человека и т. п., поэтому проблемное поле ее сложно-системно. «Философия экономики есть философия специфического раздела культуры. И в этом плане она, базируясь на результатах частных (в том числе экономической) наук, должна ответить на онтологические и антропологические вопросы: “куда” и “зачем” развивается нынешняя экономическая ситуация и какова ее социально-аксиологическая направленность. В этом плане пока делаются лишь первые шаги» [2, 7].

В этом контексте необходимо методологически разделить философию экономики и экономическую философию. Философию экономики можно считать системой мировоззренческого анализа экономических знаний, что позволяет определить сущностные характеристики экономических явлений и процессов, а также меру социально-практической эффективности всего многообразия экономических концепций в их конкретно-исторических проявлениях. Экономическая же философия — это методологически отличная от философии экономики область знания, которая является системой последовательного обоснования той или иной экономической позиции как ценностной основы социально-экономического развития общества. Соответственно в качестве предмета философско-экономического анализа выступает «экономическая деятельность человека, смысл, цели и ценности его экономического поведения» [1, 11], а объектом — его экономическая деятельность.

Непосредственным поводом появления философии экономики стала необходимость осмысления усложняющегося социокультурного бытия человека в современном мире — в XXI в., предполагающем окончательную смену индустриального (экономического) общества информационным, постиндустриальным. Это изменяет системы деятельности, адаптации и выживания человека в новых условиях. Наблюдая и осмысливая результаты и последствия своей рациональной деятельности, человек оказался в ситуации, не адекватной его

ожиданиям, с которой он не может пока справиться, опираясь на полученный в системе образования и культуры багаж знаний и способностей. В этом контексте вопрос нужно поставить следующим образом, считает В.С. Степин: «Если мы говорим о видах социальных организмов как о цивилизациях, то недостаточно рассмотреть только лишь, как организована их экономическая жизнь. Нужно саму экономическую жизнь понять с точки зрения доминирующих культурно-генетических кодов, базисных ценностей соответствующих цивилизаций» [3, 18].

Данный культурно-генетический код выступает информационной структурой, которая играет роль, аналогичную роли генов в развитии биологических видов. В качестве таких структур выступают базисные ценности культуры, частью которой является философия. Они представлены категориями культуры, мышления, мировоззренческими универсалиями, на основании которых функционирует и развивается огромное количество социоинтеллектуальных программ человеческой деятельности, поведения и общения, представленных в виде различных кодовых систем и составляющих «тело культуры». Мировоззренческие универсалии выполняют в жизни общества такую же функцию, как гены в живом организме. Они организуют в целостную систему сложный набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социокода, играют роль своего рода ДНК социальной жизни.

Смыслы мировоззренческих универсалий (категорий «природа», «космос», «пространство», «время», «человек», «свобода», «справедливость» и т. д.), формируя целостный образ человеческого жизненного мира и выражая шкалу ценностных приоритетов соответствующего типа культуры, определяют, какие фрагменты из непрерывно обновляемого социального опыта должны попасть в поток трансляции, а какие — остаться вне этого потока, т. е. не передаваться новому поколению и не играть сколько-нибудь важной роли в его становлении. Тем самым «они определяют, какие знания, верования, ценностные ориентации, целевые установки, образцы деятельности и поведения будут преимущественно регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь» [3, 18]. В этом отношении функционирование универсалий культуры действительно весьма похоже на роль ДНК как своеобразной матрицы синтеза белков и других веществ, из которых построены клетки и многоклеточные организмы, матрицы, определяющей основную структуру и функции этих организмов. «Система мировоззренческих универсалий — это своеобразный культурно-генетический код, в соответствии с которым воспроизводятся социальные организмы. Радикальные из-

менения социальных организмов невозможны без изменения культурно-генетического кода. Без этого новые виды общества возникнуть не могут» [3, 18].

В этом контексте философия экономики может рассматриваться как область «социально-философского знания, сущность которого раскрывается в исследовании структуры экономического сознания и специфики экономического мышления современного человека, а также условий, средств и механизмов принятия максимально эффективных экономических решений и формирования их средствами позитивных социальных эффектов» [1, 12]. Другими словами, философия экономики выступает своеобразным социокультурным генетическим кодом, методологические и мировоззренческие функции которой позволяют позиционировать ее в качестве теоретического основания организации социальной и экономической деятельности.

Все это побуждает к более глубокому изучению человеческого потенциала в экономической жизни с учетом форм его интеллектуально-культурного бытия, накопившихся изменений с целью создания защитных механизмов от разрушительных сил социальных катастроф и культурного безразличия в историческом аспекте. Ведь в оценке экономических школ и направлений, их ответах на экзистенциальные проблемы жизни человека принципиально важны исходные позиции, а именно: в какой целостной социокультурной, исторической и национальной среде существует и развивается та или иная система экономических идей? Это предполагает классификацию и отбор предметного содержания экономических знаний, обеспечивающих информационный багаж и развитие личностных способностей, а также аксиологическое, смысложизненное обоснование мотиваций деятельности, предлагаемые тем или иным мыслителем-экономистом. Или, как говорит Р.Л. Хайлбронер, «философом от мира сего». Экономисты всегда вели исследования. Идеи, с которыми они выступали, с которыми имели дело, в отличие «от идей великих философов, играли заметную роль в нашей повседневной жизни; казавшиеся им нужными эксперименты, не могли быть проведены в тиши лаборатории. Теории великих экономистов потрясали мир — а их ошибки оказывались для него губительными» [4, 17]. Важно учитывать и тот момент, что «превращение их еретических мнений в образец здравого смысла вкупе с их же обличением «здравого смысла» как набора предрассудков были «важнейшими элементами при строительстве интеллектуального здания современной жизни» [4, 17]. Все это предполагает изучение философских смыслов каждого экономического учения в истории их развития.

Литература

1. Глушко Т.П. Філософія економіки у структурі сучасної гуманітарної освіти. К., 2008.
2. Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. 2002. № 7.
3. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2.
4. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М., 2008.

Л.С. ВОРОБЬЕВА

Постреформизм образования — вызов глобализации

В начале XX в. важнейшим понятием, характеризующим процессы мирового развития, стала *глобализация*, которая охватила практически все сферы общественной жизни человека и кардинально повлияла на существование человека — тем самым создав и трансформировав общее для всего человечества социокультурное пространство. Глобализация — процесс социальной трансформации, в ходе которого человеческое содружество постепенно интегрируется во всемирную социальную систему. Мир, основные элементы которого отличаются взаимозависимостью, что свидетельствует об общности отличий, т. е. единстве в разнообразии, становится целостным.

Большинство работ по глобализации исследуют этот процесс на феноменологическом уровне: изучаются трансграничные и кросс-культурные отношения в хозяйственно-производственной, экономической, политической, информационной и других сферах. Но появляются исследования, имеющие и обобщающий характер — с попыткой выяснить глубинные социально-исторические и социально-культурные источники глобализации, в которых глобализация объясняется не как что-то такое, что внезапно обрушилось на человечество, а как специфическое социальное образование, подготовленное социокультурным развитием и эволюцией социоприродных отношений.

Именно феноменологичность и фрагментарность в исследованиях глобализма вынуждают исследователей сосредоточиться на анализе очевидных явлений, которыми становятся риски, обусловленные объективным развитием всего человечества и субъективно воспринимаемые как глобальные проблемы современности. В начале XXI в., когда стала очевидной возможность различного рода катастроф (экологической, демографической, антропологической), возникла настоя-

тельная необходимость в поиске новых путей социокультурного развития человечества, выработке новых ценностей, новой мировоззренческой системы координат, которая призвана обеспечить стратегию выживания человечества.

Подавляющее большинство современных ученых признают, что глобальные проблемы вызваны деятельностью человека техногенной цивилизации, разворачивавшейся на основе классического рационализма, согласно которому мир воспринимался человеком как объект реализации ее целей и потребностей этой цивилизации, т. е. человек и природа не рассматривались как целостная система.

Глобальные проблемы отражают существенные противоречия, охватывающие экономическую, энергетическую, демографическую, социальную, экологическую и другие сферы человеческого существования. В результате эти противоречия начинают разрушать безопасное и гармоничное развитие самого человека.

Современное состояние общества, как украинского, российского, так и мирового масштаба, доказывает, что для выживания и успешного решения глобальных проблем необходимы новые мировоззренческие основы жизни людей, нормы общественной жизни и системы ценностей. В этом процессе ключевая роль отводится прежде всего образованию, в основном гуманитарному, новые основания которого сейчас разрабатываются в современной науке. Принципиальное противопоставление знания о природе и знания об обществе сейчас преодолевается, и становится очевидным, что, несмотря на все различия, они органично дополняют друг друга в процессе целостного освоения действительности.

Стоит отметить, что увлечение важными достижениями науки и техники в XX в. привело к тому, что сфера образования практически во всех странах мира занялась главным образом трансляцией из поколения в поколение достаточно узких, по сути фрагментарных, технократически ориентированных знаний, умений и навыков.

Глобально ориентированное образование актуализирует вопрос формирования целостной картины окружающего мира, которая способствует осознанию принадлежности каждого к единому человеческому сообществу; восприятию ценностей духовных, культурных, нравственных в их национальном и общечеловеческом понимании; ознакомлению с образом жизни, ценностями и приоритетами разных народов мира и т. д. Заметим, связанные с этим образовательно-воспитательные, гуманитарные по своей природе цели достаточно часто вообще игнорируются современным образованием.

Все заметнее в образовании сейчас возникают такие кризисные процессы, как несовпадение между потребностями общества, требо-

ваниями к профессиональной подготовке специалистов и уровнем их реальной подготовки; несоответствие традиционных целей образования требованиям времени; разбалансированность двух основных составляющих образования: овладения социокультурным опытом предшествующих поколений и накопления человеком в онтогенезе собственного (индивидуального) опыта жизнедеятельности в социуме.

В этом контексте смена старой парадигмы образования на новую, которая отвечала бы требованиям времени, невозможна без глубокой философской рефлексии, и именно поэтому своевременными являются новые адекватные, адаптивные системы обучения, отражающие гуманистический и антропологический подходы и предусматривающие перестройку содержания и методов обучения и воспитания с ориентацией на человека как высшую цель общества и как целостность биологического, социального и духовного, следовательно, ориентацией образования на принципы природоответственности, культуросообразности и т. д.

В сложившейся ситуации главной задачей системы образования должно стать формирование ценностного отношения человека к природе. Образование должно приобрести глобальный характер, сформировать глубокое уважение к природе, а не использоваться для борьбы с ней и для ее покорения как раньше, учитывать все особенности, продиктованные лозунгом «не нанеси вреда». Конечно, это требует полной переориентации технических, гуманитарных и общественных наук.

Основные требования настоящего времени к системе образования — создание и введение в действие таких механизмов, в основе которых лежит переориентация сознания личности и всего общества на ценностное отношение к миру в целом.

В идеале нужна целостность знания, взаимопроникновение естественного и гуманитарного знания. Но по объективным и субъективным причинам эти две сферы разорваны и развиваются относительно самостоятельными путями. Научный универсализм (энциклопедизм) остался в прошлом. Нынешний объем знаний и способов их получения порождает дифференциацию не только в науке как социальном институте, но и внутри каждой науки. Положительным моментом следует признать то, что в современном образовании все же происходит взаимопроникновение естественных и гуманитарных наук благодаря обмену технологиями и методами познания (математизация и моделирование, применение общих технологий информатики, синтез знаний о природе и человеке, диалогизм наук и т. д.).

Следует отметить, что принцип гуманистической направленности, экстранаправленный на гуманитарное образование, предусматри-

вает признание абсолютной доминантой образовательного содержания человека как наивысшей социальной ценности. Гуманистическая направленность гуманитарного образования предусматривает также действенность взаимосвязанных принципов, одним из важнейших из которых является принцип мировоззренческого плюрализма, который выступает в форме сосуществования различных интерпретаций мира, разных мировоззрений. Мировоззренческий плюрализм выражается в освобождении от стереотипов и шаблонов, а гуманитарное образование, основанное на принципах мировоззренческого плюрализма, социально ангажированного, и соответствует настоящим критериям гуманистической направленности.

Если задачей природоведческого познания является выявление закономерностей, то гуманитарного — приобщение к ценностям. Последнее выступает как существенная предпосылка и составная правильного выбора из множества возможных поступков, через которые ценности воплощаются в жизнь, какого-то одного, осмысленного через призму ценностей в качестве должного. Именно так в общественной жизнедеятельности людей реализуется принципиально отличающаяся от естественной социальная необходимость, основанная на причинной обусловленности, индивидуальной свободе личности во всей ее активности и неповторимости.

Следовательно, образование, построенное на аксиологических принципах, на наш взгляд, будет способствовать формированию личности, способной видеть мир во всем его разнообразии и единстве, а самого себя в взаимозависимости с другими и пониманию необходимости учитывать приоритеты и ценности всех — индивидов, групп людей, наций.

Следует отметить, что изучение гуманитарных дисциплин дает возможность раскрыть общие закономерности взаимодействия природы и общества, социальный характер всемирного движения в защиту окружающей среды, отношение общества к природе, пути внедрения достижений научно-технической революции и оптимизации взаимодействия человека с окружающей средой. Цикл гуманитарных предметов обобщает систематизированные знания о целостной структуре, состоянии и развитии биосферы, разностороннюю ценность природы, ее многофункциональную роль в жизни людей.

Итак, гуманитарное знание с его идеологическими, культурологическими, мировоззренческими и аксиологическими компонентами — в нашей трактовке — является важным условием решения комплекса как чисто экологических, биоэтических, так и педагогических проблем, присущих современному социуму. Одним из результатов гуманитарного образования и воспитания должно выступить форми-

рование экологически воспитанной личности, основами поведения которой в окружающей среде становятся осознание и усвоение норм морали, глубокое понимание неоспоримой ценности всех без исключения природных объектов и их потребностей, неповторимости природы и соответствующая коррекция собственных жизненных потребностей и мотивов поведения.

Стоит отметить, что осознание экологических проблем как глобальных начинается где-то с середины XX в., т. е. именно в это время человечество начало ощущать угрозу разрушения природной среды как среды своего обитания, вызванного собственной техногенной деятельностью. Сначала осознание экологических проблем как глобальных осуществлялось на уровне научного и философского сознания — через них совершалось соответствующее влияние на массовое сознание. Последние десятилетия характеризуются осмыслением глобальности экологического кризиса и на уровне государственно-политического осознания [1, 113—114; 2; 3].

Как закономерную особенность современного положения вещей можно заметить следующее: вредная деятельность человека по масштабам преобладает над «скоростью осмысления» экологической угрозы и развертыванием мер по регулированию современной экологической ситуации, но главное все же то, что человечество все больше понимает собственную целостность, необходимость совместных действий, потому что экологическая катастрофа никого не минует! И она грозит стать необратимой, т. е. человечество погибнет.

Таким образом, способствуя решению современных проблем всестороннего развития и совершенствования жизни, образование признается приоритетной сферой. Сегодня сообщества всех стран мира находятся в состоянии самоопределения, поэтому, чтобы облегчить и ускорить информационный и культурный обмен между странами, необходимо интенсифицировать процесс гуманизации взаимоотношений и возродить духовные основы жизни, что и должно стать, по нашему мнению, главной задачей для учебных заведений всех уровней. Философия выживания человечества требует пересмотра содержания образовательного процесса с учетом угроз для окружающей среды. Глобальные проблемы современности ставят перед образованием, с его идеологическими, мировоззренческими и аксиологическими компонентами, требования — обращение к принципу «опережающего отражения», т. е. формирование в сознании человека постоянной оценки возможных последствий его вмешательства в природу — как непосредственных, так и будущих.

Литература

1. *Сидоренко Л.І.* Сучасна екологія. Київ, 2002.
2. *Воробйова Л.С.* Людина в умовах глобальних викликів: філософсько-освітній аналіз. Ірпінь, 2011.
3. *Воробйова Л.С.* Пошук нової філософії освіти як вимога часу // Науковий часопис НПУ імені Н.П. Драгоманова. Сер. 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія. Київ, 2012.

В.В. ИЛЬИН

Философско-экономическое мышление: модус долженствования

Экономика, основанная на разделении труда, представляет собой, помимо прочих определений, организованную в масштабах общества, деятельность по удовлетворению человеческой потребности в обеспечении и качестве жизни. Соответственно в центре экономической логики должны находиться люди. Но на практике, а также и в современной экономической теории то, что мы называем специальной экономической логикой, все чаще предстает перед нами как странная принудительная логика анонимно действующих правил, которая порой вступает в вопиющее противоречие с нашими интуитивными представлениями о справедливой организации совместной жизни людей: одних она делает безработными, других, которые еще остаются на рынке, держит в постоянно растущем напряжении. Она так безудержно нагнетает рост «производительности» или того, что мы принимаем за «производительность», и при этом не делает ничего, чтобы обеспечить людей необходимым для достойной жизни даже на национальном уровне, не говоря уже о глобальной перспективе. И она же поощряет необратимый экономический рост, который обеспечивает части людей высочайший уровень потребления, уже давно превратившийся из социально-политической в глобальную экологическую проблему. Видимо, современная экономическая логика, т. е. теория, с точки зрения жизненной целесообразности не так уж совершенна. Чего ей не достает — так это философского измерения.

Сомнение в жизненной целесообразности динамично развивающегося независимо от человека процесса рационализации экономики обуславливает потребность в новых основополагающих ориентирах для экономического прогресса, в этико-философском осмыслении рыночной экономики. Ведь ее реальное развитие идет в направлении

все более радикального обособления «выпущенных» сил «свободного» рынка, которые охватили уже весь мир. Поэтому так востребована сегодня новая интердисциплинарная область знаний — философия экономики. В определенном смысле философия экономики призвана стать ответом на эпохальный вызов времени. Речь идет о том, чтобы уточнить и даже дать новое определение, жизнеспособное и перспективное, действительно спорным отношениям между экономической логикой и этическим здравым смыслом, между экономизмом и антропологизмом, между прагматизмом и ценностным отношением к миру.

Более того: сегодняшний мейнстримовский экономикс в известном смысле является скорее частью проблемы, чем действенным средством ее разрешения. Ведь он выстраивает лишь односторонние функции смоделированной в кабинетной тиши рыночной системы и, как правило, пытается нивелировать философско-экономические, этико-практические проблемы общественного хозяйства, полностью растворяя их именно в «логике системы». Там, где «гуманитарные потребности или общественные стремления не могут найти соответствующего применения в рамках абстрактной функциональной логики рыночной системы, или даже принципиально ей противоречат, “чистая” экономическая теория часто приводит аргументы — не особо рефлексируя по поводу собственных нормативных положений — против столь недвусмысленных притязаний общества в его хозяйственной практике на человечность и жизненную целесообразность» [1, 11].

Поэтому «задача конкретизации» [2, 134] постепенно оказывается в центре общественно-политических и экономико-теоретических дискуссий. В традиционной экономической мысли многое подлежит уточнению. Прежде всего, необходимо точно разъяснить и обосновать основополагающее различие между горизонтом мышления обладающей реальной властью экономики, с одной стороны, и философско-экономическими резонами — с другой. Совершенно очевидно, что для этого требуется интенсивная полемика с современной философской и экономической мыслью. «Чистой» экономической науке, как уже сказано, не достает безусловных этико-философских категорий, в силу ее парадигмальной ограниченности (научно вполне легитимной) категориями экономической рациональности. Со своей стороны, современная философия экономики после заметных успехов, достигнутых в последнее время на пути «конкретизации» ее общих положений, к счастью, намерена, наконец, на правах «прикладной», «практической философии» вмешаться в актуальные общественно-политические дебаты, имеющие практическое жизненное значение. И все же одного желания «применить» философию к хозяйственной, экономической

сфере как что-то внешнее по отношению к экономической логике или даже как поправку к ней недостаточно: эта логика обладает собственными нормами — задача в том, чтобы обнаруживать их внутри экономического мышления и осмысливать в свете философских принципов.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что человеку, как говорит Л. фон Мизес, «доступны только два принципа мысленного понимания реальности, а именно принципы телеологии и причинности. То, что нельзя подчинить ни одной из этих категорий, является совершенно недоступным для разума человека. Для человека событие, не поддающееся объяснению с помощью одного из этих принципов, таинственно и непостижимо. Изменение можно объяснить только как результат либо действия механической причинности, либо целеустремленности поведения; третьего пути для человеческого разума не существует» [3, 28]. Исходя из этого следует точно понимать, где, сообразно экономической логике, могут скрываться эти нормативные моменты, как они влияют на формирование практических программ в экономической политике и как при этом в имплицитной форме происходит обращение к философским вопросам хозяйствования. За этой общей задачей фундаментального переосмысления экономической логики с точки зрения критики ее нормативной основы необходимо разглядеть также специфическую задачу философии экономики, которая выходит за пределы «практической философии», с одной стороны, и «нормативной» экономической теории — с другой [1, 12].

Данные рассуждения служат отправной точкой для концепции философско-экономического мышления. Введение этого специального обозначения вполне оправдано и даже напрашивается, учитывая, что предлагаемый подход существенно отличается от уже представленных в философско-экономическом дискурсе. Методологически генеральную цель новой концепции философии экономики можно определить в соответствии с упомянутым требованием критического переосмысления нормативной основы экономической теории, как философски осмысленную ориентацию в политэкономическом мышлении, которая не игнорировала бы нормативы, имплицитно выраженные в реальных хозяйственных условиях.

«Ориентироваться в мышлении» [4, 386] — это выражение И. Канта подразумевает методически строгие действия, направленные на непредвзятое и логичное обоснование любой идеи, ее соответствия действительности. При этом речь идет о «способности думать за самого себя, принимать независимые решения» [5, 51]. Именно эту независимость собственных философско-моральных суждений, ориен-

тирующихся на самостоятельно избранные принципы, И. Кант обозначил как автономию и определил как основополагающую способность «мыслящего существа» [4, 374]. В этом смысле тот, чьи слова продуманы и взвешены, кто «говорит за себя сам, потому что сам за себя подумал, а не повторил за кем-то» [6, 10], является зрелой личностью. Зрелость подтверждает лишь тот, кто не позволяет себе скоропелых суждений. Путь рефлексии, ведущий к овладению навыком самостоятельно ориентироваться в процессе мышления, И. Кант называет «просвещением», или «выходом человека из состояния собственной незрелости» [4, 377]. Автономное, просвещенное мышление и соответственные слова могут быть названы критическими в том смысле, что они безоговорочно выносят свои позиции на суд взискательного анализа их аргументации. На философию экономики сегодня возлагается задача обеспечить возможность не просто некритично принимать заданные в реальности обстоятельства, а поставить вопрос об их этической обоснованности: реализовать на практике свободу самоопределения человека.

Ниже этого основополагающего уровня требований современной философии не может опускаться и философия экономики — и именно ввиду сложившегося положения вещей, при котором в области экономики речь зашла о критической рефлексии в рамках довольно влиятельных и властных мировоззрений и комплексов интересов. В этом отношении философия экономики всегда выступает еще и как безоговорочная и всесторонняя критика идеологии. Именно потому, что она, как минимум, согласно ее философским концепциям и интенциям, не останавливается ни перед какими мнимыми или реальными законами мышления, она является лучшим противовесом от всякого рода идеологий. Поэтому она рассчитывает систематически содействовать формированию зрелого, ответственного, экономически мыслящего человека.

Само собой разумеется, что философия экономики не предлагает в готовом виде непосредственных практических решений конкретных проблем хозяйственного поведения или экономико-политического устройства. Она в большей степени нацелена на объяснение рациональной формы мышления в основных экономических, хозяйственно-этических вопросах. Задача систематической разработки и передачи философско-экономических знаний в общем и целом сводится к главным идеям, основополагающим для интегративного принципа. Во-первых, последовательное проведение философско-экономической «мыслительной линии»; во-вторых, критика «чистого» экономического разума; аналитический подход к основным вопросам жизненно-практического рационального хозяйствования; в-четвертых,

включение в философско-экономическое мышление экономико-этической типологии, т. е. учение о «месте» морали хозяйствования в современном обществе.

Философия экономики, таким образом, стремится обосновать разумную ориентацию в экономической теории и практике, даже если это идет наперекор определенным привычкам мышления. Соответственно, новая предметность обращения к основополагающим проблемам экономики предполагает, что весь привычный круг идей экономистов тщательно изучен и именно философско-экономический подход является критерием жизнеспособной, рационально целесообразной экономической деятельности в корреляции с другими сферами общественной жизни.

Литература

1. *Ульрих П.* Критика экономизма. М., 2005.
2. *Müller-Armack A.* Genealogie der Sozialen Markt wirtschaft. Frühschriften und weiterführenden Konzepte. Bern; Stuttgart, 1974.
3. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 2006.
5. *Oser F., Althof W.* Moralische Selbstbestimmung. Modell der Entwicklung und Erziehung im Wertebereich. Stuttgart, 1994.
6. *Adorno Th.* Kritik // Adorno Th. Kleine Schriften zur Gesellschaft. Frankfurt, 1971.

3.Э. СКРЫННИК

Социокультурная эволюция денег: от «жизненного мира» к «системе»

Все чаще в современном философском дискурсе возникает понятие «монетаризм» — уже не в контексте экономической теории, а в культурно-философском смысле, образуя целое гнездо понятий: «монетарное сознание», «монетарное мировоззрение» и т. п. Содержание этих концептов авторы определяют как экстраполяцию товарно-денежных отношений на духовную жизнь и выход рационально-экономических ценностей во внеэкономические сферы бытия [1, 64]. В результате этого процесса, по выражению Ю.М. Осипова, «хозяйствовал человек многие века, искал, строил, лепил свой искусственный мир, а вылепил в итоге... мир-самоубийцу, против самого создателя вдруг и восставшего» [2, 16]. Одной из важнейших составляю-

щих в формировании «мира-самоубийцы» стала схема отчуждения: утверждение «монетарного мировоззрения» является следствием «замыкания» человека на денежной интенции, превращение человеческого мира в мир денег [1, 33].

В разных направлениях современной философской мысли предпринимаются попытки понять, почему такое развитие событий стало неотвратимым, «человек восстает против самого человека... по самой сути своей и по сути своего же мира» [2, 16—17].

Интересным и, по нашему мнению, перспективным является подход коммуникативной философии, которая рассматривает проблему под углом зрения категориальной структуры, выражающей оппозицию «жизненного мира» и «системы». При таком подходе, по мнению Ю. Хабермаса, центральным должен быть вопрос о том, почему и каким образом денежно-рыночные механизмы утверждают себя относительно жизненного мира как «сектор, свободный от социальных норм, который противопоставляет присущим жизненному миру императивам собственные императивы, основанные на сохранении системы» [3, 341]. Утверждение во всех сферах человеческой жизни денежных и связанных с ними властных кодов в процессе исторического развития — это закономерный, хотя и противоречивый и болезненный процесс разъединения общества на жизненный мир и систему. Сущность жизненного мира для коммуникативной философии состоит в том, что этот мир является средой речевой коммуникации. Его структура — в соответствии со структурой коммуникации — определяется через структурные компоненты речевых действий: пропозициональную, иллюкутивную и интенциональную. Соответственно с этими аспектами коммуникативного действия в жизненном мире выделяются «структурные ядра»: культура, общество и личность. Хабермас трактует их довольно специфически, рассматривая через призму теории коммуникации. Культурой он называет «тот умственный багаж, из которого те, кто коммуникативно действуют — т. е. достигают согласия о чем-либо в мире, — получают консенсуально принятые интерпретации» [3, 336]. Обществом (в узком смысле — как компонентой жизненного мира) он называет «легитимные порядки, благодаря которым те, кто коммуникативно действуют... черпают солидарную поддержку, основанную на их групповой принадлежности» [3, 336]. Личность — специфический термин, «который указывает на приобретенные компетенции» субъекта, способного на речевое общение и действия и могущего, таким образом, «утверждать собственную идентичность, участвовать в контекстуально обусловленных процессах взаимопонимания и интеракциях, которые постоянно меняются» [3, 336]. Эта теоретическая конструкция нужна для ответов на вопросы: в ка-

ком направлении должны двигаться структурные изменения жизненного мира? как в процессе его эволюции трансформируется функция регуляции социальных процессов?

Различие в осуществлении регулятивной функции между жизненным миром и системой состоит в следующем. В жизненном мире поведение человека регулируется морально-ценностными факторами: «так положено», тогда как в системе на первый план выходит опыт коммуникативных действий — технически-практических, инструментальных отношений человека с другими людьми и с природой по принципу «мы так решили». Различие между жизненным миром и системой как сторонами действительности, которые уже больше не предстают вновь как моменты некоторого высшего единства, вводится через дополнение понятия «жизненный мир» понятием «коммуникативное действие». Конкретные формы жизни и общие структуры жизненного мира начинают противостоять друг другу по мере того, как да/нет-решения, которые несет в себе повседневная практика коммуникации, начинают приниматься человеком через коммуникативные практики, а не выводиться из нормативно предписанного согласования. В частности, противостоит нормативным контекстам жизненного мира консенсус, достигнутый с помощью денежной коммуникации, ведь он действительно не вытекает из нормативных предписаний и не согласуется с ними, а является результатом соглашения, достигнутого по правилам рыночной конъюнктуры.

В архаическом обществе жизненный мир и система еще совпадают, системные механизмы регуляции социальных действий неотделимы от нормативного комплекса этических ценностей жизненного мира. В своем поведении человек руководствуется синкретическим по своей сути императивом: «так велели боги». Характерно это проявляется в отношении людей такого общества к деньгам — их роль как механизма достижения межличностного согласия еще не развилась. Будучи же привнесены в эту культуру извне, деньги вызывают страх и недоверие, что убедительно демонстрируют наблюдения философа И.Л. Андреева, который в статье «Человек по имени Деньги» [4, 60—72] делится впечатлениями, полученными в поездке по странам африканского континента. Он отмечает, что в африканском фольклоре деньги персонифицированы: о них рассказывают притчу как о конкретном человеке, мошеннике и жулике, очень опасном для доверчивых людей. Худшее для тех, кто стал жертвой его выходок, это то, что «Человека по имени Деньги» не могут найти, чтобы привлечь к ответственности, он неуловим. Не только на уровне мифологического предания, но и в практическом поведении современные африканцы, по замечанию И.Л. Андреева, относятся к акту купли-продажи так, будто

он, как в давние времена, реализует древний обычай обмена подарками — не обязательно равноценными, а скорее нужными, полезными, достойными дарителя и одариваемого. Африканская культура отдает предпочтение одариванию перед продажей. Поэтому и продажа напоминает дароприношение — это целый ритуал, беседа, взаимная услуга, которая сопровождается неспешным и почтительным обменом мнениями, а порой и дискуссией по поводу не только качеств и цены товара, но и выяснения родственных связей, времени и деталей праздников и ритуалов и т. д. На рынке африканский человек руководствуется в своем поведении не столько экономическими, сколько нравственными понятиями. Чтобы сбить цену, совсем не обязательно искать недостатки у товара, лучше искренне похвалить мастерство того, кто его сделал. Доброе слово ценят не меньше денег. Андреев приводит пример, когда таксист отказался получить плату с него, пассажира, так как разговор с ним был настолько приятным, что водитель оценил его дороже денег. Цена может быть названа совершенно произвольно, например, многократно завышена, а в процессе торга немотивированно занижена. В значительной степени она зависит от минутной нужды продавца, его настроения, личного обаяния покупателя. На рынках Тропической Африки отсутствует четкая связь между ценой и стоимостью, между процессом торговли и прибылью как его результатом.

В отличие от архаического, в традиционном обществе функциональная специализация социальных институтов приводит к разграничению сферы морально-этических ценностей, с одной стороны, и институционализированных механизмов политического управления обществом — с другой, что находит свое выражение в образовании государства. Инструментальная рационализация всех сфер жизни содержит в себе тенденцию к высвобождению политической и экономической сфер от нормативных предписаний, к подчинению их исключительно прагматическому расчету.

В современном обществе происходит дальнейшая дифференциация системы управления. Чем выше сложность общества, тем интенсивнее происходят отстранение системы от жизненного мира, вытеснение жизненного мира на периферию социальной жизни, в конце концов система начинает дезинтегрирующе воздействовать на жизненный мир. Он становится «провинциальным», под давлением общественной системы происходит его «овеществление»: на место повседневной коммуникативной практики становятся факторы внешнего характера, предметно-вещественные медиумы.

Именно в русле разрушения коммуникативности инструментальной рациональностью Хабермас рассматривает выделение из

предшествующих способов политического устройства экономики, управляемой рынком, которое сопровождало постепенное утверждение капиталистического способа производства и возникновение современной государственной бюрократии. В этом процессе можно выделить определенные этапы.

1. Начало такого развития следует отнести к зарождению автономии «гражданского сообщества», как ее понимали Гегель и Маркс, т. е. как экономическое самоуправление организованного на основе частного права и гарантированного государственным правом предпринимательского сообщества [3, 38]. Хабермас подробно прослеживает сближение экономической и политической сфер, начиная с зарождения финансового и торгового капитализма в XIII в. Как два основных фактора новых взаимозависимостей он выделяет созданные раннекапиталистической заморской торговлей товарооборот и обмен информацией.

На этой основе вместе с новейшим государством выстраиваются национальные и территориальные экономики. Рынки внешней торговли возникают теперь как результат политических усилий и военного насилия, по сути, они предстают как определенные «институциональные продукты» деятельности «государственного терроризма». Так начинается «национализация городской экономики», образуется то, что с тех пор называют «нацией», — государство Нового времени с его бюрократическими надстройками и возросшими финансовыми потребностями, которые в свою очередь с оказывают обратное усиленное воздействие на меркантилистскую политику [3, 61]. Единственным источником финансовых ресурсов для такого государства является дееспособная система управления, поэтому «новейшее государство — это в существенной степени государство налогов, а финансовое управление — стержень его управления вообще» [3, 61]. Стабильная деятельность государства становится прямым аналогом перманентных контактов частных лиц в обращении товаров и информации, «открытость» становится синонимом государственного; феодальное властвование превращается в «полицию», а подчиненные государству частные лица как адресаты государственной власти выступают как публика. Происходит поляризация социума на государственную власть и гражданское общество.

В этом процессе для нас важным является вопрос о месте денежных отношений в поляризованном мире. Частная хозяйственная деятельность, которая в условиях натурального хозяйства была средоточием жизненного мира, теперь вынуждена ориентировать себя на постоянно обновляемый товарооборот при открытом вмешательстве и надзоре, она впервые попадает в поле общих интересов. Таким обра-

зом, частная сфера общества подпадает под понятие «социальное». Зависимость человека от других людей становится необходимым условием самой жизни; деятельность, направленная на поддержание индивидуального существования, не только происходит открыто, но и определяет модель открытого общественного пространства. Меняется само понятие хозяйства: если до XVII в. оно было связано с кругом обязанностей ойкодеспота, хозяина в доме [3, 63], то новейшая экономика уже не ориентируется на ойкос, дом уступает место рынку, она становится «коммерческим хозяйствованием». Частная экономическая сфера гражданского общества все сильнее подвергается влиянию государственной власти. Исторические корни приватности, насыщенного и свободного жизненного мира человека, следует искать в субъективности семейной интимной сферы. Параллельно с тем, как товарооборот разрушает границы натурального хозяйства, семейная сфера отмежевывается от сферы общественного воспроизводства. Статус частного лица теперь сочетает в себе полярные роли: с одной стороны, роль того, кто владеет товаром, а с другой — отца семейства, другими словами, «владельца» и просто «человека».

Важно подчеркнуть, что в своем анализе структуры социальных пространств Европы XVIII в. Хабермас недвусмысленно относит товарообмен пока еще к сфере частного пространства, т. е. до жизненного мира. В жизненном мире между экономической сферой, основанной на рыночных отношениях, и ценностями гражданского общества существует непосредственная связь: автономия частных лиц, основанная на частной собственности, стремится проявить себя как таковая в сфере бюргерской семьи, в любви, свободе, образовании, т. е. она внутренне реализует себя как гуманизм. «Сферу рынка мы называем частной, сферу семьи, как стержень частного — интимной. Вторая считает себя независимой от первой, хотя на самом деле тесно вплетена в потребности рынка» [3, 100].

2. Утверждение современного капитализма связано с тем, что финансовый и торговый капиталы сначала подчиняют себе старые способы производства, а следовательно, переводят производство на принципы наемного труда. В духовной атмосфере Европы и, в частности, Англии этому процессу соответствует оживление интереса к публичному обсуждению экономических проблем, философы из беллетристов превращаются в экономистов. Ведущей моделью отношений в гражданском обществе становятся договорные отношения, а рынок как раз и представляет схему поведения партнеров как участников договоренностей на основе свободного волеизъявления по модели обмена между свободно конкурирующими товаровладельцами. Параллельно с развитием рыночных отношений развивается система

норм, которая обеспечивает частную сферу в прямом смысле этого слова, т. е. отношения частных лиц между собой, которые освобождаются как от сословных, так и от государственных наслоений. Эти нормы гарантируют институционализацию частной собственности и связанные с ней основные договорные свободы. Взаимосвязь между денежно-рыночными отношениями и свободой Хабермас видит в самой идее гражданского общества, конкретно в том, что саморегуляция, предоставляемая «невидимой рукой рынка», возможна лишь при условии, что «в обменный процесс не вмешивается ни одна внеэкономическая инстанция, даже если она обещает функционировать во имя общего благосостояния и справедливости по мере способностей и трудолюбия индивида» [3, 125].

Строй «свободного рынка» защищает соединение государственных функций с закодированными в системе гражданского частного права свободами. Поскольку обязательным условием функционирования свободного рынка является то, что цена выходит из-под влияния любого отдельного товаровладельца, сам закон, которого обязана придерживаться власть, должен быть в равной степени обязателен для каждого. Принципиально нельзя допускать никаких льгот или привилегий. Таким образом, государственная политика обусловлена не самими по себе принципами справедливости, определенными природным правом, а требованиями рациональности, отвечающими интересам капиталистически функциональных частных лиц, что соответствует необходимости «гарантий предсказуемости», которые открыл в промышленном капитализме еще Макс Вебер. Принцип равенства шансов для каждого участника социальных и экономических процессов Хабермас, ссылаясь на Адама Смита и Иеремию Бентама, отмечает как ведущий принцип классической экономики. Его основная цель — предоставить каждому надежные основания для рационального расчета хозяйственной деятельности по мере максимизации прибыли.

Однако описанные принципы оказались в ходе следующего исторического процесса нежизнеспособными. Тип системной рациональности, впервые предстающий с очевидностью в логике самореализации денег как капитала, начинает осваивать и другие сферы деятельности. Одной из ведущих тенденций в течение следующих ста лет развития «самоорганизующегося» капитализма стало разрушение той модели человеческих отношений, которая сформировалась на базе мелкотоварного производства: это последовательное пренебрежение правом индивидов на приватность, знаменующее распад открытости [3, 189]. Зарожденный конце XIX в. «поворот тенденций» к взаимоза-

висимости государства и экономики фактически устраняет разделение государства и общества.

Так происходит переход ко второму этапу: с одной стороны, неокорпоративистское «обобществление государства» с позиций новорожденных корпораций, а с другой — «огосударствление общества», которое имеет место вследствие политики вмешательства со стороны все более активного государства [3, 17], привели к возникновению специфически «от-мированных» форм интеракций и вызвали к жизни целую функционально специализированную подсистему, которая налаживает свои связи со всем окружающим миром через деньги. Вместе с капитализмом возникла экономическая система, которая регулирует свое внутреннее движение и обмены с ее неэкономичным окружением (частным хозяйствованием и государством) через монетарные каналы [3, 342—343]. Переключение процесса производства на наемный труд и конституирование обратных связей государственного аппарата с производством через налоги с производителей вызывают своеобразную бифуркацию социального мира. Мы видим государственный аппарат, зависящий от управляемой через собственные медиумы экономической системы. Это приводит к тому, что власть, которая осуществляется через служебные и персональные связи, уподобляется структуре отдельного медиума управления, т. е. власть приравнивается к деньгам [3, 343].

Таким образом, в современных обществах вместе с процессами обмена, движущимися благодаря медиумам обмена, в частности и прежде всего деньгам, возникает третий уровень автономно осуществляемых функциональных взаимосвязей над двумя первоначальными уровнями структуры социума (над уровнем простых взаимодействий и уровнем тех форм организации, которые связаны между собой через жизненный мир). Это интерактивные взаимосвязи, конституированные в самостоятельные субсистемы, входящие в горизонт жизненного мира, но застывающие в виде «второй природы», свободной от норм социальности, подчиненной *другим* законам. Завершается бифуркация на систему и жизненный мир, которая воспринимается изнутри жизненного мира Модерна как овеществление форм жизни.

3. На третьем этапе обе функциональные системы: институционализированные рыночная экономика и государственное управление — начинают разрушать традиционные жизненные формы «староевропейского» общества. Появляются побочные патологические эффекты в виде процессов монетаризации и бюрократизации в ядрах таких сфер, как культурное воспроизводство, социальная интеграция и социализация [3, 347]. Таким образом, возникают новые основания для конфликта между императивами системы и жизненного мира. По мере

того, как независимость жизненного мира может быть обеспечена в основном только через конкретные политические гарантии, стирается различие между частным пространством и государственной властью, открытость, бывшая ранее атрибутом частной сферы (тогда как основой власти было принуждение), вообще перестает быть частью только частного пространства. Государство и общество «попеременно прорастают друг в друга». Если раньше пространство товарообмена и общественного труда было частной сферой так же, как освобожденный от непосредственных экономических функций «дом», то теперь семья становится все более частной, а мир труда и организации все более «государственным». Деприватизация же семьи как остатка сферы приватности происходит через государственные гарантии социальной защиты, компенсаций, выплат и т. д. Основой частной автономии становится не столько частная собственность, сколько социальные гарантии статуса, приватность сужается до «семейной ячейки потребителей» [3, 202—205].

Поскольку государство все настойчивее само присваивает себе титул носителя общественного порядка, оно вынуждено через запретительное определение либерального основного права обеспечивать себе положительную установку, каким образом следовало бы придерживаться «справедливости» при социально-государственном вмешательстве. Однако государственно-правовое понимание закона настолько абстрактно, что соблюдения его формальных критериев уже недостаточно для рационального нормирования новой социальной реальности, вместо формальных гарантий все больше должны выступать материальные гарантии. В интересах компромисса они предопределяют правила программы дистрибутивной юстиции: таким образом, распределение социального продукта все больше попадает в компетенции политических инстанций, хотя общественные объединения соперничают с законодательными и исполнительными за ключ к распределению. Поэтому «социально обязанное» государство должно, прежде всего, обеспечить, чтобы уравнивание интересов, которое оно осуществляет, соответствовало параметрам общих интересов. Разобщенность государства и общества окончательно преодолевается, и государство вмешивается во все сферы общества как опекун, распределитель и администратор. Поэтому экономика и государственный аппарат выступают уже как единая системная сущность, противостоящая коммуникативной природе жизненного мира.

Таким образом, надо признать, что экстраполяция товарно-денежных отношений на духовную жизнь и выход рационально-экономических ценностей во внеэкономическую сферу бытия, которые рассматривают как причину формирования монетаристского со-

знания, предстают не как произвольный акт субъективной воли, а как процесс, детерминированный всей системой хозяйственной деятельности людей.

Литература

1. Мазараки А.А., Ильин В.В. Философия денег. К., 2004.
2. Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
3. Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство. Львів, 2000.
4. Андреев И.Л. Человек по имени «Деньги» // Вопросы философии. 2002. № 11.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Современный экономизм в контексте общественной потребности развития

Современная пореформенная Россия переживает бурный период развития, но развития патологического, связанного с триумфом экономизма. Экономизм проявляется во всех плоскостях социоэкономического пространства и охватывает не только чисто экономическую сферу, но и все остальные сферы жизни современного российского общества. Экономизм добрался до культуры, образования, здравоохранения, нравственности, морали и пытается закрепить свои позиции.

Особо подчеркнем, что термин «развитие» отнюдь не всегда предполагает положительную динамику движения в социально-значимом смысле. Так, развитие экономизма не способствует гармонизации общественных отношений, формированию социально ориентированной модели хозяйства. Рост макроэкономических показателей также сам по себе не является свидетельством оптимальной с общенациональных позиций модели развития. Соответственно для современной пореформенной России актуализируется проблема общественной потребности развития, а не потребности роста. Процесс формирования и реализации общественной потребности развития, на наш взгляд, должен быть направлен на преодоление крайнего экономизма, на выявление и поддержание ростков альтернативного экономическому постмодерну хозяйственного уклада и, как следствие, на становление подлинной экономики развития, отвечающей национальным интересам страны. Подчеркнем, что пореформенная экономика общенацио-

нальным интересам страны не соответствует, не имеет четко заданных стратегических задач, а господство неolibеральной парадигмы в экономической политике последовательно сужает границы воздействия государства на социоэкономические процессы. Фактически в пореформенный период проектная роль государства как института макроэкономического регулирования внутреннего экономического пространства свелась к минимуму.

Значительное воздействие на осуществление регулирующей функции государства в реализации национальных проектов оказывает современный глобальный мировой порядок, моделирующий экономическое развитие отдельных стран и целых регионов и являющийся проявлением экономического постмодерна, особо активно внедрявшегося в механизмы социоэкономического развития в последней четверти XX в.

Экономический постмодерн как социоэкономическая эпоха, рассматриваемая с точки зрения уровня развития производительных сил, безусловно связан с формированием техногенной, искусственной среды обитания современного социума. В этом качестве он противопоставляется предыдущим эпохам экономического модерна и премодерна, однако сущностная характеристика эпохи постмодерна сводится к крайнему экономизму, влияющему на все сферы хозяйственной и общественной жизни социума и отдельного индивида.

Именно экономизм выражает сущность экономического постмодерна, он проникает во все стороны жизни современного социума, формирует модели поведения экономических субъектов и характеризуется:

- ориентацией прежде всего на финансовые результаты хозяйственной деятельности на всех уровнях экономической системы;
- оценку успешности различных видов деятельности позиции финансовых показателей, что характерно как для отдельных экономических проектов, так и для оценки успешности отдельных индивидов;
- формированием псевдообщественных потребностей;
- навязыванием определенных моделей поведения для различных экономических субъектов;
- признанием в качестве правильного вектора развития исключительно рыночное направление.

В настоящее время все вышеперечисленные характеристики так или иначе проявляются как в глобальном хозяйственном пространстве, так и на уровне отдельных национальных экономик и индивидов, не стала исключением и пореформенная Россия.

Особо подчеркнем, что современный экономический постмодерн разрушает:

- экологию Земли, что наиболее ярко проявляется в отношении невозобновляемых природных ресурсов;
- цели национальной экономики;
- психологическое здоровье человека, что выражается в ориентации его на роль потребителя на марафонской финансовой дистанции длинной в жизнь.

Разрушительные тенденции постмодерна должны, на наш взгляд, сдерживаться за счет сознательного перехода человечества с пути экономического постмодерна на путь гармонического развития. Но для этого требуется кардинальное изменение приоритетов социохозяйственного развития. Эти изменения возможны только как комплексное решение вопросов на уровне человечества как субъекта хозяйства и должны, на наш взгляд, включать:

- переосмысление самой хозяйственной деятельности человечества в ноосферном (в терминологии философии хозяйства — софийном) направлении;
- поиск альтернативного современному экономическому постмодерну пути развития.
- поиск альтернативных нынешним стоимостным показателям оценок хозяйственной деятельности на различных уровнях;
- формирование альтернативных ценностных ориентиров как на уровне самого социума, так и на уровне отдельного его индивида.

Преодоление экономического постмодернизма как путь к гармоничному развитию — проблема не только экономическая, но и нравственно-этическая, требующая на глобальном и национальном уровнях формирования соответствующей модели социохозяйственного развития. Решение проблемы полного преодоления экономического постмодернизма возможно, на наш взгляд, только в рамках всего глобального социохозяйственного пространства. Как бы утопически это не выглядело в настоящее время, вектор гуманистического развития ориентирован в сторону поиска альтернативных путей развития. Самым действенным способом преодоления экономического постмодернизма, на наш взгляд, может стать привлекательный пример одной или нескольких стран по формированию и реализации поиска альтернативной модели социохозяйственной жизни (включая формирование альтернативной модели человека), для которой будут характерны оценка результативности хозяйственной деятельности с позиции реализации общественных потребностей и направленность на формирование гармонично развитых личностей, создание условий для реализации трудового потенциала каждого члена социума в соответствии с его способностями.

Преодоление экономического постмодерна особенно актуально для современной России. Однако для российской пореформенной экономики налицо противоречие между вызревающей потребностью в гармоничном общенациональном развитии и отсутствием общенациональных субъектов регулирования национальной экономики, которые могли бы легитимно, достаточно быстро и с минимальными социальными издержками реализовать общенациональный проект перехода от пореформенной экономики в экономике развития. В ситуации сжатого временного периода, отпущенного на изменение вектора развития, роль субъекта, призванного реализовать общенациональный проект, может, на наш взгляд, выполнить только само государство (подробнее см.: [1—3]).

Особо подчеркнем, что проектная деятельность государства по реализации обозначенной ранее задачи не может, на наш взгляд, сводиться к очередному реформированию в рамках постмодернистского развития, не должна рассматриваться как некий «прорыв» из сложившейся ситуации пробуксовки на ранее намеченном пути, а должна быть реализована в форме стремительного перехода к качественно иному социохозяйственному развитию. Удачным термином описания данного проекта следует признать предложенный Ю.М. Осиповым термин «вырыв к развитию».

Таким образом, на наш взгляд, преодоление экономизма пореформенной российской экономики предполагает проектную деятельность государства дирижистского типа, которая может быть охарактеризована по форме реализации как «вырыв к развитию», а по содержанию — как реализация общественной потребности развития по альтернативному экономическому постмодерну сценарию.

Литература

1. *Фадейчева Г.В.* Обновление инновационного механизма в контексте общественной потребности развития // Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии: Пятая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет; 18—20 апреля 2012 г.: В 2 т. Т. 2 / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М., 2012.

2. *Фадейчева Г.В.* Процесс формирования общественных потребностей и его институты // Экономическая теория в XXI веке — 4 (11): Институты экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. М., 2006.

3. *Фадейчева Г.В.* Самоутверждение России в контексте общественной потребности развития // Экономическая теория в XXI веке

— 8 (15): экономика модернизации / Под ред. Ю.М.Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д, 2011.

Т.В. ЧЕЧЕЛЕВА

Кризис экономической теории как следствие ее идеологизации

По оценке отечественных и зарубежных экономистов, экономическая наука и обусловленная ее развитием фундаментальная экономическая теория находятся сегодня в критическом состоянии. Кризис в экономической теории тормозит не только развитие экономической науки, но и подготовку экономически грамотных, квалифицированных специалистов, способных понять сложившуюся сегодня капиталистическую систему хозяйствования и управления. Только поняв суть этой системы и новые тенденции в ее развитии, можно выработать прогрессивную экономическую политику.

Дискуссия по поводу кризиса экономической теории продолжается уже несколько десятилетий. По нашему убеждению, завершением этой дискуссии стал весьма четкий ответ Марка Блауга на поставленный им же вопрос в заключительной главе «Методологии экономической науки»: «Что мы узнали об экономической теории? — Кризис современной экономической теории» [1, 356—357]. Суть этого кризиса и его причины обусловлены формированием в конце XIX в. субъективно-идеалистической теории предельной полезности. Эта теория изначально носила идеологизированный характер.

Идеологизация в наиболее общем ее понимании означает явное необоснованное преувеличение достоинств или недостатков существующих в мировой экономике социально-экономических и политических систем и элементов, их составляющих. При этом достоинства и недостатки функционирующих в мире систем преподносятся обществу исходя из преднамеренного игнорирования объективной реальности. Надо учитывать, что авторы идеологизированных взглядов преследуют свои политические и социально-экономические интересы. Принятые же под влиянием широкой, активной пропаганды идеологизированные системы взглядов и мер способны нанести огромный, трудно восполнимый социально-экономический и политический ущерб развитию всего общества и каждого человека.

Однако и теоретически, и практически важно различать идеологизацию и идеологию. Последняя — как система взглядов взаимодействующих в обществе людей — свойственна экономической науке.

Правильно разработанная государством, отдельной корпорацией, фирмой, идеология как система мер для достижения поставленных перед людьми целей, если она при этом отвечает интересам каждого человека и общества в целом, может служить одним из важнейших мобилизующих факторов, обеспечивающих их практическую реализацию.

Особенность современного этапа кризиса в экономической теории — наличие в экономической литературе множества теорий, взглядов, концепций, методологических принципов и методов в исследовании. В этом большом разнообразии весьма противоречивых взглядов на одну и ту же реальность трудно разобраться не только просто образованному специалисту, но и многим, занятым экономическими исследованиями.

Между тем при внимательном и непредвзятом подходе нетрудно установить, что фактически экономическая наука представлена сегодня двумя основными теориями: классической (политической экономией капитализма) и неоклассической (неклассической).

Классическая экономическая теория (политическая экономия) отражает обобщения и закономерности социально-экономического развития рыночной экономики за более чем 300-летнее развитие капитализма. Смит — Риккардо — Маркс заложили фундаментальные основы этой теории, сформировали систему отражающих ее понятий, категорий, законов. Созданная классиками система научных знаний служит не только фундаментальной базой для понимания сути капиталистической системы хозяйствования, но и основой для выявления новых тенденций в социально-экономическом развитии современного общества. Следовательно, она служит фундаментальной основой для развития самой теории.

Неоклассическая теория имеет свою, относительно короткую, историю формирования. Она неоднородна по структуре взглядов: неонституализм, теории общественного и рационального выбора, версии новых кейнсианцев, монетарные концепции и т. п.

Несмотря на неоднородность этого течения, его ядро составляет маржиналистская теория, или теория предельной полезности.

В западной экономической науке она позиционирует в качестве основного течения — мейнстрима. Эта теория составляет суть учебников *экономика* — широко рекламируемых США и «внедряемых» в учебные программы всех стран.

Формально теория предельной полезности впервые обозначилась в 1854 г. в Германии в работе неизвестного в экономической среде рейнского немца Германа Генриха Госсена (1810—1858) «Законы человеческих взаимоотношений, как они развиваются, и выведенные отсюда правила человеческого поведения». Из весьма скудной информации об авторе и содержании его работы можно сделать вывод, что Госсен не получил достаточного экономического образования. Вместе с тем он проявлял огромный интерес к политической социально-экономической жизни своего времени. Из содержания его работы можно сделать вывод, что Госсен был знаком с экономической теорией Смита, знал об экономических кризисах 1825, 1836 и 1847 гг., располагал информацией об их разрушительных последствиях. Вполне вероятно, что такой амбициозный человек, как Госсен, мечтающий о славе Коперника, был знаком с работой французского математика А. Курно (1801—1877) «Исследования о математических основаниях теории богатства», опубликованной в 1838 г. Курно был профессиональным математиком. Опираясь на системный анализ экономической теории А. Смита, он математически доказывает фактическую взаимозависимость спроса и цены. Работа Курно была не замечена ни экономистами, ни математиками и не имела никакого отношения к теории предельной полезности. Лишь в 1880-е гг. она стала широко использоваться авторами теории предельной полезности, а также в попытках синтеза классической и неоклассической теорий. Не владея математическим образованием и знанием, Госсен использовал элементы дифференциальных уравнений для открытия естественных (психологических) законов в потреблении благ и уменьшении «тягости труда» по мере насыщения благами. Госсен обращает внимание потребителей на необходимость следовать естественным, физиологическим законам насыщения, чувствовать его пределы, остановиться, сократить трудовые усилия и наслаждаться жизнью.

При внимательном рассмотрении теории предельной полезности Госсена экономисты упускают условия и причины появления его работы. Остается незамеченным тот факт, что после смерти Д. Риккардо и вплоть до появления исследований К. Маркса и Ф. Энгельса в экономической мысли образовался застой в развитии политической экономии капитализма. Попытка Госсена подойти к пониманию причин кризиса перепроизводства, исходя из «правил человеческого поведения», учитывающих каждым человеком «предельную» границу потребления еды и накопления личного богатства, не лишена практического смысла.

Не мешает заметить, что и для современного человека «передание» ведет к болезням и сокращению продолжительности жизни.

Впрочем, это также относится и к стремлению к беспредельному росту личного обогащения, увеличивающему «тягости труда» и риски сохранения богатства.

Вполне очевидно, что Госсен не понимал сути капитализма — прибыли как стимула и механизма развития капиталистической системы хозяйствования.

Начало формирования теории предельной полезности является реакцией крупного капитала и апологически настроенных западных экономистов на результаты исследования капитализма второй половины XIX в. Марксом и Энгельсом. Под влиянием существенных изменений производительных сил капитализма XIX и начала XX в., ускорения процессов накопления капитала, роста производства и повышения требований к качественным характеристикам рабочей силы выводы домарксовской политэкономии о прогрессивности заработной платы на уровне физического выживания работника и распределения добавленной стоимости в интересах собственника средств производства вступают в противоречие с экономической и социальной реальностью. Экономическая сущность капитализма остается прежней. Однако формы, способы и механизмы взаимоотношений хозяйствующих в капиталистическом обществе субъектов претерпевают значительные изменения. Прежде всего возрастает значимость распределительных и перераспределительных отношений, причем не только доходов, но и самой собственности. Повышаются роль и качество государственного управления. Практическая значимость таких изменений в системе социально-экономических отношений конца XIX в. особенно остро осознается Энгельсом как владельцем фабрики. В связи с чем он настаивает на необходимости исследования политической экономией экономических законов распределения. Марксу удалось придать классической политической экономии завершённую форму. Он показал, что капитализм и его фундаментальная экономическая теория — политическая экономия, это система воспроизводства общественного продукта и национального дохода, которая состоит из четырех взаимосвязанных стадий. Посредующая процесс воспроизводства система экономических взаимоотношений хозяйствующих в обществе субъектов выступает в качестве реальной формы ее существования — экономических интересов.

Классическая экономическая теория с ее марксистским обновленным пониманием капитализма была принята мировой экономической мыслью в качестве фундаментальной теории, объективно отражающей социально-экономическую реальность. Эта теория стала служить теоретической базой для исследования экономической практики. На ее основе создавались учебники и разрабатывались образова-

тельные стандарты. Главная «вина» Маркса перед крупным капиталом состояла в том, что он доказал наличие и необходимость экономической эксплуатации как объективной реальности капитализма, его противоречивость и преходящий характер.

Широкое распространение взглядов Маркса на эксплуатацию и защиту интересов рабочего класса, разрушительные мировые кризисы 1866 и 1873 гг., массовая безработица способствовали организационной сплоченности рабочих и социальной конфликтности.

Оценивая влияние марксистской теории на общественную мысль второй половины XIX в. П. Дракер пишет: «В конце XIX в. практически каждый мыслящий человек разделял убеждения К. Маркса в том, что капитализм — это общество неизбежных классовых конфликтов, и, в сущности, к 1910 году большинство мыслящих людей, во всяком случае, в Европе (а также в Японии) склонялись в пользу социализма» [2, 84].

Для дискредитации Маркса и марксистского направления в экономической теории в конце XIX и начале XX вв. формируется теория, в течение всего XX в. дополняется, в какой-то степени изменяется, выступая то как либеральная, то как неолиберальная, оставаясь при этом по своей сути теорией предельной полезности.

Особенность данного этапа развития экономической науки состоит в том, что впервые в истории экономической мысли и социально-экономическом развитии общества мы имели глубоко идеологизированную экономическую теорию. Более того, эта теория жива и преподносится общественности в качестве главного течения — мейнстрима. Оформленное в учебниках экономикса оно продолжает «внедряться» в умы новых поколений выпускников вузов. Идеологизированная суть этой теории раскрыта как в учебной, так и в научной литературе. Ее оторванность от реальной экономической науки и практики общеизвестна. Неоклассическая теория существует параллельно с классической, выполняя разные функции: одна объективно исследует экономическую реальность и способствует выработке эффективной экономической практики государства, другая — пытается идеологизировать ее достижения.

Попытка синтеза двух направлений в экономической теории предпринималась в прошлом и предпринимается сегодня. К наиболее известными, пользующимся спросом на рынке учебников, следует отнести в Англии и всей Западной Европе «Принципы политической экономии» А. Маршалла. Автор не скрывает, что одной из целей его работы служит достижение «межклассовой доброжелательности»; особенно той редкой доброжелательности, которая позволяет людям поставить себя на место не только своих сотоварищей, но и предста-

вителей других классов» [3, 103]. Первое издание этого учебника появилось в Англии в 1890 г. и в течение трех десятилетий XX в. неоднократно переиздавалась.

Во второй половине XX в. широкое распространение получает учебник американского профессора П. Самуэльсона «Экономика». Это попытка синтеза классической и неоклассической теорий в новых условиях развития «холодной войны» между СССР и США. Уже во введении автор к числу основных вопросов экономической теории относит следующий: «Догонит ли Советский Союз через два года Соединенные штаты?..» [4, 24]. В связи с этим Самуэльсон отводит большое место условиям экономического роста, развития национальной экономики и возрастающей роли государства в решении этих проблем. Все последующие попытки синтеза двух теорий как российских, так и зарубежных авторов безуспешны. Это объясняется различиями объектов, методологии и методов изучения, преследуемых целей и полученных результатов. Неслучайно М. Блауг в четвертом издании своей фундаментальной работы, получившей широкое признание и высокую оценку во всем мире, выделяет классическую экономию в гл. 2—7 и неоклассическую — в гл. 8—14. В предисловии к четвертому изданию, переведенному на русский язык, Блауг подчеркивает, что это деление является «естественными блоками» [5, XXXI].

Однако главная задача статьи это попытка получить ответы на вопросы: а) в чем жизнестойкость этой идеологизированной теории; б) каково ее влияние на развитие экономической науки, хозяйственной практики и качество экономического образования; в) кто и почему заинтересован в ее сохранении и использовании; г) что можно практически сделать для нейтрализации этой теории и ее негативных последствий.

Ответы на эти вопросы имеют особую актуальность для современной России. Но места для наиболее полного ответа на поставленные вопросы в силу количественной ограниченности общего объема статьи остается мало. В то же время вводную часть, раскрывающую содержание сути самой идеологизации, мы сочли необходимой. Несомненно, это сократило возможности для расширенного изложения ответов на поставленные вопросы.

Для современной же России эти ответы имеют особую актуальность. Это объясняется тем, что кризис экономической теории в результате ее чрезмерной идеологизации в постсоветский период характеризуется более высокой степенью остроты и ее «болезненных» последствий, чем в других странах мира. Рыночные преобразования в России осуществлялись под влиянием «холодной войны» — длитель-

ной идеологической и политической обработки всего населения СССР, в первую очередь правящей и культурной элиты. Новое поколение номенклатуры СССР, обладающее всей полнотой политической власти, получило в результате «шокового» варианта трансформации советской системы собственность, деньги и условия для личного безграничного обогащения. Они стали сами формировать власть, а для защиты своих политических и экономических интересов вырабатывать соответствующую идеологизированную экономическую политику. Политические и экономические интересы новой олигархической структуры совпали с интересами США. Однако с совершенно противоположным результатом: США устранили своего главного политического и экономического «противника», обеспечив себе мировое лидерство и получив доступ к природным ресурсам России и ее национальному богатству. Россия, к сожалению, превратилась в страну с разрушенной промышленностью, сельским хозяйством, с бедным населением, экономически и политически зависимой от импорта продовольствия и экспорта природного сырья. Для защиты совершенного против своего народа преступления самым доступным средством оказалась реализация политики, преувеличивающей достоинства реформ и полученные результаты. Все «достоинства» сложившейся новой системы политических и экономических интересов преподносились на фоне острой критики советской модели и ее «творца и вдохновителя» К. Маркса.

Относительно низкий уровень развития экономической науки в стране, отсутствие правдивой информации о социально-экономическом состоянии других стран, ориентация российской интеллигенции на американские ценности и структуру потребления обеспечили легкость отказа наиболее активной части экономического сообщества не только от экономического учения К. Маркса, но от всей классической теории — политической экономии.

Между тем в западноевропейских странах классическая экономическая теория, в том числе ее марксистское направление, по-прежнему остается востребованной как в науке, так и в учебном процессе.

Финансово-экономический кризис 2008—2010 гг. вызвал в Западной Европе новый интерес к Марксу и марксизму вообще. Западная экономическая мысль все более убеждается в том, что Маркс создал экономическую теорию, объективно отражающую действительность.

В США, несмотря на активное распространение неоклассической теории в другие страны, используются четыре категории экономических теорий: формальные, или «чистые», «высокие теории», эм-

пирические; политическая экономия и разработка экономической политики; история экономической мысли и методология экономических исследований. При этом формальная, или «чистая», теория расценивается как практически малоприменимая и невостребованная государственными структурами для разработки и принятия научно значимых проблем. В престижных университетах (в отличие от колледжей) преподается углубленный курс практически значимых направлений. Определение уровня, динамики социально-экономического развития страны и выработка программ государственного регулирования осуществляются на основе объективного анализа фактических данных и оценки их значимости исходя из альтернативных неоклассическим концепциям экономических теорий.

Как показывает опыт преобразований социалистических систем, с наименьшими потерями реформы осуществлялись в тех странах, где творчески использовались накопленные политической экономией фундаментальные знания и опыт реформирования других стран. Западные аналитики современной экономической мысли приходят к выводу, что максимального успеха экономическая наука достигла там, где сложился своеобразный *menage a trois* — «тройственный союз» классической (в том числе марксистской) теории, эмпирического анализа и прикладных исследований.

«Жизнестойкость» идеологизированной теории, при всем разнообразии, входящих в нее взглядов, придает неизменность ее маржиналистской основы — теории предельной полезности. Суть понимания проблемы в том, что идея предельной полезности Госсена, представленная им в качестве психологической естественной реакции человека на необходимость понимания физиологических границ насыщения, прежде всего в еде, основателями неоклассической экономической теории была перенесена в одну из сфер производственной системы общественного продукта — обмена. Лишь по форме эта фаза носила экономический характер, а по своей сути она относится к социальной сфере, где поведение каждого из них определяется экономической категорией — ценой. Полезность блага для продавца определяется его ценой, а для покупателя цена определяется полезностью.

Для развития социологии как науки формирование неоклассической теории было полезным. Мы узнали о человеке как члене социума, что он может быть жадным и добрым, честным и лживым, справедливым и несправедливым и т. д. Важными надо признать выводы социологической науки о высокой степени внушаемости человека, зависимости личного мнения каждого от большинства. Оказывается, человеку свойственны чувства справедливости на генетическом

уровне, но среда обитания превращает его в жадного и жестокого. Результаты социологических исследований могут быть полезными для формирования трудового коллектива и кадровой политики. Так, один из главных выводов современных социологов состоит в рекомендациях судить о человеке, особенно о лидерах, непосредственных начальниках, по их делам, а не словам. В людях — властей предерживающихся, как доказывают современные социологи, нет ничего сверхъестественного. Поэтому их надо оценивать той же мерой, что и слесаря в ДЭЗе.

Негативные последствия идеологизированной экономической теории многосторонни. Прежде всего:

- идеологизированная теория нарушает диалектическое единство научных исследований и формирования ее фундаментальной основы — экономической теории, идеологизированная теория не может прибавлять научные знания и «добывать» приращение к фундаментальной теории;
- не способствует разработке эффективной социально-экономической политики государства, а принятые на ее основе рекомендации наносят непоправимый вред развитию;
- идеологизированная неоклассическая теория гасит творческие способности человека, призывает его не думать;
- глубоко и долгосрочно отрицательное влияние подготовки специалистов с высшим образованием по учебникам экономикса, которые не дают истинного понимания многих категорий и экономических закономерностей рыночной экономики современного капитализма;
- эта теория обесценивает труд и его значимость для каждого человека — исключая из экономической теории труд и затраты общественного труда, нельзя решить проблему конкуренции;
- о наличии и огромной значимости многих реально существующих категорий неоклассическая теория или умалчивает, или преднамеренно искажает их экономическое содержание, в результате доктор экономических наук на первое место по темпам роста и уровню производительности труда ставят финансовую деятельность, операции с недвижимостью, управление, на последнем же месте по этому показателю оказываются образование и здравоохранение;
- умолчание о реальности существования категории эксплуатации особенно опасно для социально-экономического развития современного общества, эксплуатация есть и будет в экономической сфере; она заложена в самой сути капитализма, имущественном неравенстве субъектов хозяйствования, взаимосвязи и противоположности их ин-

тересов; с этим связано исключение из системы экономических взаимоотношений категории экономических интересов и их системного влияния на развитие.

Между тем существует много возможностей снижения отрицательного последствия эксплуатации, понимания причин ее существования, а также условий и способов преодоления ее негативных последствий. Поэтому экономическую эксплуатацию надо объективно исследовать, а не исключать ее из теории и практики.

«Внедрение» математики в экономику привело к устранению человека из экономической сферы. Благодаря математике экономическая теория превратилась в «чистую», где человека нет. Предметом экономической теории служат не экономические взаимоотношения субъектов хозяйствования по поводу объекта — реальной экономики, а объектно-объектные. Конечно, математика в экономике необходима. Но она лишь вспомогательное средство для научного исследования и выработки эффективной политики. Для повышения практической значимости эффективного использования математики нужна достоверная статистика, которой у нас, к сожалению, по многим причинам нет. Мы мало знаем о нашей экономике в реальном количественном измерении. А без этого математика со всеми ее огромными вычислительными средствами и методами практически мало полезна.

Отвечая на вопрос о том, кто и почему заинтересован в сохранении идеологизированной экономической теории, надо сказать, что, в первую очередь, это преподаватели такой учебной дисциплины в вузах страны. Конечно, есть заинтересованность и со стороны властных политических структур, особенно выполняющих пропагандистские функции. Несмотря на то, что сегодня общая экономическая теория и политическая экономия включены ВАКом в структуру работы диссертационных советов, многие кафедры упорно не желают переходить на программы обучения по политической экономии. Для преподавателей, зомбированных двадцатилетним «пребыванием» в экономике, такой переход труден. Между тем, как показывает структура преподавательского состава наших вузов, в ней настоящих профессионалов — профессоров, понимающих свое дело и умеющих творчески работать, — единицы. В своей подавляющей массе они ретрансляторы учебной информации. Они могут быть квалифицированными «ремесленниками», но при одном условии — если им дать хорошие, содержательные учебники, наполненные фундаментальными знаниями, раскрывающими истину о сущности и тенденциях в развитии общества. Создание такого учебника должно быть практической задачей научного экономического сообщества. Полагаем, ее выполнение — гражданский долг каждого объективно мыслящего экономиста. Вряд

ли с необходимостью решения этой задачи может не согласиться наша высшая власть. Однако для практического решения этой проблемы — создания качественного учебника — требуется прежде всего наличие политической воли.

Литература

1. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // Н.П. Журнал вопросы экономики: М., 2004.
2. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая индустриальная волна на Западе/ Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
3. *Маршал А.* Принципы политической экономии. М., 1983.
4. *Самуэльсон П.* Экономика. М., 1964.
5. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.

С.З. СЕМЕРНИК

Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического»

Каждая историческая эпоха имеет свое измерение, свои специфические черты, принципиально отличающие ее от предыдущих и последующих периодов в развитии общества. Ярко очерчивая свой мировоззренческий профиль, свое видение самых разнообразных процессов и явлений, она выводит на поверхность культуры наиболее значимые, с ее точки зрения, представления об окружающем мире, актуализирует духовно-нравственные, когнитивные, поведенческие и т. д. смыслы и формы, отражающие обстоятельства жизни характерным лишь для нее способом.

Интеллектуалы, осмысливающие данные процессы, ограняют духовные россыпи эпох в отчетливые формы, указывая на *космоцентризм* Античности, *теоцентризм* Средневековья, *антропоцентризм* эпохи Возрождения и т. д. и т. п. Именно эти ведущие установки времени определяют специфику многообразных проявлений человеческой деятельности, расчерчивают социокультурное пространство на индивидуальные, не похожие один на другой периоды общественного развития.

Что касается современной нам эпохи, то основы сложившейся ныне цивилизационной формы, чаще всего определяемой через предикат «техногенная», зародились на рубеже эпох — Возрождения и Нового времени. Поэтому искать причины разворачивающихся ныне кризисов (экологического, антропологического, экономического и

т. д.) нужно там, в глубине веков, в формирующихся мировоззренческих презумпциях которых сначала смутно, а затем все более отчетливо проявились очертания тех проблем, которые буквально захлестывают современное общество.

Как известно, Новое время основывало свое отношение с миром на *механицизме* и *рационализме*. При этом оно выпестовало в своих недрах еще один принцип взаимодействия с окружающим миром — *экономоцентризм*. Характерно, что последний, из названных, принцип, несмотря на свою ярко зримую специфичность и серьезное влияние на происходящие в обществе процессы, долгое время не был предметом тщательной исследовательской рефлексии и рассматривался лишь отдельными философами как в западноевропейской, так и в отечественной социогуманитарной мысли. Похоже, пришло время, вывести из тени этого «серого кардинала» и разобрать мировоззренческие позиции экономоцентризма со всеми сопутствующими ему формами человеческой активности (интеллектуальной, чувственной, нравственной, поведенческой).

Прежде всего укажем, что имманентным для экономоцентричного типа мировоззрения является понимание, к примеру, природы как «природного ресурса», осмысление человеческой личности в категориях «человеческий ресурс», «человеческий капитал», общественных связей с позиции «социального капитала» и т. д.

Доминирование в обществе подобных семантических единиц и мировоззренческих установок приводит к тому, что общество во многообразии собственных связей и отношений сводит к одному их виду — экономическим (рыночно-обменным), постепенно превращаясь в «экономоцентричное общество», представленное «экономическим человечеством» (Ж. Батай).

Огромное количество людей, представляющих самые разнообразные слои общества, даже и не подозревают о том, что экономоцентризм — жажда материального благополучия как доминантная установка сознания — опасный для общества и отдельной личности феномен. Более того, именно в экономоцентричной логике общественного развития видят главное достоинство современной эпохи. Она выглядит панацеей, способной удовлетворить запросы человека, мыслящего себя, скорее, как потребителя, нежели как глубокую личность, живущую «не хлебом единым».

Тем не менее из стадии постулирования примата экономических принципов над иными, неэкономическими, нормами, современные как экономические, так и неэкономические науки приходят к осознанию необходимости ревизии установившихся принципов, проверки их на соответствие глубинным запросам современного общества.

Как отмечает по этому поводу российский экономист А. Белянин, «экономические науки вступают в эпоху постепенного пересмотра сложившихся методов и доктрин, начиная с основы основ — модели homo economicus, рационального экономического человека» [1, 5]. И первое, что исследователи пытаются сделать на пути переосмысления экономических презумпций, это ответить на вопрос: когда и почему возникли данные теоретические предпочтения?

Серьезное внимание этому вопросу уделяла, прежде всего, историческая школа западноевропейской науки (Ф. Лист, Г. Шмоллер, М. Вебер, В. Зомбарт), представители институционализма (К. Поланьи, Т. Веблен), а также современные авторы (Н. Зарубина, В. Автономов, К. Лаваль, Л. Болтански, Э. Кьяпелло, П. Розваллон и др.).

По мнению данных мыслителей, предпосылки возникновения подобных теоретических схем и установок мы находим еще в *Средневековье*. Средневековый Запад представлял собой общество с докапиталистическим укладом, основу которого составляло простое товарное хозяйство, экономика носила преимущественно аграрный характер. Средневековому человеку была чужда цель *обогащения*. Его задачей выступало *жизнеобеспечение* (покрытие насущных потребностей) себя и своей семьи.

В смысловом пространстве средневекового общества доминировали такие идеи (религиозные, моральные, социальные), которые в целом противодействовали идеям накопления и экономического прогресса. Так, например, подвергалось остракизму стремление к увеличению богатства, и особенно в нетрудовой, ростовщической его форме.

В системе феодальных отношений богатство ассоциировалось не с количеством накопленных материальных благ, а со «щедростью души». Именно траты указывали на статус человека, его положение в обществе. Экономность выступала признаком ущербности и моральной, и социальной. Здесь хотелось бы отметить, что легитимация расточающего поведения была отнюдь не случайной. Достаточно вспомнить, что центральной проблемой средневекового общества была проблема материального обеспечения. Оно часто сталкивалось с проблемой голода, преодоление которого связывалось с физическими усилиями, работой на земле. И это был удел низов. Представитель знати — рыцарь, завоеватель, авантюрист, победитель, коль скоро он был щедр и избавлял крестьян от голода, являлся любимцем простолюдинов, выступал эталоном благородного человека. Не случайно западноевропейский средневековый эпос повествует о завоевателях, как героях, достойных уважения.

Значительную роль в формировании средневековой модели поведения в сфере хозяйствования оказывала и религия. Так, М. Вебер, В. Зомбарт, современные исследователи Н. Зарубина, Т. Коваль и др. констатируют, что специфика религиозного вероисповедания оказывала влияние на специфику ведения хозяйственных дел. В частности, христианская религия, в основе которой лежат идеи братолюбия, взаимопомощи, милосердия и т. д. очень хорошо подходила для уклада аграрного крестьянско-ремесленного средневекового общества, основанного на принципах иерархии, взаимного долга, ценности межличностных отношений, следования традициям.

Следующая за средневековьем эпоха — *Возрождения*, как переходный момент, подготовивший вступление Западной Европы в новую капиталистическую формацию, с одной стороны, отвергала нормативность Средневековья, с другой — продолжала транслировать те средневековые идеалы, которые были пригодны для задач изменившегося в своих основаниях общества. Так, например, в эпоху Возрождения почитание духа авантюристов и завоевателей, выступающих щедрыми благодетелями по отношению к низам социальной иерархии, приобрело новое измерение и масштаб: завоеватели и колонизаторы воспевались как первооткрыватели, первопроходцы, и опять же герои, приносящие блага обществу.

Действительно, морские путешествия и последовавшие за ними географические открытия вовсе не имели своей целью познавательную или культурную активность, как это преподносится в современных учебниках. Тем не менее они восторженно принимались европейским обществом, активно пользовавшимся результатами и плодами подобных путешествий, цели которых была одна — обогащение и захват территорий у более слабых в техническом отношении народов. Достаточно вспомнить золотую и серебряную лихорадку, будоражившие Испанию в начале XVI в., когда жестокие и алчные конкистадоры охотились за богатствами индейцев. Очень показательна в этом отношении история незаконнорожденного испанского идадьго Франсиско Писсаро, который в 1502 г. на корабле покинул родную Испанию в поисках наживы. Его рискованное предприятие увенчалось успехом. Он пристал к берегам Южной Америки, где нашел возможность обогащения путем военного захвата. Как результат — уничтоженные племена индейцев и тонны серебра и золота у ног испанской короны. При этом алчность захватчиков поистине не имела границ. Предводитель инков Манко Капак, пытавшийся организовать восстание против европейцев, горько сетовал: «Пусть весь снег в Андах обратится в золото — им все равно будет мало» [2, 30].

Последовавшая за этим «жизнь на широкую ногу» испанского двора и обогатившейся знати стимулировала экономическую активность целого западноевропейского региона. Данное обстоятельство не осталось незамеченным. В результате европейцы окончательно укрепились в ложном выводе о том, что грабеж и насилие — прекрасные методы улучшить благосостояние всего народа, а порок жестокости — двигатель прогресса.

К слову сказать, идея о том, что порочность человека может стать основой развития общества, позже совершенно четко была артикулирована известными европейскими умами, свидетельствуя о том, что некогда христианизированный Запад ради улучшения своего благосостояния попытался сменить свои глубинные метафизические установки, избрав в качестве фундамента развития общества не добродетель, а порок. Представляется, что здесь социокультурная интуиция изменила западноевропейскому обществу. Образно выражаясь, оно не разглядело той опасности, которая таится в этом сомнительном союзе человека и порочной страсти, и уж тем более сомнительны успехи выстроенного на этом союзе общества.

Рассматривая данную проблему, американский экономист Альберт О. Хиршман указывает, что западноевропейское общество неуклонно эволюционировало в своем отношении к порочности человеческой природы. На начальных этапах развития социума доминировала идея *подавления* пороков. Для этого активно использовался институт морали и религии, а также институт права.

А. Хиршман пишет: «В начале христианской эпохи Блаженный Августин снабдил нас путеводителем по средневековому мышлению, заклеив похоть к деньгам и собственности как один из трех главных грехов падшего человека. Двумя оставшимися грехами были страсть властолюбия и сексуальная похоть» [3, 34].

Однако, как видим, определенные исторические события привели к тому, что постепенно в европейском обществе утвердилась мысль о том, что не стоит так уж крепко завинчивать бутылку, в которой таятся страсти человеческие, их можно постепенно выпускать, но *обуздывать*. Тем более что они так никогда и не были «закупоренными» полностью. Та же Античность, по мнению, к примеру, А. Блаженного, «демонстрировала вавилонскую любовь к земной Отчизне», которая была не чистой преданной любовью, но замутнялась любовью к почету, славе. Слалюбие и честолюбие расцветали и в Средние века, о чем свидетельствует, к примеру, этика рыцарства.

В *Новое время*, когда на смену феодальному типу отношений и традиционной христианской морали приходят буржуазный уклад и религиозная Реформация, появляется идея *приспособления* страстей к

нуждам общества, принуждение их работать на общее благо (идея служения общему благу была воспринята европейским обществом из Античности, и данная норма какое-то время сохранялась). Таким образом, зарождающийся капитализм не просто «переинтерпретировал» смыслы социальных норм и отношений, существовавшие в средневековом обществе, но перевернул их с точностью до наоборот: усердно сдерживаемые пороки получили одобрение, недостойное поведение было признано возможным и желательным. Совершенно откровенно об этом написал английский философ-моралист и писатель Бернард Мандевиль (1670—1733). Его книга с характерным названием «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества» представляет собой своеобразную «порокодицею» — оправдание пороков, гнездящихся в глубинах человеческой личности.

Сюжет басни повествует о пчелах в улье, жизнь которых с точностью копировала устои человеческого общества со свойственным ему процветанием пороков и страстей. В этом рассаднике грехов улей был счастлив и богат. Но вот однажды взбунтовавшиеся пчелы захотели «очистить свои души» и стать праведными, не наживаться путем обмана и преступлений. В итоге — они честны, но несчастны и бедны. Мораль сей басни такова: хочешь быть богатым — будь порочным. И эта константа относится как к отдельному человеку, так и к обществу в целом. Б. Мандевиль убеждает читателя:

Нам — это все понять должны —
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много....

Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок [4, 21].

В целом в XVIII в. страсти подвергались тщательному изучению, и возобладали идея о том, что их разрушительная сила может превратиться в нечто конструктивное. Так, мысль о том, что общество, скрепляемое себялюбием, а не милосердием, может быть вполне жизнеспособным, несмотря на свою греховность, обнаруживается у целого ряда янсенистов.

Джамбатиста Вико снискал славу необычайно неординарного ума за то, что вывел максимум о возможности из свирепости, скупости и честолюбия создать войско, торговлю и двор, другими словами — силу, богатство и мудрость. И данную подмену понятий новоевропейское общество восприняло как гениальную интуицию: свирепость

называют силой, в скупости усматривают путь к богатству, честлюбие почитают мудростью. Существенный вклад в это нарушение законов тождества общественной логики внесли и другие авторы. Например, Адам Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», полностью посвященной страсти, традиционно известной как алчность и скупость, изящно называет эти пороки «преимуществами» или «интересами».

В итоге подобных интеллектуальных модернизаций менее чем за сто лет стяжательство и связанная с ним деятельность (например, торговля и банковское дело) получили статус высокочтимых занятий. Западноевропейская культура, избрав для себя идеалом материальное благополучие (о чем говорит даже само название порожденной этой культурой эпохи — капиталистическая) как на уровне индивидуального существования, так и общественного идеала, признала алчность важнейшим положительным качеством человека.

Таким образом, мы видим, что восходящая капиталистическая эпоха уделяла социокультурному и антропологическому «сопровождению» своих предпринимательских практик чрезвычайно много внимания. И это неудивительно. Успех такого грандиозного предприятия, как создание капиталистической системы, вовсе не мог совершиться исключительно экономическими методами. Чтобы вовлечь в систему капиталистических отношений значительные слои общества, изменить существующие между ними нормы взаимодействия и тем самым произвести смену общественно-экономической формации (К. Маркс), необходимо было сменить весь строй общественной жизни — от моральных и юридических норм до облика самого человека.

Немецкий исследователь В. Зомбарт пишет: «Даже самое обильное накопление денег ни в коем случае не является еще достаточным постулатом даже для одного только плана капиталистического предприятия. Специально *капиталистический дух* владельца денежных средств — вот что еще должен иметь располагающий состоянием хозяйственный субъект для того, чтобы накопленные денежные суммы превратились в капитал. Под словом “капиталистический дух” следует разуметь все те психические предрасположения, которые... свойственны капиталистическому предпринимателю, как-то: стремление к наживе, счетная способность, экономический рационализм. Для того чтобы капитализм стал возможным, предварительно нет необходимости ни в каком ином чуде, как в воплощении именно этого экономического рационализма в образе *economical man* политической экономии» [5, 218].

Именно такой «экономический человек» и был востребован эпохой накопления капитала. Неумный в жажде наживы, однако

стремящийся для реализации задуманного не снаряжаться в завоевательные походы, но непрерывно трудиться, ограничивать себя в личном потреблении ради расширения дела, избранного им предприятия, которое требует все новых и новых вложений. Новый тип человека был возможен при новом типе миропонимания. И поэтому элиты общества активно начинают распространять систему «экономических понятий» в самых широких слоях общества. Публикуются книги-наставления (Альберти, Франклин и др.) о том, как следует вести хозяйственную жизнь. Молодежь поучают: следует быть бережливым, не тратить попусту время на охоту, развлечения и даже излишнее обучение. «Время — деньги» — максима капиталистического мышления входит в плоть и кровь общественного сознания.

В результате подобных манипуляций произошла существенная реверсия общественных отношений — не экономическая система стала встраиваться в социальные отношения, а *«эти отношения встраиваются теперь в экономическую систему»* [6, 41]. Соответственно восприятие человека сквозь призму экономических связей становится устойчивой тенденцией обыденного и теоретического сознания. В этой обстановке, по мнению К. Поланьи, легко произвести подмену понятий: «очень трудно избежать ошибочного умозаключения, что реальный человек — это “экономический” человек, а реальное общество — это экономическая система» [6, 41].

Данная ситуация усугубляется тем, что общество, однажды восприняв названную установку, настойчиво продолжает транслировать ее своим членам, тем самым закрепляя и легитимируя ее, превращая в безусловную норму. К. Поланьи пишет: «Ведь если общество ожидает от ряда своих членов определенного поведения, а господствующие институты способны его навязывать, то представления о человеческой природе будут отражать этот идеал независимо от его отношения к реальности» [6, 40].

Охваченная идеологией экономизма, теоретическая мысль способна на самом высоком уровне найти обоснования избранным презумпциям. И вот уже категориальный аппарат социогуманитарного знания, оперирующего понятиями «экономического» и «неэкономического» человека, «рациональной» и «нерациональной» личности, существенно модифицируется: с легкой руки утилитаристов одни термины стали приравняться к другим. В итоге «экономический» начал мыслиться как «рациональный», а «неэкономический» (к примеру, действующий на тех основаниях, которые были свойственны традиционному обществу — долг, честь, гордость, честолюбие и т. д.) — как «нерациональный». Как справедливо пишет по этому поводу Карл Поланьи, «экономическая сторона человеческой природы приоб-

рела ореол рациональности. Тот, кто отказывался думать, что он действует только ради наживы, считался не только безнравственным, но и безумным» [6, 40].

Подобная корреляция понятий «рационально мыслящий субъект» и «экономически ангажированный субъект», безусловно, привела к усилению позиций последнего, сообщила ему весь авторитет «рацио», еще ранее возведенного на недостижимую высоту эпохой Просвещения. А потому субъект, заинтересованный в максимальной материальной выгоде, автоматически стал признаваться эталоном личности, как обладающий большим потенциалом рационального (и соответственно с точки зрения техногенного общества, желательного и позитивного для общества) поведения. Любые попытки по накоплению капитала стали квалифицироваться как «логичные», в них усматривали признак глубины ума и практичности человека.

Однако концептуальная конструкция, теснейшим образом (вплоть до полного синкретизма) переплетающая понятия «рациональность» и «жажда обогащения», в целом ложна в самом своем основании. Избранные семантические единицы далеко не родственны друг другу. Их «очевидная связь» рождена не более чем произволом теоретического сознания, стремящегося организовать ценностно-смысловое пространство современного общества на основе иррационально избранной идеологии экономизма. Наглядным свидетельством этого является, к примеру, то обстоятельство, что в современном обществе, окончательно утвердившемся в эконоцентричной нормативности, рациональность безжалостно, шаг за шагом оскопляется непомерно разросшейся страстью к наживе, утрачивая не только признаки Софийности, но и собственно Рацио: «Рацио превращается в когницию» [7, 32]. Усеченное когнитивно-технологическое мышление (В.А. Кутырёв), не способно сохранить человека в рамках собственной идентичности: алчущее «экономом» неудержимо влечет личность за грань не только рационального, но и собственно человеческого. Поэтому следующая за «экономическим человеком» стадия развития личности — постчеловек — означающая утрату человеческого в человеке.

Выход из этой ситуации один — отказаться от союза со страстью алчности и вновь устремиться к высшим смыслам бытия. Как справедливо пишет российская исследовательница И.А. Левандина, «перед человечеством стоит сложная и долговременная задача — освободиться от пороков, которые накопились у “экономического человека” в течение длительного времени, и осуществить переход от этого исторического типа к качественно новому “человечному человеку”. Человеку нужно преодолеть сложившуюся излишнюю эконо-

мизацию общества, чрезмерное поклонение экономическим ценностям, повысить уровень культуры и интеллекта» [8, 26].

Литература

1. *Белянин А.* Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения // Вопросы экономики. 2003. № 1.
2. *Фергюсон Н.* Восхождение денег. М., 2010.
3. *Хиришман А.О.* Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012.
4. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М., 2000.
5. *Зомбарт В.* Генезис современного капитализма // Современный капитализм. М., 1903.
6. *Поланьи К.* Избранные работы. М., 2010.
7. *Кутырев В.А.* София, логос, матезис как этапы деэволюции духовности // Философия хозяйства. 2012. № 3.
8. *Левандина И.А.* «Экономический человек»: концептуальные версии (социально-философский анализ). Автореф. дис. ... канд. философ. н. Ростов н/Д, 2008.

К.В. МОЛЧАНОВ

Общие положения диалектического экономико-философского подхода

Исторически экономические идеи, начиная со времен Античности, вызревали в рамках философского познания в рамках *единства осмысления хозяйственной деятельности*, которая понималась в тесной связи с социальной жизнью общества (определим это как *тезис*).

Что касается начала целостного осмысления экономики, обоснования значения и характера хозяйственной деятельности, то эти экономические по своей сути идеи появились в исследованиях Аристотеля. По Аристотелю, основная экономическая деятельность добродетельного человека — это ведение семейного хозяйства. При этом ведение домашнего хозяйства отлично от искусства наживать состояние. В основе искусства наживать состояние, считает Аристотель, «лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [1, 431—432]. Такое экономическое поведение реально, но, по Аристотелю, противоестественно. Великий философ писал о том, что если процессы

накопления служат обеспечению ведения хозяйства, то практически любые потребности могут быть удовлетворены. А вот если главным становится увеличение богатства, или *нажива*, то возникают проблемы, актуальность которых не вызывает сомнения и в наши дни; более того, многие из них являются центральными и для современной экономической теории, например, вопрос об управлении и перераспределении в условиях ограниченных ресурсов.

Однако в эпоху Античности экономические взгляды не представляли собою цельную теорию. Тогда целями были изучение человека и устройство его гражданской жизни.

В Средневековой Европе в концепции Фомы Аквинского представлен пример нормативного подхода, обусловленного социальным идеалом христианства. Согласно его взглядам, цель и высшее благо — не удовольствие и не власть. Высшее благо — это обретение Бога, жизнь в Боге и с Богом. Исполнение этого не принудительно, а связано со свободой воли человека и запретом на ряд действий. При этом экономическая жизнь рассматривалась как временное, повседневное, и только вечное и неизменное возвышенное определяет смысл и цели жизни человека и экономической деятельности в частности.

А вот в Новое время центром философствования становится обыденный средний человек — не Бог, не герой, не гений. Отсюда внимание к повседневности, основу которой составляют не духовный подвиг, а экономика, сфера создания материальных ценностей. *И уже не жизнь по Божественным предписаниям начинает выступать высшим благом для человека, смыслом жизни, а благосостояние*. Счастье понимается уже не как блаженство и покой души, а как непрерывное удовлетворение желаний и удовольствия. И нашлись *оправдания* этому. В частности, Т. Гоббс писал о том, что «человек, у которого нет больше никаких желаний, был бы не более способен жить, чем человек, у которого прекратилась бы способность ощущения и представления. Счастье состоит в непрерывном переходе желаний от одного объекта к другому, так что достижение предыдущего объекта является лишь путем к достижению последующего. Причиной этому служит то обстоятельство, что человек стремится не к тому, чтобы наслаждаться один раз и на один момент, а к тому, чтобы обеспечить навсегда удовлетворение своих будущих желаний. Вот почему произвольные действия и склонности всех людей имеют целью не только добывание, но и обеспечение благополучной жизни, и различаются между собой лишь в отношении путей, причем это различие обуславливается отчасти различием страстей в разных людях, а отчасти различием знаний и мнений, которые разные люди имеют о причинах, производящих желаемый эффект» [2, 97].

Естественной целью деятельности человека становится стремление к удовлетворению своих потребностей, что и понимается как достижение счастья. И материальное благополучие, в конечном счете, становится критерием счастья, критерием успешной жизни.

Разработку принципа методологического индивидуализма, ставшего доминирующим принципом экономического анализа, завершил А. Смит. В этом смысле стоит обратить внимание на его слова о цели экономической деятельности: «одинаковое у всех людей постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение» [3, 253].

Экономика становится философией Нового времени...

Итак, *антитезисом* философско-экономическому единству осмысления хозяйственной деятельности стали появление и доминирование в Новое время сугубо экономических взглядов, что и привело к созданию экономической науки — первоначально в виде политэкономии, а затем в виде все более специализированного экономического знания. «Теоретическая экономия... вышла из философии. Именно философия породила политическую экономию, которая долгое время сохраняла статус философской науки. Затем политическая экономия отошла от собственно философии» [4, 3].

Наступило время *экономизма*.

Но превалирование экономизма не привело к повышению благосостояния людей, тем более, к гуманистическому развитию цивилизации.

Во-первых, исключение анализа закономерностей развития в теориях буржуазной политической экономии и современной западной экономической науки привело к игнорированию закономерностей развития и объективных причин антагонизмов и негативных тенденций, что в том числе не позволяет исследовать в полном объеме пути по уменьшению их проявления [5]. «Теоретическая экономия, пройдя трехсотлетний путь интенсивного развития, оказалась к концу XX в. в состоянии своеобразной бифуркации, разделившись на все более отходящие друг от друга концептуальные ветви» [6, 7]. «...Вследствие нерешения фундаментальной проблемы стоимости классическая наука не смогла предложить удовлетворительных решений и явленческих оценочно-расчетных проблем, оказавшись с ними в глубоком противоречии» [6, 8].

В целом в теориях экономической науки закономерности развития игнорировались, развивались непригодные для практики положения, манифестировались нежизненные идеи.

При этом, во-вторых, необходимо особо отметить то, что Дж. Кейнс определил следующее стратегическое положение *в первой*

же главе *первой* книги своего знаменитого труда «Общая теория занятости, процента и денег»: «постулаты классической теории применимы не к обществу, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных ситуаций равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем» [7, 11].

В-третьих, очевидной стала неспособность экономической науки определить пути решения насущных общественных и социальных задач, в том числе и по причине отказа от анализа реальных процессов. Людвиг фон Мизес так написал в свое время: «основная ошибка исторической школы экономической общественно-политической науки в Германии и институционализма в Америке заключается в интерпретации экономической науки как описания поведения идеального типа — *человека экономического*. Согласно этой теории традиционная, или ортодоксальная, экономическая наука изучает не реальное поведение человека, а абстрактные и гипотетические образы» [8, 62]. И поведение некоего абстрактного, теоретического человека — *человека экономического* — стало видаться образцом или даже нормой для живых людей.

В-четвертых, критическое рассмотрение современной экономической науки можно охарактеризовать рядом положений анализа *финансиста* Дж. Сороса [9]: он писал, что 1) «попытки объяснить поведение финансовых рынков и макроэкономических событий посредством анализа равновесия нельзя считать успешными», 2) «недостатки не признаются. Вместо этого существует широко распространенное убеждение в том, что рынки являются саморегулирующимися», 3) «в вопросах личных предпочтений поведение людей не соответствует утверждениям экономической теории», 4) «в различных условиях доминируют разные ценности, и существует некий механизм двусторонней обратной связи», 5) на финансовых рынках «не существует реальности, независимой от мышления участников», 6) на рынках существенно «доминирование некоторого предвзятого мнения и некой господствующей тенденции»...

В-пятых, в целом относительно современной экономической науки можно сказать, что она раздроблена, а *иногда включает положения, используемые практически для уничтожения экономики* [6, 92].

В итоге экономическая наука столкнулась с негативами развития экономики и общества, которые не смогла осмыслить на основе существующих в ее арсенале средств.

Все это приводит к выводу о необходимости нового осмысления современных экономических реалий.

Развитие негативов общественно-экономических процессов неизбежно приводит к выводу о необходимости общего осмысления проблем и, тем самым, провоцирует переход к философии, т. е. возврат к экономико-философскому мышлению.

При этом имеется и теоретическая основа для этого. Это — философия хозяйства, о которой можно говорить как о специализированной философии, обращенной к хозяйству, призванной рассматривать комплекс хозяйственно-философских идей. Особенно важно то, что философия хозяйства предлагает обратить внимание на тот факт, что понятия «хозяйство» и «экономика» обозначают не только сферу жизнедеятельности человека, но и способы ее осуществления. Хозяйство — это «бытие, рассматриваемое в аспекте его производительной организации, жизнь, рассматриваемая в том же аспекте; производство, рассматриваемое в организационном аспекте» [10, 208].

Однако пока философия хозяйства еще не обратилась к созданию актуальной экономической теории, более того, пока нет рецептов выработки нового экономического знания. Хотя это не значит, что нет идей по этому поводу.

Например, Л. Тутов предложил перечень вопросов, формирующих круг философских оснований экономической науки. К этим вопросам относятся проблема функционирования и тенденции развития экономической науки как сложного общественного института, анализ экономического знания и познания, использование законов и категорий диалектики и логики в экономической науке, задача построения логически стройной системы экономического знания, специфика экономических законов, особенности экономических отношений как одного из видов общественных отношений, соотношение субъекта и объекта в экономической сфере, возможности и границы применения математики в экономической науке, вопросы объективности, оценки, истинности экономических знаний, общие проблемы связи экономической науки с философией, социологией, идеологией, мировоззрением, этические аспекты экономической теории [11, 120].

О. Ананьин показал основные аспекты методологических оснований экономической теории. Во-первых, «методология из преимущественно нормативной... стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности», во-вторых, «радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологи-

ческих, но и философских проблем экономической науки», в-третьих, «изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа» [12, 136].

Однако экономической науке в этих, да и в других представлениях ничего не противопоставлялось по существу ни на методологическом, ни на парадигмальном уровне. И именно это в рамках поиска новой методологии для решения современных проблем с учетом их обозначенных выше особенностей приводит к *выводу не только об отвержении экономизма как основы осмысления современной хозяйственной жизни общества, но и о примате выступившего разделения экономического и философского* и, соответственно, о необходимости выделения соответствующего (нового) комплекса идей, мыслей, представлений, установок, взглядов, направленных на осмысление специфической сферы экономической жизни общества.

Таким образом, развитие негативов общественно-экономических процессов и осмысление нового подхода к их познанию неизбежно приводит к выводу о необходимости возврата к экономико-философскому мышлению, не отвергающему единство философского осмысления хозяйственной деятельности, но и *в полагаемом варианте* не ведущего к нему.

Иными словами, идентифицируется некоторое *третье*, но которое не является *синтезом* двух различных выше положений — *экономического и философского*.

Но именно в таком различии состоит (является) *тождество* в смысле диалектики [13, 484], определение *чего* в качестве основания нового подхода и обуславливает его новизну.

Итак, основным положением для нового экономико-философского мышления оказывается разделение понятия некоторого *целого* (например, хозяйственного комплекса конкретной страны) на *экономическое* и *философское*, или определение различий такого *одного* и его рассмотрение в *тождестве*, а не в обычно провозглашаемом *синтезе*.

Отсюда, в смысле необходимости учета *тождества и различий*, следует вывод о диалектической основе такого подхода и о формировании соответствующей современной области познания, учитывающей разделение *экономического и философского*.

Новое экономико-философское познание оказывается существенным, прежде всего, на методологическом и парадигмальном уровнях, причем в том числе и в связи с необходимостью современно-го уточнения представлений о социально-экономическом развитии.

Это, далее, приводит к мысли о развитии такого известного направления, как *экономическая философия*, однако которая в указанном случае не оказывается теоретизирующим синтезом.

При этом особенно актуальными на фоне рассуждений о развитии негативов и дегуманизации становятся ценностные аспекты (именно которые явно и неявно затрагивались выше при обсуждении развития экономического познания), что определяет главную характеристику предложенного осмысления *экономических вопросов*. Это соответствует выявлению особенностей предложенного экономико-философского осмысления общественного бытия, можно сказать, некоторым образом *ортогонального* подходам философии хозяйства, что и отличает по-новому понимаемую экономическую философию. И в развитии ценностного отношения как одного из аспектов реализации целостной человеческой деятельности обнаруживается необходимость философского осмысления и изучения экономической реальности в аксиологической проекции. А это составляет *особенность* обозначенного экономико-философского познания, которая в диалектическом смысле необходима для осуществления познания от конкретного *единичного* (например, упомянутый выше хозяйственный комплекс конкретной страны).

И если ранее однозначного понимания экономической философии не было: она понималась, в основном, либо как особый вариант экономической науки, а иногда даже как синоним экономической науки, либо как часть философии, выделяемая сообразно особой сфере социальной жизни, аналогично, например, философии права, то в смысле разделения экономического и философского и выделения особого комплекса идей, мыслей, представлений, установок, взглядов, направленных на осмысление специфической сферы экономической жизни общества, причем в аксиологической проекции, образуется современное представление об этой науке.

Таким образом, обозначается развитие экономической философии на диалектической основе, что, фактически, ставит вопрос о новом этапе развития этой науки.

А обобщая изложенное, необходимо отметить, что в Новейшей философии [14] указанным образом и было осуществлено определение самостоятельного статуса экономической философии на современном этапе ее развития, которое включает акцентирование аксиологических аспектов интерпретации хозяйственной деятельности человека.

Литература

1. *Аристотель*. Политика. Минск, 1998.

2. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 1936.
3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
4. *Макаров В.Л.* Вместо предисловия // Преодоление времени / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. М., 1998.
5. *Молчанов К.В.* Политическая экономия и экономическая наука. Ч. 1. Современная политическая экономия: новая общественная формация и прибавочная стоимость в ее диалектическом развитии. М., 2001.
6. Экономическая теория на пороге XXI в. / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1996.
7. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.
8. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М., 2000.
9. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
10. *Осипов Ю.М.* Хозяйство // Философия хозяйства. 2000. № 1.
11. *Тутов Л.А.* Проблема управления в философии хозяйства. // Вопросы философии. 2003. № 8.
12. *Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии. // Вопросы философии. 1999. № 10.
13. *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. 5. М.-Л. 1935.
14. *Молчанов К.В.* Сферы и этапы развития философии в бытии. И Новейшая философия // Философские исследования. 2006. № 3—4.

С.В. КАЙМАНАКОВ

Экономика: теория, модель, безопасность

Необходимость вырваться нашей стране из стабилизационного тупика давно созрела и перезрела. Только мощный рывок («вырыв», по терминологии Ю.М. Осипова) к форсированному развитию может спасти Россию как самобытную цивилизацию. В противном случае на российской территории через некоторое время будут проживать народы других цивилизаций, русский язык станет мертвым языком, слова «российская культура», «Московский университет», «Великая Отечественная война», «Пушкин», «Булгаков», «Гагарин» и т. д. станут непонятны для будущих современников. Только историки будут изучать нашу цивилизацию, этот странный народ, населяющий когда-то

1/7 суши и сошедший по своей воле в историческое небытие, наряду с древними цивилизациями шумеров, ацтеков, майя и т. п. Это вполне реальная перспектива, ведь к развалу СССР («Большой России») остальной мир отнесся вполне безучастно, а многие по этому поводу злорадствуют до сих пор.

Если перевести проблему технологии, алгоритма подобного рывка к ускоренному развитию в экономическую плоскость, то нужно определиться, на какой теоретической основе это нужно делать. Наблюдая за дискуссиями (принимающими подчас весьма острый характер) представителей основных направлений экономической теории: неоклассики, кейнсианства, современного марксизма, институционализма на различных конференциях, методологических семинарах и т. д., поражаешься их оторванности от нужд хозяйственной практики, от насущных и углубляющихся проблем, стоящих перед страной. Правда, в экономической литературе монографии, статьи в журналах или научных сборниках снабжены определенным конкретным материалом, но в большинстве своем имеющим иллюстративный характер. Все это напоминает ситуацию с уровнем развития экономической науки в 1980-х гг. Политэкономы продолжали выводить одну категорию социалистической экономики из другой, дискутировали по поводу соотношения товарности и плановости, формулировали очередной объективный экономический закон, строили различные системы иерархии и субординации категорий и законов. Представители экономико-математического направления (СОФЭ, «конструктивной политэкономии») спорили о том, как измерить полезность, которую они клали в основу цены товаров вместо стоимости (общественно необходимых затрат труда), упражнялись в построении красивых математических моделей, включая народнохозяйственную модель оптимального плана. Зачем предприятиям хозяйственная самостоятельность, инициатива, хозрасчет, если оптимальный план для страны и твоего предприятия уже рассчитан на ЭВМ на всю пятилетку, знай только неукоснительно его выполняй. Правда, позднее появились и оптимальные модели для хозрасчетных предприятий. Нарботки этих двух направлений, концепций в разной степени были положены в теоретическую основу проведения экономической политики страны.

А в это время в стране назревали, а в конце 1980-х гг. вовсю происходили разрушительные процессы как в экономике, так и в обществе в целом. (Роль внешних и внутренних антироссийских сил в этих процессах не входит в предмет статьи, хотя и сбрасывать их со счетов тоже было бы не правильно.)

Все это закончилось развалом Большой России, «величайшей геополитической катастрофой XX века» (В.В. Путин). Оказалось, что

тогдашняя экономическая теория была совершенно не готова к такому повороту событий. Система категорий и объективных (!) законов социалистической экономики, так же как модель оптимального плана, рухнули в течение небольшого отрезка времени. Теоретической основой проведения экономических реформ без всякого обсуждения была объявлена неоклассика («Вашингтонский консенсус»). В вузах преподавание политической экономии административным путем заменили на экономикс.

Начался длительный период трансформации прежней экономики в рыночную, на самом деле период слома основополагающих детерминант российской цивилизации. Социально-экономическая политика РФ свелась к постоянному проведению серии реформ на рыночной основе в жизненно важных для общества, национального хозяйства и населения сферах: реформ предприятий (приватизация), ценообразования, внешнеэкономической деятельности, финансового сектора, науки, образования, здравоохранения, ЖКХ, пенсионного обеспечения, обороны («сердюковская» реформа) и т. д. Результатами проведения этой серии реформ наряду с некоторой рационализацией данных сфер, что было бы неправильно отрицать, стало дальнейшее ухудшение материального положения большинства населения, в том числе за счет расширения набора платных услуг в каждой сфере и постоянного повышения цен на них, не связанного с ростом их качества. В то же время эти реформы привели к нарастающей волне коррупции, способствовали значительному обогащению чиновников и связанных с ними бизнесменов.

За 20 прошедших лет страна пережила сокращение своего экономического потенциала почти в два раза (1992—1998), этап восстановительного роста, стимулированного сверхдоходами от продажи углеводородов на мировом рынке (1999—2007), хотя на самом деле этот период правильнее назвать «ростом без развития» (термин С.С. Губанова), мировой финансово-экономический кризис, ударивший среди промышленных стран больше всего по нам, «выползание» из кризиса (2010—2011) с темпом прироста ВВП 4,3%, и, наконец, в прошлом году — долгожданный «стабилизец» при 3,4% ВВП.

Каковы итоги этого двадцатилетия? Вот лишь некоторые из них. Уничтожено 2/3 российской промышленности, половина сельского хозяйства, более 30 тыс. деревень. Износ основных фондов оставшихся предприятий достиг 50—70%. Выпуск наукоемкой продукции сократился в 3—5 раз, а ее доля на мировом рынке — в 25 раз. Соответственно удельный вес импорта на рынках текстильной, швейной промышленности, фармацевтики вырос до 80%, продовольственного рынка — до 60%, высокотехнологического оборудования и бы-

товой техники — до 90%. Значительная часть отечественных предприятий перешла в руки иностранцев, в большинстве своем граждан стран НАТО. За границу, в том числе в оффшоры, вывезено за рассматриваемый период 2 трлн дол. Внешний долг страны ныне составляет 140% доходов федерального бюджета. Социальное расслоение общества достигло невероятных величин. Сто долларовых миллиардеров сейчас владеют 30% частного капитала РФ. А численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (т. е. уровень абсолютной нищеты) — 13% [1, 125]. По европейским стандартам к числу бедняков относятся 90% россиян.

Разве можно усомниться в том, что есть определенная доля ответственности теоретической базы проводимых реформ, приведших к такого рода итогам? Разве потерял истинность и актуальность известный каждому грамотному экономисту вывод супруга русской балерины Лидии Лопухиной: «Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, ...извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-то академического писаки, сочинявшего несколько лет назад»? Удивительно, что многие представители неоклассического направления этой связи между своей теорией и результатами ее применения на практике в России не видят или даже отрицают ее.

На наш взгляд, из всех известных функций экономической науки: познавательной, методологической, идеологической, образовательной и т. д. наибольшую актуальность в современной российской действительности приобретают практическая и прогнозная функции. Тем-то наша наука и отличается от других общественных наук, что, если, например, в философии можно десятилетиями спорить о том, познаваем ли мир или нет, что первично, а что вторично, и т. д. и проверить это нельзя, то теоретические постулаты, гипотезы экономической науки проверить можно. Для этого существует соответствующий инструментарий, факты экономической действительности, статистические данные, возможность сверить фактические показатели с прогнозными.

В то же время надо иметь в виду, что экономическая теория, ее современные направления воздействуют на хозяйственную жизнь не прямо, а посредством формирования специфической для каждой страны модели экономики, учитывающей и использующей в своем становлении и развитии в разной степени достижения разных направлений и научных школ. Кроме того, на формирование модели воздействуют характерные для данной страны неэкономические факторы (географические, природно-климатические, геополитические, социо-

культурные и т. д.), а также, что немаловажно, интересы различных групп властвующей элиты (экономической и политической).

Если взять только теоретическую основу экономической модели, то в качестве примера успешной модели можно привести модели социального рыночного хозяйства Германии. Она была сформирована на стыке теории ордолиберализма (В. Ойкен, Ф. Бём), нелиберальных (В.В. Рёпке, А. Рюстов) и социал-либеральных (А. Мюллер-Армак) концепций. Затем успешно применена командой Л. Эрхарда для ФРГ (немецкое «экономическое чудо»), после присоединения ГДР апробирована в Восточной Германии и, наконец, признана желательной для становления и развития общей европейской модели. Особого внимания заслуживает модель «социализма с китайской спецификой». В ее основе, как утверждается, марксистская теория, «идеи Мао Цзэдуна», «идеи Дэн Сяопина», но также используются кейнсианские, нелиберальные и институциональные подходы. Есть примеры и других эффективных моделей. Что касается России, то ее сложившаяся экономическая модель вряд ли может быть признана успешной с точки зрения национальных интересов, о чем говорилось выше. Надо сказать, что властвующая элита России взяла из неоклассической теории те положения, которые соответствовали ее корыстным интересам, причем в гипертрофированном виде: «обрыночивание» всего и вся, необходимость ухода государства из экономики, максимизацию дохода как единственную цель экономических агентов и т. д. Эта модель была сформирована к концу 1990-х гг., определенным образом модифицирована в 2000-е гг. и получала название экспортно-сырьевой, причем это название встречается и в официальных документах. Более того, формально признается ее тупиковость для современного этапа развития страны. Упрощенно говоря, ее суть сводится к добыче и вывозу за рубеж сырьевой олигархией при участии высшей бюрократии национальных ресурсов и переводе за границу сверхдоходов, вкладываемых в чужую экономику и/или используемых на паразитическое потребление. Часть этих доходов формирует финансово-спекулятивный и компрадорско-торговый капиталы. Эта модель не дает нормально развиваться обрабатывающей промышленности, сельскому хозяйству, инновационному сектору, малому и среднему бизнесу, социальной сфере. Она не нуждается в значительной части населения, для нее это «лишние» люди, мешающие делать свой «гешефт». Отсюда тенденция к вымиранию и деградации населения. Следовательно, дальнейшее функционирование данной модели представляет серьезную угрозу для российской цивилизации и россиян.

Выход видится в ее замене на новую модель. Такая модель нуждается в первую очередь в теоретическом обосновании.

Надо сказать, что на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ научная работа ведется по следующим темам государственной регистрации.

1. Методологические принципы и системный анализ в современной экономической теории.
2. Методологические, теоретические и практические проблемы формирования и развития российской экономической модели.
3. Соотношение форм собственности в современной России как предпосылка формирования инновационной экономики.

Что касается темы 1 и 3, то плюрализм мнений и конкуренция идей по этим проблемам представителей имеющихся на кафедре направлений экономической теории не только желателен, но и необходим. Мы бы предложили сконцентрировать усилия всей кафедры на проблеме формирования и развития новой российской модели, благодаря которой страна перешла бы на тренд непрерывного социально-экономического прогресса. Во-первых, на кафедре уже есть интересные теоретические наработки по этой конкретной теме [2—3]. Но было бы правильнее, на наш взгляд, идти не от соответствия экономической модели той или иной абстрактной схеме, а от фундаментальных основ российской цивилизации, коренных интересов россиян, насущных задач, стоящих перед страной, оценки внутренних и внешних угроз и творческого использования мирового опыта, что как методологический принцип и его реализация присутствует в работах В.М. Кулькова по национальной экономике. Во-вторых, в разработке данной темы могли бы найти свою «нишу» кафедральные приверженцы всех течений (парадигм) экономической мысли: марксистской политической экономии, кейнсианско-неоклассического направления, институционализма, теории национальной экономики. Нужно только договориться о едином понимании национальных интересов России, учете влияния специфических внеэкономических факторов на хозяйственную жизнь, целях экономического развития страны. Мы думаем, что при взаимном уважении позиций каждого сотрудника кафедры, стремлении уйти от конфронтации и найти приемлемые компромиссы и даже единые подходы, объединённого общим делом, большим проектом коллективу кафедры вполне по силам разработать научно обоснованную российскую экономическую модель, которую, как вариант, можно назвать социально-инновационной. Тем более силы эти не маленькие. На этой основе возможно сформировать научную университетскую школу национальной модели экономики. В-третьих, поскольку в кафедральной теме 2 присутствуют слова «практические проблемы» модели, это означает, что методологическая и теоретическая разработки этой модели должны быть дополнены соответствующими

практическими рекомендациями. В-четвертых, можно организовать широкое обсуждение разработанной кафедрой российской модели на конференциях, в экономической литературе, в Государственной Думе и т. д., предложить ее Минэкономразвития, другим властным структурам.

Медлить нельзя. Страна остро нуждается в реализации национально-ориентированной модели развития, альтернативной действующей — ущербной, скроенной по чужим лекалам и служащей, в конечном счете, только для обогащения олигархов и компрадоров. Наличие этой асоциальной и антинациональной модели прямо противоречит не только интересам абсолютного большинства россиян, но и интересам каждого члена кафедры. Мало того, что профессор МГУ, читая, скажем тот же курс лекций по экономиксу, имея одну и ту же учебную и научно-методическую нагрузку, как и его европейские или американские коллеги, вынужден довольствоваться зарплатой на порядок ниже, чем они, — это еще полбеды. Согласно распоряжению Правительства РФ от 30.12.12 № 2620-р, численность студентов по сравнению с 2013 г. в 2018 г. сократится на 21%, а нагрузка на одного преподавателя вуза возрастет соответственно с 9,4 до 12 студентов [4, 88]. Расчеты показывают, что это приведет к сокращению 46% вузовских преподавателей за данный период. Интересно получается. На протяжении многих лет проводились асоциальные реформы в рамках нынешней модели экономики, приведшей к сокращению численности российской молодежи, а расплачиваться за это будет практически каждый второй преподаватель вуза. Можно представить, какая будет атмосфера на кафедрах. Добавьте к этому введение так называемых эффективных контрактов — прекрасную возможность избавиться от неудобных, да еще придерживающихся «не тех» взглядов. Остатки академической свободы в вузах окончательно рухнут.

Как вариант, можно предложить в кратком изложении следующий подход к построению модели экономики, адекватной детерминантам российской цивилизации. Общая модель в целом будет представлять собой совокупность взаимосвязанных частных моделей.

Модель собственности. Реальное равноправие различных форм собственности в соответствии со спецификой отраслей и регионов России. Четкое разграничение между собственностью на капитал крупных сырьевых компаний и собственностью всего общества на недра. Ограничить прибыль сырьевых компаний нормой доходности обрабатывающих отраслей. Остальной доход должен поступать в госбюджет. Для частных предприятий других отраслей необходимо законодательное введение государством налога на имущество, которое должно быть переоценено по рыночной стоимости. Налог на прибыль

и НДС в этом случае отменяются. Усиление контроля за эффективной экономической реализацией государственной собственности в стратегически важных секторах экономики. В законодательном порядке расширить список отраслей и предприятий в нашей стране, куда зарубежным собственникам путь заказан по соображениям национальной безопасности.

Модель производства. Преодоление утяжеленности структуры экономики добывающими отраслями. Ускоренное развитие научно-образовательной, информационной сферы, сектора новейших технологий и фундаментальное преобразование на этой основе всей экономики.

Модель распределения. Постоянное поступление в бюджет страны значительных доходов от добычи природных ресурсов и налога на имущество предприятий, что позволит проводить масштабное перераспределение ресурсов и доходов в интересах модернизации экономики. Восстановление прогрессивного налога на доходы физических лиц, введение налога на имущество для верхней доходной группы.

Модель ценообразования. Государственный контроль цен товаров и услуг топливно-сырьевого и энергетического комплекса, производственной инфраструктуры (в первую очередь транспорта) и значительной части социальной сферы. Усиление антимонопольного регулирования в других секторах.

Модель воспроизводства. Восстановление целостности национального воспроизводственного процесса на современной основе. Существенная корректировка соотношения фондов возмещения средств производства, накопления и потребления.

Модель государственного регулирования. Переход к стратегическому планированию социально-экономического и научно-технологического развития, резкое повышение его роли в обеспечении единства обширного и разнородного экономического пространства.

Модель инициативы и самоуправления. Уравновешивание государственного регулирования созданием условий для полнокровного раскрытия человеческого потенциала, развития созидательного предпринимательства, самоуправленческих начал, социально-трудовых инноваций российских.

Важной составной частью научно обоснованной экономической модели должна стать формирующаяся теория экономической безопасности. В литературе представлено уже достаточно научных монографий, статей и учебников по этой проблематике, есть наши соответствующие наработки [5—6]. Проводятся конференции, в том

числе и международные, посвященные национальной и экономической безопасности. Сложился категориальный аппарат, по которому достигнут приемлемый консенсус: определение экономической безопасности, ее соотношение с национальной безопасностью, объекты и субъекты экономической безопасности, ее уровни, виды (энергетическая, научно-технологическая, продовольственная, финансовая, внешнеэкономическая и т. д.), показатели и критерии, оценка (как соотношение фактических и пороговых значений показателей), типы ущербов, направления обеспечения безопасности и т. д.

Подводя общий итог, отметим, что переход к научно обоснованной социально-инновационной модели экономики и ее реализация позволят России занять достойное место в мировом хозяйстве в условиях усиления глобальной конкуренции стран и цивилизаций.

Литература

1. Россия в цифрах. 2012: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012.
2. Российская модель рыночной экономики: противоречия и перспективы / Под ред. К.А. Хубиева. М., 2002.
3. *Кульков В.М.* Российская экономическая модель. М, 2009.
4. Распоряжению Правительства РФ от 30.12.12 №2620-р // <http://government.ru/docs/22263/>.
5. *Кайманаков С.В.* Развитие экономики России в координатах безопасности // *Философия хозяйства*. 2006. № 5.
6. *Кайманаков С.В.* Национальная социально-экономическая безопасность в контексте современного этапа развития // *Национальная экономика России и вызовы XXI века*. М., 2009.

А.Б. КРОТКОВ

Закон Маммоны против мирового системного кризиса

Россия и весь Западный мир в глубоком кризисе. Хочу подчеркнуть, что это не только экономика, конфликты и войны, терроризм, коррупция, преступность, наркомания... Меняется сам человек: он становится все более жестоким, алчным и лживым — и все это в совокупности принимает такие чудовищные формы и масштабы, что возникает ощущение уже происходящей катастрофы. Налицо все признаки системного кризиса: им охвачены экономика, политика, мораль. Присутствует и системная причина. Ее можно устранить. Об этом и пойдет здесь речь.

Идейный детерминизм истории

Так в чем же дело? Может быть, у нас «не так» устроена экономика? Или «не та» партия у руля? История, в том числе и наша, знает множество экспериментов, когда все это радикально менялось. Менялось все — а проблемы оставались... И тем не менее мы с безнадежным упорством занимаемся экономикой, инновациями, совершенствуем законодательство, хотя общеизвестно, что даже экономические законы по-разному работают в странах с разным менталитетом.

Может быть, пора признать, что экономика и политика не являются ключевыми факторами в развитии истории?

Может быть, надо вспомнить истину, которую провозглашали еще мессии?

Истину, что первопричинны наше сознание, наша душа, наши идеи. «Человек — мера всех вещей».

Это — фундаментальная истина, на которую опирается эта работа.

Современная интернациональная идея

В пространстве социально значимых идей человечества два полюса: 1) эгоизм, основанный на инстинктах, диктующий разделение, конкуренцию и войну каждого со всеми за материальные «интересы» и приводящий к сепаратистским тенденциям и распаду социальных структур; 2) консолидация, основанная на духовности, призывающей к всеобщей созидающей творческой деятельности и любви.

Эти полюса происходят от двойственной природы человека и являются, по сути, точками сингулярности земной цивилизации. Скатившись в первую, мы перестанем быть людьми или погибнем, что одинаково страшно. Поднявшись ко второй, мы выйдем на качественно новый этап развития. В золотой век, если хотите.

Сегодняшняя цивилизация, по крайней мере, западного образца, живет эгоизмом. Это по сути современная интернациональная идея.

Ускоряющимися темпами, как в воронке черной дыры, расходуются не только нефть, почва, вода, воздух... В соответствии с предложенной здесь истиной есть более важный ресурс нашей планеты — человечность. Ее мы теряем с катастрофической скоростью. Сохранив же и приумножив ее, мы получим в изобилии все остальное. Без нее потеряем все.

Чтобы вырваться из черной дыры, мы должны осознать необходимость новой интернациональной идеи, основанной на принципах консолидации. Других вариантов и точек сингулярности нет.

Истоки современной интернациональной идеи

Идея потребительства отнюдь не заключена в пресловутой «природе человека», под которой подразумевается набор животных инстинктов. Человек выше всего этого, он живет идеями, менталитетом, верой, воспитанием. Вопрос только в том, какие идеи пропагандируются — разрушительны они или созидательны. Хорошо ведь известно, что идейная сфера человека весьма подвержена внушению, особенно, если это делается со знанием дела.

В частности, идея эгоизма и потребительства внушается человечеству индустриями рекламы и зрелищ, сам смысл существования которых в извлечении прибыли путем манипулирования общественным сознанием.

Такой порядок вещей сложился не случайно. Он проистекает из нескольких иллюзий, которые можно назвать кризисными.

Иллюзия № 1: государственная идеология — это тоталитаризм. На политическом уровне считается, что главные функции государства — обеспечение безопасности, развитие экономики и демократических институтов, социальная политика. Вторжение в сферу убеждений и взглядов считается проявлением тоталитаризма, что и закреплено 13-й статьей Конституции.

Но! Общество не способно существовать без идеи! В результате после принятия Конституции сфера воздействия на массовое сознание лавинообразно коммерциализировалась, инициативу перехватила массированная пропаганда антисоциальной идеологии. Государство добровольно обезоружило себя перед этой опасностью. Ниже будет показано, что это за идеология и что именно здесь находится первопричина мирового системного кризиса.

Иллюзия № 2: Реклама — двигатель торговли. Считается, что проблемы рыночной экономики состоят в недостаточном потреблении «перепроизведенных» материальных «благ», а «решение проблемы» — в стимулировании потребления с помощью рекламы. На микроэкономическом уровне каждый субъект рынка стремится увеличить продажи любой ценой, в том числе и с помощью рекламы. При этом, чем искуснее он скроет недостатки и удачнее сыграет на страстях потребителя, тем больше продаст. Уголовное законодательство не преследует ложь-умолчание и прочие ухищрения, поэтому подобные технологии, как и принцип «не обманешь — не продашь», вошли в моральную норму.

Они перешли в принцип «не обманешь — не проживешь» и, как противовес — «не верь никому».

Что касается макроуровня и интересов общества, то на деле проблема заключена в асимметрии системы *производства* — потреб-

ления, которая происходит от эгоизма собственника и его понимания успеха как личного накопления. Высокая доля присваивания произведенного продукта владельцем средств производства делает платежеспособный спрос заведомо меньше произведенного объема при любом абсолютном объеме, порождая «пороки капитализма». Не собираюсь агитировать за социализм — у него своих «пороков» хватает; кроме того, не это главное.

Реклама и пиар как «решение проблемы недопотребления» в масштабах экономики оказывает действие, обратное ожидаемому: насаждая идеологию потребления, они усиливают эгоизм собственника, и как следствие усиливают кризисную асимметрию *производства* — потребления.

Реклама разрушает рыночную конкуренцию, перенося ее из области борьбы за потребительские и экономические качества продукта в преступную область борьбы за деньги потребителя с помощью психоманипулирования.

Взламывая культурно-информационное пространство, эксплуатируя общечеловеческие идеалы, реклама опошляет и подменяет их потребительскими, навязывает интисоциальные модели поведения. «Даже ангелы не устоят» от применения средств гигиены, можно выкинуть за борт любимую из-за пакетика чипсов, мечта жизни — автомобиль, возьми кредит — живи прямо сейчас, и т. д.

Методы рекламы формируют презрение к производительному труду и внушают престижность паразитического существования. Именно в этом — корень экономических проблем Западного мира! Производительный труд сегодня непопулярен, а завтра станет позорным. Парадокс: правительства озабочены созданием рабочих мест в «реальном секторе», в то же время они признают, что без иностранных рабочих нам не обойтись. Становится понятно, что «экономическое чудо» демонстрируют те страны, где люди умеют и хотят трудиться (при наличии благоприятного делового климата, разумеется). Там, где этого нет, не помогает даже обилие сырьевых ресурсов или контроль над мировой валютой.

Таким образом, иллюзия недопотребления сформировала идеологию потребления, ненасытности и алчности.

Иллюзия № 3 — банки должны давать прибыль. Об этом пишут даже учебники. Однако они же пишут, что банковская система исторически создавалась в общественных целях, вследствие заинтересованности хозяйства в платежах и ресурсах, сохранности капиталов. Проникший в банковскую систему коммерческий элемент подчинил ее идее прибыли.

Превратил ее в оружие массового ограбления, придал ей антиобщественную функцию.

Банки оперируют виртуальным ресурсом (деньгами, ценными бумагами), — по-русски «умозрительным», что в переводе на английский и почти любой европейский язык означает *speculative*. Таким образом, манипулируя спекулятивным ресурсом, коммерческий агент банковской системы создал, присвоил и раздул до огромных размеров суррогатные финансовые продукты, объем которых многократно превышает мировой ВВП. На этих суррогатах выросла финансовая «элита», ненасытность которой и привела мир к экономическому кризису.

Этот факт подтверждает, например, исследование экономистов МВФ. Цитирую отчет: «Олигархи, владельцы крупнейших состояний, живут на ренту, продавая всем остальным деньги, которые они же и создают... нужно поставить банки под контроль правительств, вернуть государству статус единственного источника денег» [1].

Важно отметить, что основная опасность коммерциализации банков — даже не финансовая, а идеологическая: такой способ деятельности легализует и даже делает престижным паразитическое существование за счет спекулятивных операций. По сути, налицо узаконенная коррупция: использование банка как общественного института в частных коммерческих целях. А уж коли коррупция узаконена и считается престижной, то это превращается в обычай, менталитет и цель жизни.

Иллюзия № 4 — свобода СМИ. Коммерция проникла не только в банки, но и в СМИ и культуру, поработив их свободу идей обогащения и переродив их.

Главное завоевание демократии — свобода СМИ — стало фикцией! Зависимость от прибыли — самая рабская из возможных несвобод, потому что их может купить каждый. Что, собственно, и происходит — на радость обеим сторонам сделки.

СМИ утратили гражданское назначение, превратившись в СММ — *средства массовой манипуляции*, культура переродилась в индустрию зрелищ, в «контент», предназначенный для извлечения прибыли или привлечения потребителей рекламы. Сама наука подсказала выгодные темы для них. Это темы наших инстинктов, темы четырех «F», как метко сформулировал исследователь мозга Пол Маклин: «Feeding, Fighting, Fleeing, Fucking» [2]. Для российского продюсера — это правило «форматности», или четырех «Д»: «Деньги, Драки, Догонялки, Девки».

При этом темы высшей духовной сферы оказываются неконкурентоспособными, ведь они требуют усилий от зрителя, таланта и большого труда от авторов, а возбудить сферу инстинктов гораздо

проще. В итоге культурно-информационное пространство пропагандирует паразитирование, агрессивность, криминал, животный секс, отрицающий семейные ценности. Наивно ожидать воспитательного влияния от системы, у которой иные цели.

Впрочем, таланты и гении будут всегда. Но им становится все труднее, их слушают все меньше. Да и сами высокие творения так раскрошены или затравлены рекламой, что полноценно воспринять их невозможно. Так что люди преимущественно воспитываются на «контенте», единственным ограничителем для которого является уголовный кодекс, и то не всегда.

Деградация в общество коммерческого тоталитаризма

Правительства по-своему пытаются совершенствовать систему воспитания, вкладывая миллиарды в оргтехнику и громкие проекты, учителя стали работниками сферы услуг, а родительское влияние часто сводится к советам: «а ты дай сдачи» и «не сиди у экрана до ночи»... А дети вырастают на компьютерных стрелялках, получая рефлекс и убеждения убийц и садистов, изучают методы мошенничества из сообщений СМИ и «киношек», обучаются мудрости жизни на циничных анекдотах и порно из сети. «Мечта! Влюбить в себя и наоборот!» Анекдот формально корректен, но вред наносит поистине дьявольский. И таких в сети тысячи! Потом дети закономерно переносят свои «игры» и «мудрость» в так называемый «реал»... Скоро они вырастут и станут журналистами, продюсерами, педагогами, чиновниками... Вот тогда «реально» наступит «конец света просвещения», конец человечности.

Кроме того, сфера СМИ и шоу-индустрии сверхприбыльна, поскольку прибыль здесь не ограничена законами материального мира. Вследствие этой сверхприбыльности сфера воздействия на сознание человека стала сверхконкурентной и всепроникающей, а потому предельно зомбирующей. Именно сверхконкурентность заставляет «властителей душ» обращаться к все большей разнузданности — от инстинктов к извращениям, к физиологии, все ниже и ниже — ведь насыщенность примитивными темами наступает быстро, они уже привлекают внимания, а внимание — главный товар этой индустрии. Вот почему западный мир вступает в эпоху банальной посткультурности, а свобода и демократия деградируют в общество *коммерческого тоталитаризма*.

Возникновение диктатуры коррупции

Коммерция стремительно ворвалась не только в СМИ и культуру. Она пропитывает своим ядом воспитание, образование, здравоохранение, науку, спорт... Она проникла в наше сознание, жизненные

принципы. Здесь нас вновь не обманет русский язык, если вместо «коммерческий» мы воспользуемся нашим сермяжным термином «продажный». «Продажность» почти на любом европейском языке звучит как «соггирт». Это хорошо иллюстрирует закономерность: любая коммерческая составляющая в общественной области становится коррумпирующей. Распространяясь на мораль и общественные институты, *диктатура коммерции* закономерно становится *диктатурой коррупции*.

Таким образом, для расцвета Коррупции и преступности созданы объективные идеологические условия, которые невозможно компенсировать полицейскими мерами, совершенствованием законодательства — в силу приоритетности идейных корней возникновения коррупции перед политикой!

Оружие массового развращения. Крысизация человечества

Именно коммерческая основа превратила СМИ и культуру в *оружие массового развращения* и совершает самое массовое и губительное в истории преступление против человечности. Срок смены поколений определяет период ее «полураспада». Общественное сознание деградирует, происходит его крысизация. Страшно то, что даже для одной крысизированной человеческой особи и целого мира мало для ее фанатичной идеи накопления или уничтожения!

Итоги перечисленных иллюзий налицо: системный кризис и в экономике, и в политике, и в культуре... Следует подчеркнуть, что разрушение системы нравственных ценностей произошло в России стремительно, на глазах одного поколения. Именно благодаря этому мы еще можем это осознать и успеть предотвратить. В известном смысле Россия — лягушка, которую бросили в кипяток разврата и потребительства. Она должна рефлекторно выпрыгнуть и указать путь спасения тем, кто постепенно, на протяжении нескольких поколений, прошел путь от католического пуританства к современной разнузданности.

«Кто виноват?»

Теперь ответить на этот вопрос несложно: персонально не виноват никто, здесь никакого «мирового заговора» каких-либо сил нет. Есть закономерное действие продажности на духовную сферу человека и на общественные институты, куда он проникает.

По сути, только в одной сфере человеческой деятельности коммерческий элемент работает на пользу обществу — в сфере материального производства, товарно-денежных отношений. В классической цепочке обмена «Товар—Деньги—Товар», он не деградирует.

Это можно назвать законом Маммоны: идеи или общественные функции (институты), когда они превращаются в товар, неизбежно деградируют, превращаясь в свою противоположность.

Вот примеры подобных метаморфоз:

любовь — деньги — проституция;

власть — деньги — коррупция;

деньги как эквивалент — деньги — финансовые суррогаты —
финансовый кризис;

культура — деньги — массовое развращение;

СМИ — деньги — средства массовой манипуляции;

врач — деньги — агент фармацевтической индустрии;

учитель/ученик — деньги — репетитор/потребитель образовательных услуг;

наука как поиск истины — деньги — инновация как поиск прибыли;

спорт — деньги — пропаганда агрессивности, победы любой ценой.

«Что делать?»

Разумеется, изгонять Маммону из храма культуры и общественных отношений.

Согласно принципу первичности сознания, спасительными могут быть только идеологические меры. Подкрепленные, конечно, экономическими и политическими инструментами.

Спасительной может стать только *интернациональная* идея глобального масштаба, оснащенная средствами убедительности, симметричными оружием массового развращения.

Для этого необходим вовсе не слом, но конверсия этого оружия в Систему консолидации, воспитания и пропаганды человечности.

- Необходимо сделать высшим государственным приоритетом социально-консолидирующую идеологию, для чего государство должно обрести соответствующий общественный орган, надежно защищенный от коммерческого или политического тоталитаризма. Например, это может быть культурно-информационная палата парламента.

- Необходимо дать свободу СМИ и культуре: освободить их от разрушительного коммерческого принципа, выделив рекламу в отдельное информационное пространство. Культурно-информационный контент должен быть абсолютно свободен от рекламы, а рекламный контент не должен обращаться к эмоциональным, эстетическим и мировоззренческим категориям. Именно поэтому антиобщественным является прерывание на рекламу, использование в рекламе тем, слоганов и прочих сюжетов, не являющихся предметом рекламы.

- Необходимо конверсировать индустрию зрелищ в систему воспитания и пропаганды человеческих ценностей, для чего развращающий контент должен стать коммерчески невыгодным, а возвы-

шающий — прибыльным. С этой целью должны работать общественные институты, занимающиеся экспертизой культурно-информационного контента. Должны быть разработаны культурно-информационные стандарты, в соответствии с которыми общество либо поощряет, либо накладывает санкции (например, налоговые, как на игровой бизнес) на контент. Подчеркиваю, стандарты и экспертиза должны быть публичны и прозрачны и размещаться на интернет-ресурсах. Никто не скажет, что это утопия. История знает множество подобных мер. Например, это кодекс Хейса в киноиндустрии США. Тогда, в 1930-е гг., он был добровольным, но соблюдался неукоснительно. Сейчас иные времена...

• Необходимо надежно изолировать от проникновения коррумпированного коммерческого элемента в общественные институты. Они не должны заниматься бизнесом, коммерцией. Пока такое ограничение распространяется только на депутатов, но этого недостаточно. Диву даешься, сколько методов вымогательства, опирающихся на легальные платные услуги, изобретено в общественных институтах уже сегодня! Кто оценит, как это калечит идею учителя и ученика, врача, ученого и спортсмена? Оно перерождает эту идею в *интернациональную* идею продажности.

От борьбы каждого со всеми — к гражданской вере каждого во всех

В недалеком прошлом вера была главной консолидирующей идеологией человечества. В настоящее время она все более заглушается оружием массового развращения. К безумию тотальной борьбы «за интересы» добавляется конкуренция религий, абсурдная с точки зрения их заповедей. Между тем совершенно очевидно сходство заповедей основных мировых религий, позволяющее сделать вывод об их единой сущности. Например, вот что говорят:

• *буддизм*: 1) «Самоотверженность в служении другим, материальная помощь другим людям, терпимость к чужим взглядам и поступкам...», 2) «Не укради, но уважай собственность других и практикуй щедрости...», 3) «Не прелюбодействуй, но будь верен своему спутнику жизни...»;

• *ислам*: 1) «Относитесь с добром к родителям и родне, сиротам и беднякам, соседу...», 2) «И те, кто одолел свою алчность и эгоизм, — они обретшие спасение...», 3) И не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь это мерзость и плохая дорога!»;

• *христианство*: 1) «Возлюби ближнего твоего, как самого себя...», 2) «Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете...», 3) «Не прелюбодействуй (ни телом, ни глазами, ни мыслями...».

Лишь борьба недуховных «интересов» заставляла людей видеть в «чужих» духовных писаниях и ритуалах только формальные различия — и проливать кровь «за свою веру» на протяжении тысяч лет!

Чтобы выжить, сегодня людям необходимо освободиться от нагромождений лжи и агрессивности, проникнуться верой друг в друга (что не отрицает веру в бога, каждого в своего!) и объединиться вокруг единой гражданской веры, суть которой *в вере каждого в честь и достоинство всех, и ответственность каждого перед всеми за их веру в твою честь и достоинство.*

Ритуальной основой мировой гуманистической веры могут и должны стать все институты культурно-информационного пространства, воспитания и образования. Они с успехом могут опереться на общее духовное ядро мировых религий — и через это объединить и примирить враждующих.

Именно здесь заключаются глобальные предпосылки выхода из кризиса и дальнейшего развития человечества.

Литература

1. *Exploring the Dynamics of Global Liquidit.* <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/>.
2. *MacLean P.D.* The Triune Brain in Evolution: Role in Paleocerebral Functions // Springer. 1990. Jan. 31.

А.Г. ВОЙТОВ

Идейный фактор общественного прогресса

Системный кризис общества может быть преодолен качественным ростом науки — ее теоретизацией на основе технологии философствования. Все необходимое для этого создали основоположники классической философии. Синтез их идей — основа философского ликбеза общества и превращения теоретической науки в идеологию общественного прогресса.

В современном мире растут нестабильность общества, его угроза самоубийства. Одновременно все чаще встречаются факты осмысления проблем и гипотезы их решения.

Панацеи нет. Невозможно быстрое паллиативное решение проблем общественного прогресса. Нужно определить направление и важнейшие деяния — осмысление и решение исходной проблемы, апробация результатов, их экспериментирование, пропаганда и т. п. Все это возможно только на основе осмысления главной тенденции

прогресса науки — давно назревшего перехода от доктринальной к теоретической науке, которая станет идеологией общества. Средством теоретизации науки может быть понимание ее сущности, атрибутивности для общества. Все это достижимо на основе специального изучения науки как социального феномена и определения главной ее проблемы — ее теоретизации на основе философии как науки о науке.

Осмысление проблемы приводит к пониманию, что она возникла не сегодня — ей тысячи лет. Она заключается не в том, чтобы генерировать новые идеи, а в преемственности давно провозглашенных идей. Парадоксальность не в новизне идей, а в подходе к давно известным идеям. Идеи высказывались многими выдающимися людьми на протяжении веков. Они указывали направления поиска, их превращения в практику. Из них назовем следующие факты:

- Мерикаре в Древнем Египте показывал *культ мудрости* как высшей формы науки;
- английский священник XVI в. Р. Гукер признавал необходимость *иного скачка менталитета (способностей)* народа;
- Ф. Энгельс называл диалектику и вообще философию «лучшим орудием труда и острейшим оружием»;
- А.А. Зиновьев завещал своим сторонникам найти возможность *переумнить* врагов своей страны;
- А.Н. Чекалин отмечал необходимость *прорвать диктатуру идейного хаоса* с помощью фундаментальной теории;
- А. Шушарин призывал *успеть найти идею*, которая спасет общество.

Приведенные мысли — разные аспекты одной и той же проблемы, обозначенной древнегреческими философами и решаемой в течение двадцати пяти веков лучшими умами общества — поиска возможностей интеллектуальной революции на основе качественного развития науки. Наука — идеи, накопленные предшествующим обществом. Она действительна по мере ее восприятия новыми поколениями людей. Ее эвристическое могущество растет в меру ее развития. С древности наука была осознана в качестве ведущего фактора общественной жизни. Древнегреческие философы осознали также и главную ее проблему — переход к теоретической науке — и разрабатывали философию как канон, органон решения проблемы. Только это позволит воспитывать людей личностями: человек → индивид → личность.

Важно осознать фундаментальность данной проблемы — работы предшественников, состояние в настоящее время и возможность синтеза теоретической философии как науки о науке. От ее решения зависит судьба общества — погибнет оно или же преодолет

современный системный кризис. Переход от слова к делу начнется со спасения философии как науки о науке. Если общество спасет философию, то философия спасет общество. Для этого следует осознать тот факт, что философию с XIX в. подменили *филодоксией*, порвав преемственность с классической философией древних греков и средневековых европейцев. Сейчас господствует филодоксия, и ей надо противопоставить подлинную философию как науку о науке, объясняющую сущность науки, ее формы и проблемы, обеспечивающую теоретизацию всех конкретных наук и их превращение в идеологию общественного прогресса.

Спасение философии возможно на основе восстановления преемственности с классической философией Древней Греции и Европейского Средневековья. Ее основоположники практически создали все нужное для того, чтобы философия выполнила функцию спасения современного общества. Надо выявить их идеи, синтезировать в теорию философии как науку о науке и с ее помощью теоретизировать все науки, сделав их доступными народу и превратив в идеологию общественного прогресса. При этом следует иметь в виду давно известную закономерность — осмысление проблемы происходит по мере ее решения. Иными словами, уже имеется гипотеза, и задача — ее апробирование, экспериментирование, доработка, пропаганда и т. п. для превращения в норму обыденного сознания народа.

Общественный прогресс представляет следующую последовательность: культура → гуманизм → идейность. Культура — определенный образ жизни, повышающий успех выживания особей на основе сотрудничества, адекватного обстоятельствам. Она возникает в сообществах животных и лежит в основе их жизни. На ее основе возник гуманизм как культура людей. Гуманизм — культура, адекватная общественной жизни людей. Он возникает по мере движения человека от животного, развития человека и весьма многообразен. Степень реальности его форм различна в разных сообществах людей. Гуманизм все еще далек от идеала. В отдельные периоды времени происходит его деградация — системный кризис. Именно его переживает современное общество, что хорошо показано многими современниками. Только с помощью фундаментальных теорий можно найти требующийся качественный скачок гуманизма, преодолевающий *диктатуру идейного хаоса* и порождающий высший его уровень — идейность. Исходным пунктом движения может стать осмысление сущности и значения мышления в жизни общества.

Мышление обычно считают атрибутом людей: это умствование, возникающее от рождения, и стихийно становящееся соображение. Общепринято — люди мыслят от рождения, и эта их способность

достаточна для их жизни. Альтернатива такой трактовке мышления известна давно — мышление не возникает стихийно, а только на основе специального обучения, что предполагает опережающую разработку его технологии. Общество освоило только математику как основу мышления при определении количественного аспекта реальности. Что же касается технологии познания качественного аспекта реальности — определения сущности явлений, то проблема не решена. С древних греков известна истина:

- недостаточно стихийно возникающих умствований и соображений;
- необходимо созидание мышления как высшей формы умствования.

Аристотель призывал *мыслить мышление* — с тем чтобы создать его технологию и сделать его реальностью. Он заложил его основы. Мышление становится реальностью только в меру его осмысления, созидания и освоения. И к этому сводится главная проблема философии. Основой такого подхода является трактовка мышления как детерминированного, формализованного, операционального процесса обработки информации по типу умножения. Аристотель разработал технологию философского мышления, названную впоследствии логикой. С тех пор содержанием логического мышления являются приемы анализа — синтеза (А-С), индукции — дедукции (И-Д), исторического — логического (И-Л) и т. п. Они признаются практически всеми, но от этого не становятся реальностью. Многие исследователи исходят из необходимости обучения названным и другим приемам логики и диалектики или в целом философии. Как отмечал век тому назад классик логики Ф. Минто — логике не хватает гениальной идеи для того, чтобы она стала нормой обыденного сознания.

Исходным превращения логики в норму обыденного сознания может стать *анализ анализа* — понимание его сущности и значения. Замена одного слова в трактовке позволяет превратить его в норму обыденного сознания. Анализом обычно считают *мысленное расчленение объекта* (разделение целого на части и т. п.). Здравомыслящим людям трудно осмыслить суть мысленного расчленения, скажем, мела для его познания. На самом деле сущность анализа и смысл названного положения — *выявление свойств объекта*. Анализ — познание специфических свойств, обособляющих формы объекта. А синтез — выявление фундаментальных (общих) свойств форм объектов. Познание свойств позволяет формализовать их в виде иерархической модели свойств, образцом чего является систематика форм жизни, особенно кладограммы палеонтологии. Переходы от специфических к фун-

даментальным свойствам — индукция, а обратный ход мысли — дедукция.

Гипотеза теоретической философии как науки о науке представлена в изданных книгах¹. Они объясняют науку как атрибут общества, ее формы и главную ее проблему — перехода от доктринальной к теоретической науке с помощью технологии философствования. Эта истина актуальна и для экономической науки. Технология философствования — ядро методологии экономической науки и основа интеллектуальной способности людей, т. е. мышления. Она исследовательски проэкспериментирована и педагогически апробирована. Осмысление представлено в книге «Проблемы методологии экономической науки».

Экономисты порвали преемственность с основоположниками своей науки с опорой на философию. Кредо современных экономистов — обойдемся без философии. Тем самым считается, что экономику можно понять и без философии. Назрела необходимость философского ликбеза экономистов. Для его проведения имеется все необходимое, но требуется преодоление психологического барьера неприятия парадоксальных инноваций, как и древней истины Экклезиаста «мысли бедняка пренебрегаются».

В заключении отметим, философами не рождаются. Но современное обучение философии не адекватно потребностям ее возрождения. Сегодня важно учить студентов, магистров мыслить, обучать их применению приемов логики.

А.Г. ДОМБРОВСКИЙ

Гегемония капитала как новая цивилизационная реальность: альтернативы и перспективы

В исследованиях современности важное место занимает проблема «гегемонии корпоративного капитала», являющегося именно гегемонией, поскольку это «целостная, тотальная власть капитала как единой экономической, социальной, политической и духовной силы,

¹ В том числе выставленных на сайте «Самоучитель философствования»: sorit.ru. Этот сайт — простейшая форма дистанционного обучения диалектической логике, технологии философствования вообще. Он позволяет легко и быстро развить способность логического, диалектического (философского) мышления как ядра универсальной методологии, в том числе экономической науки. Не трудно разработать популярную его версию для дистанционного обучения в формате «курслаб» и т. п.

это власть именно капитала, персонифицированного прежде все узким кругом глобальных игроков (ТНК, несвятой троице и т. д.), срощившихся с истеблишментом большой семерки, и это власть капитала, охватывающая весь мир», — отмечает А. Бузгалин [1].

«Гегемония капитала» в условиях рыночных трансформаций формирует экономический универсум, в котором мир подчиняется экономической рациональности, постепенно «вестернизирующей» планету и на уровне масштабных экономических субъектов «стирающей» индивидуальность. Власть приобретают мощные концерны финансового капитала — многонациональные и транснациональные корпорации, которые преодолевают конкуренцию и монополизируют ресурсы (как природные, так и интеллектуальные). По мнению А. Бузгалина, существует пять основных признаков такой гегемонии: 1) рынок становится тотальным — он проникает во все сферы жизнедеятельности человека и при этом прекращает быть пространством свободно конкурирующих атомизированных предприятий, а становится пространством борьбы гигантских сетей, центрами которых являются ТНК; 2) гегемония капитала является властью виртуального фиктивного финансового капитала, что является следствием процессов, связанных с виртуализацией экономики; 3) происходит «присвоение» личности-профессионала корпорацией, которая приходит на смену эксплуатации рабочей силы и ее купли-продажи; 4) происходит монополизация высокого количества природных, а также инновационных ресурсов (способов выработки технологий, а также интеллектуального капитала) странами «первого мира», параллельно с экспортом ими так называемых грязных технологий в страны «второго» и «третьего» мира; 5) происходит глобальное политическое и информационное «манипулирование», концентрированное влияние и информационное давление, которые провоцируются и иногда являются решающими для «гегемонии капитала».

Критика «гегемонии капитализма» является не единственным возможным взглядом на глобальный капитализм. Противоположный — поддержка глобализационных процессов. Современный капитализм дает новые возможности для реализации свободы личности. Преимущества «либеральной рыночной экономики, где господствует свободная конкуренция, основанная на праве каждого пользоваться своей собственностью и личной свободой для проведения переговоров, заключения соглашений и создания новых предприятий, — утверждает Ю. Норберг. Иными словами, я защищаю экономическую свободу личности. Капиталисты опасны только в том случае, когда они, вместо того, чтобы стремиться к получению прибыли в условиях честной конкуренции, объединяются с государством» [2, 19].

Однако идея «гегемонии капитала» нам представляется более реалистичной: несмотря на ограниченную здесь идею свободы выбора, которую приносит глобальный капитализм, важным является и то, что эта свобода приносит неопределенность. «Политэкономия неопределенности» — определение современной экономики, данное З. Бауманом, который имел в виду попытки стандартизировать мировую экономику путем введения международных правил. Однако такие правила не становятся общепризнанными нормами, поскольку происходит скорее из разрушения предшествующих установленных порядков.

Поэтому социум оказывается в ситуации экономической глобализации, не имея никаких инструментов для ее адаптации к собственной жизнедеятельности. При этом разрастание такого явления превращает «политэкономия неопределенности» в фактор планетарного масштаба, характеризующий общую цивилизационную неопределенность. Цивилизационная неопределенность обостряет антиглобалистские тенденции, которые проявляются прежде всего в вопросе сохранения национальных экономик и отказе от чрезмерной стереотипизации экономических процессов, которая может иметь негативные для функционирования социума последствия. Глобализация порождает противопоставление мирового и национального аспектов экономической жизни, что приводит ряд государств к обеспокоенности в поиске консенсуса между этими двумя направлениями, что и ставит на первое место не столько проблему мультикультурализма, сколько проблему сохранения так называемой «культуры территории». Последняя с привнесением универсалистских культурных ценностей и под влиянием глобального развития капитализма начинает разрушаться.

Консенсус затруднен и несогласованностью в ряде кризисных вопросов, возникающих в дискурсах на тему инновационной экономики, которая сегодня находится на авансцене экономических исследований. Прежде всего это связано с тем, что для построения инновационной экономики необходимо учитывать ее «неавтномность» — она способна существовать, только будучи тесно вплетенной в ряд сфер жизнедеятельности человека: правовую, политическую, культурную, научную, технологическую, даже в сферу повседневности. Ведь инновационное мышление является важным требованием эры постиндустриального общества, существование которого уже начали условно разделять на три этапа. Первый — этап информационного общества, второй — общества знаний. Эти два этапа характеризуют изменение ценности информационных потоков, включение информации в экономические процессы, а также разведение понятий «инфор-

мация» и «знание». Третья — креативное общество, связанное с инновационными процессами.

Усиления глобализационных процессов в планетарном масштабе открывает невиданные возможности в стратегическом финансово-экономическом планировании и моделировании. Правда, в условиях господства финансовой экономики успехи развитых стран достигаются за счет больших потерь стран периферии. Что приводит к «освещению контуров неэкономии как положительной исторической формы хозяйства в противовес финансовой экономике» [3, 616], — пишет В. Белолипецкий. Как отмечают западные исследователи, «в условиях неэкономии все участники рынка со всех концов мира имеют равные шансы на успех, хотя реализация этих шансов во многом зависит от выработки адекватной экономической политики государств» [3, 616].

Высказанная критика капитализма чаще опирается на тот аргумент, что в богатых странах сосредоточено 80% мировых экономических ресурсов. Часто это рассматривается с точки зрения несправедливого распределения ресурсов в мире. Однако можно обнаружить и противоположную точку зрения: «неравенство в нашем мире действительно связано с капитализмом — но не в том смысле, что капитализм обрекает определенные народы на нищету, а в том, что он приносит процветание тем странам, в которых это устройство восторжествовало. Причина неравномерного распределения богатства на планете — в неравномерном распределении капитализма» [2, 137].

Странами — лидерами глобальной современной мировой экономики на основе удачной многолетней экспансии во всех сегментах мирового рынка накоплен капитал в беспрецедентных масштабах. Ключевыми детерминантами их успеха становятся интеллектуализация, социализация, экологизация, деиндустриализация экономики, приоритетность знаний и информации, развитие «человеческого капитала». На другом полюсе мировой экономики — большинство стран, для которых экономическая глобализация проявляется в качественно новых условиях развития, на которые практически невозможно влиять, но которые обязательно надо учитывать.

За информационным пространством глобального процесса существует «невидимый мир»: процессы, происходящие в нем, не рассматриваются и не предполагаются цивилизациями. В то время как цивилизация апеллирует к космосу и вечности, невидимый мир живет в собственных измерениях — вне пространства и времени. В нем не существует возможности создавать социально значимый нарратив. Каждое экономическое событие имеет смысл и значение только в тот момент, когда оно происходит. «Видимым» является все то, что эпоха

замечает. Однако в экономике есть свои трансценденции, находящиеся вне информационного поля.

Однако существует целый ряд реалий, которые в этих информационных потоках не актуализированы. Поэтому при всей насыщенности информации в ней существует «верхняя часть айсберга», которая принимает активное участие в формировании экономического мировоззрения, но также и «невидимый мир», который содержит скрытые или замалчиваемые проблемы, а также не выраженные реалии. Последние не представлены в информационных потоках и не являются включенными в процессы глобализации, или включены в них периферийно.

Таким образом, критика глобализации приобретает свое рациональное измерение не с точки зрения отрицания глобализационных процессов — сегодня они признаются объективными. «Даже в родных стенах антиглобалистское движение в США не в силах добиться ухода от нынешней тенденции усиления международной экономической интеграции. Это лишь интермедия, разыгрываемая пестрой антиглобалистской коалицией, которая может только путаться под ногами, но не более» [4, 370]. Вместе с тем альтерглобализм зачастую содержит рациональное зерно, состоящее в критике глобальной власти капитала.

Особенностью этой критики является то, что инфосоциум действительно приводит к концентрированным войнам, или, как их же называет А. Бузгалин, «асимметричным войнам», причинами возникновения которых становятся «развитие структур сетевого общества, геоэкономическая и геополитическая противоречивость нового миропорядка и такой феномен, как диффузия вооружений и мирной продукции» [5, 125]. Концентрируется это в информационных сетях, которые выступают инструментом описанных действий. Однако прежде всего «очевидный глобальный характер этого точечно-сетевого насилия: в отличие от мировых войн, объектом насилия в современном мире потенциально становится любой гражданин любой страны, более того — любая глобальная сеть или глобальный объект (воздух, вода, информация, культурные ценности мирового значения). И самое главное: очевидна невозможность победы в таких конфликтах; остановить спираль насилия может только устранение ее причин — глобальной гегемонии капитала» [5, 125]. Следует отметить, что это направление имеет устойчивую традицию в истории мировой экономической мысли.

Таким образом, гегемония капитала выступает причиной целого ряда негативных глобализационных форм экономической и социальной деятельности. Мультикультурализм выступает своего рода попыткой приспособиться к интернационализации, но одновременно он является попыткой приспособиться и к тотальному экономическо-

му диктату капитализма. Антиглобализм выступает противостоянием глобализации, однако довольно часто он основан на достаточно поверхностных принципах. В то время как альтерглобализм предлагает собственные альтернативы планетарного развития, призрачная цель которых — противостояние императивам развития и диктата капитализма.

Глобальная экономическая реальность, рожденная новым порядком, больше похожа на движение маятника, чем на стабильное образование — хаосмические силы, царящие в мире, создают эклектическое устройство, в котором ведется борьба между глобальным, антиглобальным и альтерглобальным; между строем, который пришел, и строем, который становится в течение длительной эволюции. Гегемония капитала и противостояние ему являются основными признаками нового мира, о котором сложно сказать, будет ли он цивилизационным, постцивилизационным, антицивилизационным, или родит совершенно новую картину мира, где все эти понятия канут в Лету.

Литература

1. *Бузгалин А.В.* Альтерглобализм: к теории феномена [Электронный ресурс] // <http://alternativy.ru/old/alterglobalism/2005/04/alterglobalism.pdf>.
2. *Норберг Ю.* В защиту глобального капитализма. М., 2007.
3. *Белолипецкий В.Г.* Преодоление пространства и времени как атрибут экономической глобализации // Антология современной философии хозяйства: В 2 т. Т. 1. М., 2008.
4. *Линдси Б.* Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М., 2011.
5. *Бузгалин А.В.* Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. № 1.

Е.Н. БРАТИЩЕВА

Реформирование как преодоление фундаментальных противоречий через риски и кризисы*

Рисковые ситуации, т. е. ситуации, когда результаты деятельности субъектов экономики далеко, а то и вовсе не соответствуют их ожиданиям, неизбежно имеют корни в системных противоречиях. Именно противоречия, носящие системный характер, являются пер-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-02-00029 «а».

вичными источниками рисков, в том числе системных. Известно, что экономический агент сталкивается с риском, точнее, идет на риск при реализации конкретной транзакции, в том случае если ему не известен со 100%-ной надежностью ее результат, т. е. он не обладает в данных условиях всей полнотой информации об этой транзакции. В принципе причины могут быть самые разные. Возможно, он (агент) не удосужился вовремя поинтересоваться такой информацией, или же она слишком дорога для него как товар, а возможно, конкуренты специально ее от него скрывают и т. д. и т. п. Но ведь может быть и так, что такой информации в принципе не существует в природе человеческой деятельности. И, как ни странно, последнее случается чаще всего. Ведь если все же существуют системные противоречия, при этом не в единственном числе, и сами по себе они являются непримиримыми, да еще охватывают все сферы хозяйственной деятельности людей, и продолжается такая ситуация давно и будет продолжаться практически всегда, то сама система, где действуют эти самые противоречия, должна интенсивно развиваться. Такие системы принято называть динамическими. А это означает, что параметры такой системы практически никогда не бывают постоянными, они всегда количественно, а то и качественно меняются. Иначе говоря, не только каких-то постоянных значений тех самых условий, в которых пройдет такая транзакция, нельзя отыскать, но даже внятного характера временной зависимости изменений этих условий относительно выбранной транзакции в принципе быть не может: жизнь, в том числе хозяйственная, так быстро меняется в мире, что не только ничего нельзя предсказать достаточно точно, но даже текущую информацию невозможно собрать, так как она все время меняется — по причине динамического развития системы как результата действия внутри нее тех самых противоречий. В свете вышесказанного появляется необходимость остановиться на упомянутых выше системных противоречиях и на специфике связей их с конкретными формами хозяйственных рисков.

Объективно существование противоречия в той либо иной среде проявляется через ее кризисное состояние. Так, в современной социологии рассматривается понятие *кризисного сознания* как сознания, основывающегося на постулате не только о радикальной несостоятельности западного общества и культуры, но и цивилизации в целом. В то же время понятие кризисного сознания рождается из концепции *глобального кризиса общества и его культуры*, пессимистически переживаемого человеком как поражение, неудача. Описания различными исследователями содержания переживания человеком кризиса современной культуры, такие как «общее беспокойство», «чувство

неясной опасности», «чувство безнадежности» и др., по сути, представляют собой *депрессивные признаки*.

Причины такого депрессивного кризисного состояния, по нашему мнению, кроются в противоречии внутри цивилизации на ее новом этапе — этапе глобализации, этапе формирования информационного общества, когда производятся знания в качестве продукта труда. Это противоречие звучит так: *между сложившейся системой стандартизации объектов потребления (как материального, так и интеллектуального) обществом и индивидом, в частности, и требованием индивидуализации объектов производства со стороны того же общества и индивида как составной части этого общества*.

А как же это фундаментальное противоречие сказывается на психологическом поведении человека (как это сказывается на экономике — понятно: нет креативно-мыслящих людей)? Что касается психологии индивида — оказывается, происходят сильные дезадаптационные процессы в психике конкретного человека. Желая как-то обособиться от стандартизации бытия, человек тянется к своим этническим корням, которые сегодня только и остаются якорем в море обезличивания. Результатом существования такого противоречия является в экономическом аспекте отсутствие у экономических агентов адекватного восприятия действительности и, как следствие, занижение действительных рисков при принятии инвестиционных решений и завышение реальных рисков (уровней вероятности) в тех случаях, когда такие решения, обернувшись банкротством, требуют санации соответствующих кризисных проектов.

Заметим здесь, что рассмотренное выше противоречие является вполне объективным по своей природе. Но существуют системные противоречия и чисто субъективного характера. Они также остро проявляются в экономике разных стран, но их корни лежат уже в политике. В частности, подобное противоречие связано с так называемым либерализмом (либеральной концепцией). Ю.М. Осипов отмечает, что либерализм есть интеллектуально-политическая сила, борющаяся с национально-государственным дирижизмом в пользу глобального корпоративно-сетевого дирижизма. Иначе говоря, внедрение в массовое сознание населения развивающихся стран (в том числе России) псевдолозунгов о свободе слова, печати, свободного рынка и т. д. с целью развалить экономику этих стран, деморализовать население, выхолостить науку. В итоге — колонизировать эти страны и овладеть их минеральными и интеллектуальными ресурсами, далее — насадить тоталитаризм и запретить всякие свободы. Это и есть политическое (информационное) противоречие между озвученными лозунгами на благо человека и реальной борьбой за искажение сознания этого чело-

века, в частности, насаждение псевдолиберальных идей. Результат подобных манипуляций сознанием — политические кризисы и, как следствие, кризисы экономические.

Не будем забывать, что все институциональные противоречия (а выше мы говорили пока только о них) являются производными от противоречий в материальной сфере. Это в русле логики классической диалектики. Хотя обратное воздействие отнюдь не исключается. Здесь даже возможно говорить о существовании симбиоза институциональных и экономических противоречий. Ведь, например, именно союз либеральной демократии и рыночного капитализма образовал неуправляемую центробежную силу, породившую нестабильность и современное разбалансированное состояние европейской западной цивилизации, что повлекло за собой как текущий мировой финансовый кризис, так и кризис самоидентификации западной культуры. Но вернемся к противоречиям материальной сферы, в состав которых входят хозяйственные и экономические противоречия. Не вдаваясь в суть хозяйственных противоречий, определяющих взаимоотношение человека с внешней средой при производстве материальных благ, остановимся на противоречиях экономических, область которых внутри материальной сферы — собственно при распределении указанных благ.

Здесь в нашей трактовке первичное, можно сказать, первородное (природное) противоречие — это *ограниченность природных ресурсов и уникальность мест их расположения на Земле на фоне практически неограниченного расширения человеческой популяции*. Ранние цивилизации, технические возможности которых обеспечивали производство материальных благ только для самообеспечения, исключая какие-либо накопления, могли разрешить это противоречие только за счет завоевания соседних областей и народов, а затем «схлопывались» и в лучшем случае начинали все сначала. И только аграрная революция, начало которой положило использование лошади для вспашки плодородных земель на западе Европы, дала возможность производить продукцию (в данном случае зерно) сверх необходимого объема для самообеспечения его производителя (семьи крестьянина). Такое зерно, предназначенное частично уже для продажи, и послужило в дальнейшем источником технического переворота, высвободив рабочие руки в деревнях для их использования в городах — первоначально в кустарно-ремесленном производстве, а затем и в промышленном. И тогда же появился источник противоречия, первого по значимости в экономической сфере — наличие запасов материальных благ, т. е. попросту богатств, а также второго противоречия —

необходимость учета запасов этих благ, их распределения, капитализации в виде денежных средств.

Таким образом, благодаря первому источнику, сформировалась предпосылка противоречия между странами. Одни страны в силу своего географического положения стали богатыми, а другие — бедными. (Не стоит путать, как было в Средние века, деление стран на сильных и слабых с новым делением на бедных и богатых.) Внутри каждой страны также появились богатые и бедные. При этом первоначальный разрыв не мог быть ликвидирован, он только расширился. Так появились страны-доминанты, а за ними — уже валюты-доминанты. И те и другие с явными чертами агрессивной экономической природы, точнее сущности.

На сегодняшний день это и есть первое по значимости фундаментальное противоречие в мировой экономике, которое впервые сформулировал К. Маркс как *противоречие между трудом и капиталом*. Правда, он большее внимание уделял такому противоречию внутри отдельно взятого предприятия, самое большее — страны. Сегодня же это противоречие в основном носит межстрановой характер и, в частности, выливается в ключевую проблему взаимоотношений между развитыми странами — борьбу за рабочую силу, точнее за «мозги». В перспективе указанное противоречие неизбежно выльется в проблему разрешения современного демографического кризиса — замещения обществ, не способных себя воспроизводить, теми, кто это делать не научился. Как ранее указывалось, если в системе есть противоречие, то она обязательно находится в перманентном кризисном состоянии, хотя при этом и разной в разные периоды интенсивности.

Второе важное противоречие, выкристаллизовавшись из указанной выше второй предпосылки, на сегодняшний день звучит так: *противоречие между первичной вспомогательной ролью денег при производстве материальных благ и фактической их ключевой ролью при формировании капитала через долговой рынок — кредитный и облигационный*. Это противоречие известно как *эффект финансомики* — приоритета роли денег и вообще финансовых ресурсов над материальным производством. И существование этого противоречия происходит неизбежно на фоне финансового, на сегодняшний день уже нескончаемого, кризиса.

Функционирование экономики в условиях описанных выше системных кризисов предусматривает постоянный поиск решений по преодолению этих кризисов при формировании стратегий новых проектов, а если глубже — то разрешение, конечно же, частичное, лежащих в истоках таких кризисов фундаментальных системных противоречий. В этом смысле каждый новый хозяйственный проект можно по

аналогии сравнить как бы с техническим изобретением, предназначенным для разрешения также технического противоречия. В экономике такого качества проекты принято называть *инновациями*. Таким образом, инновации — это не что иное, как результат локального разрешения хотя бы одного фундаментального противоречия в институциональной либо экономической сфере. Это всецело можно отнести к традиционному термину «инновации». Что касается термина «открытые инновации», то здесь логично предположить, что раз такие инновации разрабатываются для обезличенного пользователя (пользователей), то они неизбежно должны иметь широкий спектр областей и условий применения. А значит, следуя логике адаптации к кризисным состояниям, такие открытые инновации должны одновременно разрешать уже несколько фундаментальных противоречий, чтобы быть успешными на соответствующем рынке инноваций, где как раз открытые инновации и находят своего потребителя-реализатора. Своё название «открытые» такие инновации получили вследствие «открытости» доступа к ним со стороны пользователя. На наш взгляд, этого определения явно недостаточно. И уж если быть более точными, то систематизация инноваций по их сущностной природе должна звучать таким образом: инновации, претендующие на принадлежность к открытым инновациям, должны при своем использовании частично разрешать более одного фундаментального системного противоречия. Отсюда следует, что понятие «открытые инновации» должно восприниматься как кластер, т. е. в виде системы инновационных решений, применяемых совместно и одновременно и дающих новое качество проекту, в котором эта система применяется. В данном случае — за счет разрешения комплекса системных противоречий. Отметим также, что наряду с фундаментальными противоречиями, четыре из которых нами описаны выше, в хозяйственной практике существует множество локальных противоречий различной природы, которые, в отличие от фундаментальных, в принципе, могут полностью разрешаться при использовании тех либо иных инновационных подходов при реализации проектов.

Подводя предварительные итоги, отметим следующее. Использование нового, предлагаемого здесь методологического подхода для целей обоснования результатов реализации инновационных проектов, опирающегося на систему фундаментальных и локальных противоречий как области, где реализуются такие проекты за счет разрешения указанных противоречий, позволяет не только идентифицировать по-новому сущность открытых инноваций, как сделано выше, но, что считаем главным, дает основание утверждать следующее: *реализация любого инновационного проекта обязательно несет в себе эвристи-*

ческое начало, не поддающееся под традиционную логику и базирующееся на логике ассоциативной. Последнее означает, во-первых, что предугадать пути реализации подобного проекта в принципе невозможно, и, во-вторых, — в качестве подхода по моделированию результатов инновационных проектов наиболее успешным может быть только подход с использованием вероятностных методов. Хотя излагаемый выше результат и не нов, так как характеризуя экономику как сложную систему, исследователи уже давно приписывают ей свойство уникальности и способности к эндогенным качественным изменениям (см.: [1]), однако при этом оставляя сказанное в лучшем случае только в виде постулатов, мы здесь попытались впервые этот вывод доказать логически. При этом именно логика происхождения единственно наблюдаемой траектории в развитии экономики как сложной системы дает возможность взвешенно подойти к выбору того либо иного подхода к ее моделированию применительно к наблюдаемым условиям, фиксированным в пространстве и во времени.

Для формирования методов совершенствования хозяйственной и институциональной среды для целей широкомасштабного управления экономикой страны, в частности, основанного на открытых инновациях, на основе вышеизложенного предлагается методологическая концепция по выбору стратегий решения задач при указанных условиях, базирующаяся на выявлении внутренних противоречий как фундаментального, так и локального характера. Подобные противоречия, препятствующие решению социально-экономических задач на пути совершенствования хозяйственного механизма, на практике разрешаются путем поиска эвристических решений с использованием ассоциативного восприятия индивидами реально происходящих явлений и именно поэтому совершенно не поддаются аналитическому, причинно-следственному описанию и анализу. Однако опыт разрешения внутренних противоречий, накопленный в технических областях знания, позволяет сформировать ряд алгоритмов по разрешению, в данном случае технических, противоречий и выявлять практически целесообразные инженерные решения. Именно так реализовывался и реализуется технический прогресс. Г.С. Альтшеллер в свое время предложил подобный алгоритм на основе анализа большого числа успешно реализованных технических проектов и анализа тех подходов, на основе которых они были осуществлены (см.: [2]). Здесь же предлагается перенос такого алгоритмического подхода, опробованного успешно в технике, на сферу управления.

Использование на практике предложенной выше методологической концепции в сфере управления экономикой и обществом в целом предполагает реализацию определенной последовательности

научно-поисковых действий. Подобная последовательность выглядит следующим образом: а) постановка задачи для совершенствования данного сегмента; б) выявление проблем внутри него; в) очерчивание системы экономических и институциональных ограничений; г) формулирование внутренних, как фундаментальных, так и локальных, противоречий; д) поиск путей разрешения таких противоречий; е) формирование оптимальных управленческих решений.

Литература

1. *Поспелов И.* Моделирование российской экономики в условиях кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 11.
2. *Альшуллер Г.С.* Алгоритм изобретения. М., 1973.

А.С. ИСУПОВА

Персонализированное знание как фактор развития инновационного процесса предприятия

В современном мире постепенно увеличивается интерес к знанию как составляющей производства и фактору развития. Это можно наблюдать как в образовательном процессе, так и в процессе производства товаров и услуг. К началу XXI в. знания стали стратегическим ресурсом, обеспечивающим конкурентное преимущество. Многие образовательные учреждения пересматривают методики преподавания, главной их целью становится формирование у учащихся определенного набора компетенций, навыков, а не передача максимального объема информации. В компаниях, независимо от их размера, акцентируют внимание на возможности использования личного знания отдельных сотрудников другими участниками производственного процесса. Эффективность использования персонализированного знания крайне важна — очевидно, что в современном мире успеха добиваются те компании, которые постоянно производят новое знание, широко внедряют его у себя и воплощают в современных технологиях и продуктах. При этом важно не столько создать новое знание, сколько использовать его продуктивно, чего невозможно добиться простым приказом сверху. В связи с этим главенствующая роль в достижении успеха отводится уже не менеджерам компании, а креативному индивиду. Движимые знаниями организации получают устойчивое конкурентное преимущество с помощью постоянного обучения своих сотрудников, как индивидуального, так и коллективного, создания условий для того, чтобы каждый мог применить в процессе достижения

общей цели свое личностное неявное знание, а в конечном итоге и экстернализовать его, сделать доступным для коллег (см.: [1]).

Термин «неявные знания», введенный Полани, характеризует знания, полученные в опыте повседневности и имеющие скрытые, плохо поддающиеся описанию свойства [2]. Неявные знания рассматриваются как аспект практического интеллекта, определяя его как знания, отражающие практическую способность обучаться на основе опыта и применять приобретенное для достижения собственных целей. Неявные знания необходимы, чтобы успешно адаптироваться к окружающей обстановке, а также уметь ее выбирать или формировать. Поскольку неявные знания являются аспектом практического интеллекта, они представляют собой важный фактор, определяющий эффективное решение повседневных проблем.

Остановимся подробнее на значении термина «персонифицированное знание». В данном случае под знаниями подразумеваются скрытое, личностное понимание индивида о том, «что» и «как» необходимо делать, которое приходит чаще всего с опытом. Человек приобретает их во время своей повседневной деятельности, но, как правило, неосознанно, не отдавая себе отчета в том, что происходит обучение. И хотя действия людей так или иначе отражают уровень их знаний, но если попросить их рассказать о том, что им известно, они окажутся в затруднении. Мысль о неосознанном приобретении знаний отражена во фразе, которая весьма распространена, — «обучение в процессе работы». Более того, термины профессиональная интуиция и профессиональное чутье предполагают, что знания, которые ассоциируются с успешной деятельностью, имеют персонифицированный характер.

Новое знание всегда начинается с конкретного человека. Например, у исследователя может возникнуть догадка, которая постепенно превращается в патент на изобретение, рыночная интуиция менеджера среднего звена постепенно становится катализатором важной концепции нового продукта, или же рабочий, опираясь на свой многолетний опыт, предлагает усовершенствовать процесс производства. В каждом случае личное знание человека трансформируется в организационное знание, представляющее ценность для компании в целом. Именно поэтому превращение личного знания в знание, доступное для других, является целью любой компании. Однако, принимая во внимание, что речь в данном случае идет о неявном знании, которое даже сам его носитель не всегда может выразить, перед компанией стоит непростая задача. Например, если менеджера по продажам попросить поделиться секретом своего успеха, он, скорее всего, опишет процесс в общих чертах, делая акцент на некоторых моментах, кото-

рые сам был вынужден исправить в своей работе, став более опытным. При этом маловероятно, что он расскажет о том, что он делает интуитивно, неосознанно, о том, что он считает очевидным. Поэтому более эффективным способом является наблюдение за работой профессионала, в результате которого персонифицированное знание одного сотрудника становится источником формирования подобного же неявного знания другого.

Таким образом, каждой компании важно создать такую среду, чтобы процессы передачи персонифицированного знания между людьми и приращения нового знания происходили постоянно и непрерывно. Если это удастся, то знание начинает развиваться по спирали, прирастая с каждым новым витком, переходя на новый уровень. Рассмотрим подробнее необходимые для этого условия.

Для того чтобы дать начало разворачиванию спирали знания, необходимо, во-первых, самой организации иметь импульс, стремление к поставленной цели. Это намерение можно также определить как развитие способности организации воспринимать знание, создавать и накапливать его. Однако, как упоминалось выше, носителем знания является человек (в этом состоит одно из отличий знания от информации, информация может быть кодифицирована и зафиксирована на различных носителях). Поэтому не менее важно, чтобы каждый сотрудник мог и хотел действовать самостоятельно соответственно обстоятельствам в сложившейся ситуации. В свою очередь, для того, чтобы поставить человека в такие условия, когда ему необходимо принимать решения, нужны встряска и созидательный хаос, которые стимулируют взаимодействие организации и ее окружения и приводят к пересмотру привычек и схем работы, необходима избыточность информации, которая способствует активному диалогу и анализу.

Западным менеджерам термин «избыточность» с его коннотациями излишнего дублирования и обременительности может показаться малопривлекательным. Однако создание избыточности в организации служит первым шагом в управлении знаниями. Избыточность важна, потому что она поощряет взаимодействие и обмен информацией, помогает создать среди сотрудников общую познавательную среду, за счет чего упрощается передача неформализованного знания. При условии существования подобной среды возрастает вероятность того, что каждый человек сможет в той или иной мере применить свое персонифицированное знание. Поскольку члены организации делятся перекрывающейся информацией, они могут лучше понять и ощутить то, что пытаются выразить другие. Кроме того, избыточность — эффективный инструмент для распространения по всей организации но-

вого явного знания, которое таким образом может освоить и включить в свой арсенал каждый сотрудник.

Разнообразие информации необходимо, поскольку для противостояния среде разнообразие информации внутри организации должно соответствовать разнообразию и сложности информации среды. Необходимо стремиться к обеспечению равного доступа к информации для всех сотрудников, потому что в таком случае они могут использовать множество возможностей для преломления своего персонифицированного знания на пользу организации.

Компании, создающие знания, развиваются столь успешно именно потому, что их деятельность построена на основе постоянного обучения, как индивидуального, так и коллективного, включения в этот процесс персонифицированного знания сотрудников. В компаниях, где система управления знаниями хорошо развита и отлажена, в процессе обучения сотрудников обучается и вся организация. Перемены в отношении людей к делу отражаются в изменениях как формальных, так и неформальных правил, которые определяют поведение всей организации. Главная же задача построения системы эффективного использования знаний заключается в том, чтобы одновременно повышать потребительскую ценность, создаваемую бизнесом, улучшать процесс обучения и оптимизировать управление организационными переменами.

Персонифицированное знание включает в себя взаимоотношения между людьми, нормы поведения, общепринятые ценности и стандартные оперативные процедуры. Поскольку его непросто детализировать, копировать и распространять, персонифицированное знание может быть и источником устойчивого конкурентного преимущества. Отличие успеха от неудачи в бизнесе все больше определяется тем, насколько хорошо руководство способно применять и использовать созданные внутри компании знания. Поскольку подобные знания не лежат на поверхности, они хорошо защищены от копирования их конкурентами. Однако в этом же заключается главная сложность и для самой компании: как сделать так, чтобы персонифицированное знание одного человека могло быть воспринято и использовано другими [3, 152—158].

Преобразование личного знания в знание, доступное для других, происходит постоянно и на всех организационных уровнях, причем данный процесс может принимать неожиданные формы. В начале статьи мы рассмотрели пример, при котором персонифицированное знание одного сотрудника становится источником формирования персонифицированного знания другого. Однако существуют и другие модели взаимодействия знаний. Стоит также отметить, что данные пре-

образования происходят одновременно, но разнонаправлено. Различие между неформализованным и формализованным знаниями позволяет выделить четыре основные модели создания знаний в любой организации: движение от неформализованного к неформализованному знанию, от формализованного к формализованному, от неформализованного к формализованному и от формализованного к неформализованному. Остановимся подробнее на данных процессах. Первый вариант передачи знания можно наблюдать, например, когда ученик воспринимает навыки мастера, все тонкости производства определенного вида продукции, но ни он, ни учитель не приобретают никакого систематического представления о своем ремесле. Поскольку их знание никогда не становится явным, его нельзя с легкостью использовать в организации в целом, однако переходит передача личностного знания. Получить новое знание можно путем анализа формализованного знания, человек может также соединять отдельные куски явного знания и составлять из них новое. Например, когда аудиторы компании собирают информацию по всей организации и сводят ее в сводном отчете, такой документ служит новым знанием в том смысле, что он синтезирует информацию из множества разных источников. Однако эта комбинация тоже не расширяет существующую базу знаний компаний. Но когда неформализованное и формализованное знания взаимодействуют, происходит фактическое приращение организационного знания. Именно этот обмен между скрытым и явным знаниями талантливые менеджеры научились развивать и использовать для достижения целей компании. Первый вариант подобного взаимодействия — это экстернализация знания. Например, если ученик сможет сформулировать основы своего скрытого знания, полученного от мастера, он превратит его в явное и таким образом сможет поделиться им со своей проектной командой. Другой пример — финансовый контролер, который, вместо того, чтобы просто составить обычный финансовый план для своей компании, разрабатывает инновационный подход к бюджетному контролю на основе скрытого знания, возникшего у него за годы работы. Осмысленное неявное знание может воплотиться в инструкциях, методиках, описаниях, советах и таким образом стать общедоступным в рамках организации. Фактически в данный момент оно становится собственностью и компании, а не только непосредственно носителя данного знания. Второй способ взаимодействия формализованного и неформализованного знания — процесс интернализации. По мере распространения явного знания в организации другие сотрудники начинают активно его осваивать, использовать для расширения, углубления и реструктуризации своего собственного скрытого знания. Предложение контролера становится причиной пе-

решения системы финансового контроля компании. Другие сотрудники используют новшество и, в конечном итоге, начинают воспринимать его как нечто само собой разумеющееся — как необходимый для выполнения работы прием или ресурс. В компании, создающей знание, эти четыре модели существуют в динамическом взаимодействии, в виде спирали знания.

Превращение скрытого знания в явное означает поиск способа выразить невыразимое. К сожалению, один из наиболее мощных инструментов управления этим процессом слишком часто игнорируется, чему виной, отчасти, может служить «западный» тип ведения бизнеса. Этим инструментом являются многочисленные переносные и символические значения, которые менеджеры могут получить при экстернализации своих ощущений и взглядов. Например, метафора делает возможным выражение непроговариваемого опыта, сливая две разные, далекие друг от друга области опыта в единый, общий образ или символ. Следующий этап, так называемое «производство смысла», подразумевает использование аналогии. Если метафора в основном зависит от интуиции и связывает образы, которые на первый взгляд кажутся далекими друг от друга, аналогия представляет собой более структурированный процесс сглаживания противоречий и определения отличий. Наконец, последний этап в процессе создания знания — формирование модели, далеко не такой очевидной и легко представимой, как метафора или аналогия. В модели противоречия разрешаются, а в концепции уже появляется возможность выразить идеи методами систематической логики.

Итак, при условии, что организация сознательно управляет процессом создания знания, создает необходимые условия для развертывания спирали знания, последняя проходит несколько стадий. Пятифазная модель процесса создания знания организацией состоит из следующих этапов: распространение неформализованного знания, создание концепции, проверка концепции, построение архетипа, переход знания на новый уровень. Остановимся подробнее на каждом этапе. Первая стадия в общих чертах напоминает социализацию, поскольку концентрированное и неиспользуемое индивидуальное знание должно быть, прежде всего, распространено в пределах организации, чему непосредственно способствуют избыточность информации и созидательный хаос. Затем распространенное неформализованное знание преобразуется, например, самоорганизующейся командой в виде новой концепции в формализованное знание, т. е. происходит процесс осмысления и экстернализации неявного знания, которым обладают сотрудники компании. Далее происходит проверка концепции, когда организация определяет, действительно ли концепция име-

ет право на существование. Уже затем одобренная концепция преобразуется в архетип, который может принять форму прототипа при разработке материального продукта или организационного механизма в случае нематериальных инноваций. На последнем этапе происходит дальнейшее распространение знания, так как компания представляет собой открытую систему, результат, полученный в процессе раскручивания спирали создания знания, может быть использован и в других областях работы компании.

Так в общих чертах выглядит модель создания организационного знания. Практика многих западных фирм доказывает, что осознанное использование персонифицированного знания сотрудников существенно повышает конкурентоспособность компании. Для того чтобы этот процесс происходил более интенсивно, важно, чтобы в нем продолжали участвовать и образовательные учреждения. Это подразумевает как определенную работу с информацией, интернализацию явного знания, так и возможность для обучающихся воспринимать персонифицированное знание более опытных специалистов. Молодых сотрудников с подобной подготовкой проще интегрировать в процесс управления и использования знаний сотрудников организацией, они смогут начать работать с большей отдачей в более короткие сроки в отличие от тех, кто владеет лишь информацией, а не обладает широким набором компетенций.

Литература

1. *Нонака И., Такеучи Х.* Компания — создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М., 2003.
2. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.
3. *Альпидовская М.Л., Исупова А.С.* К вопросу о роли знаний человека в условиях интенсификации производства // Вестн. ТвГУ. Сер. Экономика и управление. 2012. Вып. 15.

Е.Н. КУКИНА

Феномен этнической экономики: проблемы концептуализации

Обновленная классическая политэкономия ставит перед исследователями множество актуальных вопросов, игнорируемых неоклассикой. К ним относится круг проблем, связанных, в первую очередь, с потенциалом развития национальных экономик и их стратификацией

в глобальном пространстве всемирного хозяйства. В этом отношении политэкономическое исследование дает возможность значительно углубить и расширить субъектно-объектный анализ национальной экономики. Включение этнического фактора в исследование хозяйственной деятельности выступает важнейшим показателем учета национально-особенного в экономике, так как в этнической среде формируется целостная и устойчивая совокупность базовых ценностей и поведенческих норм [1, 37].

Для развивающейся постнеклассической методологии характерны, по крайней мере, две тенденции, создающие сверхаддитивный эффект в гуманитарном познании: рассмотрение качественной определенности сущего как тетрады «всеобщее—общее—частное—специфическое» и полномасштабное развертывание междисциплинарных исследований.

На наш взгляд, таксономия вышеупомянутой тетрады дает возможность верифицировать этноэкономический феномен в различных ипостасях: во-первых, как единичную противоположность всемирного хозяйства. Здесь всемирное хозяйство выступает как качественно-определенная целостность (уровень всеобщее—специфическое); во-вторых, как проявление многоукладности в социально-экономических моделях национальной экономики (уровень общее—частное); в-третьих, в рамках территориально-локализационных форм регионализации национальной экономики как территориальный ареал расселения этносов моноэтнического региона (уровень частное—специфическое) или как этноэкономический комплекс полиэтнического региона (уровень частное—специфическое); в-четвертых, как модель мышления и поведения индивидов во всей совокупности их культурно-цивилизационных отличий (уровень индивидуального как специфического, опосредованного общим). К таким отличиям относятся ценностный базис, менталитет, принципы самоорганизации, национальные стили управления и трудовая этика; стереотипы поведения и т. д.

В условиях междисциплинарного подхода к исследованию этнической экономики происходит сращивание прикладных и фундаментальных знаний из смежных гуманитарных и естественно-научных сфер: этнографии, этнической психологии, этносоциологии, статистики, демографии, исторической географии и других. Взаимодействие этих дисциплин позволяет комплексно рассматривать гносеологическую природу категорий этничности, эволюцию конкретно-исторических хозяйственно-культурных типов, сущность миграционных и колониционных процессов, закономерности воспроизводства этносов, проблемы межэтнических отношений, особенности этниче-

ской психологии и поведения и многое другое. Такая многосторонняя научная проблема не может быть осмыслена в рамках только одной теоретико-методологической модели самой экономической науки. Представляется логичным курс на сближение теоретических концептов институционализма, экономической антропологии, эволюционной и цивилизационной парадигм, социального капитала, социальных сетей, экономической социологии.

Термин «этническая экономика» был предложен во второй половине XX в. социологами А. Лайтом и С. Карагеоргисом как ответ на устремившуюся в западные страны волну трудовой миграции. Согласно определению А. Лайта, «экономика является этнической, если в ней участвуют представители одной этнической группы» [2, 649]. Как правило, в этническую экономику включены именно мигранты, хотя это явление со временем выходит за рамки феномена миграции. По определению Э. Боначича и Д. Модела этническая экономика включает в себя: а) этническую самозанятость, б) этнических хозяйственников, в) этнических наемных рабочих [3, 26]. Феномен этнического предпринимательства и предпринимательских стратегий в новых организационных популяциях и в дискурсе неформальной экономики исследуются Г. Олдричем, Р. Уолдингером, Р. Уордом, А. Портесом [4; 5]. Конституирующими теоретическими трактовками разрабатываемой концепции является теория социального капитала и этнокультурных социальных сетей. Этнокультурные сети образуются за счет особого ресурса — этнического, который основан на идентификации человека с определенным этническим сообществом и выступает в роли неовещественного капитала. Такая идентификация основывается на культурных маркерах (язык, родство, общие друзья, религия, членство в клубе, сходство пищевых традиций, традиционные праздники, схожие судьбы и др.) и неформальных отношениях, т. е. того, что отсутствует в формальной экономике местного большинства. Таким образом, на основе разделенной этнической идентичности, создается солидаристская этносоциальная сеть, сокращающая временные экономические и психологические издержки иммигрантов и позволяющая им организовать совместный бизнес. Попадая в новую для себя среду, мигранты начинают активно создавать социальные сети и более активно, по сравнению с местным населением, увеличивать свой «социальный капитал», который будет помогать им пользоваться всеми социальными возможностями [6, 177]. Таким образом этнический ресурс становится, в первую очередь, фактором социального и экономического преимущества иммигранта перед принимающим сообществом, в том числе и в сфере этнического предпринимательства.

Важнейшим концептом этнического предпринимательства выступают анклавные рынки труда, формирующиеся в замкнутом этнокультурном сообществе (анклаве), где собственниками или арендаторами являются иммигранты, которые, в свою очередь, нанимают мигрантов-соотечественников. Формирование региональных сетей анклавных рынков труда, конкуренция между этническими группами мигрантов за право контроля наиболее доходных анклавных рынков в экономически привлекательных регионах и частях экономики принимающей страны свидетельствуют как о развитом этническом разделении труда, так и о состоявшейся демаркации границ рынков, на которых заняты представители крупных потоков мигрантов.

Анклавный рынок труда является наиболее эффективным способом адаптации этнической группы мигрантов, так как основан на покровительстве региональных, автохтонных элит и лидеров этнических групп мигрантов [7, 95]. Таким образом создается дополнительный ресурс, нацеленный на сервисное обслуживание коммерческой деятельности мигрантов и предотвращение возможных конфликтов.

В среде российских исследователей этноэкономика трактуется в геоэкономическом контексте глобализации как многоаспектная фрагментация современного мирохозяйственного развития на основе этнического фактора. С одной стороны, этноэкономические системы стараются себя обособить, следуя императивам более эффективной организации, с другой стороны, стараются интегрироваться в находящиеся в благоприятном геоэкономическом положении региональные структуры [8].

На мезоуровне главным критерием определения предмета этноэкономики является свойство многоукладности национальной экономики и ее территориально-локализованных форм самоорганизации. Соответственно этноэкономика представляется как сложившийся на базе территориально-хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризующийся господством традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности с использованием местных территориальных ресурсов среды обитания [9].

Л. Узденова рассматривает этноэкономику как этноэкономический комплекс полиэтнического высокодепрессивного региона с преимущественно моноотраслевой структурой экономики, где развитие регулируется внеэкономическими и неадминистративными социальными институтами. В расширительном толковании этноэкономический комплекс представляется как совокупность трех составляющих: традиционно-этнической (народные промыслы и сельское хозяйство), индустриально-этнической (промышленная переработка сельскохозяйственного сырья) и рыночно-транзакционно-этнической (этно- и

историко-культурный туризм). Важным качествообразующим признаком этноэкономики, по ее мнению, является органическая связь производственной деятельности, имеющей товарную направленность, с ведением домашнего хозяйства, что позволяет реализовывать в этой сфере частичную занятость всех категорий населения [10, 15].

С позиций исследования этноэкономического фактора, влияющего на динамику экономического пространства регионов, выступают Н. Сурнина и О. Печура. По их мнению, этноэкономика формируется как совокупность комплементарных экономических отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления, обусловленная территориальными особенностями природно-ресурсного потенциала, исторически детерминированная и ориентированная в основном на этнически маркированные потребности населения. Этноэкономический феномен в системе формального и неформального хозяйствования экономических субъектов образуется под специфическим воздействием этнодемографического фактора, являющегося носителем определенного, присущего данному этносу, цивилизационного кода (генома), обладающего свойством идентификации и самоидентификации. Представляя территорию как открытое пространство, подверженное межрегиональным взаимодействиям и трансграничным перемещениям капиталов и рабочей силы, а также как полиэтническую среду, насыщенную межэтническими кросскультурными взаимодействиями, авторы считают необходимым выделять эндогенную (автохтонную) этноэкономике, присущую коренным (титульным) этносам, и интродуцированную (аллохтонную), привнесенную на территорию в результате миграционной подвижности населения. Эти формы, локализуясь в границах конкретной территории, образуют устойчивую этноэкономике полного цикла [11, 113; 12, 116].

Условия, факторы формирования и развития этноэкономики большинство авторов связывают с соответствующей проблематикой социально-экономического развития региона, моно- или полиэтнической территории (экономико-географическое положение, климатические условия, состояние природно-сырьевой базы, степень развитости инфраструктуры, качество населения с устоявшимися тенденциями демографических, трудовых и социальных процессов, система традиционных формальных и неформальных правил поведения и т. д.).

Представленные западные и российские подходы к осмыслению сущности этноэкономики свидетельствуют о кардинальной противоположности их исходных теоретико-методологических установок. Так, зарубежные исследователи, опираясь на обширную эмпирическую базу, считают этноэкономике, вложенной в социальную структуру принимающего сообщества, в реальные социальные сети

(контакты). Большинство российских ученых придерживаются идеи регионального детерминизма, «привязывая» или «традиционный», «архаический» этноэкономический хозяйственный уклад, или этноэкономический комплекс либо к территориально-локализованным экономическим системам мезоуровня, либо к полиэтническим региональным формам организации национальной экономики (преимущественно высокодепрессивным). В должной мере остается не проработанной концепция этнического ресурса и этнического предпринимательства.

В этой связи представляется необходимым рассматривать этноэкономику как междисциплинарный научный дискурс, как специфический компонент этносферы с встроенными модулями пространства, ресурсов, системы и воспроизводственных процессов.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Современная политэкономия: из прошлого в будущее // Вопросы политической экономики: науч. электр. журн. / МПЭА СНГ. 2012. № 3. // <http://www.vopoliteco.ucoz.com/mgz/wpe2012-03-4.pdf>.
2. *Light I., Karageorgis S.* The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed.by Smelser N., Swedberg R. eds. Princeton, 1994.
3. *Vonacich E., Model J.* The Economic Basis of Ethnic Solidarity. Berkeley, 1980.
4. *Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р.* Этнические предприниматели // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М., 2004.
5. *Портес А.* Неформальная экономика и ее парадоксы // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М., 2004.
6. *Кузнецов И. Мукомель В.* Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. 2007. № 1.
7. *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8.
8. *Дружинин А.Г.* Теоретико-методологические основы учета этнической компоненты в территориальной организации экономики // <http://www.levgumilev.spbu.ru/node/188>.
9. Этноэкономика Юга России: концепции, параметры, механизмы. Материалы Всероссийской научной конференции, пос. Домбай, 11—14 марта 2005 г. / Под ред. Р.А. Канцерова, Ю.С. Колесникова: В 2 ч. Черкесск, 2005.

10. *Узденова Л.А.-Х.* Экономические механизмы развития предпринимательской деятельности в сфере этноэкономики региона. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2006.

11. *Сурнина Н.М., Печура О.В.* Исследование факторов динамики экономического пространства регионов: этноэкономический аспект // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 1.

12. *Печура О.В.* Феномен этноэкономики: устойчивость, саморазвитие, динамика. Екатеринбург, 2009.

И.Н. МИКОЛАЕНКО

Влияние личности и элиты на суверенитет украинского государства в условиях постмодерна

В течение длительного времени одной из характерных привилегий суверенной власти было право на жизнь и на смерть. Формально оно происходило... из прежней *patria potestas*, давшей отцу римской семьи право «распоряжаться» жизнью своих детей как жизнью рабов; он им ее дал — он мог ее у них и отнять.

М. Фуко

Исторические события не являются предопределенными, поэтому будущее имеет множество альтернатив. При этом будущее способно измениться в результате деятельности не только крупных политических сил, но даже отдельных групп и их лидеров. Оно также зависит от действий самых разных людей, в том числе и ученых, поскольку одна из важных функций современной науки — способствовать согласованию обоснованных решений в политике. Научный прогресс не приводит автоматически к улучшению качества жизни, для этого необходимы определенные усилия. Необходимость применения научных достижений для повышения уровня и качества жизни людей призывает ученых и политиков к определенным решениям. История знает массу примеров, когда научные результаты не требовали обсуждения для того, чтобы по ним были приняты соответствующие политические решения. Но несмотря на это, ученые информируют о реализации или нереализации проекта, о возможности успеха и о рисках, но

не имеют возможности принимать решения по его реализации. Принимать решение — обязанность политиков и государства.

Следовательно, роль личности в истории государства всегда остается актуальной. Поэтому проблема роли личности и ее влияния на суверенитет государства в период глобализации, когда закладываются общие принципы и механизмы жизни для всего человечества как единой системы, также предстает в новом аспекте.

Среди авторов, которые достаточно активно исследовали проблемы влияния личности на законы истории, следует отметить таких ученых, как У. Дрей (1962; 1977), К. Гемпель (1963, 1977, 1998), М. Мандельбаум (1963), Э. Нагель (1961, 1977), К. Поппер (1992), Ф. Штерн (1964), У. Уолш (1992). В ходе этих исследований они в какой-то мере (в целом достаточно бегло и фрагментарно) касались и вопроса роли личности в истории государства, но круг обсуждения не выходил за рамки детерминизма и антидетерминизма.

Отдельные интересные замечания о различиях в силе влияния личностей в разных по стабильности состояниях обществ (устойчивых и переломных неустойчивых) можно найти у Лабриолы (1960), Дж. Неру (1977), А.Я. Гуревича (1969) и др. С других позиций этот же аспект затронут у сторонников синергетического подхода. Например, в теории творческого меньшинства А. Тойнби (1991) указывается на общеизвестную роль выдающихся людей в процессе образования государства, создания религии, цивилизации. О роли личности в процессе образования государств говорится также у Клессана (2002), Карнейро (2002), Миллера (1976), Гринина (2004).

Целостное представление о политическом лидерстве на Украине (его происхождении и динамике) формируется как путем исследования политических теорий и практик, так и изучения цивилизационных и культурных факторов в целом. Важным этапом на этом пути стал выход в 2002—2003 гг. фундаментальной работы «Політична історія України ХХ століття».

Вопрос о роли отдельных деятелей в процессе образования государств и их эволюции является исключительно интересным и важным, он превосходно иллюстрирует важность разработки теории о роли личности. При этом стоит заметить, что у истоков образования почти любого раннего государства или крупного политического образования — аналога раннего государства всегда стоит та или иная выдающаяся личность [1, 90].

В политической практике западных демократий влияние политического лидерства (руководства) является одним из важных факторов культурного и социального развития обществ и наций. Но реалии отечественной политики свидетельствуют о существенном отличии

сегодняшнего положения от западного стиля политической жизни, что выражается в морально-этических, правовых, конституционных, управленческих, структурных (не лидерских по механизмам функционирования) связях и отношениях.

На Украине, как и во многих посткоммунистических странах, произошло срастание власти и бизнеса, что проявилось в деятельности политико-экономических групп (ПЭГ). Такое объединение оказалось особенно благоприятным для развития коррупции, размеры которой представляют угрозу национальной безопасности страны. Возникновение и укрепление ПЭГ на Украине, которые в общем-то и не являются исключительно украинским феноменом, дают основание утверждать следующее: увеличение влияния ПЭГ привело к уменьшению влияния политических партий как в реальном политическом процессе, так и в массовом сознании граждан. ПЭГ путем конвертации экономических ресурсов в политический капитал стали главными игроками на украинском политическом поле. Таким образом, на Украине, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, изменение критической массы политической элиты произошло не путем очищения от номенклатуры, а путем замещения номенклатуры представителями ПЭГ.

Ситуация, которая сложилась на Украине, объясняется несколькими причинами. Главная из них связана с незаинтересованностью правящих элит (как отдельных личностей, так и структур власти) в равных, полномочных политических оппонентах. Вследствие этого отсутствует социальный заказ на интегрированный, адекватный, качественно уравновешенный научный подход к изучению связей и действий механизмов институции политического лидерства и политического руководства, политического лидера и политических элит как важных составляющих украинского социума при демократических условиях.

Политическая культура элитных групп отражает региональные, демографические, генерационные и другие составляющие, которые влияют на формирование внешнеполитических ориентаций, ценностей, стиль поведения. Но общими чертами политического класса остаются сакрализация и персонификация власти, сохранение и воспроизведение неопатримониальных связей, непрозрачность принятия решений, дефицит политической ответственности и общих ценностей (национальной идеи), доминирование конфликтной риторики и поведения, негативное отношение к критике со стороны политических оппонентов и СМИ.

С учетом постколониального и посткоммунистического наследия на Украине за период независимости не сформировалась нацио-

нальная политическая элита. Вместо этого элиты Украины — представители политико-экономических групп, которые имеют региональное происхождение и защищают исключительно собственные интересы — национальные интересы им безразличны. Более того, с точки зрения украинских исследователей, они лишены национальной идентичности и находятся под влиянием внешних политических игроков (Запада и России) [2, 9]. Политические элиты оказались неэффективными в процессе реформирования общества, в определении приоритетных задач и их выполнении. Зато они сумели накопить значительное корпоративное и личное достояние. Причина их общественной неэффективности не в том, что у них недостаточно знаний и умений, а в том, что они считают нецелесообразным принимать к сведению потребности общества, и самое главное — они не отвечают за последствия своих действий. Последнее возможно только при наличии моральных критериев или же под воздействием гражданского общества. Как известно, этих факторов на Украине нет [3, 2].

Политику характеризуют политические лидеры. Но их деятельность зависит от исторических и географических условий, типа общества в целом (открытое—закрытое), типа политического режима (тоталитарный, авторитарный демократический), парадигмы развития общества, уровня его социально-экономического и технического развития (доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное, информационное), типа культуры, степени вхождения конкретного общества в мировое сообщество. Главными критериями политического лидерства представляются эффективность его действий, результативность, удовлетворение запросов и интересов того общества, которое видит собственную перспективу в его существовании. Без широкой социальной поддержки политическое лидерство невозможно.

Появление публичной сферы напрямую связано с проблемой легитимации власти. С точки зрения Е. Алексеенковой [4, 96], власть — это легитимное и легальное ограничение свободы (физической и ментальной) индивида, причем такая легитимность — это способность субъекта власти транслировать обществу определенный набор образов и смыслов. Теория демократической власти является теорией ликвидации реальной власти, поскольку она ликвидирует монополию субъекта на генерирование и трансляцию смыслов и образов, т. е. на управление когнитивными схемами общества.

В свое время Питирим Сорокин пришел к выводу, что угнетение базовых инстинктов порождает революционные отклонения в поведении людей. К ним относятся голод и пищеварительный инстинкт, инстинкты собственности, самосохранения, свободы, унаследованных способностей.

Современная наука породила аналогичный термин — *депривация* — психическое состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей. В социологии используют понятия *абсолютной* и *относительной* депривации. В социальной психологии используют понятия относительной депривации и фрустрации. Абсолютная депривация — невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию. Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (блага и условия жизни, которые, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (блага и условия жизни, которые люди, как опять же им представляется, могут получить в реальности). Депривация вызывает агрессию, которая рано или поздно выливается в социальный бунт. Как справедливо отмечает А. Камю в работе «Бунтующий человек», «...для человеческого духа доступны только два универсума — универсум священного... и универсум бунта. Исчезновение одного означает возникновение другого» [5, 15]. Десакрализация человеческого сознания в эпоху Нового времени привела к утрате прежней легитимности политической власти, которая имела религиозное основание. Новая легитимность, пришедшая на смену магической власти, основывалась на рациональном выборе каждого индивида, а местом развертывания процессов согласования единичных выборов стала публичная сфера, которая осуществляет легитимацию суверенитета государства, оказывается средством защиты границ приватной сферы индивида.

В XX в. стало окончательно ясно, что общество может находиться в разных качественных состояниях, от чего зависят многие его характеристики. Анализ современной ситуации показывает, что даже в либеральных демократических странах сохраняется значительный сектор внесистемной политики (коррупция, мафия, значительная роль и активность спецслужб, ситуации «чрезвычайного положения» и т. д.). Поскольку человек еще продолжает сталкиваться с «беспредельной властью» (административная практика на таможне, в тюрьме, на дорогах, в отделениях милиции, в бизнесе), постольку уместно говорить о том, что даже в институционированных демократиях присутствуют неинституционные («внесистемные») инструменты политики, часто фактически нивелирующие существующие на бумаге демократические институты.

Это доказывает наличие закрытой сферы внутри государства, функционирующей в соответствии с некими «*raison d'état*», скрытыми

от глаз рядового гражданина, где государство как «...носитель суверенитета, делегирует комиссарам все полномочия для принятия совокупных мер, которые требуются или, смотря по ситуации, могут потребоваться в интересах общественного спокойствия, безопасности или порядка, которые могут стать необходимыми сообразно обстоятельствам» [6, 195]. Мы можем определить приватную сферу государства как сферу, внутри которой политика осуществляется не на основании формальных институтов, а посредством использования социальных сетей (информационных, особенно сетей влияния и сетей доверия) и неформальных норм взаимодействия. Примерами таких частных сфер государства являются спецслужбы, коррупционные и мафиозные сети, сети влияния и доверия внутри государственных структур, а также все виды «чрезвычайных ситуаций» (в широком смысле слова, т. е. ситуаций выхода за пределы нормы), где решения принимаются *ad hoc*. Это сфера, внутри которой для государственного суверенитета фактически не существует формальных запретов. В обществе Модерна, как отмечал М. Фуко, власть над жизнью развивалась в двух основных формах: «дисциплина тела» («анатомополитики человеческого тела») и «биополитики народонаселения» («регулирующих способов контроля») [7, 234].

Центральную функцию минимизации структурного насилия должна выполнять публичная сфера. Происходящая сегодня повсеместная эскалация структурного насилия содержит в себе опасный потенциал — так называемый демонстрационный эффект. Если факт структурного насилия не преследуется судебной системой или публичной сферой, то он становится нормой, легко экспортируемой за пределы «чрезвычайных норм». Став нормой, структурное насилие формирует особое «чрезвычайное сознание». Общество примыкает к тому, что «чрезвычайщина», а следовательно, вмешательство в приватную сферу индивида становится обычной практикой. Меняется структура сознания, оно как бы «схлопывается» вплоть до этологического уровня, и человек снова может сказать о своем мире: «It's a place, where 'everything is possible» [8, 164].

Независимость Украины и ее государственность будут возможны только тогда, когда генераторами государственной идеи будут могущественный средний класс и национальная патриотическая буржуазия, рекрутированные вследствие комплексной социально-экономической реформы, проведения сильной и эффективной социальной политики. Широкий средний класс и патриотическая национальная буржуазия объективно являются социальной базой украинской государственности, они представляют основу политических партий национально-демократической ориентации. Именно эти слои мо-

гут свой собственный интерес поднять до уровня общегосударственного. Без патриотизма крупных владельцев, политиков и менеджеров государство обречено на постоянные потрясения и дальнейшее ослабление.

Сегодня на Украине не много людей, которые могли бы быть моральными авторитетами нации. Более того, десятки докторов наук, сотни талантливых молодых ученых, художников, представителей других творческих профессий, потеряв веру в то, что можно что-то изменить в этой стране, уезжают за границу. Но хочется верить, что сейчас именно тот момент, когда может измениться украинская интеллигенция, которая не будет служить властей предрержащим, не будет продаваться и первой будет реагировать на болевые точки общества. Поэтому сегодня, как и всегда, чрезвычайно важно сформировать национально сознательную элиту, без которой невозможно по настоящему реализовать государствообразующую нацию.

Нельзя не согласиться с Г. Щокиным, который утверждает, что сегодняшний исторический момент в жизни Украины, видимо, самая низкая точка исчерпанного социального цикла, которой характеризуется острейшими противоречиями, а также асоциальной, часто криминализованной элитой. Употребляемые сегодня уместно и неуместно авторитарные методы политического управления необходимо направлять на недопущение, с одной стороны, охлократии с ее неизменной трансформацией в тиранию, а с другой — на социальное вытеснение криминально окрашенной олигархии с политической авансцены и замены ее на духовно ориентированную интеллигенцию. Именно такие условия смогут обеспечить постепенный переход к социальному управлению украинской меритократии — самого удачного типа элиты с учетом исторической перспективы [9, 4].

Меритократия — власть ученых, лучших — тех, кто владеет информацией и умеет ее использовать для блага общества. Наука — это творческая сила, которая работает на общее благо, на рационализацию и прогрессивное развитие всей системы производственных, общественных и духовных отношений. Идея поддержания науки — одна из обязательных составляющих национальной идеи, которая должна объединять украинское общество. Если научное сообщество осознает это обстоятельство и сумеет объяснить это людям, то тем самым научное сообщество найдет опору в народе и сможет стать реальной социально-политической силой, которая действует на благо всего общества. Процесс формирования полноценного политического класса и эффективной политической элиты на Украине тесно связан с процессом формирования гражданского общества и одновременно является одним из самых важных его факторов.

Литература

1. *Гринин Л.Е.* Формации и цивилизации. Гл. 3. Проблемы анализа движущих сил исторического развития и общественного прогресса // *Философия и общество*. М., 2006. Вып. 3.
2. *Михальченко М.* Еліта в Україні: їжте куме, що зварили // *Віче*. 2003. № 1.
3. *Жданов І., Якименко Ю.* Україна у ХХІ столітті: виклики для політичної еліти // *Національна безпека і оборона*. 2003. № 9.
4. *Алексеев Е.Г.* Личность в условиях психической депривации. СПб., 2009.
5. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
6. *Шмитт К.* Диктатура. СПб., 2005.
7. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности М., 1996.
8. *Алексеев Е.С., Сергеев В.М.* Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // *Полис*. 2008. № 3.
9. *Щокін Г.* Концепція соціального розвитку: висновки для України // *Сільські вісті*. 2002. 27 грудня.

Я.И. НИСАНОВ

Феноменологическая методология М. Шелера и моделирование как методы интеграции знаний о человеке в экономической теории

Либеральный подход классической экономической теории в описании целей и мотивов деятельности традиционно сводится к рациональным действиям экономического человека (*homo economicus*). В развитии различных экономических школ по-разному оцениваются приоритеты поставленных целей поведения, сохраняя при этом приоритет рациональности и материальных ценностей.

Такое отношение к аксиологии экономического поведения было перенесено на формирование моделей экономических систем и создание государственных и общественных инфраструктур и институтов для достижения высоких результатов в моделях развития. Традиционно при этом выпала из поля зрения экономического регулирования сфера отправления духовных потребностей в жизни человека, оставлена без внимания версия духовных приоритетов материальной жизни человека при исследованиях экономического поведения чело-

века и программирования целей деятельности в экономическом разделении труда.

На ранних стадиях экономического развития общества такое ограниченно-искаженное представление не было всеобщим и не нарушало экзистенциальные иррациональные мотивы деятельности человека в многочисленных сферах нематериального производства. Со временем экономическая организация общества расширилась, приобрела тотальный характер и перенесла материальные приоритеты в совершенно противоположные по целям некоммерческие и нематериально-ориентированные виды деятельности человека, традиционные и имманентные самому определению человечности. Аксиология философской антропологии востребована и необходима для выявления и научного исследования адекватной системы целей и ценностей жизнедеятельности человека при создании моделей экономического поведения человека и на их основе — экономической теории, экономической политики и экономического регулирования посредством формирования институтов, инфраструктуры и других компонентов структуры государственной юрисдикции. Экономическая теория постоянно выявляет и описывает недостатки в функционировании практических формирований в реализации экономических программ, хотя одно из базовых упущений — отсутствие адекватного подхода к аксиологии экономического поведения.

Предметные исследования по вышеизложенным недостаткам в теории были впервые проведены и использованы нами применительно к описанию мотивов вынужденной миграции. В частности, выявлены нематериальные мотивы вынужденной миграции и их приоритетность в отдельных обстоятельствах (речь идет о научном докладе «Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство: коллизии права, вынуждающие к миграции» [1]). Исследования были апробированы в оценках научного сообщества и практических решениях соответствующих органов государственной власти.

Аксиология философской антропологии Макса Шелера сохраняет высокую актуальность, научную значимость и методологическую базу для проведения таких исследований с прикладным использованием в экономическом моделировании и институциональном регулировании развития в обществе.

Значительным вкладом в развитие экономической теории могло бы стать использование феноменологической методологии, развитой и обоснованной в работах Макса Шеллера. В процессе своего развития феноменология была использована в развитии философии как науки и применима в сфере рассмотрения истинности научного знания, что само по себе для общественных наук сохраняет большую

дискуссионность в понимании. Тем не менее с началом использования и развития школы философии хозяйства в рамках экономических наук применительно к философскому подходу описания хозяйства может быть применима (и частично применяется) феноменологическая методология в использовании критериев истинности научного знания в философии как науке.

Этот опыт, по нашему мнению, заслуживает тщательного исследования и дальнейшего развития.

И.И. РУДЯК

Дилемма Осипова: право собственности как культурный запрет и воровство как возврат в природное состояние

Введение. Муки Тантала и биологическое происхождение собственности. В статье «Перемены в мире и провидчески-державный курс России» Ю.М. Осипов пишет, что современное человечество имеет тенденцию к интеллектуальному раздроблению. «...Разное по качеству постчеловеческое существо... сверхчеловеческая элита... с... массовидным чиповейником» [1, 18]. В нашем понимании источником «дилеммы Осипова» является биологическое, а не социальное происхождение частной и личной собственности, что и порождает не так давно экспериментально выявленную связь экономики и биологии. Любая экономическая система непременно опирается на институт собственности как на свой естественный атрибут, который в каждом конкретном случае проявляется в том или ином специфическом варианте. Однако, как это ни странно, история собственности развивается параллельно с эволюционной историей мышления человека.

Причиной этого является именно биологическое происхождение собственности (а вовсе не социальное, как считали в XIX в.), которая появилась как культурный «ветеринарный невроз» приматов, вызванный «биокультурным запретом» на захват чужого, но желанного достояния. Именно поэтому (если рассмотреть историю с точки зрения медицины) в обществе и возникают революции как нервные срывы (т. е. войны за чью-то собственность). В подобном смысле государство представляет собой ту «социальную дамбу» («культурный запрет» у З. Фрейда), которая, как на реке, поставлена на рефлекторной дуге, т. е. на пути естественного движения импульса по траектории биологического рефлекса. При этом общество представляет собой

коллективный аккумулятор запертой энергии невыполненных желаний естественного порядка (муки Тантала), которая когда-нибудь да взорвется («невроз культуры»). Поэтому и воровство на самом деле является атавизмом (т. е. возвратом к признакам предков, которые не знают никаких культурных запретов), возвратом Шарикова в свое природно-псовое состояние — как проявление естественной «этической энтропии», вызванной мучительной пыткой культуры (А.И. Крылов «Хоть видит око, да зуб неймет!»).

1. Два вектора современного человека: песцы и мячики против орангутангов с деньгами. Изучая шимпанзе («эффект дарения»), С. Броснан (Университет Эмори в Атланте) и О. Джонс (Университет Вандербильта в Нешвилле) раскрыли связь биологии и экономики (Джонс заявил, что они изучают шимпанзе именно для того, чтобы понять людей). Сегодня, когда все ярче проступают вполне реальные возможности как расчеловечивания, так и «посточеловечивания» современного человека, верно понять тенденции виртуальной эволюции особенно актуально. «...расчеловечиваться... дилемма...» [1, 18]. С одной стороны, мы видим, как обыкновенная обезьяна поднимается почти на уровень человека. Так, каменные инструменты шимпанзе бонобо трудно отличить от инструментов человека олдувайской культуры. А в зоопарке Лейпцига доктор В. Дюфур (Университет Сент-Эндрю) обучил восьмерых орангутангов правильно пользоваться специальными жетонами как деньгами разного номинала (журнал «Biology Letters»). При этом показательно, что самец нередко обращался жестами с просьбой к знакомой самке — купить для него за ее же деньги бананы (которые он мог бы уворовать или отобрать!): т. е. он понимал, что ее жетоны — это именно ее собственность (в общепринятом экономическом понимании). А вот у животных попроще, чем обезьяны, воровство (как непризнание личной и частной собственности) — совершенно обычное поведение. Лиса ворует кур. Песцы воруют в чумах детские мячики, чтобы их детеныши играли этими мячиками. Однако высшие животные уже хотят покинуть природу.

Доктор Д. Гудол считает, что у шимпанзе существует нечто вроде примитивной культуры. Известно, что у шимпанзе есть свои особые звуки, которые обозначают «банан» или «виноград». Профессор С. Бойзен считает, что у шимпанзе уже существуют особые значения для ряда вполне конкретных произношений, которое и делает их звуки именно подобием наших словам. При этом у шимпанзе культурные знания передаются по наследству потомкам. Профессор М. Томазелл (Институт Макса Планка) полагает, что у шимпанзе есть уже минимальные зачатки культуры: в одном из ареалов они используют один конкретный вид инструмента для одной определенной ра-

боты, однако в той же ситуации, но совсем в другом ареале, они уже используют совсем другой вид инструмента.

А вот человек может опуститься даже ниже обезьяньей творческой планки. «Рабочих... характеризует привычка действовать в ситуации определенности, их подход к жизненным проблемам во многом определяется заданностью условий производства, профессиональными привычками решать стандартными методами типичный набор производственных проблем... действия рабочих осложняет экономическая ситуация... необходимость защиты индивидуальных интересов, вплоть до выживания... привычная склонность к коллективным действиям...» [2, 229]. Поэтому человек и «ворует мячики», как песец, т. е. фактически пребывает гораздо ниже культурного уровня обезьяны. «На подвижной лестнице Ламарка / Я займу последнюю ступень» (О.Э. Мандельштам, «Ламарк»). При этом в обществе обезьян с появлением их «биологической культуры» возник вопрос о «социальной собственности» данной особи. Так, известен случай, когда в природе самец шимпанзе одолжил шимпанзе-самке (и притом по ее же просьбе) свой личный инструмент для колки орехов.

2. Достоевский: истоки антропологической эволюции. Ф.М. Достоевский полагал, что если бы на самом деле не было Бога, то тогда — в этическом смысле (вплоть до убийства!) — человеку было бы «все позволено». В подобном смысле именно Бог (что и выражено в заповедях) выступает в роли абсолютного гаранта всех культурных запретов (в том числе и запрета на воровство): так, царь с его «коронным профилем» на монетах или же банк с его подвалами, битком набитыми золотом, выступают в роли гарантов всеобщей законности цивилизованного денежного обмена. Мы видим, что идея Бога вывела человека из-под власти естественного отбора (с его инстинктами, в пределах царства которых действительно «все позволено»). В природе силового «биологического запрета» вполне хватает для сохранения добычи, территории или самки («биологическая собственность»). Культура обезьян базируется на биологическом (а не на силовом религиозном или на чисто этическом) запрете трогать чужую собственность.

Истоки антропологической эволюции локализируются в точке появления «божественного запрета» на присвоение уже присвоенной кем-то собственности. Именно божественный запрет и породил ту задержку импульса на пути природной рефлекторной дуги человека, на плато которой (в качестве самоструктурирования невротического состояния) и развился человеческий интеллект. «Интеллигенция, обладая громадным интеллектуальным потенциалом, не может реализовать его как социальный потенциал. Тяжелое экономическое положение

ние в соединении... со способностями к решению абстрактных проблем, но в гораздо меньшей степени — конкретных социальных...» [2, 229].

3. *Частная собственность как двигатель антропологической эволюции.* В культуре обезьян, как и в культуре людей, также существует право индивидуальной собственности — например, на палочки для ловли термитов и камни для раскалывания орехов. Возникнув еще на стадии обезьян в качестве «силового культурного запрета», частная собственность подтолкнула развитие интеллектуальной функции мозга, что и поспособствовало переходу биологической эволюции на стадию антропологической эволюции, а силового культурного запрета на присвоение чужой собственности — на стадию «божественного культурного запрета» (заповедь «Не укради!»). Однако мозг, как хорошо известно биологам, является весьма активным поглотителем энергии жизнедеятельности — поэтому все особи со слабыми энергетическими возможностями решительно не способны развить на базе отставного рефлекса (застывшего из-за божественного культурного запрета в виде перпендикулярной предельной линии) собственную сложную интеллектуальную функцию, т. е. как Гамлет (с его «интеллектуальной болезнью») переделать невроз в мышление. Им проще поживотному выпустить пар невроза («русский бунт — бессмысленный и беспощадный» А.С. Пушкин, «Капитанская дочка») в том жутком виде невротической агрессии уже вполне озверевшего человека, который часто в человеческом сообществе замещает клинически нормальное, хотя и невротическое по сути, тонкое и усложненное человеческое мышление. «Современный мир безыдеен... Человек создается пределами, ограничениями... мир расстается с такими линиями... он прощается с феноменом человека» [3, 188—189]. Тот факт, что биологическая энергия и социальное поведение на самом деле друг с другом плотно увязаны, можно с интересом пронаблюдать на примере жизнедеятельности обезьяны тамарина. Будучи всеядным, тамарин без труда способен быстро насытиться (т. е. на питание у него уходит сравнительно мало времени), поэтому на сложные социальные отношения времени у тамарина остается вполне достаточно.

4. *Интеллект или агрессия: выбор Гамлета на фоне ошибки Фромма.* «Быть или не быть?» — это выбор не только вполне определенного жизненного пути, но и собственного «виртуального вида» разумного человека: оставаться ли энергетически затратным, но, однако, все же человеком разумным — или все-таки вернуться по пути обратной эволюции, атавизма к зафиксированным в генах признакам дальних предков? «Проблему Гамлета» сегодня решает не только тот

актер, который играет Гамлета: в реальном мире его фактически сегодня решают все представители разумного человечества.

Так, Ю.М. Осипов полагает, что мы живем в период переломного момента истории, когда весь мир (как Гамлет) стоит перед мощным сломом, когда конец одной цивилизации приближается, а другая цивилизация уже фактически на подходе. Действительно, сегодня нет «природы человека» (Э. Фромм) как таковой (характерной только для цельного человечества), поскольку человечество уже давно раскололось на два потока, которые по отдельности решительно устремились — либо к интеллекту как можно ближе, либо от интеллекта как можно дальше. В подобном смысле показательна повесть В. Гауфа «Молодой англичанин» — как «исторически предварительная» литературная карикатура на сегодня уже реальное «интеллектуально двуслойное» общество Постмодерна (в повести это город Грюнвизель в Южной Германии), в которое на равных с вполне благовоспитанными людьми могут без зазрения совести приниматься также и гламурные обезьяны (в некоторых странах приматы и китообразные уже получили нечто вроде «прав человека»): орангутанги вместе с их подспудными кукловодами. «...наверху... элита, оснащенная крепким... интеллектом... богатой и разнообразной информацией... внизу... постчеловек...» [1, 18]. К счастью, чтобы сделать пребывание обезьяны в человеческом обществе хоть сколько-нибудь приемлемым, хозяин постоянно бил ее арапником и стягивал потуже ее модный шейный платок (ошейник).

5. Дилемма Осипова и обратная виртуальная эволюция. Сегодняшняя интеллектуальная двуслойность общества Постмодерна («дилемма Осипова») на самом деле исторически образовалась только из-за того, что виртуальная эволюция человека осуществляется по двум полярно противоположным направлениям. «...разное по качеству постчеловеческое существо... сверхчеловеческая элита, оснащенная крепким здоровьем, долгожитием, мощным... интеллектом (отсюда и интеллект-революция)... внизу... постчеловек с... массовидным чиповейником» [1, 18]. Сегодня существуют научно обоснованные и вполне реальные опасения, что в человеческой популяции уже запущена «обратная виртуальная эволюция». Так Д. Смаерс из Университетского колледжа Лондона доказал, что эволюционно скорость роста мускулов приматов была ощутимо выше, чем скорость эволюции мозга, однако в случаях редукции (каковые имели место) мозг уменьшался немного быстрее, чем уменьшалось тело.

Доктор Д. Крэдтри из Стэнфордского университета (журнал «Trends in Genetics») полагает, что современное человечество действительно поглупело. Скачок в развитии умственных способностей и

оптимизации работы генов, ответственных за интеллектуальные функции мозга, произошел еще до выхода из Африки предков современного человека, когда существовала зависимость выживания человека от уровня его интеллекта, которая и привела к пику развития интеллекта у современного человека. Однако с появлением сельского хозяйства, а также урбанизации хорошие условия жизни (когда не только выживали, но также и давали потомство даже не слишком умные члены общества) привели к снижению интеллектуальных возможностей человека («постчеловек» Осипова). Более того, именно гены функций мозга чрезвычайно восприимчивы к самопроизвольным мутациям, и при этом наиболее уязвимы именно те 2000—5000 генов, которые отвечают за интеллект, а в эпоху сельского хозяйства и урбанизации человек стал еще слабее сопротивляться генным мутациям, ведущим к нарушениям интеллекта. Крэбтри пишет, что сегодня нет давления естественного отбора (т. е. люди не используют интеллект, чтобы выжить), поэтому даже те мутации, которые сами по себе приводят к росту интеллекта одного конкретного человека («сверхчеловеческая элита» Осипова), на самом деле все-таки не приводят к росту интеллекта целого человечества («дилемма» Осипова), поэтому сегодня именно в самых развитых странах мира (хорошая медицина на фоне экологической катастрофы) человек еще быстрее теряет свои интеллектуальные («чиповейник» Осипова) и эмоциональные способности. «...высокая инициативность предпринимателей нередко не сопровождается развитым интеллектом, следствием чего является низкий уровень социальной ответственности» [2, 228].

б. Когда рак линяет: золотая рыбка и культура как болезнь вылупления из природы. Данность жизни вовсе не всегда является нормой. В известном смысле культура (как «эпоха перемен») представляет собой болезнь. В подобном смысле в целом положительная и необходимая антропологическая эволюция — это в том же смысле «неклиническая болезнь» рождения человечества (т. е. далеко не лучший этап истории), в котором по велению Бога Ева «в муках рождает» одного конкретного человека. Так, рак болеет, когда он «в муках» линяет (тогда он остается в норке — как младенец, голый и беззащитный, покуда новый и твердый панцирь не скроет от врагов уязвимое его тело). «На подвижной лестнице Ламарка / Я займу последнюю ступень. / К кольцам спущусь и к усонгим, / Прошуршав средь ящериц и змей, / По упругим сходим, по излогам / Сокращусь, исчезну, как протей... / И от нас природа отступила / Так, как будто мы ей не нужны... / И подъемный мост она забыла, / Опоздала опустить для тех, / У кого зеленая могила, / Красное дыханье, гибкий смех» (О.Э. Мандельштам, «Ламарк»). Теория Ж.Б. Ламарка предполагает,

что, упражняя любое свойство (допустим, технику воровства), любой конкретный вид способен эволюционно превратиться совсем в другой. Так, герой стихотворения Мандельштама, который вовсе не хочет в муках породить свою человечность, может эволюционировать даже в «усоногого» рака (Ф. Кафка, «Превращение»).

Честность (плод культурного запрета — вместо биологического инстинкта) как необходимая основа любого человеческого сообщества на самом деле всегда основана на неврозе (А.П. Чехов, «Иванов»). «Невроз честности» есть результат невротизации личности общепринятой педагогикой (социализация), которая еще на детской стадии пресекает врожденные и естественные человеческие инстинкты, готовя из ребенка, пока еще свободного от природы, стойка — каковым и является каждый взрослый. На самом деле подлинная цель любой педагогики — научить ребенка разрубать рефлекторные дуги своих инстинктов. Обломки дуг инстинктов представляют собою хлам, которым и набит «сундук подсознания» любого взрослого человека. При этом существуют также такие люди, которым все же нравится быть честными — от природы. Обычно такие люди подвержены «неврозу честности» гораздо больше всех остальных. Однако существуют также и люди иного склада, которые только внешне ловко притворяются суперчестными (да и то под давлением обстоятельств), а на самом деле — они песцы, всегда готовые стырить из человеческих чумов чужие мячики. Конечно, существует утопический метод социального излечения «антропологического невроза»: это — обещание теоретиков коммунизма выдать блага «каждому по потребностям» (т. е. истребить напряжение потребления вместе с больною честностью человека). Однако коммунизм сулит «здоровую честность» исключительно на бумаге, потому что в рамках нашей жизненной парадигмы удовлетворить все человеческие потребности даже золотая рыбка не может. Все дело в том, что люди жаждут обладания отнюдь не только заурядными заводскими производственными товарами (А.С. Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке») — они мечтают также овладеть и другими людьми-рабами (Пушкин: «Мы все глядим в Наполеоны: / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...»), волшебством (С. Кьеркегор, К.С. Малевич) и даже целой Вселенной (Н.Ф. Федоров и К.Э. Циолковский).

7. Демонстративное поведение: мужской доктор и напряжение потребления. Современная цивилизация предоставила всем хорошую медицину — отсюда накопление вредных генов в человеческой популяции — именно в цивилизованных странах. Сегодня люди с генетическими проблемами в области интеллекта собираются в общества с новой оглуляющей идеологией Постмодерна, что осо-

бенно заметно в сфере массового искусства (Х. Ортега-и-Гассет). Именно для людей такого пошиба особенно характерно (вместо хороших генов) подчеркнуто демонстративное поведение. «Половое демонстративное поведение» женщин, смущая всех мужчин вокруг своим полуголым видом, превращает их в больных, несчастных и сексуально озабоченных неврастеников («ведьмы цивилизации»). И если раньше в Западной Европе обычный невропатолог получил название «женский доктор», то сегодня, в эпоху полуголого существования женщин, невропатолог исторически инверсировал в «мужского доктора» Постмодерна. Отсюда и «демонизация женщин» как таковых: аналог выпуска пара в Средневековье путем публичного сжигания «ведьм культуры». Мы видим, что сегодня массовидный мужчина решительно не способен интеллектуально разрубать дуги своих инстинктов, что на самом деле крайне необходимо именно при «супертесном сожитии» в неэкологическом мегаполисе (в Японии даже ввели специальные должности заталкивателей людей в переполненные вагоны электричек). Поэтому в Латинской Америке уже ввели отдельные вагоны для женщин. Так, в Альпах (Франция) живущие порознь самцы и самки горных козлов встречаются только в период гона (с конца ноября по январь).

«Экономическое демонстративное поведение» — ничем не лучше «суперинстинктивного поведения» в сфере секса: гламур есть главный фактор «экономической невротизации» населения. Реклама также вызывает у массовидного населения всегда жужжащее и зудящее (почти сексуальное) «напряжение потребления». Убив и обокрав старуху, Раскольников совсем не тронул ее богатства: на самом деле он всего лишь выпустил пар невроза, расцветшего на фоне чужого блеска и опустившего его ниже питерского тараканьего плинтуса. Мы знаем: выйти из невроза в принципе возможно двумя путями — или стать преступником, или превратиться в гения (на плато отставного рефлекса). А вот Раскольников по ошибке, которую называли Наполеоном, смешал два теоретически возможных пути в один, что Пушкин считал решительно невозможным (А.С. Пушкин, «Моцарт и Сальери»).

8. Постмодерн: карнавал как атавизм и лечение невроза культуры. Заявив, что «труд создал человек», Ф. Энгельс тем самым междисциплинарно объединил (как это происходит и сегодня) экономику и биологию. Поэтому и «антропологический атавизм» (стремление к интеллектуальному опрощению) как основание Постмодерна базируется на «экономическом атавизме» (презрение к частной собственности, которую уважают даже и обезьяны). Непризнание частной собственности (т. е. воровство или революция) является настоящим «эко-

номическим карнавалом» (когда умный добровольно превращается в дурака, а чужой детина в хозяина чьей-то вещи) как «экономическим атавизмом». В подобном смысле и сам Постмодерн как стиль (война с культурными запретами: на воровство, на публичное обнажение, на богохульство и сквернословие, т. е. борьба с интеллектуальным человеческим обликом как борьба за «обратную эволюцию» человека) на самом деле является именно карнавалом. «Мы живем, под собою не чуя страны... / Тараканьи смеются усища / И сияют его голенища... / Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет...» (О.Э. Мандельштам). Цель экономического карнавала — лечение «невроза культуры», т. е. выход из культуры (не вверх, как у Кьеркегора, а вниз, как в «Вие» у Н.В. Гоголя): в мир личин, песцовых и лисьих масок — как выход за пределы (экстаз) статуса разумного человека (чтобы сбросить с себя давящую плиту культурных запретов, есть еще вариант цинизма как «социальный карнавал» Диогена в бочке). «Чем поспешнее мир расстается с такими линиями, тем быстрее он прощается с феноменом человека» [3, 188—189]. Коррупция, похожая на грибницу, глобальное мошенничество и повальное воровство как «социальная kleptomания» есть на самом деле болезнь ослабленной энергетики. «Не хочу учиться, а хочу жениться» (Д.И. Фонвизин, «Недоросль»). В эпоху Постмодерна отчаявшийся человек очарован мечтами о падении до уровня дурака: ведь мыслить ему очень трудно энергетически («география — наука не дворянская: извозчик доведет» («Недоросль»)).

9. Эпохи перемен как карнавальные периоды дураков. О том, что существуют реальные исторические «периоды дураков» (по крайней мере, в сфере искусства), гениальные авторы знали давным-давно: именно об этом и писали — Ж.Ж. Новер (теоретик балета) во II половине XVIII в. (французская буржуазная революция) и Ш. Бронте (роман «Джен Эйр») в I половине XIX в. (европейские революции 1830 и 1848 гг.). Сегодня мы могли бы вполне резонно предположить, что данные периоды являются именно нелюбимыми китайцами революционными «эпохами перемен» (Осипов о сломе нашей цивилизации). Так случается именно оттого, что по своей теоретической сути революция на самом деле является карнавалом (Блок, «Двенадцать»), который выставляет дурака (карнавального типа сказка об Иванушке-дурачке, который превращается в замечательного царевича) — в качестве основного героя происходящего. В подобном случае нечто маргинальное (Пастернак: «... главы жизни целой / Отчеркивая на полях») — активно начинает выступать в роли главного (Вайда, фильм «Все на продажу»; «стеклянный дом» Постмодерна, в котором жизнь осуществляется напоказ, а биография автора занимает место произведения). Поэтому и революционный Авангард есть искусство фрагмента

как маргинала, пробравшегося в макромир как центр внимания человека (культура реальной жизни) из маргинального микромира машинной цивилизации: именно для построения НТР (Малевич, «Черный квадрат»). При этом карнавальная маргинальность может также сопровождаться самой настоящей обратной эволюцией человека (и не только до уровня Иванушки-дурачка, но даже и ниже уровня обезьяны). «Тараканьи смеются усища... / Кто свистит, кто мяучит...» (О.Э. Мандельштам). Отсюда — и отказ от штанов как эволюционировавшего хвоста (когда у собаки Шарика уже отвалился хвост, доктор Борменталь, но уже для гражданина Шарикова, приобрел заменившие хвост штаны) в рамках общества «Долой стыд!». Постмодерн как стиль Перестройки (обратная Октябрьская революция) является броуновским («мелькание» Малевича; деконструкция Ж. Деррида) интертекстом, состоящим из возвратившихся в микромир всех возможных авангардных (конструктивизм) фрагментов. При этом люди также кинулись вслед за кишащими фрагментами в микромир, где они сегодня (нанотехнологии) мысленно поселились. В подобном смысле Авангард есть приход в гости к человечеству микромира (фрагмент), а Постмодерн есть приход человечества в гости к мельтешащему микромиру (интертекст). На месте только оголение как расчеловечивание (хвост уже отвалился, а штанов еще не купили).

10. Интертекст как деконструкция многоаккурности. Данность вовсе не всегда является гарантом общечеловеческой нормы. Напротив, данность часто перемежается с патологией. Поэтому сегодня любая индивидуальная собственность каждого конкретного Я, которая на самом деле и государству, и человеку крайне необходима, вызывает в рамках общества Постмодерна невроз у каждого «другого» (в понимании Бахтина). Я всецело наслаждается только собственной частной собственностью, а для частной собственности «другого» Я хотело бы устроить сталинское раскулачивание с последующим колхозом. Точно так же плохо всем мужчинам и от безопасности чьих-то женщин. Людям дурно от запрета выражать свое мнение, но выслушивать чужое — никто не хочет («невроз социальной нормы»). «...Расчеловечиваться — решать человеку... дилемма: оставаться “ньюнеандертальцем”, но все-таки-человеком, или же идти напрямик вперед, превращаясь незаметно для себя...» в кольцо, усоногого, ящерицу, змею и протeya [1, 18]. Подобная дилемма возникла именно потому, что современное человечество на самом деле обладает только малой, «ракурсной правдой», когда «или волки сыты, или овцы целы» («Быть или не быть?»), когда и невроз ощущать накладно, и к зверям примыкать зазорно. «...Разное по качеству постчеловеческое существо...» — это «интеллектуальный гермафродит», распавшийся на

интеллектуала и дурака, т. е. на отдельные «антропологические слои» [1, 18]. Постмодерн есть не просто «дискретный ворох» бронуновских интертекстуальных фрагментов, но также и большая, всеохватывающая правда (удобная для Я и «другого»), но распавшаяся (деконструкция) на отдельные линейные ракурсы (на взаимно противопоставленные антропологические позиции). Поэтому сегодня мы и ожидаем Софию, которая все ракурсы подберет и единство правильно соберет.

Заключение. Экономика инстинктов и софийная экономика.

Если мы сегодня признаем безоговорочно, что действительно существуют различные антропологические слои, то мы тем самым признаем также и одновременное существование двух неодинаковых экономик: «экономики инстинктов» (которая существует даже у обезьян) и «софийной экономики» интеллектуала-постчеловека. «...Наверху... сверхчеловеческая, элита, оснащенная крепким здоровьем, долгожительством, мощным... интеллектом (отсюда и интеллект-революция), богатой и разнообразной информацией...» [1, 18].

Обычная культура физиологически не годится для человека, однако же и природа также не подходит человеку — психологически. «И от нас природа отступила» (О.Э. Мандельштам, «Ламарк»). Сегодня мы стараемся изменить как саму человеческую природу, так и исчерпаемость всех его витальных ресурсов (в бронзовом веке в Британии был период, когда хлеба было вполне достаточно, и поэтому британцы абсолютно мирно существовали). Склонная опираться на науку нового поколения (Федоров), софийная экономика связана с уходом в новый мир с другими законами (Кьеркегор), а также и немного увязана с волшебством (Малевич). Именно поэтому она и предполагает в некотором смысле экзотические решения, которые и позволяют вновь смонтировать все ракурсы, некогда упавшие в интертекст, в новое единство высокой мерности, когда во всех вопросах будут «и волки сыты, и овцы целы».

Вместо коммунизма современный мир уже предлагает набор очевидно спорных гипотез, способных устранить проблему выбора между разноракурсными ответами: почти бесплатные и почти неограниченные виртуальные библиотеки и путешествия, общедоступные человекоподобные роботы, устроенные специально для секса. Такие предложения вполне устроили бы бонобо, так как они отвечают его видовой специфике. «...Расчеловечиваться — решать человеку... дилемма...» [1, 18]. Однако это вовсе не человеческие, не софийные предложения. Гораздо человечнее выглядят новые факторы «социального накопления» (вместо денег — книги, дипломы университетов и путешествия). Мы же предлагаем софийно повысить темпы виртуаль-

ной эволюции энергетических возможностей мозга («экстенсивное мышление»), чтобы вместо выпуска пара (мышление и есть лечение невроза), культурные запреты и у нас, как у Гамлета, вызывали более сложные интеллектуальные построения — с расширением плато пресловутого отставного рефлекса.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Перемены в мире и провидчески-державный курс России // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Трубицын А.В.* Анализ социально-психологической среды как существенный фактор исследования экономического поведения // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
3. *Ростова Н.Н.* Не-личное дело религия // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.

Р.Е. СОКОЛОВ

Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о концепции общего блага и профессионально-сословного строя или солидаризма

На основе принципов субсидиарности (неолиберального невмешательства) и солидарности (взаимозависимости субъектов хозяйства) Ватикан формулирует идею «*общего блага*», которая выражается в том, что каждый хозяйствующий субъект должен трудиться на своем месте на благо всего общества. Именно при таких условиях он может *самостоятельно* реализовать свои устремления. В силу того, что подчинение принципам, регулирующим общественное развитие, не всегда протекает добровольно, необходимо наличие сильного государства, задачами которого являются разработка самих этих принципов и гарантии их исполнения, — стража и хранителя общего блага.

В отличие от концепции «невидимой руки» Адама Смита, согласно которой каждый хозяйствующий субъект, действующий в личных интересах, действует на благо всего общества, концепция «общего блага» утверждает, что сначала надо соблюсти общественные интересы, а уж затем реализуются интересы свои. Производной экономической концепции общего блага, по словам Льва XIII (*Regrum novarum*), должен выступать социальный мир, когда люди будут думать не столько об общественном разделении и превознесении материального благополучия, вызывающих кризисы и войны, сколько о взаимной

поддержке и уважении, укрепляющих мир и общее благосостояние, где бы человек не трудился.

Профессор теологии и морали Карл Хайнц Пешке, ссылаясь на пастырскую конституцию Второго Ватиканского Собора о церкви в современном мире «*Gaudium et Spes*», раскрывает суть общего блага как путь достижения индивидом духовного совершенства через реализацию намеченных целей. Он, как и иезуит Освальд фон Нелль-Бройнинг в своей книге «Справедливость и свобода», отождествляет общие блага и блага услуг, или, на языке экономической теории, общественные блага. Причем общее благо, в устах Пешке, подразумевает благо не только нынешнего, но и будущих поколений, что подразумевает необходимость сохранения нормальной окружающей среды, семейных ценностей, развития науки, недопущения появления потребностей, конфликтующих с общим благом, в том числе ради получения прибыли. Как и экономика, общее благо не является целью общественного развития, а выступает вспомогательным средством для всех индивидов, формирующих общество посредством сохранения самих себя, знаний, потомства, моральных и духовных ценностей.

В свою очередь, на основе принципов субсидиарности, солидарности и идеи общего блага современные канонисты, в частности западногерманский исследователь католического социального учения Яков Феллермайер, выводят «*концепцию профессионально-сословного строя*», согласно которой, гармоничное развитие общества достигается только в условиях упорядочения всех его слоев по профессиональной литературе получила более короткое название — «*солидаризм*».

Папа Лев XIII подчеркивал факт необходимости существования профессиональных сословий-союзов, особенно для работников, сравнивая их с ремесленными цехами эпохи Средневековья и начала Нового времени, задачей которых, кроме прочего, была помощь работникам. Как известно, только цеха выступали в качестве институтов, которые могли поддержать рабочих и их семьи в случае утраты трудоспособности, так как государство заботилось лишь о создании условий относительно безопасного внутреннего развития страны, охраняя ее границы от внешней агрессии и поддерживая внутренний политический и экономический порядок. Но со временем существование цехов практически сошло на нет, в том числе из-за торможения технического прогресса вследствие сохранения мелкого производства и ограничения конкуренции, а замены им создано не было.

Исчезновением цехов Католическая церковь в лице Льва XIII объясняла ухудшение положения рабочего класса в эпоху Нового времени и предлагала создать их альтернативу в виде профессиональ-

ных союзов. Подобные союзы, не являясь государственным институтом, должны были решать частные вопросы заинтересованных сторон, и запрещать их деятельность государству не следовало. Само же государство, представляя основные интересы всего общества, должно было концентрироваться на решении общих вопросов и направлять усилия всего общества на преумножение общего блага. Так как подобное предложение исходило из лона канонических философов, то выдвигались и соответствующие правила создания союзов, нацеленные на поддержание солидарности и материального обеспечения работников как внутри самого профсоюза, так и между профсоюзом и предпринимателем. Уже в конце XIX в. Ватикан заводит речь о негосударственных пособиях, в том числе по старости.

Пий XI, высказываясь по этому вопросу в конце первой трети XX в., подчеркивал, что право на существование, в том числе монопольное, имеют лишь легально существующие профсоюзы, занимающиеся вопросами заключения тарифных договоров. Все остальное, в том числе забастовки, считалось неправомерным.

В 1960-х гг. Иоанн XXIII подходил к делу профсоюзного движения с более либеральных позиций, признавая права рабочих на обсуждение в рамках ассоциаций как работников, так и нанимателей, легитимных вопросов, затрагивающих их профессиональную деятельность. Понтифик предрекал профсоюзам большое будущее в деле защиты и продвижения интересов рабочих, в том числе на международном уровне, описывая тенденции роста первых рабочих объединений. И он оказался прав. В итоге, подобные требования привели к тому, что в некоторых странах рабочая неделя стала короче, а предприниматели стали финансировать медицинское обслуживание и корпоративные развлекательные мероприятия своим сотрудникам, в том числе в России, согласно Гражданскому кодексу. Профсоюзное движение стало международным, оформившись в политические партии.

В 1980-х гг. Иоанн Павел II, анализируя особенности развития профсоюзного движения, подчеркивал, что профсоюзы не должны отражать классовое строение общества, но призваны не столько противодействовать каким-либо общественным институтам, в частности, предпринимателям, сколько стремиться к удовлетворению своих нужд как домохозяйств в совместной работе. Данное стремление будет тогда успешным, когда, как считает Ватикан, будет иметь место солидарность объединяющего людей труда и позволяющего реализовывать их творческие способности капитала. В своей деятельности профсоюзы призываются Святым Престолом к умеренности, к тому, чтобы выдвигаемые ими требования соответствовали экономическим реалиям страны.

Иоанн Павел II предостерегал профсоюзы от участия в политической борьбе, аргументируя это возможностью того, что они уже не смогут преследовать свои изначальные цели, а станут проводниками иных идей, может быть, даже чуждых им. В этом отношении можно сделать вывод, что канонисты хотят ограничить права профсоюзов, которые могут выходить за рамки интересов канонической философии хозяйства, о чем предупреждали марксисты. Но, подчеркнем, что именно Ватикан начал активно разрабатывать «профсоюзную теорию», и первые профсоюзы работников, возникшие в Бельгии в конце XIX в., появились именно в католической рабочей среде. Хотя, несмотря на наметившиеся либеральные тенденции в католицизме во второй половине XX в., Иоанн Павел II, говоря о праве работников на забастовки, настаивал на том, чтобы представители жизненно важных отраслей хозяйства для благополучия государства никогда не оставляли свои рабочие места. Тот факт, что Ватикан не указывает профессии, необходимые для нормального поддержания хозяйственной жизни, дает простор законодателям, берущим на вооружение современную каноническую философию хозяйства, субъективно трактовать перечень таких профессий, осуществляя чрезмерное государственное регулирование экономики.

В этой связи заслуживает внимания еще одна сторона дела. Несмотря на рекомендацию разрешить деятельность профессиональных союзов, канонисты, начиная со Льва XIII, настаивают на определенном ограничении, даже, скорее, ее контроле, не допуская распространения враждебных церкви идеологических доктрин. Каноническая философия хозяйства требует государственной поддержки лишь своих учреждений, отчасти ограничивая права на самовыражение других общественных организаций. Однако требование о воспитании нравственности и благочестия, в том числе посредством распространения христианства, выступает существенным доводом в пользу этой хозяйственной философии. Нельзя забывать, что человеческий эгоизм, находящий проявление в совершенной конкуренции, породил монополии, которые в итоге тормозили экономический рост и ухудшали положение рабочего класса.

Итак, современная католическая философия хозяйства развивает идею общего блага, направленную на гармоничное развитие экономики. Она основывается на принципах субсидиарности и солидарности. В свою очередь производной от обоих принципов стала концепция профессионально-сословного строя. Ватикан никогда не предлагал правительству финансировать социальные проекты вроде пенсий на постоянной основе, возлагая эту задачу на различные негосударственные объединения.

В.А. СУПРУН

**Возвращение экономического наследия Маркса
как преодоление лжи в экономической теории,
политике и практике**

Экономизм, зарвавшийся и даже воинствующий, обусловил изменения во всей мировой экономической науке, которые правильнее было бы назвать поэтапной подменой классической теории (политической экономии) выхолащенным экономическим знанием. Основная причина этих процессов — сохранение статус-кво и защита интересов власть- и капиталистических. Действительно, экономика — служанка правящего класса, как неоднократно указывал австрийский экономист и мыслитель, лауреат Нобелевской премии (1974) Фридрих Хайек. И поэтому ученому «следует выбирать одно из двух — либо быть экономистом, либо консультантом на службе государства» [1].

Доминирование экономизма в науке привело к тому, что экономическая мысль, отражающая реальность и экономическое знание, дающее возможность управлять долгосрочными процессами, становится уделом избранных. Для массового же обывателя — псевдоэкономическое знание, отражающее лишь поверхностные видимые краткосрочные тенденции и разрозненные, выхваченные из системы куски теорий. Все экономические знания и информация, с которой сталкивается человек, начиная со школьного курса экономики и заканчивая «экономическими» новостями, формируют мозаичное сознание.

Процесс подмены достаточно продолжителен, он исторически равен периоду от момента появления «Капитала» К. Маркса и ответа неоклассической (как мы теперь называем), или неклассической (как правильнее было бы сказать), теории предельной полезности Э. Бём-Баверка.

Часто, особенно в вузовской науке, встречается мнение о необходимости плюрализма мнений и теоретических взглядов. Действительно, есть аспекты, которые теория предельной полезности открыла впервые. Например, указав на наличие предпочтений у потребителя, повернув экономическую мысль в междисциплинарное русло (на стык с социологией, психологией). Но проблемой маржинализма, ставшего основой современного курса экономика, так или иначе доминирующего в большинстве российских учебных заведений, является то, что он не применим на практике ни на макро-, ни даже на микроуровне.

В отличие от экономика классическая школа отражает реальность, показывая пути и механизмы развития капитализма. Заслуживает внимания новое прочтение К. Маркса Винсентом Барнеттом в

книге «Маркс», опубликованной в США в 2009 г. [2]. Автор указывает на неоднократные доказательства Марксом прогрессивности капиталистического типа хозяйствования. Марксова теория, по утверждению В. Барнетта, объясняет, почему капитализм не просто формация в ряду других, а *перманентная (транс)формация*. Капитализм *развивается* через революции — технические, политические, культурные. Маркс создал теорию, согласно которой капитализм — это надолго, а коммунизм — это мечта марксистов, отвечающая надеждам эксплуатируемого большинства и прогрессивной части буржуазии. Следовательно, классическая школа и Маркс как ее продолжатель дают основу для исследования долгосрочных тенденций.

Подмена экономической мысли мейнстримом неоднократно отмечалась нашими экономистами, но весь накопленный отрицательный эффект этих процессов разворачивается перед нами только сейчас, когда мы вошли в неизбежное течение очередного мирового экономического кризиса, спровоцированного спекулятивным капиталом и сменой технологий.

По мере того как поколение за поколением экономистов вырастает на экономиксе, экономизме, псевдоэкономическом знании — деградирует практика руководства. На сегодняшний день налицо катастрофа в российском экономическом управлении. И она началась с выхолащивания классической экономической теории из науки, образовательного процесса, экономической практики и политики в конце 1980 — начале 1990-х гг.

Выкинув из экономической мысли учение К. Маркса о прибавочной стоимости, прибыли, заработной плате, экономической эксплуатации, роли государственной власти в рыночной экономике, социальной дифференциации в современном обществе, мы к 2000-м гг. получили целую армию псевдоэкономистов, среди которых достаточно и чиновников. Результат — неадекватная, несбалансированная экономическая политика. И даже если предположить, что руководство страны искренне желает построить сильную независимую национальную экономику, обеспечив эффективный экономический рост, осуществить это им не удастся в силу неспособности увидеть реальные экономические тенденции. Генетическая память и здравый смысл подсказывают необходимость поднимать реальный сектор и опираться на его преимущественное развитие (об этом часто упоминает президент, а вслед за ним и другие руководители). Но, к сожалению, сам термин уже не наполнен экономическим смыслом — в экономическом обиходе утеряно политэкономическое понимание ведущей роли реального сектора, материального производства в производстве национального

общественного продукта. Это один из ключевых моментов теоретической слабости экономической политики (*утрача стержневого понятия*), которая как раз и приводит к тому, что правительство одновременно декларирует противоположные ориентиры. С одной стороны, принимаются программы инновационного развития России, а с другой — предлагаются «глобальные решения для российских городов» в виде ускоренного свертывания «избыточной» сети малых городов с сокращением их населения на 15—20 млн человек и переориентацией высвободившихся ресурсов на развитие городов-миллионников. Правительству же представлялось, что данное решение позволит повысить темпы экономического роста на «2—3 процентных пункта» [3]!

Поэтому в государственных программах так невыразительно, нечетко выглядит вся промышленная политика (это касается и «Стратегии 2020», подготовленной экспертным сообществом во главе с учеными Высшей школой экономики и Российской академией народного хозяйства и государственной службы, и макропрогноза — 2030 Минэкономразвития). Основные пункты именно этих документов повторяет «экономическая программа Путина» [4].

Подобная мозаичность и неадекватность экономической политики, а главное ложь, проникли из науки, образования в управление страной, что сформировало и соответствующую систему государственного управления. Видимые признаки этой системы: инвестиционная заброшенность реального сектора, упование на всеобъемлющую конкуренцию, которая все расставит на свои места, доминирование фиктивного капитала над реальным, попытки построить постиндустриальное общество, не развивая индустрию, только лишь за счет сферы услуг. Сформировавшаяся система способна лишь к саморазвитию и самовоспроизводству в своих границах и поэтому ее трудно преодолеть. Теоретические принципы экономизма, далекие от практики, но лежащие в основе управленческих подходов, обусловили две неотъемлемые характеристики сложившейся системы.

Во-первых, в экономическую практику прочно вошли двойные стандарты.

Так, например, система государственных контрактов, призванная вовлечь частный сектор, поддержать его в периоды кризисов, найти наиболее эффективного производителя работ и т. д., регулируется Федеральным законом № 94-ФЗ, который довольно часто подвергается критике. В основе этого закона лежит «священная корова» экономизма — конкуренция (точнее, прямая ценовая нерегулируемая конкуренция). Цивилизованные способы отсеивания и отбора недобросовестных контрагентов: предаукционная работа, контракты жизненного цикла — необязательны. К участию в одном аукционе допус-

каются аффилированные юридические лица, новые компании, не имеющие опыта работы и основных средств для выполнения работ. Причина упорного применения этого закона — идеологическое доминирование принципа «нерегулируемой конкуренции». Как результат — до 20% выделяемых средств уходят в коррупционную составляющую, еще большая доля утрачивается в результате бесхозяйственного использования [5]. На практике же дикая ценовая конкуренция все же регулируется чиновниками со стороны заказчика. Причин две: не только увеличение коррупционной ренты, но и выбор прогнозируемого подрядчика, продавца. Поэтому в подавляющем большинстве случаев бюджетные средства распределяются известным фирмам, а для осуществления крупных и ответственных проектов сначала ищется подрядчик, а затем он под себя готовит техническое задание, выходит на аукцион и, если повезет, становится его победителем. Отбор претендентов производится тайно, неофициально, и у заказчика, как правило, не бывает полной информации об эффективных производителях. А исключительно ценовая конкуренция убивает возможности развития реального сектора, заставляя его существовать при минимальной марже, на грани себестоимости.

Во-вторых, в результате многолетнего применения принципов экономизма в теории и на практике сформировалась система государственного управления по неписанным нормам («по понятиям»), которые дополняют, а порой заменяют закон, поскольку имеют большую силу в обычном праве.

Так, например, государство позволяет бизнесу не доплачивать налоги, через фиктивное увеличение затрат, обналичивание и вывод капиталов за рубеж. Эти механизмы действуют практически открыто, прекрасно отслеживаются со стороны государства, борьба с ними носит декларативный характер. Государство также открыто позволяет бизнесу снижать свои производственные издержки, используя рабочую силу, не защищенную КЗОТ, нелегальных работников из стран СНГ и дальнего зарубежья. При этом, игнорируя нормальные механизмы сбора налогов, свои недостатки государство покрывает за счет штрафов и сборов. И в этом аспекте сложилась фактически плановая экономика. Поскольку, с одной стороны, в отношении большинства штрафов законодательно закреплены необходимость их сначала оплатить, а затем возможность оспаривать, а с другой стороны, в прецедентном праве сложилась практика главенства мнения фискальной стороны. Итак, бизнес, развращаясь безнаказанностью, имеет возможность радикально снижать издержки, а государство получает четкий прогнозируемый инструмент для изъятия финансовых средств.

Для преодоления сложившейся ситуации губительность принципов экономизма должна быть, как минимум, осознана. Поэтому, первоочередным действием представляется необходимость возвращения в образовательный процесс системного экономического знания, которое только и способно преодолеть мозаичность сознания в области экономики. В курс экономической теории (на уровне стандарта) необходимо вернуть утраченные понятия — систему экономических интересов, производство прибавочного продукта, общественное воспроизводство, экономические законы, распределение, социальное неравенство и т. д.

Лишь в этом случае у нас появляется шанс окончательно не растерять тонкую прослойку образованных, думающих экономистов. В противном случае не останется ни экономически грамотных чиновников, ни менеджеров, ни рабочих. Но что еще опаснее — в условиях доминирования экономизма неизбежен возврат марксизма, но не как буржуазной политэкономии, дающей инструментарий для грамотного управления и опережающего развития, а как революционной теории левого класса. К каким последствиям это может привести в экономически и политически неразвитой стране мы, к сожалению, уже знаем...

Литература

1. *Хайек Ф.* Интервью для журнала Policy Report (1983) // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/hayek/11.php.
2. *Barnett V.* Marx (Routledge Historical Biographies), 2009 // http://www.arhivknig-ugal.ru/st168053_marx_routledge_historical_biographies.
3. Тезисы выступления министра Э.С. Набиуллиной на пленарном заседании Московского урбанистического форума, г. Москва, 8 декабря 2011 г. // http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20111208_004.
4. *Кувшинова О.* Снова перестройка // Ведомости. 2012. 13 дек.
5. Интервью генерального директора НАИЗ (Национальной ассоциации институтов закупок) Сергея Габестро // Эксперт ТВ. 2012. 5 окт.

Т.С. ЧЕРНИКОВ

Развитие классической традиции: неоклассика и неинституционализм

В последние десятилетия в России растет интерес к неинституциональной теории. Это связано с попытками преодолеть ограни-

ченность ряда предпосылок, характерных для экономики, в том числе аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, и комплексно, всесторонне рассмотреть современные экономические процессы.

Глобальный финансово-экономический кризис повлек за собой фундаментальные трансформации, в результате которых мировая политика становится более непредсказуемой, более неопределенной и более опасной. Вместе с тем остается широкое поле для исследований непосредственно экономических и институциональных аспектов социализации хозяйственного развития в условиях рецессии и в процессе ее преодоления. Данное обстоятельство диктует социальной, в том числе экономической, науке необходимость безотлагательно осмыслить причины кризиса.

В интерпретации современной науки кризис — это объективное явление в жизни любого организма; причины кризисов многообразны. С одной стороны, кризисы являются следствием внешнего воздействия на социальный организм (природные катаклизмы, войны), с другой — кризисы порождаются внутренней динамикой развития самого социального организма. Великие депрессии 1929—1933 гг. и 2007—2009 гг. были обусловлены внутренними, но разными причинами. Первая была вызвана кризисом в сфере реального производства, вторая стала следствием краха финансовой системы, начавшей функционировать в русле спекулятивного воспроизводства, когда деньги начали делать деньги в отрыве от реальной экономики.

Главная особенность современного кризиса заключается в понимании социально-экономических процессов. Кризис как раз и предопределил необходимость пересмотра важнейших научных положений и догм в области модернистской экономической теории. Причем тотальному переосмыслению подлежит господствовавшая на протяжении последних лет неоклассическая экономическая теория.

Существует несколько причин, по которым неоклассическая теория (начала 1960-х гг.) перестала отвечать требованиям, предъявляемым к ней экономистами, которые пытались осмыслить реально происходящие события в современной экономической практике [1, 7]:

- неоклассическая теория базируется на нереалистичных предпосылках и ограничениях и, следовательно, использует модели, не адекватные экономической практике;

- неоклассическая наука расширяет круг феноменов (например, таких как идеология, право, нормы поведения, семья), которые успешно могут анализироваться с точки зрения экономической науки;

- в рамках неоклассики практически нет теорий, объясняющих динамические изменения в экономике, важность изучения которых

стала актуальной на фоне исторических событий XX в., (до 1980-х гг. эта проблема рассматривалась в основном с точки зрения марксистской политической экономии).

Российская экономическая наука в поиске концепции, способной заменить ортодоксальный марксизм, с одной стороны, и приблизить нас к пониманию трансформационных процессов на основе современных достижений теории хозяйства — с другой, пришла к институционализму, который в определенном смысле является альтернативой неоклассическому направлению экономической теории. Если неоклассики исходят из смитианского тезиса о совершенстве рыночного хозяйственного механизма и саморегулируемости экономики и придерживаются «чистой экономической науки», то институционалисты движущей силой экономики, наряду с материальными факторами, считают также духовные, моральные, правовые и др., рассматриваемые в историческом контексте. Другими словами, институционализм в качестве анализа выдвигает как экономические, так и неэкономические проблемы социально-экономического развития.

Главными отличиями институционального направления экономической теории от «классического» являются:

- замена классического принципа рациональности на принцип удовлетворительности, в соответствии с которым экономический субъект выбирает не оптимальное поведение, а первое более или менее для него приемлемое;
- неприятие идеи «полной занятости» населения; с точки зрения институционализма в любой, даже наиболее развитой экономике, всегда есть зародыш кризиса и, следовательно, признаки циклической безработицы;
- отрицание абсолютного утилитаризма в действиях экономических субъектов, аргументируют данную гипотезу развитием в индустриально развитых странах благотворительности, гуманитарной помощи, меценатства и т. п.;
- признание огромного влияния на поведение экономических субъектов искусства, морали, философии и т. п., что было абстрагировано в понятии «социальный институт» (термин «социальный институт» ввел Торстейн Веблен).

Сущность социального института заключается не в системе социальных норм, определяющих деятельность людей в отдельных сферах общественной жизни, а в самой деятельности, направленной на удовлетворение жизненных потребностей общества.

Институционализм включает в себя такие социальные, политические и экономические явления, как государство, семья, частная собственность, корпорация, система денежного обращения и др.

Несмотря на довольно значительную историю развития институциональной экономической теории, и сегодня проблемой остается определение ее исходной и центральной категории. Естественно, одной из наиболее часто исследуемых и тем не менее недостаточно глубоко разработанных проблем институциональной теории являются категориальное осмысление в хозяйственной системе феномена «институт» и научное определение понятия «институт», органично сочетающему методологические подходы к индивиду и его созидательной возможности преобразования общества через развитие коллективных образований — институтов.

Институты — совокупность формальных или неформальных правил, создаваемых людьми, а также механизмов, обеспечивающих соблюдение данных правил, как известно, имеют двойственную природу. С одной стороны, они создаются людьми, которые «сами делают свою историю», т. е. институты являются артефактами, следствиями человеческого поведения. С другой — в институтах выражаются стихийно найденные в результате социальной деятельности формы самоорганизации социума в условиях конкретной внешней среды.

Подходы к анализу категории института, предлагаемые отечественными экономистами, подтверждают восприятие позиции, господствующей в западной науке и сформулированной в работах Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона и др. Такой подход свидетельствует как о преэминентности, так и недостаточно критическом восприятии и заимствовании понятия, не отражающего в должной мере сущности явления [2, 353].

Современное институциональное направление еще не сформировалось окончательно. В настоящее время особое место среди течений современного институционализма занимает новая институциональная экономическая теория (НИЭТ), которая сформировалась в 1980—1990 гг. Особенности новой институциональной экономической теории выражаются в том, что в соответствии с ней институты имеют значение с точки зрения как эффективности размещения ресурсов, экономического развития, так и распределения ограниченных ресурсов (богатства) между принимающими решения экономическими агентами. Представляется необходимым сосредоточить внимание на категориальном определении хозяйственного института и всей системы категорий научного отражения институциональных отношений хозяйства. Последователи НИЭТ, декларируя как цель создание новой теории институтов, наиболее радикально противопоставляют себя мейнстриму экономикса в методологическом и теоретическом контекстах. Присутствие новаторского духа в институциональных разработках современных отечественных исследователей, а также стремле-

ние принести реальную пользу в развитии этого направления экономической науки и практики неоспоримы.

В мировой науке также идет процесс формирования новой институциональной экономической теории, пытающейся синтезировать, но не суммировать лучшие достижения различных направлений мировой экономической мысли. Понимая разность методологических, уровневых подходов, их масштабность, существенное место в этом процессе принадлежит развитию институциональной составляющей экономической теории. Без синтеза многих определений изучаемых явлений не будет сформировано ее непрерывное категориальное поле.

Сформировать конструктивный образ, сформулировать модель будущего общества можно с учетом как общемировых тенденций, так и национальных традиций, духовности, культуры, социальных ценностей, а также уровня общественного развития той или иной страны.

В связи с этим возникает проблема целостности новой институциональной экономической теории, решение которой позволило бы человечеству развиваться не путем проб и ошибок, а на основе научно-обоснованной, социально-экономической политики, где мерой всего будет человек с его реальными потребностями.

Литература

1. Силин В.В., Улицкая Н.М. Институциональная экономика. М., 2012.

2. Иншаков О.В. Современный экономический институционализм // Экономическая теория на пороге XXI века — 6: В 2 кн. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2 Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. М., 2002.

А.Д. ЗАРЕЦКИЙ

Философские основания муниципального менеджмента

Для философских рассуждений о муниципальном менеджменте нам необходимо понять саму природу термина *менеджмент*. Этот термин имеет английское происхождение (*maneggiare*), но уже в американском его понимании с XVII в., и подразумевает управление чем-то, например, лошадьми с помощью рук. Принято считать, что научный менеджмент появился в США в 1886 г. Любая организация создается для получения каких-либо результатов экономического, социального или психологического характера. Основные потребности людей

(физиологические, экзистенциальные, эгоистические) удовлетворяются с помощью экономических инструментов. И имеют соответственно экономический результат в виде сформированного человеческого капитала в обществе, который позволяет каждому индивиду иметь соответствующее развитие (профессиональное, интеллектуальное, эпистемологическое) и затем создавать нужные товары и услуги. Человек с рождения имеет естественные свойства к труду, отмечал Дж. Локк [1]. На этом основании можно считать, что человеческая жизнь создается для экономической деятельности. Социальные и психологические инструменты формируют при этом соответствующую среду для получения экономических результатов жизнедеятельности людей.

В связи с этим менеджмент является инструментом управления экономическими организациями, т. е. он необходим для того, чтобы организовать определенные группы людей для их совместной деятельности по эффективному использованию своего природного стремления к трудовой деятельности. Но люди хотят не просто работать, а получать постоянно какой-либо значимый результат от труда (бизнес-эффект), а поэтому можно сказать, что менеджмент — это форма управления бизнесом, т. е. является бизнес-менеджментом. Главное отличие управления от менеджмента в том, что менеджмент — форма обеспечения взаимодействия людей друг с другом, т. е. субъектно-субъектное восприятие одних людей другими. При этом мы должны принять во внимание мнение еще одного известного в мире англичанина — Т. Гоббса, который, отмечая человеческую природу, написал: «...естественным состоянием людей, прежде чем они соединились в общество, была война, и не просто война, а война всех против всех... она непрекращаема по своей природе» [2, 31]. Каждый человек эгоистичен по своей природе, думает постоянно об удовлетворении своих потребностей и амбиций, а поэтому, по Т. Гоббсу, всегда находится в перманентном конфликте с другими людьми по поводу удовлетворения своих желаний. Создание и эффективное применение различных способов преодоления таких конфликтов в обществе (трудовом коллективе) — это и есть главное назначение менеджмента.

Более чем 130-летняя практика использования различных форм и методов менеджмента, в наиболее развитых странах мира, показала, что это наиболее действенный инструмент относительно согласованных действий людей при удовлетворении желаний каждого человека. Объединять большое количество людей для совместной жизнедеятельности непросто было всегда, а после того, как в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята Всеобщая Декларация прав

человека, провозгласившая всеобщее равенство прав каждого гражданина, это особенно непросто.

Дело в том, что все люди стремятся обладать разными ценностями. И в экономическом образе мышления богатство — обладание чем-то ценным. Поэтому экономический рост состоит не в увеличении производства вещей, а в увеличении богатства [3]. Богатство — это то, что люди ценят. Нет прямой связи между ростом богатства и увеличением объема, веса или количества материальных предметов. Поэтому отождествление богатства с материальными предметами следует отвергнуть в принципе. Материальное богатство ценилось в эпоху меркантилизма в XV—XVII вв., тогда и появились первые научные подходы к экономике. Затем, с середины XVIII в., началась промышленная революция и далее — период индустриализации человечества, который принес новое понимание ценностей. Появившиеся машины, техника, технологии усилили интеллектуальную мощь человека, что и привело к появлению в людском сообществе такого понимания ценностей, как значимость и статус каждого человека. «Жажда признания есть самая фундаментальная человеческая потребность», — отмечает Ф. Фукуяма [4, 443].

В начале 1960-х гг. американскими экономистами, лауреатами Нобелевской премии по экономике Т. Шульцем и Г. Беккером, обоснована новая ценностная категория в обществе, которая получила название: *человеческий капитал*. Стало престижным у людей обладать высоким уровнем человеческого капитала (включающим в себя индекс IQ — интеллектуальный уровень), который стал определять положение человека в обществе, его образованность и профессионализм. По имеющимся данным, уровень богатства в США около 80% составляет человеческий капитал [5, 85—100]. Особенность человеческого капитала в том, что он принадлежит конкретному человеку и передать его другому нельзя, так как он создается индивидуально под влиянием того социального окружения, в котором проходит его жизнедеятельность. При этом составной частью человеческого капитала является капитал здоровья, который также носит характер индивидуальной собственности и передать его даже по наследству не представляется возможным. Как известно, базовый уровень здоровья — психологическое здоровье человека, которое формируется его окружением и возможностью получения необходимого статуса. В современных развитых странах, особенно в США, в XX в. удалось создать небывалое экономическое достижение: сформировать ценность для людей в виде стремления получить каждому человеку качественный человеческий капитал (высокий уровень образования, профессионализм, ценность труда как объективная необходимость). Ценности

субъективны, и в рыночной экономике человек пребывает постоянно в системе ценностей — они регулируют его желания и мотивы. Но общество приветствует только ценности соответствующие закону.

Теоретик менеджмента XX в. П. Друкер отмечает, что «...менеджмент — это менеджмент бизнеса» [6, 98—99], т. е. любой менеджмент, его философия, направлены на поиск прибыли. Да, без прибыли ни одна бизнес-структура функционировать не сможет. К сожалению, в работах Друкера не встречается исследования ценностного концепта как одной из главных целей менеджмента. Он достаточно много внимания в своих исследованиях уделил проблеме менеджмента как искусству, называя сферу функционирования менеджмента — «свободное искусство», т. е. как достаточно свободный выбор средств и инструментов взаимодействия менеджеров и работников. Но менеджмент как форму развития человека Друкер не рассматривает. Вместе с тем представляется, что в современных условиях этому аспекту деятельности менеджмента должно уделяться больше внимания. Человеческое развитие — предметная область исследования менеджмента предприятия, муниципального образования, региона и страны в целом, т. е. менеджмент организаций. Весь экономический инструментарий менеджмента необходимо рассматривать в аспекте его использования для развития отдельного человека и социальной группы.

После распада СССР в 1991 г. и перехода России к рыночным экономическим отношениям в отечественном обществе начался процесс формирования новой системы ценностей, который, конечно, пока пребывает в начальной стадии. Хотя Конституция РФ в ст. 2 провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, но в стране пока не создан сам институт такого социального «ценообразования»: на каждом шагу властными органами всех уровней нарушаются элементарные права граждан, одни граждане нарушают права других (начиная с того, что граждане — водители транспортных средств не пропускают на пешеходных переходах граждан-пешеходов), в российском обществе продолжаются дискуссии по поводу самого понятия «право гражданина, личности, человека». Очевидно, что именно менеджмент всех уровней должен быть застрельщиком в соблюдении прав граждан (работников), так как научить отечественное общество цивилизованным формам общежития можно только на основе менеджерского искусства взаимодействия людей друг с другом.

Итак, мы установили, что в основе философии менеджмента лежит ценностный аспект. Только учет ценностных мотиваций персонала может принести успех всей организации. Менеджмент — это

взаимодействие людей на основе учета ценностей. Если подавлять ценностные устремления каждого человека, то высокого результата в достижении целей организации ожидать не приходится. Например, В. Канке отмечает, что «в теории принятия решений редко используется термин “ценность”. Как правило, он заменяется термином “критерий принятия решений”» [7, 49]. Но верное принятие решений — это и есть учет субъективных ценностей в коллективе.

В этом контексте является характерным пример поведения менеджмента в США 1990-х гг. в фирме «Молден милз». А. Фейерстайн, владелец этой фирмы, попал в сложное положение после того, как ночной пожар уничтожил большую часть его предприятия. Фабрика была застрахована на 300 млн дол., но страховая компания не захотела выплачивать страховку до выяснения причин пожара. Фейерстайн не захотел закрывать предприятие, терять опытных работников, мотивированных на высокопроизводительный труд. Он взял кредиты на сумму в 100 млн дол., добавил деньги из собственных сбережений и немедленно приступил к восстановительным работам. Когда истекли первые 30 дней, он гарантировал работникам заработную плату еще на 30 дней, независимо от того будут ли они работать по своей специальности. С помощью этих денег и труда работников за три месяца предприятие было восстановлено и начало выпускать продукцию почти в полном объеме. По истечении трех месяцев после пожара страховая компания выплатила страховку, которая помогла закупить новое оборудование, выплачивать заработную плату работникам. Самое главное: менеджмент предприятия сохранил ценностный потенциал работников, что и позволило сохранить производство [8, 226—227]. Итак, учет ценностных мотиваций — кредо менеджмента организации.

В новейшей истории России, в 1993 г., принята Конституция РФ, где впервые для страны введено понятие «местное самоуправление», которое обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Безусловно, отсутствие необходимого опыта местного самоуправления в стране, одновременно с переходом к новым либерально-демократическим формам отношений в обществе, создало большие сложности для всей системы организации менеджмента в муниципальных образованиях.

Только через десять лет после принятия Конституции РФ в 2003 г. был принят полноценный Федеральный закон РФ об организации местного самоуправления, который ввел в оборот термин «муниципальное образование — городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения» [9]. Хотя в этом законе нет термина

«муниципальный менеджмент», но сам характер взаимоотношений руководителей муниципальных образований с населением в условиях рыночной экономики обуславливает необходимость его применения. Муниципальное образование можно рассматривать как организацию, которая предназначена для решения экономических и социальных проблем на определенной территории, т. е. для удовлетворения потребностей населения за счет эффективного использования муниципальной территории [10]. Дело в том, что у населения муниципальных образований появились предпосылки для формирования новых ценностных мотиваций либерально-демократического характера:

- наличие частной собственности на средства производства и имущество;
- возможность удовлетворения своих личных эгоистических устремлений в выборе нужной профессии, получении образования, создания своего собственного дела;
- приобретение необходимого статуса в обществе через собственные усилия и предпринимательские устремления.

Эти рыночные ценности нуждаются в соответствующем развитии и реализации, что возможно только в условиях использования соответствующего менеджерского искусства со стороны администрации муниципальных образований. Безусловно, муниципальный менеджмент имеет свои особенности в деятельности, которые отличаются, например, от менеджмента предприятий и организаций. Это отличие заключается в следующем:

- наличии большей неопределенности и непредсказуемости в поведении и поступках граждан;
- круглосуточном характере деятельности (большая вероятность различных чрезвычайных ситуаций в муниципальном образовании: преступления, аварии, пожары и др. в ночное время);
- участии во взаимоотношениях граждан всех возрастов и различных социальных групп;
- решении различных бытовых, социальных, производственных, хозяйственных проблем граждан, которые пребывают в домохозяйствах, предпринимательских структурах, бюджетных организациях и учреждениях;
- рыночном характере жизни муниципального образования.

Конечно, для нашего анализа о муниципальном менеджменте необходимо определить понятие: «город». Существует достаточно большое количество исследований по этой проблеме. Представляется, что наиболее предпочтительным в этом контексте является подход М. Вебера, где он приводит количественную оценку этому понятию и

отмечает, что «...город — это большое поселение» [11, 309], где из-за большого количества населения в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство людей друг с другом. Кроме того, он также отмечает, что «с чисто экономической точки зрения город может быть определен как поселение, жители которого занимаются в преобладающей своей части не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей» [11, 309]. По его мнению, необходимым признаком города нужно считать «рынок», т. е. наличие регулярного товарообмена в нем как существенной составной части дохода и удовлетворения потребностей населения. И в этом смысле, по М. Веберу, каждый город есть «рыночное поселение», т. е. имеет место в качестве экономического центра поселения местный рынок, где горожане удовлетворяют свои хозяйственные потребности. В современных условиях жизни города, где рыночный обмен товарами и услугами составляет сущностную основу всей философии жизнедеятельности и осуществляется не только непосредственно на местном рынке, но и в различных формах и видах, то *значимость муниципального менеджмента* проявляется в создании условий для функционирования рыночных отношений среди населения.

Муниципальное образование также должно развивать человека. М. Вебер этому аспекту проблемы также не уделяет внимания. Вообще развитие человека представляет собой включение в число человеческих свобод права населения муниципалитета на долгую, здоровую и творческую жизнь, на осуществление различных других целей, которые, по мнению каждого человека, обладают ценностью; на активное участие в обеспечении справедливости и устойчивости развития города (поселения), региона, страны и планеты в целом. Люди, проживающие в муниципальном образовании, как каждый человек индивидуально, так и в группах, одновременно являются и бенефициариями, и движущей силой развития. Программа Развития ООН с 1990 г. проводит оценку индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), который объединяет информацию об ожидаемой продолжительности жизни, уровне образования и доходах в простой сводный показатель для разных стран. Например, по имеющимся данным, с 1990 г. среднемировой ИРЧП вырос на 18% (и на 41% в период после 1970 г.), что отражает значительное общее улучшение показателей продолжительности жизни, охвата школьным образованием, грамотности и доходов [12].

ПРООН отмечает, что почти все страны получили выгоды от этого прогресса. Из 135 государств, где проживает 92% мирового населения, только три — Демократическая Республика Конго, Замбия и Зимбабве — имеют сегодня более низкий ИРЧП, чем в 1970 г. [12,

3]. В целом, анализ ПРООН показывает, что бедные страны догоняют по ИРЧП богатые страны.

С 2011 г. ПРООН объявлен новый этап в развитии человека. Отмечается, что хотя денежные доходы имеют важное значение в жизни людей, но еще важнее именно человеческое развитие. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев в огромном массиве теоретической и практической литературы экономический рост приравнивается к развитию. Все эти сложившиеся модели, как правило, исходят из того, что люди озабочены только потреблением, и эмпирические приложения к этим моделям сфокусированы почти исключительно на воздействии политических стратегий и институтов на экономический рост. В отличие от этого подхода, новая концепция ПРООН предполагает, что благополучие людей не сводится только к деньгам, ибо они должны также иметь возможности для реализации своих жизненных планов, которые каждый человек разрабатывает для себя и желает их осуществить. Поэтому ПРООН призывает к созданию новой экономической концепции — экономики развития человека, задачей которой является содействие дальнейшему росту благосостояния людей, в рамках которой рост и другие политические действия оцениваются и энергично реализуются в той мере, в какой они продвигают развитие человека в краткосрочном и долгосрочном периодах. Для современной России основное кредо муниципального менеджмента, очевидно, должно быть в русле трактата М.В. Ломоносова о сбережении народа, где он предлагал разные подходы для сохранения населения страны: улучшение здравоохранения, повышение качества жилищных условий и др.

Представляется, что для отечественного муниципального менеджмента подход ПРООН по развитию человека предполагает совершенно другой, нетрадиционный подход в организации деятельности. Цель муниципального менеджмента при этом — понять модели развития человека и способы, при помощи которых общество позволяет и помогает людям вести тот образ жизни, который обладает для них ценностью. Для менеджмента это является лучшим способом мышления о человеческой природе и прогрессе. Развитие человека является процессом расширения порядка выбора. При этом наиболее важные элементы выбора — жить долгой и здоровой жизнью в своем городе или поселении, получить необходимое образование и пользоваться достойным современным человека жизненным уровнем. Кроме того, дополнительные элементы выбора включают в себя относительную политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение, т. е., то, что А. Смит называл способностью общаться с

другими «и появляться на людях, не испытывая чувства стыда» [13, 161].

Анализ литературных источников показывает, что многие авторы начинают уделять внимание проблеме повышения эффективности муниципального менеджмента. В частности, некоторые авторы считают, что муниципальный менеджмент связан с появлением специфического управленческого труда, нацеленного на удовлетворение потребностей территориальных сообществ. На этой основе разрабатываются принципы муниципального менеджмента. Авторский взгляд на проблему показывает, что в основе принципов муниципального менеджмента должен быть ценностный аспект, где доминируют следующие направления:

- *системность* в изучении потребностей населения;
- *научность* в поиске особенностей субъективных ценностей граждан конкретного муниципального образования;
- *целесообразность* в решении вопросов социально-гуманитарного характера;
- *рациональность* при распределении имеющихся ресурсов;
- *адекватность* в оценке складывающейся социально-экономической ситуации в муниципальном образовании.

Итак, можно определить принципиальные направления деятельности муниципального менеджмента: формирование в муниципальном образовании социально-гуманитарной атмосферы доброжелательности, дружественных экономических отношений между гражданами; поиск путей защиты субъективных ценностей каждого гражданина, которые соответствуют федеральному, региональному и муниципальному законодательствам; создание условий в муниципальном обществе, способствующих накоплению в нем индивидуального человеческого капитала, сохранения здоровья каждым гражданином (эмоционально-психологического и физического); решение проблем по обустройству территории муниципального образования, дорог и всей жилищно-коммунальной инфраструктуры в нем; вовлечение граждан в систему здорового образа жизни, политической и социальной активности; разработка и осуществление мероприятий по созданию в муниципальном образовании «экономики знаний» и «экономики развития».

Таким образом, в современном муниципальном мире очевидна необходимость активного создания института муниципального менеджмента, который может способствовать внедрению рыночных элементов в организацию жизнедеятельности муниципальных образований, поддержанию при этом ценностных концептов у населения, развитию человека для долгой и счастливой жизни. Институт муниципального менеджмента формируется эволюционно, постепенно, так как революционный подход здесь неприменим в силу того, что для

этого необходим соответствующий культурологический фон. Более чем двадцатилетняя история современной России позволяет сделать вывод, что необходимые культурологические предпосылки для этого в ней созданы.

Литература

1. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении. Русский гуманитарный интернет-университет: Библиотека учебной и научной литературы. 2008 // www.i-gu.
2. *Гоббс Т.* Философские основания учения о гражданине. Мн.; М., 2001.
3. *Хейне П., Боутке П., Причитко Д.* Экономический образ мышления, М., 2005.
4. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2007.
5. *Вереникин А.О.* Человеческий капитал: концептуальные основания и особенности проявления // США — Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 3.
6. *Друкер П.Ф.* Энциклопедия менеджмента. М., 2006.
7. *Канке В.А.* Философия менеджмента: учебник. М., 2010.
8. *Де Джордж Р.Т.* Настольная книга бизнесмена: Деловая этика. М., 2004.
9. Федеральный закон РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ.
10. *Важенин С.Г., Берсенева В.Л., Важенина И.С., Татаркин А.И.* Территориальная конкуренция в экономическом пространстве. Екатеринбург, 2011.
11. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
12. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. М., 2010.
13. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.

С.С. НИПА

Задачи реализации потенциала развития хозяйства в постреформенной фазе на примере лесной отрасли

Циклическая смена фаз развития, стагнации, упадка, возрождения и реформации в жизни социума — явление неизбежное, но при этом осознаваемое, предсказуемое и в некоторой мере управляемое. Целью исследования исторических циклов изменения целостных со-

циально-экономических систем масштаба нации и более крупных всегда являлось определение первопричин, сущностных взаимосвязей, ключевых факторов внутрисистемного происхождения. В наиболее логически выверенных теориях динамика изменения системообразующих факторов принимается исходной, причинной в отношении ограниченной динамики отдельных частей системы: элементов и подсистем. В частности, правомерно рассматривать динамику отдельных отраслей производства в рамках национального хозяйства как зависимую и сильно обусловленную факторами непроизводственного происхождения. Лесная отрасль в данном отношении не является исключением. Следует отметить, что в сравнении с большинством отраслей промышленного производства лесная отрасль характеризуется чрезвычайной обширностью, многоплановостью и трудноразрешимостью проблем управления.

Ретроспективный анализ обращения российского государства со своим национальным достоянием — лесным богатством — выявляет ряд тенденций с периодами явного усиления и ослабления:

- истощение (количественное и качественное) лесного фонда в целом;
- эволюция от управляемого лесопользования к лесопромышленности;
- изменение производственного назначения лесных ресурсов;
- изменение ценностной оценки.

Активность государственной власти по упорядочению лесопользования по времени совпадает с периодами ее укрепления в мере, достаточной для осуществления целенаправленного наращивания военной, технической, экономической мощи. Данные периоды условно могут быть обозначены как «постреформенные», если под реформами понимать успешную реорганизацию и закрепление власти. В данном расширительном применении «постреформизм» — наиболее благоприятный период для наведения порядка и модернизации отраслевых подсистем.

Значение леса в природе и жизни человека неоспоримо и многогранно. Обычно выделяют три основных направления — экологическое (сохранение биологического разнообразия и средообразующие функции леса), экономическое (комплексное использование лесной продукции) и социальное (рекреация, туризм, спорт и др.). О планетарном значении лесов говорит то, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций объявила 2011 г. Международным годом лесов с целью привлечения внимания к взаимосвязи между человеком и лесами, пропаганды устойчивого лесопользования, охраны и развития всех типов лесов.

Российские земли издавна характеризовались высокой лесистостью. Древесная и недревесная лесная продукция была в числе ключевых в структуре потребления. Древесина, пушнина имели значительную долю в торговом обороте. Леса широко использовались для промысловой охоты, рыболовства и пчеловодства. Вместе с тем для всевозрастающего населения необходимы были площади под пашни и пастбища, для этого вырубались и выжигались значительные лесные территории.

Первой отграниченной лесной площадью, на которой действовали законы (оборонные, не согласованные с природой леса), была засечная черта Московского государства (XV—XVII вв.). Приграничные леса служили естественной преградой на путях вторжения возможных завоевателей. В конце XV в. отмечено некоторое ограничение в вырубке лесов в монастырских владениях. Иван III в 1485 г. запретил свободную рубку леса на землях Троицко-Сергиевского монастыря, а в 1556 г. Иван Грозный выдал такую же грамоту на мурманские леса Печенгскому монастырю.

Впервые учет лесных ресурсов и государственное регулирование пользования лесом были введены Петром I. Первыми шагами стали создание защитных лесных зон вдоль рек, запрещение рубки наиболее ценных корабельных пород деревьев, а также описание заповедных лесов. Петром I были созданы лесная стража и специальная государственная служба, состоящая из вальдмейстеров и обервальдмейстеров. Указом «Инструкция обер-вальдмейстеру» — сводом всех законов о лесе, изданном в 1723 г., — Петр фактически положил начало применению идеи непрерывного и неистощительного лесопользования в России. Согласно указу, используемые в промышленных целях леса делились на 25—30 лесосек, и в течение года можно было вырубать только одну лесосеку.

После Петра I лесное дело дальнейшего развития не получило. При царствовании Екатерины II, в связи с ростом населения и интенсивным хозяйственным освоением, возросли масштабы нерегулируемого и неконтролируемого государством лесопользования, что привело к значительному снижению лесистости центральных губерний. В связи с этим следующим этапом формирования лесной политики стало создание при Павле I в 1798 г. «Лесного департамента», а в 1802 г. был высочайше утвержден «Лесной Устав». 19 июня 1826 г. по Высочайшему утверждению созданы положения «О новом устройстве лесной части». Следующей вехой в упорядочении лесопользования стало введение Указом императора Николая I должности губернских лесничих, которые руководили лесными отношениями. С этого периода и начинается собственно управляемое лесное хозяйство. Образуются

лесничества — ограниченные площади леса, на которых можно осуществлять планомерную, систематическую деятельность, каковую отныне преемственно проводит лесничий, основные принципы действий которого: научность, хозяйственность, учетность, практичность. Возникает необходимость в особом хозяйственном расчете — плане, т. е. лесоустройстве [1].

После земельной реформы 1861 г. опять обнаруживает себя тенденция хищнического истребления лесов, обусловленная ростом производительных сил, изменением производственных отношений и, что закономерно, несоответствием системы сложившейся системы управления лесопользованием новым условиям. Постреформенным ответом на ставшую раздражающей для власти ситуацию стало издание в 1888 г. «Высочайше утвержденного» императором Александром III «Положения о сбережении лесов», где особое внимание уделялось лесовосстановительным мерам и разведению лесов. Еще до этого издания, в 1860-е гг., начинает формироваться лесоводственная подготовка лесных чинов. Но, несмотря на все усилия со стороны правительства, леса продолжали вырубаться. Ни лесной департамент в центре, ни лесоохранительные комитеты в губерниях не смогли преодолеть общую тенденцию деградации и сводки лесов, особенно в густонаселенных регионах с высокой долей частных лесов. Причины были многочисленны: неустроенность лесов, а соответственно и неопределенность границ между казенными и частными лесами; укоренившиеся привычки населения относиться к казенным лесам как к общинной собственности; нерадивое отношение к этой собственности; «малочисленность лесных чинов, а также недостаточная благонадежность лесной стражи», которая при недостатке транспортных и иных средств, а также большой разбросанности закрепленных за нею лесов, не обеспечивала «способы к охранению их от самовольных порубок» [2].

Следует отметить, что на общем фоне незначительного лесопользования и «недоделанности» управленческих нововведений в России были лесовладельцы, использовавшие их на благо страны. Так, Ф.Х. Майер, создал лес в лесничестве Моховое (Орловская область). Помещик В.П. Скаржинский первым начал степное лесоразведение и оставил после себя около 660 га леса среди степей. Лесничий В.Е. Графф, возглавлявший 23 года (1843—1866) Великоанадольское образцовое степное лесничество, создал 270 га лесных насаждений в южной степи.

Постреформенные периоды характеризуются также интенсивным развитием лесоведческих научных изысканий, обеспечиваемым благодаря помощи и поощрению государства.

В связи с реформами Петра I проявился и интерес к изучению лесов. Большой вклад в развитие отечественного лесного дела внесли российские лесоводы, почвоведы, ботаники. Первыми отечественным и деятелями по лесной части являются современники и последователи Петра I: И.Т. Посошков, В.Н. Татищев, С.П. Крашенинников, М.В. Ломоносов. Ломоносова можно считать основоположником науки о лесе, его главные мысли — беречь лес, исследовать «всечасно», рачительно использовать на благо народа, оставаться лесной державой — особенно созвучны нашему времени. Большой вклад в лесную науку внесли Ф.Г. Фокель, А.Т. Болотов. К следующему постреформенному (после реформы 1861 г.) поколению относятся такие видные ученые, как Ф.К. Арнольд, А.Ф. Рудзкий, В.В. Докучаев, Г.Ф. Морозов, М.М. Орлов, В.Н. Сукачев и др. [3]. Русские лесоводы внесли большой вклад в изучение природы лесов, взаимосвязей и взаимовлияний леса, почвы, климата, разработали способы и методы лесовосстановления, первыми доказали возможность разведения леса в степях. Большое внимание уделялось охране и защите лесов, лесоуправлению.

Особо следует отметить, что, понимая сложность и масштабность задач рачительного содержания лесного фонда такой страны, как Россия, ученые-лесоводы выступали за преобладание государственной собственности на леса, за вмешательство государства в хозяйство частных владельцев лесов. Особенно на этом настаивали профессор А.Ф. Рудзкий, Г.Ф. Морозов, М.М. Орлов.

Основы устойчивого лесопользования были разработаны еще в начале XX в. русскими лесоводами. Одним из первых цельное учение о лесе как сложном организме, между частями которого имеется внутренняя и закономерная связь, разработал русский лесовод Г.Ф. Морозов (1867—1920). Он показал взаимосвязь форм леса с природной средой — климатом, почвой, животным миром. С одной стороны, лес как живой устойчивый организм имеет способность к самовосстановлению, с другой же стороны, «всякое вторжение в лес, даже самое рациональное, всегда будет нарушением того подвижного равновесия, которым характеризуется природа вообще и природа леса в частности. Это нарушение равновесия в лесу отражается прежде всего на ослаблении биологической устойчивости объектов насаждений». На открытии Всероссийского съезда лесоводов и лесных техников (Петроград, 28 апреля 1917 г.) Г.Ф. Морозов провозгласил принципы постоянного пользования лесом — когда интересы настоящего времени определяются не только ими, но и соображениями общественной пользы далекого будущего. Тем, что мы получили от предков, мы не имеем права распоряжаться только для удовлетворения данного момента. Мы не

должны отказываться от потребления леса, однако в процессе его потребления должно создаваться новое поколение леса не худшего, а, по возможности, лучшего качества, чем то, которое сошло со сцены. Отсюда великая ответственность наша за настоящее для будущего... [4].

Прежде всего лес является частью одного из основных географических компонентов — биоты (сообщества организмов — растений, животных и микроорганизмов). Основные географические компоненты, к которым относятся массы твердой земной коры, массы гидросферы, воздушные массы атмосферы, биота, почва, климат и рельеф, взаимообусловлены в своем размещении и развиваются как единое целое (по А.Г. Исаченко [5]).

Из тесной взаимообусловленности компонентов следует важный практический вывод — изменение структуры и функциональных свойств одного из компонентов или их слагающих элементов оказывает то или иное влияние на другие географические компоненты. Следовательно, человек, оказывая благоприятное воздействие на лесные насаждения, способствует сохранению биологического равновесия в природе.

История лесного хозяйства тесно связана с политической и экономической историей нашей страны. Если просмотреть события новейшей истории России, то можно проследить зависимость лесного хозяйства от политизирования экономики.

Сильному истреблению леса подвергались в 1920-е гг. Строевой лес вырубался на нужды населения, на дрова. В годы индустриализации заготовки леса приняли промышленные формы в связи с необходимостью широкого использования древесины на строительство и экспорт. Основные лесозаготовки были перенесены в восточные районы, где вдоль дорог и рек хвойные ценные леса были практически истреблены. Сейчас на месте этих лесов произрастают малоценные березовые и осиновые насаждения. Значительный ущерб лесам был нанесен в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Особенно пострадали в это время Центральный, Волго-Вятский, Уральский и Поволжский районы.

Но постепенно все приходило в норму, и к середине 1960-х гг. в стране сформировалась дееспособная и эффективная структура управления лесным хозяйством.

В середине XX в. лесовосстановлению стало уделяться большое внимание, что явилось важным достижением лесного хозяйства. В послевоенное время (1947—1952) организовывалась и успешно выполнялась программа создания системы полезащитных лесных насаждений в засушливых районах юго-востока СССР. В 1951—1955 гг. новые леса и защитные насаждения появились на площади 2,8 млн га,

в 1956—1960 — 3,2, в 1961—1965 — 5,7, в 1966—1970 — 6,4, в 1971—1975 гг. — 6,3 млн га. Содействие естественному возобновлению было проведено соответственно по пятилеткам на площадях 2,7; 3,4; 3,7; 4,8; 5,4 млн га. Начиная с 1960-х гг. ежегодные объемы лесокультурных работ и всех видов защитных насаждений превысили 1,3 млн га. С начала 1970-х гг. объемы лесовосстановительных работ достигли таких размеров, что с учетом естественного возобновления главных пород в основном ликвидирован разрыв между площадями ежегодных вырубок и посевов (посадок) леса. Всего за десятилетие с 1966 по 1975 г. лесные культуры и все виды защитных насаждений созданы на площади 12,7 млн га. Содействие естественному возобновлению, преимущественно сохранением благонадежного подроста хозяйственно ценных пород, проведено на площади 10,2 млн га [6, 3—17].

Ситуация в стране в 1990-е гг. оказалась неблагоприятно и на развитии лесного хозяйства. Многочисленные реформы в обществе, рыночные отношения, возникшие в нашей стране в начале 1990-х гг., а также и в системе лесного хозяйства и лесной промышленности, практически уничтожили систему государственного управления лесами. Весь полезный практический и научный опыт организации лесного хозяйства, накопленный в предыдущих периодах, не был адекватно воспринят и переосмыслен для применения в новых социально-экономических условиях. В последнее десятилетие российская система управления лесами несколько раз переживала различные изменения, но так и не приняты решения, которые позволили бы вести устойчивые всеобъемлющие управление и хозяйствование в лесном комплексе нашей страны.

В 2000 г. был ликвидирован орган государственного управления лесами — Федеральная служба лесного хозяйства, а образованное на ее месте Федеральное агентство по лесному хозяйству вначале подчинили Министерству природных ресурсов, а позже передали в Министерство сельского хозяйства. При этом Рослесхоз был лишен контрольных функций и права законодательной инициативы, передал все основные полномочия по управлению лесами в регионы, сохранив за собой лишь леса Московской области (для особого рода пользования), а в масштабах страны — контроль над распределением и использованием финансовых ресурсов (субвенций). Особенно ощутимый удар лесным отношениям нанесло принятие в 2006 г. нового Лесного кодекса, благодаря которому лесная служба потеряла лесную охрану и были ликвидированы лесхозы — предприятия, организующие и выполняющие все основные лесохозяйственные работы [7].

Неэффективность и некомпетентность реформирования лесного хозяйства объясняются в первую очередь тем, что не учтены его особенности и исторический опыт развития отечественных лесных отношений. Специфика лесного комплекса как экономического объекта заключается в многофункциональном использовании лесов, длительном цикле воспроизводства лесных ресурсов, зависимости от природных факторов, существования и даже преобладания нерыночных форм хозяйствования, таких как защита леса, обеспечение качества окружающей среды и др.

Ошибки, допущенные в области государственного управления лесами, привели к продолжающемуся истощению доступных лесных ресурсов, нанесли значительный ущерб экологии и экономике страны.

Наряду с неограниченными вырубками лесов в 1990-е и в последующие годы происходило постепенное снижение площадей и качества лесовосстановления. По данным Росстата, площади искусственного лесовосстановления в России сократились за период с 1992 по 2009 г. в 2,5 раза. По данным Рослесхоза, за период с 2003 по 2007 г. включительно в России создано 914,0 тыс. га лесных культур, погибло — 521,1 тыс. га лесных культур, что соответствует 57% высаженных культур по площади. Реальное положение дел значительно хуже — из-за отсутствия ухода за молодняками лесовосстановительные работы в абсолютном большинстве случаев оказываются безуспешными, и своевременное возобновление ценных лесных ресурсов в масштабах страны не обеспечивается вовсе [8].

В рамках общей тенденции укрепления власти и упорядочивания хозяйственной жизни в нашей стране правительство наконец-то стало избавляться от оскорбительной недооценки лесного хозяйства и, понимая проблемы истощения лесного комплекса как одного из ключевых ресурсов, стало изыскивать возможности для выполнения задач его спасения от дальнейшей деградации.

Каковы же перспективы нынешней постреформенной реорганизации лесного хозяйства России? Какие методы управления стали реально осуществимы для исправления положения дел в отрасли?

Проблема истощения лесных ресурсов актуальна не только для России, но и для всего мира. Начиная с середины XX в. большое внимание стало уделяться экологическим проблемам, вызванным глобальными нарушениями окружающей среды. Обеспокоенность общества состоянием окружающей среды привела к пониманию роли леса, его сохранению и возобновлению. Наибольшую актуальность приобрела проблема устойчивого лесопользования.

Одно из определений устойчивости лесопользования было сформулировано в проекте общей декларации Конференции мини-

стров по охране лесов в Хельсинки (1995): «Устойчивое лесопользование означает управление лесами и лесными площадями и их использование таким образом и с такой интенсивностью, которые обеспечивают их биологическое разнообразие, продуктивность, способность к возобновлению, жизнеспособность, а также способность выполнять в настоящее время и в будущем соответствующие экологические, экономические и социальные функции на местном, национальном и глобальном уровнях, без ущерба для других экосистем». Далее в проекте декларации говорится, что «лесные ресурсы и лесные площади должны использоваться на устойчивой основе для удовлетворения социальных, экологических, культурных и духовных потребностей нынешнего и будущих поколений человечества» [9].

М.Л. Карпачевский, В.К. Тепляков, Т.О. Яницкая и А.Ю. Ярошенко [10] считают, что устойчивое лесное хозяйство — это более узкое понятие в сравнении с понятием «устойчивое лесопользование», которое относится лишь непосредственно к практике ведения лесного хозяйства (подходы, методы и системы планирования, заготовки древесины, ухода за лесом, лесовосстановления, защиты и охраны лесов, сохранение биологического разнообразия, осуществление мониторинга и т. д.). Тогда как устойчивое лесопользование помимо этого включает вопросы, относящиеся к компетенции государства и имеющие высокую общественную значимость: лесную политику, организацию системы лесного хозяйства, законодательство, инвентаризацию лесов и др.

При растущем спросе на лесную продукцию и услуги принципы и методы организации устойчивого лесопользования должны служить ориентиром при ведении лесного хозяйства. Постоянство пользования лесом и его возобновления — это целая система разнообразных мероприятий, в основе которых лежит экологический подход, когда лес воспринимается не только как источник прибыли, а так же учитываются его многоцелевое использование и природоохранные функции.

Устойчивое лесопользование предполагает комплексную систему взаимосвязанных между собой мероприятий по промышленной заготовке леса и его восстановлению. Это, в первую очередь, совершенствование технологии рубки и первичной переработки древесины, сводящих к минимуму сопутствующий экологический ущерб. При современных способах лесозаготовок, с использованием существующей лесозаготовительной техники уничтожается не только подрост на вырубках, но и живой напочвенный покров, сдирается верхний слой почвы. Естественное возобновление на таких вырубках становится невозможным. Низкий спрос на нетоварную древесину ведет к тому,

что около 30% неиспользованной древесины остается на вырубках, что сильно захламляет пространство.

Полное использование древесины — это не только снижение захламленности, но и восполнение некоторых потребностей, где не обязательно должна применяться деловая древесина. Одна из проблем в области лесозаготовок является то, что в настоящее время реализуется в основном круглый лес или вообще продается лес на корню. Из одного кубометра заготовленной в лесах России древесины производится примерно в 10 раз меньше продукции, чем в Скандинавских странах. Одной из главных причин такой низкой эффективности использования древесины из российских лесов является огромный, не имеющий аналогов в мировой истории и современности, вывоз круглого леса за рубеж (примерно треть заготавливаемой в России древесины — причем лучшая по качеству треть — вывозится за границу в необработанном виде) [11].

Следует изменить структуру потребления древесины. Несмотря на то, что древесина пользуется большим спросом, особенно в производстве мебели, строительстве, так как является экологически чистым материалом, сейчас производится много искусственных заменителей, существует целый ряд альтернативных решений, которые, не обладая качествами древесины в комплексе, в состоянии заменить ее в частных применениях (отделочные материалы, напольные покрытия, упаковочные материалы).

В процессе воспроизводства лесов, восстановления и сохранения видового разнообразия пород важнейшую роль играет лесовосстановление и лесоразведение. В настоящее время разработаны различные способы создания лесных культур в зависимости от целей и потребностей общества: плантационное выращивание с целью наиболее быстрого получения древесины; «огородное» лесовосстановление — создание лесных насаждений, наиболее приближенных к естественным; ландшафтное — создание культурной среды для рекреационного использования.

Россия — одна из стран, где еще сохранились естественные лесные насаждения, девственные леса. Поскольку заготовка леса неизбежна в связи с повышенными потребностями на лесную продукцию, необходимо оставлять участки дикой лесной природы, в которых естественным образом поддерживаются биологическое разнообразие и естественная динамика лесных экосистем. Особенно это касается участков с наиболее ценными породами (кедр сибирский, лиственница сибирская и даурская, береза карельская и др.). Только в таком случае возможно сохранение естественного генофонда.

Проблемы восстановления устойчивого управления лесами в условиях России могут быть решены только на основе существенных преобразований в лесном секторе и преодоления противоречий между двумя основными направлениями: лес как сложно устроенная экосистема и лес как объект хозяйствования. Необходимы системный подход к управлению всеми лесными ресурсами в рамках четко сформулированной национальной лесной политики, реализация взаимосвязанных общепромышленных федеральных и региональных программ в сфере лесозаготовительной деятельности, охраны и воспроизводства лесных ресурсов, в организации устойчивого лесопользования.

Литература

1. *Курамын В.Я.* Краткая история лесного хозяйства // <http://www.gosleshoz.gov.ru/agency/history/1>.
2. *Моисеев Н.А.* Лесное хозяйство России за 100 лет // <http://www.rus-stat.ru/stat/5502001-3.pdf/>.
3. Наша власть: дела и лица. 2010. Спецвыпуск. http://nashavlast.ru/article_description/119/1520.html.
4. *Морозов Г.Ф.* Учение о Лесье. О лесоводственных устоях. Доклады // http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_534.htm.
5. *Исаченко А.Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование: Учебн. для вузов. М., 1991.
6. *Редько Г.И., Трещевский И.В.* Исторический очерк искусственного лесовозобновления и лесоразведения в СССР // Рукотворные леса. М., 1986.
7. *Исаев А.С.* Лес как национальное достояние России // Век глобализации. 2011. Вып. 1(7) // <http://www.socionauki.ru/journal/vg/>.
8. *Ярошенко А.Ю.* Лесной форум Гринпис России. 2010. 28 мая // <http://www.wood.ru/ru/loa747.html>.
9. www.forest.ru.
10. *Карпачевский М.Л., Тепляков В.К., Яницкая Т.О., Ярошенко А.Ю.* Основы устойчивого лесопользования: Учебн. пособ. для вузов. М., 2009.
11. Лесная реформа в России // <http://www.forestforum.ru/info/reforma/lesref.pdf>.

Ю.М. ОСИПОВ
Российский вызов развитию России
(вместо заключения)

Констатация

Все еще проходящие в Российской Федерации социально-хозяйственные, они же и политико-экономические, реформы — поначалу вполне революционные, затем собственно реформные, имеют результатом формирование сугубо присвоительно-распределительной, но никак не производительно-«развитиевой», системы финансово-экономического (капиталистического) хозяйства, встроенной в глобальную, контролируемую, направляемую и ориентируемую из-за пределов России цивилизационную (экономическую, политическую, хозяйственную) *систему-мир*, или же *мир-систему*, причем встроенную в качестве зависимой и подотчетной, во многом и колониального свойства, подсистемы, что то же самое — *суб-цивилизации, суб-государства, суб-хозяйства, суб-экономики*. Такое *суб-образование* способно воспринимать не более чем *суб-модернизацию* и осуществлять некоторое *суб-развитие* — в пределах своей зависимости от глобального контекста и на основе предположенной этим контекстом специализации (энерго-сырьевой, полуфабрикатной, вспомогательной), что то же самое — в русле, на основе и в границах *глобальной субординации* (по месту, роли и состоянию).

Отсюда нежелательность, невозможность и нереализуемость собственного, самостоятельного, перспективного, опосредованного будущим и на будущее нацеленного, вполне новаторского и творческого *развития*, выходящего за пределы текущих инноваций (ныне более всего заимствуемых извне) и выражающегося в виде непрерывного процесса качественного (генеративного, совершенствовательного, возвышательного) преобразования национального хозяйства и всего странового социума.

В итоге наличие в пореформенной стране *тупика неразвития*, еще и неустанно подбадриваемого энтропийной тягой к *антиразвитию*.

Сверхзадача

Вырыв, а не переход или даже прорыв, к развитию, понимаемому не столько как появление в стране чего-то нового, даже и передового,

сколько как обретение особого — нацеленного как раз на развитие — *состояния социума и хозяйства*. Развитие, если иметь в виду не просто развитие, а *само-развитие* — не как развитие плоды, которые можно завезти и извне (что ныне в России по преимуществу и делается), а как почва с семенами, способная произвести развитие дерево, родящее уже самые что ни на есть собственные развитие плоды. Потенция к развитию тут важнее самого по себе развития (как реального обновления); *предреальность* значимее реальности; возможность фундаментальнее действительности. В стране нет сегодня адекватной основы, лучше бы сказать — *субстанции* — *субстанции развития* — ни духовной, ни моральной, ни трудовой, ни интеллектуальной, ни творческой, ни технической, ни экономической, ни управленческой. Тенденция антиразвития сильнее тенденции развития, отчего более всего не развитие, а... *неразвитие*. Отсюда именно *вырыв* к развитию, а не что-нибудь иное, ибо стране надо не более и не менее как вырваться из трясины — трясины неразвития, обильно орошаемой *антиразвитием*. Сначала сброс вериг антиразвития, потом прорыв пелены неразвития, а затем уже только рывок к развитию. Это действительно *сверх-задача*, ибо в тисках обыкновенности она попросту невыполнима. Тут на повестку дня выходит *чрезвычайность*, способная родить... *чудо*, если прямо-таки не *сверх-чудо*!

Сверхметод

Метод это путь — путь решения задачи. И ежели надо решать *сверх-задачу*, то и метод должен быть *сверх-методом*. Вполне и чрезвычайно, не менее экстраординарным, чем бодро осуществленная и до сих упорно проводимая в нынешней Российской Федерации частно-присвоительная реформа, она же и самая настоящая, растянувшаяся уже на два десятилетия, *антисоциалистическая революция*. Чрезвычайным в плане устремленности, настойчивости, изобретательности, изошренности, действенности, плодородности. *Неодирижизм* в единении с *неолиберализмом*, когда неолиберализм снизу, а неодирижизм сверху, посреди же — *субстанция развития* со своей *реальной зоной реального развития*, или же развивающаяся Россия в пространстве устаревающей на глазах и самостоятельно не развивающейся пореформенной России. Одна опричь другой! Мобилизационный сдвиг, обеспеченный консолидацией созидательных сил, их соединением в «огненный» очаг развития и расчисткой для этого очага потребного жизненного пространства.

Политический тренд: постреформизм

Укрощение разрушительных, вредоносных и опаснейших для страны, хозяйства и социума частно-присвоительных реформ —

вполне уже и безумных, не дающих практически никакого в конструктивно-продуктивном плане позитивного эффекта, в чем-то уже реформ ради реформ, инерционных реформ, слепых и глухих, а потому и тупых, морально непереносимых, вполне и злодейских. Хватит! Страна по горло сыта противоестественными, тянущими в inferнальный низ и не влекущими в сакральный верх реформами, преследующими и убивающими нормальную, плодотворную и перспективно обусловленную жизнь, и остро нуждается в принципиальном развороте от уже унылого и гнетущего *реформизма* к ободряюще-созидательному *постреформизму*, способному, погасив злокачественный реформизм, возжечь огонь доброкачественного жизнестроения.

Постреформизм в данном случае — не прекращение вообще преобразований, а всего лишь радикальное изменение их глобального судьбоносного курса — в чем-то и *антиреформное*, но не прямолинейно контрреформное, а более всего позитивно коррекционное, что предполагает, помимо обретения здоровой бытийственной нормы, еще и выход на достойное великой страны и ее созидательных поколений историческое творчество — идейное, социальное, культурное, научное, технологическое — прочно и надолго овладевающее интеллектуально-организационной энергией элит и трудо-полезным сочувствием народных масс, а главное — *всеобщим, достойным человека и общества, будущим!*

Развитие как... сверхразвитие

В нынешнюю эпоху — эпоху неоиндустриализма, нано- и меганануки, высоких, тонких и незримых технологий — развитие вовсе не сводится к безудержному росту материально-технической производительной базы, безграничному возрастанию потребительного богатства и столь же безмерному преумножению предметно-полезного разнообразия текущего жизнеотправления, а, наоборот, восходит к качественному обновлению самого человеческого бытия в целях его перспективного совершенствования и перевода в *иное*, никогда еще не бывшее, природно-неприродное состояние — фантазийное, сказочное, мифоподобное!

Не умаляя важности решения насущных и даже не очень-то насущных, но все же необходимых для полноценного существования человека и общества производственно-потребительных задач, приходится констатировать, что главное в современном развитии — не развитие как таковое, к которому привыкло человечество и с которым свыкла академическая мысль, не развитие условий бытия человека и общества, а развитие... уже самого по себе бытия, включая даже не

бытие человека и общества, что понятно, а и самого человека с его обществом, иными словами — развитие не вширь, а вглубь — человека и общества, а ежели и чего-то вширь, то не так ради самой шири, как ради чаемой глубины.

На повестке *новая парадигма развития*, провоцируемая и подкрепляемая наплывающей на человека *новой парадигмой бытия*, включая самого человека и само общество. На очереди не слишком еще известное и понятное, но уже остро ощущаемое *парадигмальное обновление всего и вся*. Впереди явно эсхатологическое будущее, приближаемое столь же эсхатологическим развитием, как раз тем самым, которое можно при желании посчитать как за *развитие в развитии*, так и за *развитие развития*, но с той важнейшей оговоркой, что это уже развитие... как бы в обратную сторону, во внутрь себя, ввернутое в себя развитие, *интра*-развитие, ну а по новейшей умственной традиции — *нео*- или даже *пост*-развитие, может, и *мета*-развитие, как знать?, но в любом случае — *сверх*-развитие!

Парадигма сверхразвития как контрпарадигма

Глобальный Запад все уже за всех решил: человека — в *чиповея*, а общество — в *чиповейник*! Однако остальной мир, а во многом тоже и западный, *этого* не хочет, а хочет чего-то совсем другого: не *пост*-человека вовсе, а *ино*го человека, или *ино*-человека, как, соответственно, не *пост*-общества, а *ино*го общества, или *ино*-общества. Спасение тут не в технике, а в идеях, не в обанкротившемся либерал-гуманизме, а в новой, уже и сверх-над-человеческой, идеологии, освещаемой не вымороченной от собственного всезнайства гуманитарной наукой со все еще подогреваемым ею пустопорожним и античеловеческим атеизмом, а в укорененной среди высшего относительно брэнного земного человека *ино*-мирья *Софии*, только и могущей сообщить нечто конструктивно-спасительное бытующему на земле всееще-человеку, не поддавшемуся на ренессансно-просвещенческую провокацию насчет собственного *над*-природного и *вне*-сакрального величия и избегшему, в отличие от еврочеловека, модернопостмодернового пересотворительно-демиургического беснования. Не отрицание человека в ходе его глобального передельческого развития, а утверждение человека в ходе хорошо осознанного им сверхразвития — с софийным обновлением человеческого сознания и всей человеческой природы, — как раз без «чипов» и без «вейства»!

София

Знание — сила, а ежели оно от Софии — софийное знание — то двойная сила — одновременно конструктивная и спасительная! Софийный человек, он же и *под*-Софийный — *человек меры*, разумеется,

софийной. Заповеди тут следующие: признание иномирья и высших смыслов; уважение другого, как самого себя; человек в мире-социуме и мир-социум в человеке — взаимодополняемость и взаимответственность; свободный личный выбор при всеобщей солидарности, вполне и умеренной. Этнос, народ, нация — необходимая, неизбежная и потребная реальность. Отечество, Родина, Пенаты — непререкаемая и неукоснительная ценность, пусть во многом и ирреальная. Благотворная культура, благоносная цивилизация, ответственное государство, всеобщий и всеобъемлющий людской компромисс.

Техника

Техника рядом с человеком, но не в человеке, среди социума, но не в ущерб ему. Покорение техники человеком, а не человека техникой. Техника как управляемый человеком фактор, а не управляющий человеком актор. Оснащенный техникой, но не поглощенный ею человек. Не технический человекообраз, а *над-технический человек!*

Элита как сверхэлита

Сегодня в России доминирует «либерально-российская», она же и «постмодерново-симуляционная», она же и «профанно-антироссийская», *антиэлита*, несущая в социум и внедряющая в человека *тотальный абсурд* — едкий и разлагающий. Противостоящая этой антиэлите антиабсурдная элита в России есть, но она по преимуществу в обороне и в лае. Слово за *новой элитой*, способной объемом одолеть антиэлиты с ее нарочитым абсурдом в ходе мощного контрнаступления. Отсюда на повестке дня не просто элита, а *сверх-элита*, выполняющая кажущуюся неисполнимой *сверх-задачу*: от арьергардной контрабсурдной обороны к авангардному на абсурд натиску! София — в помощь!

Идеология как сверхидеология

Конструктивно-спасительная идеология ныне сверхпотребна! Национальная, созидательная, устремленная в будущее, еще и человеческая, общественная, историческая, мало того — нравственная, трудовая, зовущая к творчеству, в общем — совершенно на сегодня невозможная: текущая практика не просто противоположна такой идеологии, но ей принципиально и вполне угрожающе враждебна. Но делать нечего: без идеологии — *новой идеологии!* — разворота к сакрально-природо-человеческой норме не совершить, как не осуществить и разворота к развитию, не говоря о сверхразвитии. Вот где тупик, так тупик! В слове, в идеях, в общественном сознании. Однако почва национальная насовсем не иссохла, кое-что плодотворное в ней еще есть — от традиции, от повседневности, от обыденности, а пото-

му *идеологический разворот* еще возможен, но... вкупе с соответствующими делами, которых еще нет или почти нет, но которые все-таки возможны, ибо необходимы.

И опять *сверх-*, но теперь вот *сверх-*идеология, ибо к малой идеологии вынужденного народного жизнеотправления нужно добавить большую идеологию *сверх-*исторических свершений. И опять сверхзадача, ибо ни наука — эта разрушительница всяких идеологий; ни новомировская философия, оправдавшая бесноватый антропоцентризм с коррозионным атеизмом и вызволившая на волю страстных демонов денег, наживы и потребительства, как и развязного сциентизма с беспощадным техницизмом; ни закосневшие в правильных догматах и не владеющие гибкой современностью религии, не считая, разумеется, прозорливого в тяжелой правде своей Иоаннова «Откровения», тут не помогут.

Оттого и *София* — эта сверхмудрость, она же и предмудрость, она же и мудрость мудрости: вопрошай, человек, внимай и думай, ищи и обретай, если сможешь... София не против, хотя и не... за, ибо ответственно все тут, очень ответственно!

Россия

Что за слово такое — РОССИЯ?! Почему столь значимо — причем таинственно, магически, трансцендентно? А что оно означает — страну, мир, цивилизацию, народонаселение, историю? А может, и самое что ни на есть... *ничто*, которое, вроде бы ничего не означая, означает-таки какое-то... *нечто*, как раз то самое, что висит себе в ноосфере и... влечет к себе, да что влечет — притягивает, втягивает, поглощает! *Россия, Россия... Россия!* Колдовство какое-то! И все идейное — геоантропо-социоидейное — почему-то и как-то в этом слове отовсюду сходится и из него непонятным образом на весь мир расходится. Не беги, безумец, от «России», а, остановившись и замерев хотя бы на мгновение, всматривайся и вслушивайся в это слово, думай о нем и вместе с ним и... всё вдруг и откроется — все смыслы, все идеи, все значения, ибо Россия это как раз и есть наша родимая София — загадочная, далекая и близкая, закрыто-открытая, уловимо-неуловимая... Идеология России... в России, можно даже сказать — сама Россия и есть идеология, только читать ее надо уметь, да не одним лишь умом, а и сердцем... через посредство, конечно же... Софии!

Правительство

Оно в тягучей и липучей растерянности: не может, не хочется, даже и противно, а... *надо!* Строить в стране надо, инвестировать, производить, изобретать, внедрять, инновировать, научно-технологическую сферу держать, образование совершенствовать не

по-болонски, идеологию нравственно-созидательную запускать, личный позитивный пример показывать, с народом откровенно говорить, перспективы неустанно разглядывать, на достойное будущее замахиваться... о-о... много чего надо, в том числе и доходы не в пользу одних богатых и ненужного немассового потребления распределять, и с бедностью бороться, и с коррупцией, и кое-кого в тюрьмы сажать — прямо-таки на пожизненное, и кое-чего решительно национализировать... в общем — много чего надо, много при этом работая — умно, созидательно и по-честному. Фантастика! Чует ли эту своевременно-несвоевременную фантастику российское правительство? Чует, наверное, но... очень и очень не хочется ему к ней подвигаться, оттого и... *растерянность* — уже прямо-таки *субстанциальная*. Растерянность управленческая в России, да и перед самой Россией, которая для нынешнего правительства terra incognita, причем опаснейшая. Не правительство тащит Россию к развитию, а Россия гнобит правительство из-за неразвития. Очень неприятная для «правителей» кризисно-катастрофная ситуация! И что же? Ежели не *эти* сделают жизненно потребное для России, так *другие* сделают, не другие, так... *иные*, которые уже на подходе. Есть оно — скрытое историческое напряжение, от масс людей и немассовых элит вполне и независимое, а за напряжением таким непременно следует... *разряжение*, — уж какое у реальной истории выходит!

Президент как... невозможный сверхпрезидент

Знает ведь всё, но... не решается! Знает, что без саморазвития России никуда, но то ли все еще верит в пресловутую и вполне и живую «глобально-либеральную рыночность», которая-де будучи никакой не рыночностью и, тем более, никакой не либеральной, дарует вдруг России потребное ей развитие; то ли всерьез надеется на «иностранный капитал», только-де и думающий о неоиндустриальном процветании России; то ли совсем не верит в возникшую на его глазах и не без его участия пореформенную Россию, ни на что, кроме грабительского самопожирания, не способную; то ли не может поверить в историческую Россию, как раз вполне способную внезапно *перестроиться* — прямо на марше, собраться с силами и умами, да и выдать рывок вперед — к новому национальному саморазвитию; то ли никак не может осознать, что развитивной Россией надо *управлять*, да не как-нибудь, а *властительно*, а перед тем совершить *дисциплинарную революцию сверху*, которая уже давно назрела, всю о себе вопиет, энергично подбадриваемая всенародным постреформенным ожиданием-протестом. Знает, но... медлит... с действием, хотя кое о чем потребном уже заговорил. Вот она — острейшая историческая коллизия:

от только что свершившегося реформизма с его тупиком неразвития к постреформизму, но уже с открывающейся с ним возможностью развития.

Порожденная недавним реформизмом *административная антисистема* застряла в своем собственном системно-антисистемном кризисе, ни одному россиянину и всей России ненужная, а потому на очереди не что иное, как направленное на деятельский позитив административное перестроение, разумеется, по инициативе сверху, то самое перестроение с очищением, которое способно дать эффективное управление страной — вполне и державное, но уже не с обычным президентом во главе, а с необычным — *сверх-президентом*, реализующим *сверх-управление* и оперативно решающим стратегическую *сверх-задачу*.

Искрящийся текущий момент

Еще слышатся из народных глубин зовы к переменам, как и слышатся призывы патриотической элиты к всестороннему развитию страны. Россияне... нет, не верят, конечно, а всего лишь... надеются — без всякой при этом реальной надежды! — на поворот от раздаточно-присвоительного экономического деспотизма к *деспотизму развития* (иного уже, видно, не дано!). Затянувшаяся на годы «минута молчания» с замершей «фигурой умолчания»! Впереди, кажется, одно лишь повторение пройденного, а хотелось бы необычной новизны — *реального политического развития*! И все сфокусировано, как испокон века принято на Руси, на первом в государстве лице, которое ныне не государь вовсе, не властитель и не правитель, а не более чем дивный образ... э-э... *национального лидера* — пока более в возможности, чем в реальности, отчего и повисла в российской атмосфере дилемма: *или — или!* — а дилемма вообще-то есть выбор из двух вариантов, когда оба... хуже, а вырваться из тенет неразвития непременно надо!

Итак: *сверх-намерение, сверх-воля, сверх-усилие, сверх-деяние!* Нет, ныне уже не государь, не правитель, не вождь, но... *вершитель* — вместе с верящим в Отечество народом и поверившей в возвышение Отечества элитой.

Вызвать веру и укрепить уверенность: словом и делом! Это-то сегодня и самое трудное!

Государство

Оно вроде бы есть — большое, многочисленное, протяженное, но его как бы и нет, ибо молчит оно — о главном! и бездействует — тоже в главном! Чиновники есть, их очень много, но они не правят, ибо ими правит... нет, не конституция вовсе, а... коррупция. А ведь в Рос-

сии без государства ничего судьбоносного никогда вообще не происходило и, увы, до сих пор не происходит: ни масштабной стройки, ни замысловатой перестройки, ни неизбежного догоняния Запада с мобилизационной модернизацией, ни умеренного реформирования, ни взрывной революции. Государство в России — более чем государство, это главнейший на российской земле охранитель и делатель — то в роли хладнокровного консерватора, то вдруг в роли темпераментного новатора, мало того — это первый, главный и единственный во все-российском масштабе *европеец*, хотя при этом и совершенно российский, вовсе и не европейский. Вот и сейчас в России развернута устроенная властями евро-, она же и глобо-, реформа-революция, и как всегда российско-антироссийская, но зато с совершенно неудовлетворительным с позиции нации и государства результатом — с резкими социальными неравенствами и смертоносными проблемами, без всякой потенции к саморазвитию и самосовершенствованию. На очереди вновь *государственная революция*, она же и *антиреволюция*, на этот раз уже *про-российская*, а ежели не так, то жди невозможных потрясений, от которых на Руси-России сладко почему-то никому не кажется!

Предпринимательство

По большому, чуть ли не по гамбургскому, счету своего полнокровного и полноценного *предпринимательства* на Руси-России никогда не было, вернее, что-то такое было, но ограниченное, вспомогательное, неразвитое, нетворческое, по преимуществу заимствованное: торговое, «добытчевское» или первопроходское, но никак не научно-технично-индустриальное, в общем — не европейское. Никакой *предпринимательской революции* в России не свершилось, как это возымело место в той же Европе. Отсюда активные экономически россияне — не предпринимательство в полном смысле слова, а всего лишь «бизнесменство», ежели и какое-то подобие предпринимательства, то в европейской мере совсем нереализованное: торговое, промысловое, сырьевое, легкопромышленное, в общем — не слишком индустриальное, не техническое, не новаторское, хотя на рубеже XIX — XX вв. такое вроде бы и появилось, но, увы, ненадолго.

Нынешний российский «рыночник» — никакой не предприниматель, тем более не производительный новатор, а всего лишь монетарно-торгово-посреднический делец. Это некий *недо-предприниматель*, а лучше бы сказать — *пере-приниматель* (в аспекте снятия денежных доходов). Такого «предпринимателя» совсем не интересует саморазвитие великой страны, ибо он не европеец и не американец, — он лишь вырвавшийся на простор денежно-присвоительного накопления

бывший советский «службеец» или же бывший антисоветский «криминалец». Разумеется, ростки всамделишного предпринимательства (инициативного, новаторского, плодоносного) в России всегда были и даже есть сегодня, но лишь ростки, так и не смогшие, тем более, не могущие сегодня, разрастись во всероссийское предпринимательское древо — почва и воздух, видно, не те!

Отсюда острейшая потребность в государственной поддержке не присвоительно-распределительного бизнеса, как сегодня, а *инновационно-производительного предпринимательства*, что должно быть завтра, но при этом и острая нужда в *государственном предпринимательстве*, эффективно сочетающемся с соответствующим частно-корпоративным предпринимательством: государственно-корпоративный *неодирижизм* вкупе с корпоративно-государственным *неолиберализмом*, — вот, собственно, и все!

Экономика и хозяйство

В сегодняшней России есть вполне развитая экономика с ее деньгами, финансами и капиталами, но нет вполне и всесторонне развивающегося хозяйства с его неоиндустриальным и высокотехнологичным трудо-творчеством. В Европе экономика служила и служит, художественно, производительному хозяйству, хотя нынешний самонадеянный финансизм уже немало ему препятствует (современный мировой кризис — кризис прежде всего паразитарного финансизма). В России же экономика с ее эгоистическим финансизмом и кромешной коррупцией работает против не только развитивного хозяйства, но и вообще против всякого хозяйства, не давая возможности обеспечить нормальное жизнеотправление человека, общества, нации, государства.

В России нет и почти никогда не было ни свободного хозяйства, ни эффективной ради хозяйства свободной экономики. Россия — *другой мир*, не европейский, и европейским так и не ставший, да уже никогда и не станет — невозможно, ненужно и опасно! И не в «институциях» тут дело, не в «производственных отношениях», а в *человеке*, который в России вовсе не европеец. Отсюда своеобразие российского развития — оно *другое, в другом и по-другому*. Хотим мы того или не хотим, но российское развитие не может не быть *государственно-общественным* — побудительно-дружным, мобилизационно-соборным, вдохновенно-бескорыстным. *Дирижистское общеразвитие*, долженствующее стать и *национальным саморазвитием*! Отсюда и постреформизм — как сброс всяких заимствованных извне и дурных по исполнению и результатам реформ, насаждающих глобально-колониальную экономику и приводящих к стагнации, деградации и развалу народного хозяйства. Не заграничные реформы в России по-

требны, а *радикальные внутренние перемены* — в политике, экономике, хозяйстве, обществе, государстве, человеке, бытии. Что Западу хорошо, то России — смерть! Не к западной джаз-бандовой кокофонии надо российским дирижерам прислушиваться, а к стройному звучанию имперского национального оркестра, демонстрирующего пример именно российского способа бытия — с управителем в центре и общим ладом в окружающем его пространстве!

Неодирижизм и неолиберализм

Неодирижизм — это управление, но по преимуществу через контекст, идеологию и культуру, общественное сознание, как и через поощрение субъектных интенций, что не исключает ни прямых действий, ни регламентаций, ни запретов, ни понуждения. *Нео* означает, во-первых, новое (не бывшее ранее); во-вторых, с новыми задачами и средствами; в третьих, непрременное сопряженное с трудо-творческой свободой (тоже не бывшей ранее). Все дальние и ближние уроки российской истории — в *неодирижизме*, реально осуществимый, однако, лишь вкупе с *неолиберализмом*, в котором *нео* как раз и означает сопряженность с неодирижизмом. Не дирижизм здесь служит либерализму, как на Западе, а либерализм обязан послужить дирижизму. Таково главное условие овладения российской нацией *субстанцией развития*, а затем и самим национальным *саморазвитием*!

Россия и саморазвитие

Нынешняя пореформенная Россия не жаждет никакого *саморазвития*, мало того, она бросила оное в жертву частно-присвоительному обогащению, а вместе с этим и в жертву неразвитию. Это проделала вполне реальная и вполне физическая по бытованию Россия. Но есть и другая Россия — *метафизическая*, а с *этой* Россией все обстоит несколько, а может, уже и заметно, иначе: в искареженной аморальным реформизмом стране зарождается и несмотря ни на что поднимает голову, причем вопреки победной на сей момент гадостно-адовой России, *новый российский человек*, — нет, не евроамериканский предприниматель, порожденный в свое время агрессивно-новаторским Ренессансом и либерально-обновленческой Реформацией, включая и экономико-научно-технологическую революцию, как и не советско-социалистический службист, наспех выкованный неукротимым большевизмом, а свободный в помыслах и жаждущий необычного жизне-творческого действия россиянин — *новый россиянин* (вовсе не пресловутый «новый русский», а как раз этому более чем гнусному гибриду «советикуса» с «европеоидом» прямая противоположность). И именно этот *новый россиянин*, еще не очень бытийственно и функционально выраженный, но зато уже метафизически чувствуемый, как раз и сто-

ит за постреформизм и новое развитие, вполне отдавая себе отчет в тягучей невозможности *сверхрешения* *сверхнеобходимой* *сверхзадачи*. Но иного выхода у него и у России нет, и потому чаемый вырыв к развитию должен непременно случиться!

Новая Россия

Ее нет, но она уже есть! *Новая Россия* мало-помалу сосредоточивается, неуклюже приподнимается и к кое-чему возвышенному и необычному неброско и тяжело готовится!

- В.Д. Базилевич**Ошибка! Закладка не определена.**
Философия экономики в системе самосознания общества**Ошибка! Закладка не определена.**
- А. Г. Войтов.....**Ошибка! Закладка не определена.**
Идейный фактор общественного прогресса..... **Ошибка! Закладка не определена.**
- В.В. Ильин**Ошибка! Закладка не определена.**
Философско-экономическое мышление: модус долженствования**Ошибка! Закладка не определена.**
- А.Г. Домбровский**Ошибка! Закладка не определена.**
Гегемония капитала как новая цивилизационная реальность: альтернативы и перспективы..... **Ошибка! Закладка не определена.**
- А.С. Исупова**Ошибка! Закладка не определена.**
Персонафицированное знание как фактор развития инновационного процесса предприятия..... **Ошибка! Закладка не определена.**
- А.Б. Кротков**Ошибка! Закладка не определена.**
Закон Маммоны против мирового системного кризиса**Ошибка! Закладка не определена.**
- Е.Н. Кукина**Ошибка! Закладка не определена.**
Феномен этнической экономики: проблемы концептуализации...**Ошибка! Закладка не определена.**
- К.В. Молчанов.....**Ошибка! Закладка не определена.**
Общие положения диалектического экономико-философского подхода **Ошибка! Закладка не определена.**
- Я.И. Нисанов**Ошибка! Закладка не определена.**
Феноменологическая методология М. Шелера и моделирование как методы интеграции знаний о человеке в экономической теории ... **Ошибка! Закладка не определена.**
- И.И. Рудяк.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Дилемма Осипова: право собственности как культурный запрет и воровство как возврат в природное состояние **Ошибка! Закладка не определена.**

С.З. Семерник.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического»

.....**Ошибка! Закладка не определена.**

З.Э. Скрынник**Ошибка! Закладка не определена.**

Социокультурная эволюция денег: от «жизненного мира» к «системе» ..**Ошибка! Закладка не определена.**

Р.Е. Соколов**Ошибка! Закладка не определена.**

Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о концепции общего блага и профессионально-сословного строя или солидаризма

.....**Ошибка! Закладка не определена.**

В.А. Супрун**Ошибка! Закладка не определена.**

Возвращение экономического наследия Маркса как преодоление лжи в экономической теории, политике и практике**Ошибка! Закладка не определена.**

Г.В. Фадейчева**Ошибка! Закладка не определена.**

Современный экономизм в контексте общественной потребности развития**Ошибка! Закладка не определена.**

Т.С. Черников.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Развитие классической традиции: неоклассика и неоинституционализм **Ошибка! Закладка не определена.**

Т.В. Чечелева.....**Ошибка! Закладка не определена.**

Кризис экономической теории как следствие ее идеологизации**Ошибка! Закладка не определена.**

НАШИ АВТОРЫ***Осипов Юрий Михайлович,***

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России;

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства»; ученый секретарь Философско-экономического ученого собрания;

Базилевич Виктор Дмитриевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, декан, экономический факультет, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина);

Базанкова Дарья Николаевна,

аспирант, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова;

Бирюков Сергей Владимирович,

действительный член АФХ, д.полит.н., доцент, профессор, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет;

Бойко-Бойчук Олег Вадимович,

к.т.н., президент, Агентство концептуального анализа проектирования и управления «Концепт» (г. Киев, Украина);

Братищева Елизавета Николаевна,

главный бухгалтер, ООО «Реги-Сант» (г. Москва);

Войтов Александр Георгиевич,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский государственный университет путей сообщения;

Воробьева Любовь Сергеевна

действительный член АФХ, к.ф.н., профессор, кафедра философии и политологии, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (г. Ирпень);

Гончаров Дмитрий Геннадьевич,

преподаватель, кафедра экономики и менеджмента, Технологический институт Саратовского государственного технического университета;

Гордеев Валерий Александрович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Ярославский государственный технический университет;

Гордеев Артем Анатольевич,

аспирант, Ярославский государственный технический университет;

Гринберг Руслан Семенович,

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор, Институт экономики РАН;

Гриценко Андрей Андреевич,

действительный член АФХ, член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев);

Гузев Михаил Михайлович,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, директор, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета; научный руководитель Волгоградского представительства Центра общественных наук;

Гуров Владимир Иванович,

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой экономической теории и национального хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;

Диденко Нина Григорьевна,

д.н. по госуд. управ., профессор, декан, факультет государственного управления, Донецкий государственный университет управления (Украина);

Доброचेва Олег Викторович,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Минэкономразвития РФ;

Домбровский Александр Георгиевич,

к.э.н., заместитель директора, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины (г. Киев);

Ильин Владимир Васильевич,

вице-президент АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра экономической теории, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина);

Исаев Николай Викторович,

д.э.н., профессор, кафедра финансов и бухгалтерского учета, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова;

Елецкий Николай Дмитриевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Донецкий государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону);

Ефимчук Ирина Викторовна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, профессор, кафедра экономической теории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Зарецкий Александр Дмитриевич,

д.э.н., профессор, кафедра мировой экономики, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Иванов Алексей Анатольевич,

старший преподаватель, кафедра медицинской и биологической физики, Ярославская государственная медицинская академия;

Исупова Анна Сергеевна,

аспирант, кафедра макроэкономики и макроэкономического регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Кайманаков Сергей Владимирович,

действительный член АФХ, к.э.н., ведущий научный сотрудник, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Кульков Виктор Михайлович,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Корняков Василий Иванович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет;

Косов Евгений Васильевич,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, Международный университет (в Москве);

Кочурова Лидия Ивановна,

к.э.н., профессор, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета;

Кротков Алексей Борисович,

соискатель степени к.ф.н., кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ;

Кукина Елена Николаевна,

к.э.н., доцент, кафедра мировой экономики и экономической теории, Волгоградский государственный технический университет;

Леонтьев Михаил Владимирович,

действительный член АФХ, политический обозреватель, телевидение «Первый канал»; главный редактор, журнал «Однако»;

Марков Сергей Александрович,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, проректор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; директор, Институт политических исследований; член Общественной палаты;

Матюш Ирина Владимировна,

научный сотрудник, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь (г. Минск);

Миколаенко Ирина Николаевна,

к.и.н., доцент, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (г. Ирпень);

Молчанов Константин Владимирович,

действительный член АФХ, д.ф.н., к.э.н., к.с.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ;

Нагорный Александр Алексеевич,

действительный член АФХ, к.и.н., заместитель главного редактора, газета «Завтра»; вице-президент, Ассоциация политологов АСПЕК;

Нисанов Яхья Исайевич,

к.э.н., научный сотрудник, кафедра народонаселения, экономический факультет МГУ;

Нипа Светлана Станиславовна,

к.с.-х.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ;

Олейников Александр Алексеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ православного хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;

Павлов Михаил Юрьевич,

к.э.н, доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ; заместитель руководителя, Центр экономики знаний;

Петров Владимир Константинович,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН;

Поважный Александр Станиславович,

д.э.н., профессор, ректор, Донецкий государственный университет управления (Украина);

Рамазанов Сергей Павлович,

д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета;

Родина Галина Алексеевна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, директор, Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ;

Рудяк Ирина Изяславовна,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ;

Семерник Снежана Здиславовна,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы (Белоруссия); докторант, кафедра философии, факультет философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

Синяков Сергей Васильевич,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина);

Сиднина Валентина Лаврентьевна,

д.э.н., профессор, кафедра маркетинга и международного бизнеса, Академия маркетинга и социально-информационных технологий (г. Краснодар);

Скрынник Зоя Эдуардовна,

академик-секретарь АФХ, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой общественных дисциплин, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины;

Соколов Роман Евгеньевич,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Супрун Вера Александровна,

к.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Туча Анна Валерьевна,

аспирант, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск);

Усик Нина Ивановна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, профессор, кафедра экономики и финансов, Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (г. Санкт-Петербург);

Фадейчева Галина Всеволодовна,

действительный член АФХ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, к.э.н., доцент, профессор, заведующая ка-

федрой экономики и финансовых дисциплин, Владимирский институт бизнеса;

Филимонова Елена Анатольевна,

к.э.н., профессор, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета;

Харлампенков Евгений Иванович,

к.э.н., доцент, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета;

Черников Тимур Станиславович,

аспирант, Московская академия экономики и права;

Чечелева Татьяна Васильевна,

д.э.н., профессор, кафедра макроэкономики и макроэкономического регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Шелкопляс Евгений Валентинович,

действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский институт развития, изучения здоровья и адаптации человека;

Шулевский Николай Борисович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ;

Шуркалин Александр Константинович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина;

Яковец Татьяна Юрьевна,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., докторант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.М. Осипов	
Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию (<i>вместо предисловия</i>).....	6
Раздел I. Политико-хозяйственный постреформизм как условие вырыва к развитию	
В.М. Кульков	
Трансформация и постреформизм в российской экономике	11
Н.Б. Шулевский	
Постреформизм — орудие неоантихристианства.....	17
Г.А. Родина	
Прорыв к развитию: сочетание универсалий и самобытности.....	40
А.А. Гриценко	
Постреформизм: методологические основания постановки проблемы	45
М.М. Гузев	
Реформа после реформы: истоки и последствия	50
Е.В. Косов	
Политика — искусство невозможного!	55
М.В. Леонтьев	
Алгоритм новой индустриализации.....	62
М.Ю. Павлов	
Контурь посткризисного мира: на пути к преодолению экономизма	68
С.В. Бирюков	
Постреформизм в современной России: к новой стратегии эволюционного развития.....	75
В.А. Гордеев	
Может ли «новая индустриализация» стать «вырывом к развитию»?.....	81
Н.И. Усик	
О стратегии прорыва к всестороннему развитию России.....	86
О.В. Бойко-Бойчук	
Постреформенная Россия — возвращение в себя	93

**Раздел II. Трансформированные общества и экономики
перед лицом будущего**

Ю.М. Осипов	
Перемены в мире и провидчески-державный курс России	106
Р.С. Гринберг	
Как сделать отечественные реформы полезными	117
О.В. Доброчеев	
Нужен глобальный проект, а не новая экономическая парадигма.....	122
А.А. Нагорный	
По ухабам «реформирования»	129
С.А. Марков	
Большая идея и формирование социальности	132
С.В. Синяков	
Модернизация через интеграцию.....	136
В.И. Корняков	
Экономика гипоксии	149
Е.В. Шелкопляс	
Исчерпание комплекса поражения России: неожиданная модель гармоничного развития.....	158
Н.Д. Елецкий	
Процессы формирования глобальной собственности и глобального управления и интересы России	168
И.В. Ефимчук	
Структуры и сети индустриального хозяйства: от структурализма до структуризации.	187
В.И. Гуров	
Проблемы макроконкурентоспособности России: выбор между открытостью и экономической самостоятельностью	208
С.П. Рамазанов	
Потуги современной российской модернизации — выбор путей и целей: «как-то так».....	218
А.К. Шуркалин	
Необходимость усиления позиций России в системе стран БРИКС.....	221
Д.Г. Гончаров, В.Л. Сиднина	
Возможности реформирования медико-экономической экспертизы.....	226

<i>Н.Г. Диденко, А.С. Поважный</i>	
Государственная инновационная политика и подготовка государственных служащих к внедрению инноваций	230
<i>А.А. Иванов</i>	
Институциональные ограничения реформирования России: истоки и пути преодоления	237
<i>Н.В. Исаев, Д.Н. Базанкова</i>	
Особенности российской инновационной динамики	243
<i>Л.И. Кочурова, Е.А. Филимонова, Е.И. Харлампенков</i>	
Государственное управление рыночной прибылью — гарантия экономической безопасности России	250
<i>И.В. Матюш</i>	
Духовное возрождение экономики Российской Федерации	259
<i>А.А. Олейников</i>	
Либерализм как подрывная антигосударственная доктрина, уничтожающая общество России	267
<i>В.К. Петров</i>	
Изменение экономической и общественной модели России для преодоления мирового и национального кризиса	274
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Как можно решить задачу сбережения российского народа	280
Раздел III. Актуальная социально-экономическая проблематика: реальность и мысль	
<i>В.Д. Базилевич</i>	
Философия экономики в системе самосознания общества	285
<i>Л.С. Воробьева</i>	
Постреформизм образования — вызов глобализации	290
<i>В.В. Ильин</i>	
Философско-экономическое мышление: модус долженствования	295
<i>З.Э. Скрынник</i>	
Социокультурная эволюция денег: от «жизненного мира» к «системе»	299

Г.В. Фадейчева	Современный экономизм в контексте общественной потребности развития	308
Т.В. Чечелева	Кризис экономической теории как следствие ее идеологизации.....	312
С.З. Семерник	Антропологическое измерение социокультурной динамики: экспансия «человека экономического».....	322
К.В. Молчанов	Общие положения диалектического экономико-философского подхода	331
С.В. Кайманаков	Экономика: теория, модель, безопасность	338
А.Б. Кротков	Закон Маммоны против мирового системного кризиса	346
А.Г. Войтов	Идейный фактор общественного прогресса.....	355
А.Г. Домбровский	Гегемония капитала как новая цивилизационная реальность: альтернативы и перспективы.....	359
Е.Н. Братищева	Реформирование как преодоление фундаментальных противоречий через риски и кризисы	364
А.С. Исупова	Персонифицированное знание как фактор развития инновационного процесса предприятия	371
Е.Н. Кукина	Феномен этнической экономики: проблемы концептуализации.....	377
И.Н. Миколаенко	Влияние личности и элиты на суверенитет украинского государства в условиях постмодерна	383
Я.И. Нисанов	Феноменологическая методология М. Шелера и моделирование как методы интеграции знаний о человеке в экономической теории	390
И.И. Рудяк	Дилемма Осипова: право собственности как культурный запрет и воровство как возврат в природное состояние	392

<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о концепции общего блага и профессионально-сословного строя или солидаризма	403
<i>В.А. Супрун</i>	
Возвращение экономического наследия Маркса как преодоление лжи в экономической теории, политике и практике	407
<i>Т.С. Черников</i>	
Развитие классической традиции: неоклассика и неoinституционализм	411
<i>А.Д. Зарецкий</i>	
Философские основания муниципального менеджмента	415
<i>С.С. Нипа</i>	
Задачи реализации потенциала развития хозяйства в постреформенной фазе на примере лесной отрасли	424
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российский вызов развитию России (вместо заключения)	435
<i>Наши авторы</i>	447